

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2022, том 16, № 2 (58)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
Электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
153035, г. Иваново,
ул. Дзержинского, д. 39,
стр. 8

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.06.2022

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуяева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....118

БОБРОВ А. М., МЕЛЬНИКОВА Н. А.

Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права?.....118

ШАМСУНОВ С. Х., МЕРКУРЬЕВ В. В., АГАПОВ П. В., НОВИКОВ А. В., РАДЧЕНКО Т. В., ШЕВЕЛЕВА К. В.

Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования.....127

САРГСЯН А. А.

Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания.....146

АНТОНЯН Ю. М.

Введение в этнокриминологию.....153

КРУГЛИКОВ Л. Л.

Об учете мнения потерпевшего в процессе дифференциации и индивидуализации уголовного наказания.....161

ШАТАЛОВ А. С.

Отличительные особенности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.....166

АКЧУРИН А. В.

Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности.....176

ШУРУХНОВ Н. Г., ДЕЧКИН О. М.

Данные потерпевшего-осужденного: по результатам расследования преступлений, умышленно причиняющих вред жизни и здоровью, совершенных в местах лишения свободы.....185

ГОЛОДОВ П. В.

Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации.....194

СТАРОСТИН С. А., АНИСКИНА Н. В.

Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития.....204

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....213

ГАНИШИНА И. С., РУСАКОВ С. В.

Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима.....213

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....220

МЕЩЕРЯКОВА Е. И., КОВТУНЕНКО Л. В.

Профилактика морального отчуждения курсантов в контексте личностно-развивающего подхода в профессиональном воспитании (на примере профессионального воспитания будущих специалистов уголовно-исполнительной системы).....220

Научная статья

УДК 340.5

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.001

Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права?

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ БОБРОВ

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия,

melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

Реферат

Введение: одним из регуляторов общественных отношений выступает право, представляющее собой общеобязательные, формально определенные, принимаемые в установленном порядке, гарантированные государством правила поведения. Система российского права включает совокупность самостоятельных отраслей. Внутреннее построение системы права имеет свои закономерности, ее развитие обусловлено объективной необходимостью, изменением законодательства и самими общественными отношениями, то есть предметом регулирования. В статье рассматриваются вопросы существования и изменения системы российского права в связи с активным процессом выделения в ней новых отраслей «прогрессивными» юристами. Анализируются имеющиеся в науке взгляды о перспективах признания пенитенциарного права в качестве самостоятельной отрасли, раскрывается этимологическое значение термина «пенитенциарный» для российской действительности. Отмечается, что первоначально существовала наука «тюрьмоведение», которая постепенно трансформировалась в науку «пенитенциарное право». *Цель:* определение содержания пенитенциарного права как одного из направлений научного исследования и опровержение идеи о том, что пенитенциарное право является отраслью российского права. *Методологическую основу* образуют общенаучные и частнонаучные (логико-юридический, сравнительный, системно-структурный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. *Выводы:* авторы приходят к выводу, что пенитенциарное право как самостоятельная отрасль, комплексная отрасль или подотрасль уголовно-исполнительного права так и не сформировано, а попытки его обоснования искусственны и теоретически несостоятельны. Требуется сосредоточить усилия ученых-юристов на проблемах, существующих в рамках традиционных и устоявшихся отраслей права, а не на искусственном тиражировании новых отраслей. При этом в системе научного познания пенитенциарная наука, безусловно, присутствует в качестве сферы исследования представителями различных отраслей права (уголовно-исполнительного, уголовного, административного, гражданского права и т. п.) вопросов, связанных с организацией и функционированием уголовно-исполнительной системы России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : отрасль права; система права; административное право; пенитенциарное право; пенитенциарная наука; предмет и метод правового регулирования; пенитенциарные нормы; пенитенциарные отношения; покаянный; исправительный.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

12.00.14 – Административное право, административный процесс.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Бобров А. М., Мельникова Н. А. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 118–126. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.001.

Original article

Is There Any Reason to Single Out Penitentiary Law in the System of Russian Law?

ARTEM M. BOBROV

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia
Perm State National Research University, Perm, Russia
prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

NATALIA A. MEL'NIKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service,
Vologda, Russia, melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

Abstract

Introduction. Public relations are partly regulated by law, defined as rules of conduct, generally binding, formally defined, accepted in accordance with the established procedure, and guaranteed by the state. The system of Russian law includes a set of independent branches of law. The internal structure of the system of law has its own regularities, its development is conditioned by objective necessity, changes in legislation and social relations themselves, that is, the subject of regulation. The article considers existence and changes in the Russian system of law in connection with active identification of new branches of law in it by “progressive” researchers. The views available in science on the possibility or impossibility of recognizing penitentiary law as a branch are analyzed, and the etymological meaning of the term “penitentiary” for Russian reality is revealed. It is noted that initially there were prison studies, which gradually transformed into the science of penitentiary law. The *purpose* of the article is to define the content of penitentiary law as one of the directions of scientific research and refute the idea that penitentiary law belongs to the branch of Russian law. The *methodological basis* is formed by general scientific and private scientific (logical-legal, comparative, system-structural, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions:* the article authors come to the conclusion that penitentiary law, as an independent branch, complex branch or sub-branch of penal law, has not been formed, and the attempts to substantiate it are artificial and theoretically untenable. It is necessary to focus legal scholars' efforts on the problems existing within traditional and established branches of law, and not on artificial replication of new ones. At the same time, in the system of scientific knowledge, penitentiary science is certainly present as a field of study of issues related to the organization and functioning of the Russian penal system of representatives of various branches of law (penal, criminal, administrative, civil law, etc.).

Keywords: branch of law; system of law; administrative law; penitentiary law; penitentiary science; subject and method of legal regulation; penitentiary norms; penitentiary relations; penitentiary; correctional.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1 Theoretical and historical legal sciences.

12.00.14 – Administrative law, administrative process.

5.1.2 Public legal (state legal) sciences.

For citation: Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 118–126. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.001.

Введение. Право – фундаментальное и живое социальное явление объективной действительности, имманентно отражающее государственную и общественную реальность. Представляя собой упорядо-

ченную систему, оно призвано урегулировать общественные отношения, складывающиеся в различных сферах жизни. В ходе исторического развития права постепенно сформировались его классические от-

расли: уголовное право, административное право, гражданское право. При этом предметы регулирования данных отраслей могут объективно меняться. В частности, это относится к предмету административного права, что обусловлено широтой и разнообразием административных правоотношений, возрастающей ролью охранительной, правозащитной функции отрасли, развитием административной юстиции [13, с. 53; 15, с. 61–66].

Вместе с тем необходимо отметить, что на формирование системы права, выделение ее новых отраслей, несомненно, влияло и, очевидно, будет влиять впредь развитие системы законодательства. Как известно, система права и система законодательства не являются тождественными понятиями. То же можно сказать и об отрасли и науке права. Однако отдельные авторы, к сожалению, их не различают, в результате чего приходят к ошибочному выводу о формировании и существовании новых отраслей права. В качестве примера можно назвать работу К. К. Короблина и А. Б. Остапенко «Разработка концептуальных основ науки пенитенциарного (тюремного) права – тюрьмоведения – как самостоятельной отрасли русского уголовного права (вторая половина XIX – начало XX века)» [8, с. 484], в которой наука пенитенциарного (тюремного) права фактически отождествляется с отраслью права и утверждается, что уже во второй половине XIX в. она рассматривалась не иначе как самостоятельная отрасль русского уголовного права.

Г. Ф. Шершеневич отмечал, что с педагогической точки зрения огромный, все увеличивающийся материал права не допускает одновременного изучения его без разделения на части [31, с. 513–514]. В последние десятилетия какие только новые отрасли права не пытались конструировать, например: рекламное право, спортивное право, транспортное право, инвестиционное право, градостроительное право, служебное право, кадровое право, дисциплинарное право, образовательное право, цифровое право, энергетическое право, потребительское право, медицинское право, антикоррупционное право, природоресурсное право, ядерное право, ювенальное право, деликтное право, антикриминальное право, доказательственное право, биоэтическое право и даже право обращения с животными. И этот перечень не является исчерпывающим. Анализ публикаций в юридической литературе только за последние два десятилетия с уверенностью позволяет назвать уже более ста новых отраслей права. Учитывая огромное число правовых институтов в системе права, можно сделать вывод, что количество новых отраслей, выделяемых на их основе, и дальше будет только увеличиваться в трудах «прогрессивных» юристов. Но что же тогда останется внутри классических отраслей права, и как это будет способствовать пониманию системы права в целом?

В числе прочего для отечественной юриспруденции характерно и выделение так называемых милитаризованных отраслей права, в частности пенитенциарного права [5; 23; 33], военного права [14; 24], миграционного права [3; 25; 27], полицейского права [2; 9; 32]. Вместе с тем даже невооруженным взгля-

дом видно, что все они содержательно относятся к сфере государственного управления в административно-политической сфере, традиционно рассматриваемой в особенной части административного права. Кроме того, в соответствии с ранее действовавшим паспортом специальности 12.00.14 «Административное право, административный процесс» эти вопросы являлись областью административно-правового регулирования, в рамках которой исследуется деятельность по защите безопасности личности, государства и общества. В настоящее время именно из административного права пытаются выделить наибольшее количество новых отраслей или подотраслей права. По нашему мнению, ни один из приведенных примеров не является отраслью или подотраслью права, более того само такое выделение имеет псевдонаучный характер. Готовя профессионального юриста, всегда следует помнить об ответственности перед обществом и государством, поскольку плохой юрист, попавший в «паутину» отраслевых знаний, ничуть не лучше плохого хирурга, ампутировавшего или, наоборот, пришившего не ту часть человеческого тела. Глубоко был прав известный теоретик государства и права Н. И. Матузов, когда писал, что правовой нигилизм и правовой идеализм являются двумя сторонами одной медали [10, с. 4], причем последний является ее наивной стороной, без преодоления которой идея правового государства неосуществима.

Здесь хотелось бы остановиться на имеющем значение для теоретиков и практиков вопросе о возможности выделения в российской системе права пенитенциарного права. Защищать «честь» классических отраслей права необходимо аргументированно, поэтому проанализируем термин «пенитенциарный», а также обратимся к классическим критериям выделения отрасли права – предмету и методу правового регулирования.

Формирование новой отрасли связывают с определенной наукой. Изначально вопросы исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, рассматривались в рамках науки «тюрьмоведение», получившей в дальнейшем название «пенитенциарная наука». По мнению дореволюционного и советского юриста С. В. Позднышева, пенитенциарная наука – достояние нового времени [19, с. 7]. Ее основателем можно считать английского филантропа Джона Говарда. Неоценимый вклад в развитие новой науки также внесли английский философ-утилитарист Иеремиа Бентам (1748–1832) [34] и один из последователей Религиозного общества Друзей, представителей которого именовали также квакерами (от англ. quake – «трепетать»), Уильям Пенни (1644–1718) [35]. По мнению квакеров, основоположников филадельфийской тюремной системы, преступление является богоотступничеством, поэтому преступника необходимо исправлять религиозными средствами путем одиночного заключения в тюрьме, именуемой пенитенциарием (от лат. *penitentarius* – покаянный, исправительный), или домом покаяния, наедине с Богом и Библией [19, с. 7–10]. По мнению Р. А. Ромашова, в контексте такого понимания осуществляется и обратный перевод названия Федеральной службы

исполнения наказаний как «федерального пенитенциарного сервиса» [12, с. 22]. Вместе с тем, как справедливо указывает Т. Н. Демко, термин «пенитенциарный», став привычным в отношении исполнения уголовного наказания, этимологически и по применению в прошлом имеет иные смысловые акценты [7, с. 135].

В дореволюционной России, как и за рубежом, наука об исполнении наказаний в виде лишения свободы именовалась «тюрьмоведение». Одним из первых фундаментальных отечественных трудов начала прошлого столетия, в котором использован термин «пенитенциарная наука», является работа С. В. Познышева «Основы пенитенциарной науки» [19, с. 10], где нет ни слова о пенитенциарном праве. Ничего не говорится об этой отрасли права и в более поздний период. «Пенитенциарная наука» первоначально заменяется сочетанием «наука исправительно-трудового права», а уже в современной России – термином «уголовно-исправительное право». Более того, советская система исполнения наказаний, противопоставляемая системе буржуазной, всячески избегала использования где бы то ни было понятия «пенитенциарный». Интерес к пенитенциарной науке и пенитенциарному праву вновь возникает в трудах современных теоретиков права – представителей ведомственной науки, а также специалистов в области уголовного и уголовно-исполнительного права.

Наиболее значимой и объемной работой начала XXI столетия, «первым в отечественной и мировой практике научным справочным изданием», подготовленным 119 авторами под общей редакцией Р. А. Ромашова, стала «Энциклопедия пенитенциарного права», где наиболее полно в теоретическом отношении обосновывается существование пенитенциарного права [33, с. 14].

Что же представляет собой пенитенциарное право в работах современных авторов? Думается, оптимальный вариант определения предложил Р. Б. Головкин: «это система правовых норм, регулирующих пенитенциарные отношения» [5, с. 25]. Однако, что является пенитенциарными нормами и отношениями, автор не раскрывает. В его интерпретации все сводится к исследованию специфики действия пенитенциарного права на общественные отношения и рассмотрению отдельных аспектов теории и практики данного процесса. Также не удалось найти ответы на вопросы, признает ли автор пенитенциарное право самостоятельной отраслью права или его подотраслью, а также какое место данное явление занимает в системе российского права.

Размышляя над пенитенциарным правом, другой известный представитель уголовно-исполнительной науки – В. А. Уткин, ограничивается рассмотрением понятий пенитенциарных учреждений, под которыми традиционно понимались места лишения свободы (прежде всего тюрьмы), и пенитенциарной системы как системы учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [29, с. 62–63]. Ученый называет пенитенциарное право комплексной отраслью юридических знаний, *но не отраслью права* (курсив наш – А. Б. Н. М.) и фактически отождествля-

ет его с правом лишения свободы. В другой работе В. А. Уткин, выделяя социально-политические периоды развития отечественной науки уголовно-исполнительного права, отождествляет пенитенциарное право с уголовно-исполнительным и исправительно-трудовым правом [28, с. 70]. С подобным подходом не согласен Р. А. Ромашов. По его мнению, «в нормативную общность пенитенциарного права, наряду с нормами и институтами уголовно-исполнительного права, входят нормы уголовного, уголовно-процессуального, конституционного, административного, гражданского, трудового права и других отраслей» [20, с. 215]. Здесь, как видно, вновь возобладали, к сожалению, традиционная для России тенденция, в рамках которой замена одного названия другим (обычно заимствованным из западноевропейских языков) считается средством, способным изменить содержательную природу понятия [23, с. 69].

Вместе с тем стоит отметить, что конституционное право, например, входит в нормативную общность любых отраслей права, а сами по себе юридические отрасли в чистом виде никогда не существовали и существовать не будут.

По мнению С. М. Оганесяна, пенитенциарное право является комплексной отраслью российского права [18, с. 11]. В свою очередь, Р. А. Ромашов относит пенитенциарное право к межотраслевой нормативной общности [9, с. 41], не используя при этом понятие «комплексная отрасль права». С его точки зрения, «пенитенциарное право, в наиболее общем смысле этого понятия, представляет собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую юридические нормы и институты, в которых закрепляются правила возможного, должного, недопустимого поведения субъектов пенитенциарных отношений (пенитенциарные правовые нормы), определяются основополагающие принципы и механизмы их реализации, устанавливаются меры поощрения за позитивное поведение и негативной ответственности за совершение правонарушений» [22, с. 204].

Следует подчеркнуть, что в российском законодательстве не встречаются такие понятия, как пенитенциарное право, пенитенциарная система и др. Это позволяет сделать вывод о явной поспешности наименования данной правовой общности отраслью из-за личных амбиций некоторых авторов, искусственно усложняющих сложившуюся и выдержавшую проверку временем систему российского права. Справедливости ради нужно сказать, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, термин «пенитенциарный» встречается шесть раз. В основном он используется применительно к опыту деятельности пенитенциарных служб и систем иностранных государств, а также международному сотрудничеству в пенитенциарной сфере. Очевидно, что здесь толкование термина «пенитенциарный» однозначно и не предполагает других смысловых вариантов, кроме как служба исполнения уголовных наказаний [7, с. 137].

В ведомственных образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации нет учебной дисциплины, именуемой «Пенитенциарное право». Также не было и нет такой специальности в новой номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени [16].

Однозначно ошибочной в теоретическом отношении следует признать попытку рассматривать пенитенциарное право в качестве подотрасли уголовно-исполнительного права [4; 24; 26]. То же можно сказать и о позиции Ю. А. Головастовой, которая полагает, что в перспективе с учетом развития отраслевой структуры можно говорить о существовании еще двух подотраслей уголовно-исполнительного права: «альтернативно-пенитенциарное право» и «альтернативно-пенальное право» [4, с. 87]. С подобными теоретическими конструкциями согласиться нельзя. Уголовно-исполнительное право представляет собой сравнительно небольшую по объему отрасль права, не являющуюся самостоятельной.

Проблема выделения пенитенциарного права неразрывно связана с определением элементов системы права вообще. Как известно, в основу деления права на отрасли традиционно положены такие объективные критерии, как предмет и метод правового регулирования. По мнению С. С. Алексеева, для каждой отрасли права помимо юридического своеобразия (особого метода регулирования), специфического предмета регулирования характерным признаком являются структурные особенности [1, с. 131]. Деление права на отрасли, в основу которого положены такие критерии, как предмет и метод правового регулирования, является наиболее стройным и логичным для конструирования системы права. Отказ от данной модели требует серьезных доводов и весомых аргументов. Полностью разделяем позицию А. А. Гришкова о том, что «наряду с этими вполне объективными критериями известны и субъективные критерии образования отраслей права, которые, особенно в последнее время, используются современными авторами при обосновании предлагаемых ими новых отраслей права (например, наличие кодифицированного нормативного правового акта, юридическая ответственность, субъекты права и др.)» [6, с. 55]. Именно это влечет за собой необоснованное выделение все новых и новых отраслей права. Предмет правового регулирования является первоочередным критерием выделения отрасли права, под которым понимаются общественные отношения, образующие в силу их специфики особые системы связи между юридическими нормами [17, с. 136].

По мнению Р. А. Ромашова, предмет пенитенциарного права носит комплексный характер, объединяющий институты и отношения, урегулированные нормами различных правовых отраслей [9, с. 145]: пенитенциарные институты (материальные и процессуальные) и пенитенциарные отношения (публичные и частные) либо общественные отношения в сфере пенитенциарной жизнедеятельности [9, с. 48–49].

И здесь закономерно возникает вопрос: в чем заключаются специфика и уникальность предмета выделяемого некоторыми учеными пенитенциарного

права? На наш взгляд, таковые в данном случае отсутствуют. Урегулированные нормами права соответствующие общественные отношения относятся к конституционному, административному, уголовному, гражданскому праву. Конечно, во многом они переплетаются, но при этом остаются в пределах соответствующих отраслей.

По мнению Ю. А. Головастовой, предмет правового регулирования пенитенциарного права как подотрасли уголовно-исполнительного права включает в себя совокупность общественных отношений, «которые упорядочивают часть предмета уголовно-исполнительного права, а именно: исполнение и отбывание уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества; применение к осужденным, находящимся в изоляции от общества, средств исправления; обеспечение жизнедеятельности осужденных, находящихся в изоляции от общества». Кроме того, весьма малоубедителен довод о том, что «предмет пенитенциарного права составляет часть направления общественных отношений, регулирующих исключительно исполнение уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества, а за его пределами остаются нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие исполнение (отбывание) уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовно-правового характера» [4, с. 87–90]. Такое понимание предмета выглядит крайне неубедительно. В настоящее время указанные отношения входят в предмет уголовно-исполнительного права, которое явно не перегружено по сравнению с другими устоявшимися отраслями права.

По справедливому мнению С. С. Алексеева, понятие «предмет правового регулирования» охватывает системообразующие факторы в обобщенном, суммарном виде. При более детальном анализе структуры права оказывается необходимым дифференцированно подходить к обстоятельствам, входящим в предмет регулирования, выделяя, в частности, содержание и характер поведения, положение субъектов, объекты, условия возникновения и функционирования отношений и др. [1, с. 135].

Второй объективный критерий выделения отрасли права в системе права – особый метод правового регулирования. Самостоятельный предмет отрасли будет образовывать лишь тот вид общественных отношений, который требует уникального метода регулирования. Для признания совокупности юридических норм отраслью права необходим такой качественно специфический вид общественных отношений, который в данных условиях объективно требует юридически своеобразной правовой регламентации, причем при помощи особого метода [1, с. 133]. В пенитенциарном праве методом правового регулирования Р. А. Ромашов называет комплекс применяемых в иных отраслях права методов, причем как императивных (методы уголовного преследования и правосудия, властного администрирования, материального и процессуального правоограничения и др.), так и диспозитивных (юридического сопровождения и защиты прав и законных интересов осужденных, договорного регулирования в сфере образовательных отношений, ресоциализации и постпенитенциарной адаптации

и др.) [11, с. 48]. Не вдаваясь в названия методов, необходимо отметить, что и в этом критерии нет какой-либо уникальности. Анализ различных точек зрения по поводу выделения пенитенциарного права позволяет сделать однозначный вывод о том, что такой отрасли права не существует и быть не может, поскольку нет самих пенитенциарных отношений. В свое время классик теории права С. С. Алексеев верно заметил, что «реально существующие виды общественных отношений не допускают использования различных методов, они объективно требуют только одного, точно определенного правового метода» [1, с. 136].

Выводы

Таким образом, есть все основания однозначно заключить, что у выделяемого некоторыми учеными пенитенциарного права нет ни собственного предмета, ни метода регулирования. Все предложения об его обособлении в системе права сводятся к комплексному пониманию содержания, которое одновременно имеет как публично-правовую, так и частноправовую составляющие. Такого рода новелла, весьма сомнительная в плане теоретической состоятельности, не только не способствует развитию юридической науки, а, напротив, серьезно тормозит, поскольку не позволяет четко определить природу исследуемого явления. Кроме того, в одном из развернутых определений пенитенциарного права Р. А. Ромашов явно непоследователен. В одном случае пенитенциарное право, по его мнению, представляет собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую юридические нормы и институты, в которых закрепляются правила возможного, должного, недопустимого поведения субъектов пенитенциарных отношений (пенитенциарные правовые нормы), определяются основополагающие принципы и механизмы их реализации, устанавливаются меры поощрения за позитивное поведение и *негативной ответственности за совершение правонарушений* (курсив наш – А. Б, Н. М.) [33, с. 28]. В другом случае Р. А. Ромашов говорит, что «в качестве пенитенциарных правоотношений следует рассматривать только позитивные (с точки зрения правовой оценки) формы коммуникаций. Противоправные отношения, выражающиеся в правонарушениях, рассматриваются в качестве юридических фактов, обуславливающих возникновение охранительных правоотношений в сфере юридической ответственности» [23, с. 73]. Разграничивая пенитенциарные правоотношения и

правонарушения в пенитенциарной сфере, ученый использует термин «пенитенциарные правоотношения охранительной направленности», являющиеся следствием факта пенитенциарного правонарушения [21, с. 47–54]. В результате остается непонятно, являются ли отношения, возникающие в уголовно-исполнительной системе в связи с противоправными деяниями, пенитенциарными или они не входят в предмет пенитенциарного права?

В заключение хотелось бы отметить следующее. Право – это не только достояние общества, динамично развивающееся вместе с государством, но и достаточно консервативное социальное явление. Оно не должно видоизменяться лишь в угоду чьим-либо политическим, идеологическим, ведомственным, теоретическим и каким-то бы ни было иным сомнительным, тем более псевдонаучным амбициям. Право – это гарантия цивилизованных отношений между людьми. Не умаляя вклада в развитие пенитенциарной науки цитируемых выше авторов, считаем, есть основания полагать, что ни в настоящее время, ни в отдаленной перспективе нет оснований выделять пенитенциарное право в качестве ни новой отрасли, ни подотрасли права. Несостоятельность данной теоретической конструкции подтверждается тем, что представители академической и вузовской науки теории права и государства не поддержали ведомственную концепцию, более того, даже не обратили на нее внимания. Думается, рассматривать пенитенциарное право в системе права если и возможно в каком-то виде, то это следует делать в рамках государственного управления в административно-политической сфере, которое входит в особенную часть административного права. Представляется правильным сконцентрировать научную мысль, в том числе ведомственную, не на бесконечном расширении правовых отраслей, а на проблемах, существующих в рамках классических отраслей права. Например, административное право остается самой несистематизированной отраслью российского права, где даже вопросы общей части остаются слабо разработанными (так, административные правовые отношения на доктринальном уровне во многом остаются неизученными). В рамках уголовно-исполнительного права также необходимо развивать основные положения, связанные с исполнением уголовных наказаний, а не заменять или смешивать уголовно-исполнительные правоотношения с административно-правовыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций / С. С. Алексеев // Собрание сочинений. В 10 томах [+ Справочный том]. Том 3. – Москва : Статут, 2010. – 781 с. – ISBN 978-5-8354-0672-2.
2. Бельский, К. С. Полицейское право : курс лекций / К. С. Бельский. – Москва : Дело и Сервис, 2004. – 814 с. – ISBN 5-8018-0239-8.
3. Вокуев, М. Р. Миграционное право современной России: теоретико-правовой анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Вокуев Муса Рукманович. – Ростов-на-Дону, 2006. – 28 с.
4. Головастова, Ю. А. Пенитенциарное право как подотрасль уголовно-исполнительного права / Ю. А. Головастова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 87–90.
5. Головкин, Р. Б. Пенитенциарное право: некоторые аспекты теории и практики его действия / Р. Б. Головкин // Российская пенитенциарная система: актуальные правовые и практические вопросы. – 2014. – № 1. – С. 25–32.
6. Гришкова, А. А. К вопросу о так называемом «административно-деликтном праве» / А. А. Гришкова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – № 1 (53). – С. 54–61.

7. Демко, Т. Н. Средневековые пенитенциалии и пенитенциарная служба: пересечение смыслов / Т. Н. Демко // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 1 (42). – С. 135–144.
8. Кораблин, К. К. Разработка концептуальных основ науки пенитенциарного (тюремного) права – тюрьмоведения – как самостоятельной отрасли русского уголовного права (вторая половина XIX – начало XX века) / К. К. Кораблин, А. Б. Остапенко // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Том 15, № 4. – С. 484–494.
9. Матвеев, С. П. Полицейское право : учебник для вузов / С. П. Матвеев. 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2021. – 269 с. – ISBN 5-5341-4343-6.
10. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3–16.
11. Международные стандарты и решения Европейского суда по правам человека в системе пенитенциарного права России / А. Г. Шестун, В. В. Базунов, А. Ю. Беляков и др. / под общей редакцией А. А. Вотинова, Е. А. Тимофеевой. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. – 285 с. – ISBN 978-5-91612-118-6.
12. Международные стандарты обращения с заключенными при исполнении уголовных наказаний : монография / [Н. Н. Кирилловская и др.] / под общей редакцией Р. А. Ромашова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2020. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-537-0.
13. Мельникова, Н. А. Перспективы развития административной юстиции в Российской Федерации / Н. А. Мельникова, А. А. Житков // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2017. – № 2 (25). – С. 51–57.
14. Мигачев, Ю. И. Военное право : учебник / Ю. И. Мигачев, С. В. Тихомиров. – Москва : Юрлитинформ, 2005. – 462 с. – ISBN 5-93295-123-0.
15. Нагорных, Р. В. Трансформация предмета административного права в условиях становления административного конституционализма в современной России / Р. В. Нагорных // Научные труды. Российская академия юридических наук. – Москва : Юрист, 2020. – С. 61–66.
16. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093 : приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/001202104060043> (дата обращения: 12.12.2021).
17. Общая теория права и государства : учебник / под редакцией В. В. Лазарева. – Москва : Юрист, 1994. – 360 с.
18. Оганесян, С. М. Пенитенциарная система государства: историко-теоретический и правовой анализ : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Оганесян Степан Мхитарович. – Санкт-Петербург, 2005. – 554 с.
19. Позднышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Позднышев. – Москва : Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 342 с.
20. Ромашов, Р. А. Поощрительные санкции в нормах пенитенциарного права / Р. А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 2014. – № 4 (315). – С. 213–224.
21. Ромашов, Р. А. Теория пенитенциарного правоотношения / Р. А. Ромашов // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 4 (18). – С. 47–54.
22. Ромашов, Р. А. Тюрьма как «Град земной» / Р. А. Ромашов, Е. Н. Тонков. – Санкт Петербург : Алетейя, 2014. – 656 с. – ISBN 978-5-90670-534-1.
23. Ромашов, Р. А. Уголовно-исполнительное и пенитенциарное право: теоретические аспекты понимания и соотношения / Р. А. Ромашов // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 3 (17). – С. 69–73.
24. Савенков, А. Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А. Н. Савенков, А. В. Кудашкин // Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 7–34.
25. Спицнадель, В. Б. Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Спицнадель Владимир Борисович. – Санкт Петербург, 2004. – 50 с.
26. Степанов, А. В. Миграционное право как новое структурное формирование в системе права Российской Федерации: за и против (анализ точек зрения) / А. В. Степанов // Административное право и процесс. – 2014. – № 11. – С. 32–35.
27. Стручков, Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части / Н. А. Стручков. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 240 с.
28. Уткин, В. А. Отечественная наука уголовно-исполнительного права: очерк истории / В. А. Уткин // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 69–77.
29. Уткин, В. А. Пенитенциарное право как «право лишения свободы» / В. А. Уткин // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : сборник научных трудов. – Красноярск : Красноярская высшая школа МВД России, 1998. – С. 62–63.
30. Хабриева, Т. Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование : монография. – Москва : ИЗиСП, 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-9516-0858-1.
31. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. В 4 томах. Том 1 / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Издание Братьев Башмаковых, 1910. – 805 с.
32. Шпилевский, М. М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения / М. М. Шпилевский. – Одесса : Типография Ульриха и Шульце, 1875. – 196 с.
33. Энциклопедия пенитенциарного права=The encyclopedia of penitentiary law / под общей редакцией Р. А. Ромашова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. – 688 с. – ISBN 978-5-91612-057-8.
34. Bentham, J. Theorie des peines et des recompenses. Tome 2 / par M. Jeremie Bentham ; redigee en francois, d'apres les manuscrits, par M. Et. Dumont. – De l'imprimerie de Vogel et Schulze, 1811. – 368 с.
35. Penn, W. A Collection of the Works of William Penn. Volume 2 / William Penn. – London : J. Sowle, 1726. – 783 p.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: course of lectures. In: *Sobranie sochinenii. V 10 tomakh [+ Spravochnyi tom]. Tom 3* [Collected works. In 10 volumes [+ Reference volume]. Volume 3]. Moscow: Statut, 2010. 781 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8354-0672-2.
2. Bel'skii K.S. *Politseiskoe pravo: leksion. kurs* [Police law: course of lectures]. Moscow: Delo i Servis, 2004. 814 p. ISBN 5-8018-0239-8.
3. Vokuev M.R. *Migratsionnoe pravo sovremennoi Rossii: teoretiko-pravovoi analiz: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk* [Migration law of modern Russia: theoretical and legal analysis: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov on Don, 2006. 28 p.
4. Golovastova Yu.A. Penitentiary law as a sub-branch of the criminal-executive law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 2, pp. 87–90. (In Russ.).
5. Golovkin R.B. Penitentiary law: some aspects of the theory and practice of its operation. *Rossiiskaya penitentsiarnaya sistema: aktual'nye pravovye i prakticheskie voprosy=Russian Penitentiary System: Current Legal and Practical Issues*, 2014, 1, pp. 25–32. (In Russ.).
6. Grishkovets A.A. On the issue of the so-called “administrative-tort law”. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii=Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (53), pp. 54–61. (In Russ.).
7. Demko T.N. Medieval penitentiales and penitentiary service: intersection of meanings. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2018, no. 1 (42), pp. 135–144. (In Russ.).
8. Korablin K.K., Ostapenko A.B. Developing the conceptual foundations for the science of penitentiary (prison) law - prison studies - as an independent branch of russian criminal law (second half of the XIX - beginning of the XX century). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 484–494. (In Russ.).
9. Matveev S.P. *Politseiskoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Police law: textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2021. 269 p. ISBN: 5-5341-4343-6.
10. Matuzov N.I. Legal nihilism and legal idealism as two sides of the “same coin”. *Pravovedenie=Legal Science*, 1994, no. 2, pp. 3–16. (In Russ.).
11. Shestun A.G., Bazunov V.V., Belyakov A.Yu. *Mezhdunarodnye standarty i resheniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v sisteme penitentsiarnogo prava Rossii* [International standards and decisions of the European Court of Human Rights in the system of penitentiary law of Russia]. Ed. by A.A. Votnova, E.A. Timofeeva. Samara, 2015. 285 p. ISBN 978-5-91612-118-6.
12. Kirillovskaya N.N. *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s zaklyuchen-nymi pri ispolnenii ugovolnykh nakazanii: monografiya* [International standards for treatment of prisoners when executing criminal penalties: monograph]. Ed. by R.A. Romashov. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2020. 186 s. ISBN 978-5-94991-537-0.
13. Mel'nikova N.A., Zhitkov A.A. Prospects for the development of administrative justice in the Russian Federation. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii=Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2017, no. 2 (25), pp. 51–57. (In Russ.).
14. Migachev Yu.I., Tikhomirov S.V. *Voennoe pravo: uchebnik* [Military law: textbook]. Moscow: Yurilitinform, 2005. 462 p. ISBN 5-93295-123-0.
15. Nagornyykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow: Yurist, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
16. *Ob utverzhdenii nomenklatury nauchnykh spetsial'nostei, po kotorym prisuzhdayutsya uchenye stepeni, i vneseniya izmeneniya v polozhenie o soвете po zashchite dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoi stepeni doktora nauk, utverzhdennoe prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 10.11.2017 № 1093: prikaz Minobrnauki Rossii ot 24.02.2021 № 118* [On approval of the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, and amendments to the Regulations on the Council for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093: order of the Ministry of Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed December 12, 2021).
17. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [General theory of law and state: textbook]. Ed. by V.V. Lazarev. Moscow: Yurist, 1994. 360 p.
18. Oganesyanyan S.M. *Penitentsiarnaya sistema gosudarstva: istoriko-teoreticheskii i pravovoi analiz: dis.... d-ra. yurid. nauk* [The penitentiary system of the state: historical, theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2005. 554 p.
19. Pozdnyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 1923. 342 p.
20. Romashov R.A. Incentive sanctions in the norms of penitentiary law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie=News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 4 (315), pp. 213–224. (In Russ.).
21. Romashov R.A. Theory of penitentiary legal relations. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 4 (18), pp. 47–54. (In Russ.).
22. Romashov R. A., Tonkov E. N. *Tyur'ma kak “Grad zemnoi”* [Prison as an “earthly city”]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2014. 656 p. ISBN 978-5-90670-534-1.
23. Romashov R.A. Penal and penitentiary law: theoretical aspects of understanding and correlation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3. (17), pp. 69–73. (In Russ.).
24. Savenkov A.N., Kudashkin A.V. Military Law: statement of the problem and solutions. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 2021, no. 4, pp. 7–34. (In Russ.).

25. Spitsnadel V.B. *Genezis ugolovno-ispolnitel'nogo prava v kontekste stanovleniya i evolyutsii penitentsiarnoi sistemy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Genesis of penal law in the context of the formation and evolution of the Russian penitentiary system: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2004. 50 p.
26. Stepanov A.V. Migrational law as a new structural formation in the system of law in the Russian Federation: pro et contra (analysis of viewpoints). *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Procedure*, 2014, no. 11, pp. 32–35. (In Russ.).
27. Struchkov N.A. *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: Problemy obshch. chasti* [Course of correctional labor law: problems of general parts]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984. 240 p.
28. Utkin V.A. Russian science of penal law: a historical essay. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. (In Russ.).
29. Utkin V.A. Penitentiary law as “the right for deprivation of liberty”. In: *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimeritel'noi praktiki : sbornik nauchnykh trudov* [Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice: inter-university collection of scientific works]. Krasnoyarsk, 1998. Pp. 62–63. (In Russ.).
30. Khabrieva T.Ya. *Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya* [Migration law: comparative legal research: monograph]. Moscow: IZiSP, 2019. 400 p. ISBN 978-5-9516-0858-1.
31. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava. V 4 tomakh. Tom 1* [General theory of law. In 4 volumes. Volume 1]. Moscow: Izdanie Brat'ev Bashmakovykh, 1910. 805 p.
32. Shpilevskii M.M. *Politseiskoe pravo kak samostoyatel'naya otlasl' pravovedeniya* [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Odessa: tipografiya Ul'rikha i Shul'tse, 1875. 196 p.
33. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava* [Encyclopedia of penitentiary law]. Ed. by R. A. Romashov. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2013. 688 p. ISBN 978-5-91612-057-8.
34. Bentham J. *Theorie des peines et des recompenses. Tome 2* [Theory of penalties and rewards. Volume 2], 1811. 368 p. (In French).
34. Penn W. *A collection of the works of William Penn. Volume 2*. London: J. Sowle, 1726. P. 783.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ БОБРОВ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, доцент кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия, prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

ARTEM M. BOBROV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, associate professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Perm State National Research University, Perm, Russia, prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

NATALIA A. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

Статья поступила 27.01.2022

Научная статья

УДК 341.482

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002

Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ

Центр обеспечения учебно-воспитательной работы ФСИН России, Москва, Россия, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ МЕРКУРЬЕВ

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АГАПОВ

Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, kafedraup212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1836-1536>

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ НОВИКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА РАДЧЕНКО

Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШЕВЕЛЕВА

Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

Реферат

Введение. Статья посвящена анализу проблем подложности исторических фактов и фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В настоящее время международная полемика о роли СССР, его армии во Второй мировой войне, советском вкладе в победу над фашизмом, значении итогов войны резко обострилась. Попытки переписать историю войны, принизив значение Советской армии, связаны с желанием ряда стран Запада дискредитировать Российскую Федерацию на международной арене. Россия как правопреемница СССР обязана сохранять историческую правду о событиях Великой Отечественной войны, в связи с чем на государственном уровне проводится соответствующая политика. В 2014 г. в УК РФ введена ответственность за «фальсификацию исторических сведений, установленных приговором Международного военного трибунала», то есть норма ограничена лишь фактами, установленными в Нюрнберге. В этой связи исследование уголовно-правовых аспектов охраны исторической памяти является актуальным с точки зрения развития уголовного законодательства. *Цель:* обоснование расширения уголовной ответственности за фальсификацию исторических сведений о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн. *Результаты исследования:* социологическое исследование позволило выявить общественное мнение по поводу установления уголовно-правовой охраны исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, по итогам определен вектор законодательных инициатив. *Выводы:* способы защиты истории Второй мировой и Великой Отечественной войн нуждаются в совершенствовании на уровне уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на историческое наследие Российской Федерации. В частности, требуется включение в УК РФ новой специальной нормы, способной защитить не только факты, установленные Международным военным трибуналом, но и ряд других, подтвержденных официальными историческими источниками.

Ключевые слова: уголовная ответственность; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; фальсификация истории; историческая память.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шамсунов С. Х., Меркурьев В. В., Агапов П. В., Новиков А. В., Радченко Т. В., Шевелева К. В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 127–145. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002.

Original article

Protected by Criminal Law, Historical Memory of the Peoples of the Russian Federation of the World War II and the Great Patriotic War: Experience of Sociological Research

SALIKH KH. SHAMSUNOV

Center for Providing Educational Work of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>

VIKTOR V. MERKUR'EV

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

PAVEL V. AGAPOV

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kafedraup212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

ALEKSEI V. NOVIKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

TAT'YANA V. RADCHENKO

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

KSENIYA V. SHEVELEVA

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

Abstract

Introduction: the article analyzes problems of falsification of historical facts and history of the Great Patriotic War. Nowadays, the international public debate is devoted to the role of the USSR, its army in World War II, their contribution to the victory over fascism, and significance of the results of the Great Patriotic War. Attempts to rewrite the history of the war, diminishing the importance of the Soviet army, are connected with the desire of certain Western countries to discredit the Russian Federation in the international arena. Russia, as the successor of the USSR, is obliged to preserve historical truth about events of the Second World War; therefore, the policy of protecting it is being carried out at the state level. In 2014, the Criminal Code of the Russian Federation introduced liability for “falsification of historical information established by the verdict of the International Military Tribunal”, but the norm is limited only to the facts established by the International Military Tribunal in Nuremberg. In this regard, the study of criminal-legal aspects of protecting historical memory is relevant from the point of view of criminal legislation development. *Purpose:* to substantiate the expansion of criminal liability for falsification of historical information about events of the Second World War and the Great Patriotic War. *Research results:* in order to consider the proposed issue, the authors conducted a sociological study to identify respondents' opinion on establishment of

criminal protection of historical memory of the events of the Second World War and determined a vector of legislative initiatives afterwards. *Conclusions*: the ways to protect history of the Great Patriotic War require improvement of criminal law norms providing for liability for encroachments on historical heritage of the Russian Federation, in particular, by including in the Criminal Code of the Russian Federation a new special norm capable of protecting not only the facts established by the International Military Tribunal, but also a number of others confirmed by official historical sources.

Key words: criminal liability; World War II; Great Patriotic War; falsification of history; historical memory.

12.00.01 – Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal enforcement law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shamsunov S.Kh., Merkur'ev V.V., Agapov P.V., Novikov A.V. Radchenko T.V., Sheveleva K.V. Protected by criminal law, historical memory of the peoples of the Russian Federation of the world war ii and the great patriotic war: experience of sociological research. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 127–145. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002.

Памяти защитников Отечества посвящается

Постановка проблемы

В конце XX в. геополитическая обстановка в мире значительно изменилась, чему, в первую очередь, способствовал распад СССР. Перестановка сил на международной арене привела к однополярному миру с гегемонией США и их союзников, которые стремятся закрепить свое превосходство во всех сферах общественной жизни.

Взяв курс на тотальную гегемонию, политики западных стран предпринимают все усилия для укрепления своих позиций, в том числе и путем определенного переформатирования исторического сознания народов, в первую очередь проживающих на территории бывшего Советского Союза. Важнейшей составляющей подобной политики является стремление руководства США и их сателлитов навязать народам планеты свой далекий от объективности взгляд на причины, характер, события и последствия Второй мировой войны, а главное, на место и роль СССР в данном масштабном военном конфликте. Апофеозом тоталитарного подхода к историческому прошлому, активного вмешательства государственных институтов в научные споры и дискуссии историков стали резолюции Европейского сообщества. Так, 19 сентября 2019 г. в ознаменование 80-летия начала Второй мировой войны европейские парламентарии утвердили текст документа (резолюции), осуждающего СССР и нацистскую Германию за развязывание Второй мировой войны. Кроме того, в нем Советский Союз обвиняется в строительстве «диктатуры» в восточноевропейских странах в послевоенный период. Иначе говоря, на Советский Союз перекладывается ответственность за начало войны, СССР из жертвы войны превращается в ее виновника. Освобождение мира от фашизма представлено в резолюции как победа одного тоталитарного государства над другим – общественное явление не прогрессивного, а регрессивного характера.

Не вдаваясь в историческую полемику, на наш взгляд, следует обратить внимание на иные аспекты последствий подобной политики.

Во-первых, переоценка места и роли СССР во Второй мировой войне неминуемо повлечет за собой желание трансформировать созданную в 1945 г. систему международной безопасности, а также позволит подвести теоретическую базу под стремление англо-саксонских политических сил изменить территориальные границы государств, сложившиеся в результате победы стран Антигитлеровской коалиции над фашистским блоком в 1939–1945 гг. Тем самым народы Земли могут быть вновь ввергнуты в мировую войну, итогом которой неминуемо станет уничтожение человеческой цивилизации.

Во-вторых, переформатирование исторического сознания будет способствовать консервации недемократических форм сложившегося в настоящее время мироустройства, создаст затруднения в строительстве многополярной системы международных отношений, о необходимости которой говорят сегодня многие прогрессивные политики.

В-третьих, переписывание истории привело к активизации неонацистских сил в мире, особенно в Восточной Европе, в отдельных государствах бывшего СССР (Украина, Грузия, Литва, Латвия, Эстония). Эти силы стремятся взять исторический реванш, развязывают локальные военные конфликты (Донбасс, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье), культивируют ненависть и вражду между народами.

В-четвертых, политически ангажированный взгляд на историческое прошлое, закреплённый в важнейших нормативных правовых актах Европарламента, потенциально ущемляет политические права Российской Федерации как субъекта Организации Объединенных наций (ООН), создает юридические предпосылки для дискриминации граждан России на международной арене. Все эти возможные последствия, некоторые из которых уже являются фактами действительности, требуют всестороннего анализа и, по нашему мнению, юридического противодействия.

Российская Федерация в лице законодательной и исполнительной власти осознает опасность

вмешательства политических сил в процесс переформатирования исторического сознания народов России. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов страны на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития. Попытки фальсификации российской и мировой истории являются одним из способов размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабления единства многонационального народа Российской Федерации, что представляет угрозу национальной безопасности.

Тем самым недвусмысленно определен истинный смысл общественно опасной деятельности, которую осуществляют лица, глумящиеся над памятью нашего народа, в том числе путем фальсификации исторических фактов о деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны.

В целях противодействия вытеснению нашей страны на мировую обочину, дестабилизации обстановки внутри государства усилиями внешних сил в России установлен правовой режим охраны исторической памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн. «В российской правовой традиции правовая охрана подразумевает установление общего правового режима для определенных общественных отношений. Правовая охрана осуществляется постоянно. Правовая защита – это режим, который включается в случае нарушения охраняемых отношений, прав и свобод. В контексте охраны и защиты исторической памяти эти правовые режимы подразумевают, что должны быть определены объекты охраны (материальные и нематериальные), должен обеспечиваться режим поддержания исторической памяти; должна быть установлена ответственность за нарушение режима охраны исторической памяти» [7].

Ключевым документом для формирования режима охраны исторической памяти в целом является Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., в преамбуле которой обосновывается необходимость сохранения многонационального государственного единства нашей страны, а также воспитания молодежи в почитании предыдущих поколений, «передавших нам любовь и уважение к Отечеству». Статья 44 обязывает каждого человека, находящегося на территории страны, заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Главный закон государства прямо устанавливает охрану исторической памяти посредством уважения к подвигам, совершенным предыдущими поколениями, как обязательство, реализуемое гражданами Российской Федерации. А поскольку со стороны внешних сил наблюдается произвольная, а порой и ложная трактовка событий Великой Отечественной войны, законодателями принято решение о включении в Конституцию

Российской Федерации поправок, принятых в качестве закона от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Помимо Основного закона страны правовую защиту исторической памяти народов Российской Федерации о событиях 1941–1945 гг. обеспечивают федеральные законы от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», от 07.05.2007 № 68-ФЗ «О Знамени Победы», от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» и др. Режим охраны исторического наследия устанавливает Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Вместе с тем многочисленные случаи фальсификации и переписывания истории Великой Отечественной войны укрепили мнение российских государственных структур о невозможности допущения посягательств на историческое наследие страны, сделав защиту исторической правды приоритетным направлением государственной политики.

Создание Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в 2009 г. стало превентивной мерой нераспространения ложной информации о деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны. И хотя часть ученых восприняли данную меру как попытку формирования государственной идеологии и вмешательства в науку, сам факт борьбы с фальсификацией исторических фактов получил поддержку. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного после создания комиссии, большинство осведомленных (78 %) положительно оценили этот шаг Президента Российской Федерации, сочтя его своевременной мерой. При этом в защите от фальсификации, искажения истории нуждалась, по мнению опрошенных, прежде всего Великая Отечественная война (34 %) [23].

С 2010-х гг. политика защиты исторической памяти в Российской Федерации приобрела многосторонний характер, что выразилось в создании Российского исторического общества (РИО), Российского военно-исторического общества (РВИО), принятии ряда законов, охраняющих объекты исторического наследия страны. В это же время появился национальный проект «Без срока давности» и была поддержана общественная инициатива по проведению ежегодной акции «Бессмертный полк». Выступая 2 июля 2020 г. на заседании Российского организационного комитета «Победа», Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил: «Память, которая бережно передается у нас из поколения в поколение, – самая прочная гарантия того, что мы все вместе никогда не позволим переименовать значение и итоги Победы, умалить подвиг советских

людей, которые отстояли Родину и спасли народы Европы, понесли невосполнимые – и не только боевые – потери» [26].

Обеспечение безопасности граждан, защита их от преступных посягательств на историческое наследие обусловили введение в 2014 г. уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (ст. 354 УК РФ). Нарушение закона, запрещающего оправдывать нацизм, распространять заведомо ложные сведения о деятельности СССР в военное и послевоенное время, а также ряд деяний, совершаемых с целью выразить явное неуважение к общественной памяти, нашли свое выражение в объективной стороне рассматриваемого преступления, которая формулируется следующим образом:

1) отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси Берлин – Рим, совершенное публично;

2) одобрение преступлений, установленных указанным приговором;

3) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично;

4) распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

5) осквернение символов воинской славы России;

6) оскорбление памяти защитников Отечества;

7) унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Ответственность за перечисленные деяния введена в целях устранения законодательного пробела – отсутствия уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за одобрение преступлений, предусмотренных Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси Берлин – Рим. Появление данной нормы, на наш взгляд, явилось своевременным шагом, поскольку способы совершения подобных преступлений стали более изощренными, посягающими на безопасность всего общества.

В 2013 г. по делу о реабилитации нацизма прошел первый судебный процесс. Обвиняемым по статье стал гражданин Л., опубликовавший 24 ноября 2013 г. на личной странице социальной сети «ВКонтакте» статью под названием «15 фактов о бандеровцах, или о чем молчит Кремль». Согласно статистике публикации увидело более 20 пользователей. Сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации было возбуждено уголовное дело. В материалах дела говорилось, что гражданин, совершив репост статьи, распространил «заведомо ложные сведения» о деятельности СССР в годы Второй мировой войны (Архив Семеновского районного суда Нижегородской области. Уголовное дело № 1-55/2013). Отметим, что процесс проходил в период, когда на Украине был совершен государственный переворот и неонацистские идеи стали активно внедряться в практику государственного строительства на постсоветском пространстве.

Между тем при наличии достаточно широкой нормативной базы по сохранению исторической памяти ни один из ныне действующих правовых актов не закрепляет данного понятия. Вообще феномен исторической памяти является одной из самых малоисследованных в юриспруденции сфер общественного сознания. Существующее положение дел вряд ли может считаться приемлемым, особенно в ситуации, когда российский социум подвергается атаке в отношении собственной истории, а также находится в состоянии интенсивного поиска путей сохранения своей исторической идентичности.

С научной точки зрения понятие «историческая память» не поддается однозначной расшифровке. Зарубежные социологи рассматривают память как явление и индивидуальное, и коллективное. Так, Дж. Г. Мид определяет память как феномен индивидуального сознания, находящийся в «глубинах духа» и являющийся хранилищем «следов» и «отпечатков» к пониманию того, что содержание памяти и ее внутренняя организация определяются снаружи посредством инструментов, которые предоставляют культурой, господствующими нормами, социально-политическим контекстом и т. д. [18, с. 119]. Индивидуальная память в совокупности формирует коллективную форму посредством общих воспоминаний вместе пережитых событий. Э. Ренан отмечал, что существование нации невозможно без общих воспоминаний, хотя и происходит коллективное забвение некоторых моментов прошлого [1, с. 113–116].

Отечественными учеными также исследовалось понятие и содержание исторической памяти. Многие из них рассматривают историческую память в контексте исторического сознания. К примеру, М. А. Барг говорил, что «общественное сознание является историческим не только потому, что его содержание со временем совершенствуется и прогрессирует, но и так как определенной своей стороной оно «обращается» к прошлому, «погружается» в историю» [2, с. 59]. Л. П. Репина считает, что «в основе всякого описания истории есть историческое сознание, которое объединяет настоящее и прошлое, которые, в свою очередь, затем проецируются в будущее» [21, с. 119]. В целом исследователи говорят об исторической памяти как индивидуальной памяти отдельного субъекта, которая трансформировалась в коллективную путем формирования общественного сознания лиц, переживших определенное событие в прошлом. Помимо лиц, непосредственно переживших конкретное событие, знание о нем передается из поколения в поколение, что также формирует историческую память общества.

Между тем сложность понимания термина «историческая память» связана с тем, что сама она синтезируется из различных источников и включает субъективную точку зрения, связанную с индивидуальными особенностями восприятия тех или иных событий. По нашему мнению, чтобы исключить субъективность воспроизведения происходящих событий, индивидуальный опыт не должен составлять основу исторической памяти, он должен формировать историческое информационное пространство, соз-

даваемое посредством коммуникационной и образовательной среды. Ингредиентами, образующими основу исторической информации, являются, в первую очередь, официальная наука, продукты творческой деятельности человека (литература, искусство), а также политический интерес страны. Указанное и формирует окончательный продукт «историческая память», представленный материальными и нематериальными объектами: памятными сооружениями, историческими источниками, государственными праздниками и др.

С юридической точки зрения ситуация также не выглядит простой. Поскольку существует объект правовой охраны в виде исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, необходимо рассмотреть вопрос о пробелах в уголовном законодательстве, которые не позволяют применять норму в полной мере.

Так, действующая уголовная ответственность за фальсификацию исторических сведений о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн ограничена только фактами, оглашенными в приговоре Нюрнбергского трибунала. Однако многие ученые и эксперты сходятся во мнении, что необходимо расширить сферу применения уголовно-правовых средств в отношении умышленных искажений исторических фактов о событиях Великой Отечественной войны, намеренно лживых оценок и высказываний относительно места и роли СССР во Второй мировой войне, которые стали следствием, прежде всего, распада СССР и не являлись предметом рассмотрения Международного военного трибунала в Нюрнберге. Причем многие эксперты в данном случае ссылаются на уголовно-правовые установления, нормы и прецеденты, созданные в отдельных европейских государствах. Полагаем, что такая позиция заслуживает пристального внимания.

Вместе с тем данные предложения вызвали большой резонанс в российском сообществе. Некоторые граждане опасаются установления на государственном уровне цензуры на последующие продукты научной и творческой деятельности людей в исторической сфере. Другие полагают, что введение новых уголовно-правовых норм в области охраны исторической памяти будет способствовать усилению репрессивных функций государства. Иначе говоря, рассматриваемые правовые новации встречены настороженно.

Общественная реакция на указанное предложение обусловила проведение настоящего социологического исследования в целях выявления доминирующего в обществе отношения к установлению уголовной ответственности за фальсификацию исторических сведений о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн и тех фактах, которые не рассматривались на международном процессе в Нюрнберге.

Социологическое исследование проведено в январе 2022 г. посредством самозаполнения анкеты участниками онлайн-панели «Webanketa.com». Обработка результатов осуществлялась с помощью методов анализа, синтеза, обобщения и сравнения.

Предмет исследования – общественное мнение по вопросу о необходимости совершенствования уголовного законодательства в отношении недопущения искажения исторических фактов о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Исследование базируется на гипотезе, что установление уголовной ответственности за фальсификацию исторических сведений способно эффективно противодействовать искажениям истории в современном обществе и позволит охватить более широкий круг преступных деяний в сфере охраны исторической памяти народов Российской Федерации.

В силу этого определены следующие задачи исследования: выявить мнение респондентов о необходимости противодействия попыткам фальсификации истории, исторических событиях, которые нуждаются в уголовно-правовой охране, предпосылках совершения преступлений в сфере охраны исторической памяти народов Российской Федерации о Великой Отечественной войне, целях, которые преследуют фальсификаторы истории, основных направлениях искажения истории и практических мерах, способных качественно противодействовать фальсификации исторических сведений.

В исследовании авторы опирались на результаты социологического опроса с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в котором приняли участие 628 респондентов. Участниками опроса стали преподаватели, студенты высших учебных заведений, сотрудники правоохранительных органов, практикующие юристы, а также лица, которые имеют аккаунты в социальных сетях «ВКонтакте», «Instagram», «Одноклассники». Респондентам была предложена ссылка на официальный сайт (<https://webanketa.com/>), где расположена анкета, подготовленная авторами исследования.

Анкета включает 15 вопросов, распределенных по следующим направлениям: социальные предпосылки фальсификации истории как противоправного (преступного) явления; качественное определение событий, нуждающихся в уголовно-правовой охране государства; цели и направления искажения истории Великой Отечественной войны; последствия распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны для общества; меры профилактики правонарушений и преступлений в сфере охраны исторической правды. Последний блок образуют вопросы о возрасте граждан, их гендерном распределении, уровне образования и сферах деятельности. Опрошенным предоставлена возможность высказать собственное мнение по ряду аспектов. Логически вопросы выстроены по принципу от общего к частному. Некоторые из них имеют несколько вариантов ответа.

Авторы предполагают, что результаты исследования могут способствовать получению научно обоснованных предложений о необходимости криминализации исследуемых деяний на законодательном уровне, определению вектора законодательных инициатив.

Результаты

Прошло уже более 75 лет после окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн, сменилось

несколько поколений, и можно предположить, что память о тех страшных событиях в современном обществе несколько ослабела. Все это сопровождается непрерывными попытками искажения и принижения неоспоримого исторического значения подвига советских солдат. Вторая мировая война до сих пор является самым глобальным военным столкновением, превосходящим по своим масштабам все предшествующие и последующие войны. Особое значение война имела для советского народа, который перед лицом угрозы порабощения и уничтожения сплотился и смог дать отпор гитлеровской агрессии. Бесспорно, война нанесла значительный ущерб Советскому Союзу. «На полях сражений, в концлагерях, на оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде, в тылу погибло около 30 млн советских людей; уничтожена треть национального богатства страны; разрушено 1710 городов, более 70 тыс. деревень и сел, уничтожено огромное количество заводов, фабрик, шахт, многие километры железнодорожных путей; сократилась доля мужского населения страны» [5, с. 22]. Последствия таковы, что массовое истребление советских людей в годы войны до сих пор сказывается на демографической ситуации в России. Вот почему победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является предметом гордости и достоянием нашего народа, а забота об участниках войны, а также охрана исторической памяти о событиях того времени становится историческим долгом государства.

В то же время чем дальше от нас события Второй мировой войны, тем больше фактов обеления и даже героизации лиц, воевавших на стороне фашистской Германии, случаев фальсификации истории СССР в годы войны, увековечивания памяти нацистских преступников, а также их реабилитации. В частности, с 2013–2014 гг. в такой обстановке позицией государства являются полноценная охрана исторической памяти о подвиге советского народа и недопущение преступных деяний, направленных на принижение роли СССР в победе над гитлеровской Германией.

Поскольку память поколений, не испытавших тяготы войны, зиждется главным образом на материалах школьных учебников, то можно предположить, что историческая информация о событиях середины XX в., представленная в общеобразовательных программах российской школы, потенциально обладает высокой степенью репрезентативности. Соответственно, человек, получивший качественное среднее общее образование, способен отличить ложную информацию о событиях Великой Отечественной войны от истинной и может определить случаи ее умышленного искажения. Так, большинство участников опроса (71 %) на вопрос о том, замечали ли они случаи умышленного искажения истории самой кровопролитной войны, ответили утвердительно.

Не замечали фактов фальсификации исторических сведений 16 % опрошенных, большинство из которых студенты. Не смогли ответить на поставленный вопрос 13 % респондентов, также преимущественно представители российского студенчества. В целом большинство опрошенных отметили, что сталкивались с умышленным искажением истории (табл. 1).

Таблица 1
Ряд политиков и общественных деятелей утверждают, что они сталкивались с попытками умышленно исказить историю Российской Федерации. А Вы лично замечали случаи умышленной фальсификации исторических фактов?

Ответы	%	Количество
Замечал часто	71,02	446
Не замечал	15,93	100
Затрудняюсь ответить	13,05	82
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

Для того чтобы остановить негативное влияние распространения ложных исторических сведений, необходимо пресекать возможные случаи умышленного искажения истории, в особенности способные обелить преступления нацизма и фашизма. На следующий вопрос анкеты – «По Вашему мнению, необходимо ли противодействовать тем, кто пытается умышленно исказить историю России?» – утвердительно ответили 95 % респондентов (табл. 2).

Таблица 2
По Вашему мнению, необходимо ли противодействовать тем, кто пытается умышленно исказить историю России?

Ответы	%	Количество
Да	95,56	602
Нет	1,27	8
Затрудняюсь ответить	3,19	20
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

На вопрос о способах противодействия попыткам пересмотра исторических фактов были получены следующие ответы. Отметим, что в данном случае респонденты могли выбрать несколько вариантов. Большинство ответивших (79 %) считают необходимым повысить качество преподавания истории в общеобразовательных и высших учебных заведениях, 52 % полагают, что исправить ситуацию с деформацией исторического сознания молодежи поможет «усиление патриотического воспитания». Помимо повышения уровня образования и воспитания опрошенные полагают, что следует «распространять историческую правду с помощью средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет» (64 %). По 44 % составили ответы «обличать фальсификации и искажения», «следить за качеством литературы, искусства и кинематографа». Немалая часть респондентов (45 %) поддерживает «введение законодательной ответственности» за умышленное искажение исторических фактов. Отметим, что в рамках данного вопроса не уточнялось, какая именно ответственность должна быть введена в качестве меры противодействия попыткам фальсификации истории. Незначительная часть опро-

шенных сочла эффективными средствами противодействия «проведение митингов, акций и протестов о недопущении искажения истории» (3 %), «депортацию из страны личностей, распространяющих ложную информацию» (2 %). Затруднились ответить на поставленный вопрос 2 % респондентов (табл. 3).

Таблица 3
По Вашему мнению, как именно нужно противодействовать попыткам пересмотра исторических фактов?

Ответы	%	Количество
Распространять правду с помощью средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет	64,2	401
Повысить качество преподавания истории в школах и вузах	79,27	549
Следить за качеством литературы, искусства и кинематографа	44,39	276
Заниматься патриотическим воспитанием молодежи	51,83	321
Ввести законодательную ответственность	45,06	282
Устраивать протесты, акции, митинги	3,96	24
Обличать фальсификации и искажения	44,12	265
Депортировать из страны личностей, распространяющих ложную информацию	3,01	18
Затрудняюсь ответить	2,44	15

Говоря о распространенности ложной трактовки исторических событий, опрашиваемые заявили о необходимости охраны исторической правды уголовно-правовыми средствами (89 %). В то же время 7 % считают, что российская история не нуждается в уголовно-правовой охране. Не смогли ответить на поставленный вопрос 4 %. Приведенные цифры свидетельствуют о положительном отношении респондентов к уголовно-правовой охране российской истории (табл. 4).

Таблица 4
Считаете ли Вы, что историческая память народов Российской Федерации о наиболее значимых событиях в истории страны нуждается в уголовно-правовой охране?

Ответы	%	Количество
Да	88,85	558
Нет	7,16	45
Затрудняюсь ответить	3,98	25
Всего ответов: Неответивших:		628 0

В перечне исторических событий, нуждающихся в правовой защите, по мнению 82 % анкетированных, именно история Второй мировой и Великой Отечественной войн стоит на первом месте. 3 % опрошенных считают необходимым защитить историю Отече-

ственной войны 1812 г., 6 % – историю Первой мировой войны 1914–1918 гг., 7 % – историю Октябрьской революции 1917 г. (табл. 5).

Таблица 5
Укажите, какое событие, по Вашему мнению, нуждается в защите уголовно-правовыми средствами больше других?

Ответы	%	Количество
Отечественная война 1812 г.	3,82	24
Первая мировая война 1914–1918 гг.	6,53	41
Октябрьская революция 1917 г.	7,32	46
Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	82,33	517
Всего ответов: Неответивших:		628 0

Распределение мнений респондентов относительно предпосылок совершения преступлений в сфере охраны исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Великой Отечественной войны оказалось следующим: 73 % опрошенных выделяют «снижение уровня исторической и правовой грамотности населения», 58 % – «забвение исторических итогов войны среди молодого поколения», 40 % – «несовпадение политики и национальных интересов государства»; 20 % – «неустойчивость государства на международной арене», по 17 % – «последствия глобализации», «тяжелое экономическое положение населения», «привлекательные экономические обещания со стороны последователей нацизма» (табл. 6). Подчеркнем, что анкетированные могли в рамках данного вопроса выбрать два и более ответа.

Таблица 6
Какие предпосылки, по Вашему мнению, существуют для совершения преступлений в сфере охраны исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой войны?

Ответы	%	Количество
Последствия глобализации	17,99	112
Несовпадение политики и национальных интересов государства	40,55	254
Тяжелое экономическое положение населения	17,68	111
Привлекательные экономические обещания со стороны последователей нацизма	15,85	99
Неустойчивость государства на международной арене	20,43	128
Низкая историческая и правовая грамотность населения	73,48	461
Забвение исторических итогов Второй мировой войны среди молодого поколения	58,84	369

На вопрос (который также предоставляет возможность выбора нескольких ответов) о том, какую цель преследуют фальсификаторы истории, опрошенные ответили: «принижение и искажение роли какого-либо народа или государства в значимых исторических событиях» (83 %), «закрепление за тем или иным народом исторического права на определенную территорию» (36 %), «доказательство правопреемственности государства по отношению к тому или иному историческому событию» (19 %), «обоснование легитимности правящей династии» (14 %). В качестве собственных ответов анкетированные предлагают следующее: «внедрение в сознание граждан идеи о преступности советского государства для создания условий для делигитимации и последующего пересмотра решений, принятых в советский период, что приведет к пересмотру всего послевоенного устройства мира»; «оправдание фашизма и нацизма», «провокция» (табл. 7).

Таблица 7
Какую цель, по Вашему мнению, преследуют фальсификаторы истории Второй мировой войны?

Ответы	%	Количество
Закрепление за тем или иным народом исторического права на определенную территорию	35,67	219
Обоснование легитимности правящей династии	14,33	87
Доказательство правопреемственности государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику	18,6	113
Принижение или искажение роли какого-либо народа или государства в значимых исторических событиях	82,62	514
Другое	9,15	56

На вопрос об основных направлениях фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн получены следующие ответы: «принижение решающей роли СССР в разгроме нацистской Германии» (70 %), «героизация коллаборационистских формирований из числа украинских националистов (бандеровцев), Русской освободительной армии (власовцев), националистов прибалтийских республик ("лесных братьев") и оправдание их деятельности» (61 %), «отрицание освободительной миссии Красной Армии (СССР – оккупант)» (55 %), «равная ответственность А. Гитлера и И. Сталина за развязывание войны» (35 %) (табл. 8). Отметим, что респонденты имели возможность выбрать более одного ответа.

Таблица 8
Основными направлениями фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, по Вашему мнению, на современном этапе являются

Ответы	%	Количество
Равная ответственность А. Гитлера и И. Сталина за развязывание Второй мировой войны	35,98	225
Принижение решающей роли Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме нацистской Германии и ее сателлитов	70,43	442
Отрицание освободительной миссии советских Вооруженных Сил: «СССР – оккупант»	54,57	342
Героизация коллаборационистских формирований из числа украинских националистов (бандеровцев), Русской освободительной армии (власовцев), националистов прибалтийских республик («лесных братьев») и оправдание их деятельности	60,67	381
Другое	8,84	55

Помимо фальсификации рассматриваемых исторических событий, на территории России большое распространение получили деяния, предусмотренные ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма», что также не должно оставаться без внимания общественности. На вопрос о том, как, по мнению респондентов, увеличился рост фактов реабилитации, оправдания и пропаганды нацистской и фашистской идеологий на современном этапе, получены следующие ответы. Значительный их рост отметили 23 % опрошенных, еще 23 % считают, что в целом наблюдается рост указанных деяний, 13 % считают, что ситуация не изменилась, 10 % отметили незначительное сокращение фактов реабилитации нацизма. Существенное сокращение числа фактов реабилитации, оправдания, пропаганды нацистской и фашистской идеологии признали 9 % респондентов, затруднились с ответом 20 % (табл. 9).

Таблица 9
Увеличилось ли, по Вашему мнению, число фактов реабилитации, оправдания и пропаганды нацистской и фашистской идеологий на современном этапе?

Ответы	%	Количество
Да, наблюдается значительный рост	23,24	146
В целом возросло	23,57	148
Находится на прежнем уровне	13,38	84
Незначительно сократилось	10,67	67
Наоборот, заметен существенный спад	9,22	58
Затрудняюсь ответить	19,92	125
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

На вопрос «В уголовных кодексах зарубежных стран зачастую имеются статьи об ответственности за посягательство на установленные исторические факты. Обоснованно ли, на Ваш взгляд, введение подобной уголовно-правовой нормы в УК РФ?» анкетуемые преимущественно (45 %) ответили утвердительно. Ответ «нет» выбрали 26 %, затруднились ответить 28 % (табл. 10).

Таблица 10

В уголовных кодексах зарубежных стран зачастую имеются статьи об ответственности за посягательство на установленные исторические факты. Обоснованно ли, на Ваш взгляд, введение подобной уголовно-правовой нормы в УК РФ?

Ответы	%	Количество
Да	45,38	285
Нет	26,11	164
Затрудняюсь ответить	28,51	179
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

На вопрос, предполагающий выбор нескольких ответов, о практических мерах, направленных на противодействие фальсификации истории Второй мировой войны, получены следующие ответы. Большинство респондентов (65 %) высказались за «публикацию в открытом доступе архивных документов периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, мало известных широкой общественности, что не даст возможности ревизионистам произвольно трактовать их в своих интересах, тем самым заведомо искажая и фальсифицируя отечественную историю». Многие (49 %) поддерживают «активное проведение военно-патриотической работы с подрастающим поколением в образовательных организациях, летних оздоровительных лагерях, на молодежных форумах

и т. д.», что вновь подтверждает высказанную ранее точку зрения о необходимости повышения качества образования молодого поколения. Постановку во всех авторитетных международных организациях вопроса об ответственности стран и государственных деятелей, позволяющих себе попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, очернительство членов антигитлеровской коалиции, прямое или косвенное оправдание нацистов и их пособников, поддержало 44 % респондентов. 43 % считают, что эффективной мерой противодействия будет являться «совершенствование нормативно-правовой базы, связанной с ответственностью за преднамеренную фальсификацию истории России». Ответ «Создание в масштабе страны цельной системы противодействия фальсификации истории России, когда в каждом органе и организации публичной власти существовало бы нештатное подразделение, для которого данная задача была бы главной или стояла бы в числе приоритетных» получен в 29 % случаев. Увеличение объема государственного финансирования средств массовой информации патриотической направленности, целевой аудиторией которых является молодежь, поддержали 27 % анкетуемых лиц. На наш взгляд, государственное финансирование подписки на подобные издания всех образовательных учреждений страны способствовало бы формированию позитивного исторического сознания и сохранению исторической памяти. Также в качестве действенной меры противодействия ревизии истории опрошенные рассматривают «совершенствование общенаучных и специальных исторических методов на основе новейшей научной методологии» (20 %). Отметим, что ни один респондент не выбрал «затрудняюсь ответить», что показывает обеспокоенность граждан сохранением исторической памяти и недопущением фальсификации российской истории в будущем (табл. 11).

Таблица 11

По Вашему мнению, какие из представленных практических мер, направленных на противодействие фальсификации истории Второй мировой войны в ущерб интересам Российской Федерации, смогут снизить количество посягательств на историческую память народов Российской Федерации о событиях 1939–1945 гг.?

Ответы	%	Количество
Создание в масштабе страны цельной системы противодействия фальсификации военной истории России, когда в каждом ведомстве и органе федеральной власти существовало бы нештатное подразделение, для которого данная задача была бы главной или стояла бы в числе приоритетных	28,96	181
Создание общественных организаций для решения проблем, связанных с противодействием фальсификации истории	20,73	130
Постановка во всех авторитетных международных организациях вопроса об ответственности стран и государственных деятелей, позволяющих себе попытки пересмотра итогов Второй мировой войны, очернительство членов антигитлеровской коалиции, прямое или косвенное оправдание нацистов и их пособников	44,51	279
Совершенствование нормативно-правовой базы, связанной с ответственностью за преднамеренную фальсификацию истории России. Законодательное закрепление мер уголовной ответственности за умышленное искажение исторических сведений	43,6	273

Консолидация научных сообществ России и стран СНГ, население и территории которых в наибольшей степени пострадали от агрессии в годы войны, что предполагает регулярное проведение совместных симпозиумов, конференций, издание научных работ, посвященных наиболее знаковым событиям военного и послевоенного периодов	36,28	227
Интерпретация новых и уже имеющихся данных с учетом новейшей научной методологии, общенаучных и специальных исторических методов	20,43	128
Активное проведение военно-патриотической работы с подрастающим поколением в образовательных учреждениях, летних оздоровительных лагерях, на молодежных форумах и т. д.	50	314
Увеличение объема государственного финансирования средств массовой информации патриотической направленности, целевой аудиторией которых является молодежь. Обеспечение средствами госбюджета подписки на подобные издания всех образовательных учреждений страны. Цель – формирование позитивного исторического сознания и сохранение исторической памяти	26,52	166
Публикация в открытом доступе архивных документов периода Второй мировой и Великой Отечественной войн, мало известных широкой общественности, что не даст возможности ревизионистам вольно трактовать их в своих интересах, тем самым искажая и фальсифицируя отечественную военную историю	64,94	408

Последний блок вопросов посвящен выяснению возраста граждан, их гендерного распределения, уровня образования и сферы деятельности. Так, исследуемая аудитория включает 64 % женщин и 36 % мужчин (табл. 12).

Таблица 12

Укажите Ваш пол

Ответы	%	Количество
Женский	63,70	400
Мужской	36,30	228
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

Возраст опрошенных представлен в следующем соотношении: 23 % входят в категорию 18–25 лет, 19 % – 26–35 лет, 20 % – 36–45 лет, 23 % – 45–60 лет, 15 % – старше 60 лет (табл. 13).

Таблица 13

Укажите Ваш возраст

Ответы	%	Количество
18–25 лет	22,60	142
26–35 лет	18,64	117
36–45 лет	19,90	125
45–60 лет	23,73	149
Старше 60 лет	15,14	95
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

Участников опроса характеризует высокий образовательный статус: высшее образование имеют 67 % респондентов, 25 % получают высшее образование в настоящее время, среднее специальное учебное заведение (техникум, колледж) окончили 4 % анкетированных, училище – 2 %. Среднее общее образование имеют 2 %, не окончившие школу не принимали участия в анкетировании (табл. 14).

Таблица 14
Укажите уровень Вашего образования

Ответы	%	Количество
Неполное среднее (8–9 классов)	0	0
Среднее общее (10–11 классов)	2,22	14
Среднее профессиональное (училище)	1,60	10
Среднее специальное техническое (техникум)	3,66	23
Неполное высшее образование (не менее трех лет обучения)	25,00	157
Высшее образование	67,52	424
Всего ответов:		628
Неответивших:		0

Род деятельности анкетированных представлен следующими сферами: юриспруденция (65 %), социальная работа (16 %), здравоохранение (10 %), история (11 %), экономика (2 %). По одному проценту от общего числа респондентов образуют специалисты (маркетологи, бухгалтеры, педагоги и др). Таким образом, участниками опроса стали высокообразованные люди, среди которых велика доля представителей юридических профессий, способных дать качественную правовую оценку и квалифицированно ответить на предлагаемые вопросы.

Обсуждение

Нами проанализированы результаты социологического опроса, который проводился в рамках изучения возможности применения уголовно-правовых средств для защиты исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн. Социологическое исследование

позволяет получить срез общественного мнения о явлениях, которые изучаются специалистами, экспертами, учеными, однако имеют противоречивый, дискуссионный характер. Анализ эмпирического материала позволил определить, что фальсификация истории является распространенным явлением и не оставляет равнодушными граждан Российской Федерации. Россияне, чьи деды и прадеды отстояли Родину ценой неизмеримых потерь, чтят память героев и, безусловно, заинтересованы в объективном освещении истории войны и всех событий, с ней связанных.

В преступном искажении событий Второй мировой войны условно можно выделить три вектора: фальсификация истории, совершенная представителями западных стран, искажения истории на постсоветском пространстве, отечественная фальсификация.

1. Фальсификация истории Второй мировой войны, исходящая из стран Запада.

В рамках борьбы с внешним вмешательством в политическую жизнь России следует рассматривать заведомое искажение истории самого значимого человеконенавистнического события XX в. и роли СССР в победе над гитлеровской Германией. И хотя сама по себе трагедия Второй мировой войны на официальном уровне не оспаривается, оценка причин ее начала, природы, характера, итогов дается представителями стран атлантического сообщества (США и Западная Европа) в соответствии с собственными приоритетами и интересами, противоречащими национальным интересам России и ее союзников. Совершаются подобные деяния с целью занижения роли России на международной арене, трансформации сфер влияния в мире. Коллективный Запад в рамках данной концепции предлагает считать себя освободителем человечества от нацизма, а Россию представляет лишь как последователя тоталитарного Советского Союза. При этом акцентируется, что нацизм и коммунизм – режимы равнозначные, имеющие тоталитарную агрессивную природу. Здесь уместно будет вспомнить заявление премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона о том, что Польша во время Второй мировой войны оказалась между «молотом фашизма» и «наковальной коммунизма», сделанное им в рамках публикации на своей официальной странице в социальной сети «Твиттер». Отметим, что авторы данной концепции, видимо, не учитывают обоснования американского исследователя Карлтона Хейса, который еще в 1939 г., выступая на научном симпозиуме, указал, что «тоталитаризм – это феномен рыночной экономики, феномен буржуазной цивилизации, и за ее пределами он не существует» [32]. К тоталитарным режимам Карлтон Хейс относил итальянский фашизм Муссолини и гитлеровский нацизм в Германии. Сталинский Советский Союз, по его убеждению, есть совершенно иной тип государства, где отсутствуют частная собственность и классы, где был построен системный антикапитализм – социализм, где господствовала идеология, принципиально отличная от нацистской [32].

Желание принизить роль советского народа в победе над фашизмом проиллюстрируем на примере следующего освещения событий Второй мировой войны. Так, по мнению историка Х. Болдуина (США), ис-

ход Второй мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»), а именно операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англоамериканских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй на Тихоокеанском театре военных действий и т. д. В то же время из битв, выигранных Красной армией, он упоминает лишь Сталинградскую [31]. Безусловно, за четыре года войны стороны провели бесчисленное количество сражений, некоторые из которых стали значимыми, однако к битвам, определившим исход самой страшной войны в истории человечества, невозможно не отнести Московскую битву (1941–1942 гг.), в которой Германия потерпела первое крупное поражение во Второй мировой войне и был развеян миф о непобедимости ее армии, и Курскую битву (1943 г.), в результате которой соотношение сил на фронте резко изменилось в пользу Красной армии, что обеспечило ей благоприятные условия для развертывания последующих стратегических операций. Очевидно, американский историк умышленно не упоминает об основных успехах СССР в годы войны, определивших ход исторических событий, дабы принизить его роль.

2. Искажения истории на постсоветском пространстве.

Следующим вектором фальсификаций становится «переименование» исторических событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, происходящее на территориях бывших союзных республик. Общее прошлое между странами постсоветского пространства и Россией порождает, к сожалению, не только добрососедские партнерские отношения, но и отношения, построенные на непринятии общего советского прошлого. Лидером в данной области является, конечно, Украина. Фальсификация истории выступает одним из главных компонентов современной украинской русофобии. Суть этого явления состоит в том, что некоторые, как правило националистически настроенные, украинцы, не желающие иметь с русскими общей истории, интерпретировали события Второй мировой войны таким образом, что оказались жертвами репрессий не только Гитлера, но и Сталина. Ради выстраивания собственной исторической концепции украинские псевдоисторики пошли не только на многочисленные умолчания и исторические спекуляции, но и на прямую ложь и искажение фактов. Например, на территории страны активно распространялся миф о том, что в период Второй мировой войны на Украине велась не одна (Великая Отечественная), а несколько войн: немецко-украинская, советско-украинская, польско-украинская [28].

Еще одной страной, приравнявшей коммунистический режим к фашизму, является Грузия. Так, в 2013 г. Парламент Грузии внес в Кодекс административных правонарушений и «Хартию свободы» поправки, согласно которым за использование фашистской и коммунистической символики в общественных местах будут наказывать штрафом в размере 600 долларов [9]. Правительство Грузии не видит разницы между преступлениями нацизма и коммунизма и считает необходимым введение запрета на ношение ветеранами Великой Отечественной войны советских орденов и медалей, что оскорбляет память об их подвигах и,

как следствие, фальсифицирует историю Великой Отечественной войны.

Вопиющим фактом становится принятие Польшей 23 сентября 2009 г. резолюции, в которой освобождение Красной армией в сентябре 1939 г. оккупированной поляками земли Западной Украины и Западной Белоруссии квалифицировалось как агрессия против Польши. Налицо очевидное пренебрежение официальной историей и отрицание вклада народов Советского Союза в освобождение от «коричневой чумы XX в.». В целом на официальном уровне СССР был объявлен агрессором, развязавшим Вторую мировую войну наряду с Германией [15]. В данном контексте нельзя не согласиться с высказыванием министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова: «Вызывают возмущение попытки фальсифицировать историю, уравнивать жертв и палачей... Россия будет и далее жестко противодействовать подобным замыслам, которые угрожают устойчивости всего мироустройства» [16, с. 1].

3. Отечественная фальсификация собственной истории.

Невероятной продуктивностью отличаются и российские исследователи, интерпретирующие историю в своем ключе, игнорируя архивные материалы и официальные исторические источники.

Наиболее известным в настоящее время пропагандистом мифов о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн является бывший разведчик и литературный автор Виктор Суворов (настоящее имя – Владимир Резун), ныне проживающий в Великобритании. В опубликованных книгах «Ледокол», «День М», «Последняя республика», «Самоубийство», «Очищение» и т. д. он последовательно развивает тезис о том, что якобы СССР был инициатором Второй мировой войны [10, с. 446].

Широкое распространение с подачи журналиста Юлии Латыниной получил миф о том, что советские солдаты в начале войны массово сдавались в плен и переходили на сторону Гитлера: «как получилось, что русский народ, скажите мне хоть еще одну войну, в которой такими толпами переходили на сторону врага, бросали такое фантастическое оружие, и как это объяснить...» [17]. Данное утверждение не имеет ничего общего с реальностью, так как даже в тяжелейших условиях ведения боя советский народ сдержал «молниеносную атаку» Гитлера и сохранил в своих рядах большое количество солдат [12, с. 289–332].

Конечно, в рамках статьи невозможно рассмотреть весь массив фальсификаций, но на приведенных примерах явно просматриваются направления искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, способы и методы ревизии истории.

В современных средствах массовой информации, сети Интернет, кинематографе и литературе история не всегда освещается объективно, преступные посягательства на историческую память активно распространяются в обществе и создают неблагоприятную почву для возвращения нового поколения, не способного распознать истинность исторических сведений. Способы и методы преступной фальсификации истории активно совершенствуются. Российский историк

В. В. Корнеев в числе методов фальсификации истории называет следующие: фальсификация факта, события, явления или источника, а также их субъективная интерпретация, которые «в совокупности ведут к созданию мифологической картины мира, уводя общество от реальной действительности, что может иметь печальные последствия для функционирования российского общества в условиях глобальных вызовов современности» [14].

Как видится, геополитические противники России в лице специальных служб и организаций отдельных государств, нацистские идеологи и лидеры экстремистских структур ориентируются в своей деятельности преимущественно на молодежь (спортивная и студенческая среда, неформальные объединения националистов и др.) в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирования на совершение преступлений и правонарушений, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки.

Чтобы не допустить подрыва национальных интересов, противодействие фальсификации истории должно стать важным составным элементом поддержания исторического сознания общества. «Цель государственной политики в этой связи – эффективно противодействовать попыткам фальсификации истории на разных уровнях формирования общественного сознания посредством формирования и поддержания соответствующего дискурса в информационном поле страны, способствовать преодолению разрывов в общественном сознании и таким образом – укреплению российской, русской идентичности, исторической субъектности российского государства» [27].

Меры противодействия попыткам фальсификации и искажения истории различны, и анкетизируемые в качестве основных выделяют мероприятия по повышению качества образования в школах и высших учебных заведениях. Данное положение дел вполне объяснимо, поскольку с 1990-х гг. происходит «вымывание» из школьной программы идей патриотизма и гражданственности, исключаются из учебников наиболее значимые страницы русских побед и, напротив, получают отражение необоснованные, лично интерпретированные автором учебника события, не имеющие исторического значения [29].

Помимо указанных мероприятий целесообразно на государственном уровне поддерживать так называемую политику памяти. «Современная историческая политика направлена на формирование политического единства российского общества на путях героизации и мифологизации общего прошлого» [22]. Отметим, что в России в последние годы политика исторической памяти обретает масштабность, что выражается в создании различных национальных проектов, например «Без срока давности» (включает документирование преступлений против человечества, совершенных Гитлером и его последователями). Организуются различные мероприятия, международные конференции, освещающие такие темы, как причины и последствия Великой Отечественной войны, политика И. В. Сталина, уроки Нюрнберга, годы холодной войны и пр.

Представляется, что повышение качества преподавания исторической науки и, соответственно, государственная поддержка исторических исследований, а также контроль исторической информации, распространяемой в обществе (включая введение законодательной ответственности за ложность сведений), позволят качественно противодействовать фальсификации истории, сохранять традиционные духовно-нравственные ценности и не допускать размывания культурной идентичности в обществе.

Подчеркнем, что опрошенные видят в законодательном закреплении ответственности за фальсификацию исторических сведений о событиях 1939–1945 гг. перспективы, в частности уголовно-правовое закрепление соответствующей нормы, на их взгляд, способствовало бы расширению охранительной функции государства в сфере защиты исторической памяти народов Российской Федерации. Причем респонденты подтверждают, что в защите уголовно-правовыми средствами нуждается именно Великая Отечественная война, так как победа в ней является предметом гордости нашего народа, национальным достоянием и важной составляющей патриотического воспитания молодого поколения. Ради справедливости отметим, что, действительно, именно период 1939–1945 гг. обрастает наибольшим количеством ложных интерпретаций событий, поскольку победа советского народа остается краеугольным камнем в мировом понимании итогов Второй мировой войны, что стимулирует государство к особому отношению к попыткам пересмотра причин ее начала, итогов, а равно деятельности СССР в военные годы. Первые преступления, посягающие на охрану исторического наследия истории Великой Отечественной войны, имели место задолго до введения ст. 354¹ в УК РФ, то есть до возведения данных деяний в ранг преступных. В период перестройки уже осуществлялись «настойчивые попытки сломать историко-нравственный код восприятия Великой Отечественной войны через имплантацию в официальную идеологию и массовое сознание значительного количества разнообразных черных мифов: о характере войны, масштабах потерь, ключевых моментах боевых действий, цене Победы и т. д.» [30].

Забота о ветеранах войны, а также охрана исторической памяти о событиях того времени становятся не только историческим долгом государства, но и личной ответственностью каждого потомка участников тех страшных событий. Конечно, снижение уровня исторической и правовой грамотности населения способствует активизации деятельности фальсификаторов истории, и, ввиду того что события тех лет все более отдаляются во времени, происходит забвение событий Второй мировой войны, причин ее начала и итогов.

Данный тезис еще раз поднимает проблему недостаточного уровня подготовки российских школьников, что создает почву для новых попыток фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Председатель попечительского совета Российского военно-исторического общества, спецпредставитель президента Российской Федерации по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта С. Б. Иванов отметил: «Попытки ревизии

итогов Второй мировой войны на Западе – это политизация истории, которой подвержены молодые люди, которые не знают исторические факты о событиях 80-летней давности. Ведь у нас нынешние школьники не так хорошо знают историю, как знало, допустим, мое поколение». Он также добавил, что при опросах учеников 5–6 классов «на простой вопрос, с кем воювал Советский Союз, чем закончилась Великая Отечественная война, поступают, мягко говоря, разные ответы» [11].

Такое положение не может не вызвать обеспокоенность, так как именно обучающиеся становятся основным объектом, на который нацелены фальсификаторы истории. В связи с этим установление контроля за качеством преподавания исторических и других гуманитарных дисциплин в вузах и школах будет способствовать повышению показателей грамотности населения и препятствовать проникновению в его сознание ложной деструктивной информации о наиболее значимых событиях нашей истории. Профессор МГИМО Е. Г. Пономарева в качестве главной цели фальсификации истории определяет «переформатирование сознания», являющееся «своеобразной артподготовкой, которая создает возможности для решения комплекса финансовых, экономических, геополитических и психоисторических задач конкурентов и прямых врагов нашей страны» [20, с. 6].

Указанные предпосылки содействуют преступным проявлениям искажения истории. В качестве главной цели ревизии респонденты выделяют принижение роли СССР в победе над фашистской Германией, чтобы в дальнейшем дискредитировать Россию как правопреемницу СССР в мировом сообществе. К примеру, корреспондентом газеты «Комсомольская правда» перед Днем Победы в 2019 г. был проведен опрос представителей разных стран об итогах Второй мировой войны. Так, 90 % опрошенных жителей Франции убеждены, что в войне победили США, жители Италии и Бельгии также ответили, что «мир освободили американцы», а сами американцы ответили, что «среднестатистический американец понятия не имеет о деталях участия СССР во Второй мировой. Большинство американцев сказали бы, что союзниками были, к примеру, Англия, Франция и, возможно, Нидерланды». В Германии, по сравнению со всей Европой, самое большое число людей вспомнили, что СССР был главной силой в борьбе с нацизмом. А в Англии 59 % опрошенных уверены, что именно английская армия победила Гитлера [29]. Статистика ответов указывает на то, что поставленную цель преступники достигают эффективно, и во всем мире люди не знают о том подвиге, которые совершили советские солдаты, и какие потери (26 млн чел.) понес СССР.

Без сомнения, фальсификация истории деструктивна для нашей страны и главным образом направлена на раскол народов, входивших в состав СССР (пример Украины), а равно на установление негативного отношения ко всему российскому народу как правопреемнику советского. Фальсификаторы сосредоточены на лишении России статуса страны-победителя, права СССР играть решающую роль в победе над гитлеровской Германией. На этом участке инфор-

мационного противоборства используются мифы о «слабости советского военного искусства, советских полководцев и военачальников», а также о том, что «экономическую основу Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне составили поставки по ленд-лизу» [4].

В качестве основных направлений деятельности фальсификаторов истории выделяются попытки поставить знак равенства между теми, кто развязал войну, и теми, кто своим мужеством и героическим самопожертвованием сохранил мир, а также героизация коллаборационистских формирований из числа украинских националистов (бандеровцев), Русской освободительной армии (власовцев), националистов прибалтийских республик («лесных братьев») и оправдание их деятельности. Такое мнение связано с политическим прошлым страны и географическим положением Российской Федерации и ее соседей. Так, героизация нацизма на Украине беспокоит не только Россию, но и всю мировую общественность. Американский политолог нидерландского происхождения К. Мудде, занимающийся исследованием современного правого радикализма, после событий на Украине в 2013–2014 гг. выступил с заявлением, в котором осуждались вхождение в состав незаконно сформированного нового правительства представителей неонацистской партии «Свобода», а также назначение на ответственные государственные посты членов другой, еще более опасной праворадикалистской группировки «Правый сектор» [3]. Политика нынешних властей Украины направлена на реабилитацию нацистских деятелей, оправдание их преступлений и открытого сотрудничества с нацистами, восхваление таких персон. Примером может служить ежегодное (с 2016 г.) шествие радикально настроенных лиц во славу С. Бандеры, чье имя связано с созданием Украинской повстанческой армии и многочисленными террористическими актами в отношении оппонентов. Таким «благоприятным» положением пользуются лица, искажающие историю Второй мировой войны, опираясь на поддержку стран, где возрождается неонацизм.

Популярным направлением фальсификации в последние годы также является позиция об оккупации советскими войсками прибалтийских стран. В частности, 7 мая 2020 г. президенты Латвии, Литвы и Эстонии в поздравлении с 75-летием Великой Победы обвинили СССР в оккупации и аннексии своих территорий. По их мнению, Российская Федерация пытается подменить историю, искажая правду о минувших событиях: «Конец Второй мировой войны не принес свободу народам Центральной и Восточной Европы. Вместо этого на смену одному тоталитарному режиму пришел другой, когда Балтийские страны были цинично включены в состав Советского Союза...» [24].

Обеспокоенность вызывает и позиция лидеров некоторых западных стран (Прибалтика, Польша и Украина), которые с завидным постоянством высказываются о фактах, уже подтвержденных историческими архивными источниками, в отношении причин начала войны. Они утверждают, что ответственность за развязывание Второй мировой лежит не только на Гитлере, но и на лидере СССР И. Сталине. Таким образом, появилась

целая мировая концепция, которая в итоге оформилась в резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», принятую Европейским парламентом в 2019 г. В международно-правовом акте произведена попытка поставить знак равенства между нацистским режимом Гитлера и коммунистическим режимом Сталина, а также признать СССР страной-агрессором. Россия отрицательно высказалась в отношении содержания резолюции, подчеркнув недопустимость искажения прошлого: «История, по нашему глубокому убеждению, должна оставаться уделом ответственных профессионалов, а не использующих ее в своих узкокорыстных целях политиков» [19].

Прогресс, к которому должно стремиться человечество, исключает фальсификацию истории, так как «современный мир заинтересован не только в получении прорывных технологий...» [25, с. 109], но и в объективном освещении событий прошлого. Не все западные страны нацелены на искажение мировой истории, во многих она охраняется законодательными нормами. Опрошенные проводят параллель между действующими зарубежными правовыми нормами по охране исторических фактов и отсутствием таковых в национальном законодательстве, считают возможным перенять опыт некоторых западноевропейских стран и установить уголовно-правовой режим охраны наиболее значимых исторических событий, произошедших в середине XX в. Действительно, в национальных законодательствах некоторых западноевропейских стран действуют нормы, в том числе и уголовно-правовые, устанавливающие ответственность за искажение ряда исторических сведений [8]. В частности, в Австрии, Израиле, Швейцарии, Бельгии, Венгрии, Литве, Польше, Словении, Франции предусмотрена уголовная ответственность за отрицание Холокоста. Преступными в указанных странах считаются публичное отрицание Холокоста, искажение исторических фактов о травле еврейского народа в годы Второй мировой войны, понижение количества жертв среди еврейского народа, опровержение установленных фактов насилия над ними. Например, еще в начале XXI в. осуществлялось судебное преследование лиц, не признающих Холокост: «в 2000 г. к одному году тюремного заключения за отрицание Холокоста был приговорен житель Швейцарии, поскольку на страницах журнала опубликовал личное сомнение в существовании газовых камер и количестве погибших евреев» [6].

Помимо выявления положительного отношения к установлению достаточно репрессивной меры охраны исторической памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн в виде новой специальной уголовно-правовой нормы, исследование позволило определить и ряд других практических мер противодействия фальсификации истории. Так, опрошенные лица отмечают, что публикация в открытом доступе архивных документов, мало известных широкой общественности, изучение таковых в рамках общеобразовательных курсов будут способствовать повышению правовой и исторической грамотности населения, а активное проведение военно-патриотической работы с подрастающим поколением способно ослабить падение морального духа жителей страны.

Например, учитывая тот факт, что лица, осуществляющие попытки фальсификации исторических сведений о деятельности СССР в годы Великой Отечественной войны, распространяющие заведомо ложные либо умышленно искаженные сведения, используют недостаточную осведомленность российских граждан об установленных Международным военным трибуналом в Нюрнберге преступлениях и фактах, а равно ввиду отсутствия возможности ознакомления с русскоязычным текстом приговора трибунала необходимо предпринять меры для опубликования и широкого распространения этого беспрецедентно значимого документа среди граждан Российской Федерации. Своевременной мерой стало бы включение в программу курса «Отечественная история» материалов Международного военного трибунала и основных фактов, установленных им. Такие меры следует осуществлять в целях повышения уровня исторической грамотности молодежи, пропаганды достоверного исторического знания и разъяснения ложности наиболее популярных мифов не только о Великой Отечественной войне, но и о других знаковых событиях истории России.

Вывод

Резюмируя вышесказанное, отметим, что пред-

ложенная авторами гипотеза о том, что в Российской Федерации не в полной мере уголовно-правовыми средствами осуществляется надлежащая охрана исторической правды о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, подтвердилась ответами 628 респондентов. Результаты проведенного социологического опроса могут быть использованы в нормотворческой деятельности для обоснования необходимости совершенствования действующего отечественного уголовного законодательства в сфере охраны исторического наследия Российской Федерации о событиях Великой Отечественной войны, в том числе путем введения в Уголовный кодекс Российской Федерации новой специальной нормы, способной защитить от фальсификации и забвения не только фактов, установленных Международным военным трибуналом, но и ряда других событий и деятельности участвовавших в них лиц, подтвержденных официальными историческими источниками.

Обоснован вывод о высокой значимости сохранения истории в первоизданном виде, без политических «украшательств», предвзятых трактовок и заведомого искажения, способных принизить роль советского народа в самой кровопролитной войне XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; перевод с английского В. Г. Николаева. – Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 286 с. – ISBN 5-93354-017-3.
2. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. – Москва : Мысль, 1987. – 354 с.
3. Богдашкин, А. А. Политологи о праворадикальном национализме в современной Украине / А. А. Богдашкин, В. В. Теплухин // Власть. – 2014. – № 10. – С. 214–220. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politologi-opravoradikalnom-natsionalizme-v-sovremennoy-ukraine> (дата обращения: 16.03.2022).
4. Бусловский, В. Н. Победа, которую у России никому не отнять (75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне над нацизмом посвящается) / В. Н. Бусловский // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 77–88.
5. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: краткая история / [Тельпуховский Б. С., Булычева Г. И., Бурляй А. А. и др.] – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Воениздат, 1984. – 560 с.
6. Ветошкина, Е. Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета / Е. Д. Ветошкина // Lex russica. – 2020. – Том 73, № 11 (168). – С. 129–138.
7. Гаганов, А. А. Ответственность за действия, оскорбляющие память о Великой Отечественной войне / Гаганов А. А. // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) : сайт. – URL: <https://rusrand.ru/analytics/otvetstvennost-za-deystviya-oskorblayayushchie-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе> (дата обращения: 16.03.2022).
8. Гойденко, В. Г. Европейское законодательство против возрождения нацизма и реабилитации коллаборационистов / Гойденко Валентина Григорьевна // Материк: информационно-аналитический портал постсоветского пространства : сайт. – URL: <https://materik.ru/analitika/evropeyskoe-zakonodatelstvo-protiv-voztrojdeniya-nacizma-i-reabilitacii-kollaboracionistov/> (дата обращения: 16.03.2022).
9. Грузия вводит штрафы за использование символики коммунизма и фашизма // РИА Новости : сетевое издание. – URL: <https://ria.ru/20131129/980607526.html> (дата обращения: 16.03.2022).
10. Грызун, В. Как Виктор Суворов сочинял историю / Владимир Грызун. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 608 с. – ISBN 5-224-04373-5.
11. Иванов назвал предпосылки для фальсификации истории Второй мировой войны // РИА Новости : сетевое издание. – URL: <https://ria.ru/20190916/1558732714.html> (дата обращения: 16.03.2022).
12. Исаев, А. В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой / А. В. Исаев. – Москва : Эксмо : Яуза, 2004. – 416 с. – ISBN 5-699-07634-4.
13. Карпицкая, Д. Украденная победа: Почему во всем мире считают, что фашистов разбили американцы / Дина Карпицкая // Комсомольская правда : сайт. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26973/4031442/> (дата обращения: 16.03.2022).
14. Корнеев, В. В. Фальсификация истории как способ разрушения советской идентичности в современной России / В. В. Корнеев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 1 (834). – С. 223–234.
15. Косаченко, Н. А. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны в западных СМИ / Н. А. Косаченко, И. Е. Березовский, Д. М. Стародубцев // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : электронный сборник статей по материалам XXVI студенческой международной научно-практической кон-

- ференции. № 11 (25). – Новосибирск : СибАК, 2014. – С. 28–36. – URL: <http://sibac.info/16411> (дата обращения: 16.03.2022).
16. Лавров, С. В. Великая Победа – источник нашей национальной гордости / С. Лавров // *Международная жизнь*. – 2015. – № 5. – С. 1–4.
17. Либералы, танк КВ и коллаборационисты // Байки о войне. Великая Отечественная – история, правда и мифы : сайт. – URL: <http://fablewar.ru/2012/06/kv/> (дата обращения: 16.03.2022).
18. Мид, Дж. Г. *Философия настоящего* / Джордж Герберт Мид ; перевод с английского В. Николаева, В. Кузьмина. – Москва : Высш. шк. экономики, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-7598-1099-5.
19. Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3793247 (дата обращения: 16.03.2022).
20. Пономарева, Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны – технология трансформации сознания / Е. Г. Пономарева // *Обозреватель*. – 2016. – № 5. – С. 5–20.
21. Репина, Л. П. *История исторического знания : пособие для вузов* / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – Москва : Дрофа, 2004. – 288 с. – ISBN 5-7107-7438-3.
22. Романова, А. П. Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи / А. П. Романова, М. М. Федорова // *История : электронный научно-образовательный журнал*. – 2020. – Том 11, № 9 (95). – С. 23. – URL: <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1/> (дата обращения: 16.03.2022).
23. Россияне поддерживают борьбу с фальсификацией истории // Глобальный информационно-аналитический центр : сайт. – URL: <http://www.giac.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=336189> (дата обращения: 16.03.2022).
24. Совместное заявление президентов Польши, Латвии, Литвы и Эстонии // Президент Латвийской Республики : официальный сайт. – URL: <https://www.president.lv/ru/novosti/zayavlenie-prezidentov-baltiyskikh-stran> (дата обращения: 16.03.2022).
25. Соколова, М. Л. Концепция ответственности как современное мировоззрение дизайнера / М. Л. Соколова, Н. Е. Мильчакова, А. И. Жигунова // *Российский технологический журнал*. – 2020. – Выпуск 8 (2). – С. 109–121.
26. Стенограмма заседания Российского организационного комитета «Победа» // Президент России : сайт. – URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html> (дата обращения: 16.03.2022).
27. Устинкин, С. В. О подходах к формированию системы мер по противодействию фальсификации истории и защите исторического сознания народов России / С. В. Устинкин, А. В. Рудаков // *Власть*. – 2017. – № 7. – С. 113–119.
28. Фальсификация истории на Украине // Руксперт : сайт. – URL: https://ruxpert.ru/%D0%A4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5#cite_note-.D0.A3.D0.BA.D1.80-.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.BE.D0.B4.D0.B8.D1.87.D0.BA.D0.B0-56 (дата обращения: 16.03.2022).
29. Фукс, А. Н. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории / А. Н. Фукс, В. В. Ковригин // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. – 2017. – № 2 (14). – С. 66–70.
30. Чураков, Д. О. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны / Д. О. Чураков // *Всемирная история : интернет-энциклопедия*. – URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/sovriemiennye_falsifikatsii_istorii_vielikoi_otiechiestviennoi_voiny (дата обращения: 16.03.2022).
31. Baldwin, H. *Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II* / Hanson Baldwin. – New York : Harper & Row, 1966. – 532 p.
32. Hayes, C. *The Novelty of Totalitarianism in the History of Western Civilization* / Carlton J. H. Hayes // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1940. – Volume 82, № 1. – Pp. 91–102.

REFERENCES

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English by Nikolaev V.G. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2001. 286 p. ISBN 5-93354-017-3.
2. Barg M.A. *Epokhi i idei: (Stanovlenie istorizma)* [Epochs and ideas: (The formation of historicism)]. Moscow: Mysl', 1987. 354 p.
3. Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V. The debates of political scientists on right-wing radical nationalism in contemporary Ukraine. *Vlast'=Power*, 2014, no. 10, pp. 214–220. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politologi-opravoradikalnom-natsionalizme-v-sovremennoy-ukraine>. (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
4. Buslovskii V.N. The victory that no one can take away from Russia (dedicated to the 75th anniversary of the Soviet people's Victory in the Great Patriotic War over Nazism). *Voennaya mysl'=Military Thought*, 2020, no. 5, pp. 77–88. (In Russ.).
5. Tel'pukhovskii B.S., Bulycheva G.I., Burlyai A.A. et al. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza 1941–1945: Kratkaya istoriya* [The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: brief history]. Moscow: Voenizdat, 1984. 560 p.
6. Vetoshkina E.D. Holocaust denial: social conditionality and comparative analysis of the criminal law prohibition. *Lex russica=Russian Law*, 2020, vol. 73, no. 11 (168), pp. 129–138. (In Russ.).
7. Gaganov A.A. Responsibility for actions insulting memory of the Great Patriotic War. *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysl'i i ideologii): sait [Sulakshin Center (Center for Scientific Political Thought and Ideology): website]*. Available at: <https://rusrand.ru/analytics/otvetstvennost-za-deystviya-oskorblayayushchie-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).

8. Goidenko V.G. European legislation against the revival of Nazism and rehabilitation of collaborators. *Materik: informatsionno-analiticheskii portal postsovetskogo prostranstva: sait* [Mainland: information and analytical portal of the post-Soviet space: website]. Available at: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=17049> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
9. Georgia imposes fines for the use of symbols of communism and fascism. *RIA Novosti=RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20131129/980607526.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
10. Gryzun V. Kak Viktor Suvorov sochinyal istoriyu [How Viktor Suvorov composed history]. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. 608 p.
11. Ivanov named the prerequisites for falsifying the history of the Second World War. *RIA Novosti=RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20190916/1558732714.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
12. Isaev A.V. *Antisuvorov. Desyat' mifov Vtoroi mirovoi* [Antisuvorov. Ten myths of the Second World War]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2004. 416 p. ISBN 5-699-07634-4.
13. Karpitskaya D. Stolen victory: Why the world believes that the fascists were defeated by the Americans. *Komsomol'skaya pravda: sait* [Komsomol'skaya pravda: website]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26973/4031442/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
14. Korneev V.V. Falsification of History as a Way of Destroying Soviet Identity in Modern Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki=Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, no. 1 (834), pp. 223–234. (In Russ.).
15. Kosachenko N.A., Berezovskii I.E., Starodubtsev D.M. On the issue of falsification of the history of the Great Patriotic War in the Western media. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov 21 stoletiya. Obshchestvennye nauki: elektronnyi sbornik statei po materialam 26 studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. No. 11 (25)* [Scientific community of students of the 21st century. Social sciences: electronic collection of articles based on the materials of the 26th student international scientific and practical conference. No. 11 (25)]. Novosibirsk: SibAK, 2014. Pp. 28–36]. Available at: <http://sibac.info/16411> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
16. Lavrov S.V. The Great Victory is the source of our national pride. *Mezhdunarodnaya zhizn'=International Affairs*, 2015, no. 5, pp. 1–4. (In Russ.).
17. Liberals, KV tank and collaborators. Baiki o voine. *Velikaya Otechestvennaya – istoriya, pravda i mify: sait* [Tales of war. The Great Patriotic War – history, truth and myths: website]. Available at: <http://fablewar.ru/2012/06/kv/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
18. Mead G.H. *Filosofiya nastoyashchego* [The Philosophy of the Present]. Translated from English by Nikolaev V., Kuz'minov V. Moscow: Izdat. dom NIU VShE, 2014. 272 p. ISBN 978-5-7598-1099-5.
19. The response of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V. Zakharova to the question of the RIA Novosti agency in connection with the adoption by the European Parliament of the resolution “On the importance of preserving historical memory for the future of Europe”. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3793247 (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
20. Ponomareva E.G. Falsification of the history of the Great Patriotic War — technology of transformation of consciousness. *Obozrevatel'=Observer*, 2016, no. 5, pp. 5–20. (In Russ.).
21. Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov* [History of historical knowledge: handbook for universities]. Moscow: Drofa, 2004. 258 p. ISBN 5-7107-7438-3.
22. Romanova A.P., Fedorova M.M. Generational gap and historical memory of the digital era generation. *Istoriya=History*, 2020, vol. 11, no. 9 (95), p. 23. Available at: <https://history.jes.su/su207987840012223-4-1/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
23. Russians support the fight against falsification of history. *Global'nyi informatsionno-analiticheskii tsentr: sait* [Global Information and Analytical Center: website]. Available at: <http://www.giac.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=336189> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
24. Joint statement of the Presidents of Poland, Latvia, Lithuania and Estonia. *Prezident Latvii Respubliki: ofitsial'nyi sait* [President of the Republic of Latvia: official website] Available at: <https://www.president.lv/ru/novosti/zayavlenie-prezidentov-baltiyskikh-stran> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
25. Sokolova M.L., Mil'chakova N.E., Zhigunova A.I. The concept of responsibility as the modern outlook of the designer. *Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal=Russian Technological Journal*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 109–121. (In Russ.).
26. Transcript of the meeting of the Russian Organizational Committee “Victory” of July 2, 2020. *Prezident Rossii: sait* [President of Russia: website]. Available at: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
27. Ustinkin S.V., Rudakov A.V. On approaches to the formation of a system of measures to counteract the falsification of history and protect the historical consciousness of the peoples of Russia. *Vlast'=Power*, 2017, no. 7, pp. 113–119. (In Russ.).
28. Falsification of history in Ukraine. *Rukspert: sait* [Rukspert: website]. Available at: https://rukspert.ru/%D0%A4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5#cite_note-.D0.A3.D0.BA.D1.80-.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.BE.D0.B4.D0.B8.D1.87.D0.BA.D0.B0-56 (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
29. Fuks A.N., Kovrigin V.V. Problems of falsification of the history of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on national history. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki=Herald of Omsk University Series "Historical Studies"*, 2017, no. 2, pp. 66–70. (In Russ.).
30. Churakov D.O. Modern falsifications of the history of the Great Patriotic War. *Vsemirnaya istoriya: internet-entsiklopediya* [World History: online encyclopedia]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/sovriemiennye_falsifikatsii_istorii_vielikoi_otiechiestviennoi_voiny (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).

31. Baldwin N. *Battles lost and won. Great campaigns of World War II*. New York, Harper & Row, 1966. 532 p.
32. Hayes C.J. H. The novelty of totalitarianism in the history of Western civilization. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 82, no. 1, pp. 91–102.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный специалист Центра обеспечения учебно-воспитательной работы ФСИН России, Москва, Россия, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ МЕРКУРЬЕВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, международных отношений, противодействия экстремизму Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АГАПОВ – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российского технологического университета (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, kafedrap212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1836-1536>

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ НОВИКОВ – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА РАДЧЕНКО – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российского технологического университета (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШЕВЕЛЕВА – преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российского технологического университета (РТУ МИРЭА), Москва, Россия, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

SALIKH KH. SHAMSUNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Specialist of Center for Providing Educational Work of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9126-7971>

VIKTOR V. MERKUR'EV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department for Scientific Support of Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations, Countering Extremism of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

PAVEL V. AGAPOV – Doctor of Sciences (Law), professor of the Department of Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kafedrap212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

ALEKSEI V. NOVIKOV – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

TAT'YANA V. RADCHENKO – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

KSENIYA V. SHEVELEVA – Lecturer of the Department for Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

Статья поступила 29.03.2022

Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания

АДЕЛИНА АРМЕНОВНА САРГСЯН

Институт права и политики Российско-Армянского университета, Ереван, Армения, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>, adelina-sargsyan@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена вопросам, связанным с представляющимся неизбежным процессом цифровой трансформации практики назначения и исполнения уголовного наказания. *Целью* исследования является обоснование внедрения искусственного интеллекта как важнейшего инструмента предупреждения преступности, повышения эффективности исполнения наказаний, а также обсуждение целесообразности фактической замены судей искусственным интеллектом при назначении наказания. *Методы:* сравнительно-правовой; эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Выводы:* обобщение имеющихся в науке уголовного права позиций, исследование зарубежной практики позволяют заключить, что в настоящее время отсутствует объективная потребность в использовании искусственного интеллекта при назначении наказания. Аргументы относительно выгоды подобного решения для ограничения судебного усмотрения не представляются столь убедительными, чтобы отказаться от человеческого фактора при вынесении приговора. Полагаем целесообразным дальнейшее совершенствование законодательства в части правил назначения наказания, выработки более формализованного подхода. В то же время находим положительное последующее развитие уголовно-исполнительной политики, ориентированной на активное внедрение искусственного интеллекта как эффективного средства прогнозирования преступного поведения, профилирования (моделирования) личности преступника, выявления его отличительных особенностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация; наказание; искусственный интеллект; предупреждение наказания; назначение наказания; исправительные учреждения; Интернет.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Саргсян А. А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58), С. 146–152. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.003.

Original article

Prospects for Digitalization of Sentencing and Execution of Punishment

ADELINA A. SARGSYAN

Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>, e-mail: adelina-sargsyan@mail.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the seemingly inevitable process of digital transformation of both criminal sentencing and its execution, the need for which is pushed by both consistently adopted relevant national and international legal acts and positive foreign practice. The *purpose* of the study is to substantiate the need to introduce capabilities of artificial intelligence as the most important tool for crime prevention, improve effectiveness of the execution

of sentences, as well as discuss feasibility and readiness of modern reality for actual replacement of judges with artificial intelligence in sentencing. *Methods*: comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Conclusions*: generalization of scientific stances and consideration of foreign practice allows us to conclude that, in our opinion, there is currently no urgent need to use artificial intelligence in sentencing. The arguments regarding expediency of such a decision in terms of limiting judicial discretion do not seem so convincing in order to abandon the human factor in sentencing. It seems advisable to further improve the legislation regarding the rules of sentencing and develop a more formalized approach. At the same time, we find positive the subsequent development of the penal policy focused on active introduction of artificial intelligence capabilities as an effective means of predicting criminal behavior, profiling (modeling) the personality of the criminal, identifying his/her distinctive features in order to further prevent crime.

Key words: digitalization; punishment; artificial intelligence; prevention; sentencing; correctional institutions; Internet.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Sargsyan A.A. Prospects for digitalization of sentencing and execution of punishment. *Penitentiary Science*, vol. 16, no. 2 (58), pp. 146–152. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.003.

В настоящее время цифровизация правового пространства – одна из актуальных научных проблем. Вопросы применения искусственного интеллекта рассматриваются в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Следует также отметить Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, принятую на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.), в которой, в частности, содержится Обзор политики в отношении открытых данных, касающихся судебных решений государств – членов Совета Европы.

Назначение наказания представляет собой сложнейший процесс применения норм уголовного кодекса, требующий реализации закрепленных принципов законности, справедливости, гуманизма и т. д. Сказанное находится в прямой корреляции с такими категориями, как судебское усмотрение, правосознание, опыт судьи, беспристрастность. Не прекращаются законодательные инициативы относительно широких просторов для проявления судебское усмотрения, что отрицательно сказывается на эффективности и единообразии правоприменительной практики. Применительно к различным институтам уголовного права, в которых так или иначе усматривается наличие широких предпосылок для судебское усмотрения, предлагается закрепление на законодательном уровне неких критериев, ограничивающих свободу судей при принятии решений и в то же время вносящих правовую определенность. Абстрагируясь от назначения наказания, можно также привести пример относительно широкого судебское усмотрения при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Возвращаясь к наказанию, следует отметить отсутствие единообразия в судебной практике при назначении наказания. Подчеркивается, что внедрение системы электронного правосудия, широко

обсуждаемой в последнее время, будет способствовать ограничению усмотрения судей, исключению коррупционных проявлений, минимизации судебных ошибок, в особенности при сложении наказаний. Однако насколько оправдано исключение человеческого фактора из процесса назначения наказания либо отведение ему второстепенной роли при решении многочисленных вопросов?

Несмотря на обоснованность доводов о широких пределах судебское усмотрения, тем не менее неизбежна проблема столкновения искусственного интеллекта в правосудии с нюансами реализации принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания. Невольно вспоминается известный трактат Шарля Луи Монтескье «О духе законов», и возникает вопрос: каким образом искусственный интеллект способен познать и воспринять дух закона как наивысшую целесообразность, обнаруживаемую в той или иной области жизни, его идеологическую направленность?

Представляется, что если и можно вести разговор о применении искусственного интеллекта при отправлении правосудия, то только лишь в качестве вспомогательного инструмента для судьи. Л. В. Иногамова-Хегай по этому поводу отмечает, что «возрастание роли информационных технологий и потенциальная возможность их использования в процессе контроля за исполнением наказания и тем более принятия решения о нарушении условий отбывания сформировали в юридической науке оживленную полемику относительно того, может ли искусственный интеллект провести правильную квалификацию действий виновного лица и назначить наказание, соответствующее степени содеянного, цели которого будут достигнуты» [6].

Насколько надежными и объективными являются решения, вынесенные искусственным интеллектом, что лежит в основе их принятия? Интересным является опыт США, где прибегают к помощи электронного правосудия при решении, например, вопроса о

возможности условно-досрочного освобождения от наказания, стараясь исключить излишний субъективизм и довериться искусственному интеллекту. Так, искусственный интеллект помогает определить вероятность того, совершит ли конкретное лицо вновь преступление в будущем. Однако отмечается, что поскольку данный вопрос не урегулирован на законодательном уровне и алгоритмы принятия решений разрабатываются частными компаниями, то у государства в лице судебной системы отсутствует представление относительно механизма работы искусственного интеллекта.

Широкий резонанс вызвало применение искусственного интеллекта при определении риска совершения повторного преступления обвиняемым на основании изучения данных о нем. Так, в деле «Лумис против Висконсин» департамент исправительных учреждений при вынесении приговора пользовался программой для оценки рисков COMPAS, которая, изучив историю взаимоотношений обвиняемого с законом, оценила риски рецидива как высокие, поэтому судья назначил максимальное наказание. Защита пыталась оспорить вынесенное решение, поскольку принцип работы COMPAS не разглашается. Однако суд счел этот аргумент несущественным и отказал в жалобе на приговор, основываясь на том, что знание итогового решения алгоритма уже подразумевает достаточный уровень прозрачности [14].

В теории уголовного права неоднократно поднимался вопрос о формализации процесса назначения наказания, позволяющей исключить субъективизм. Так, инженер Н. Д. Оранжеев отмечал, что «ввиду отсутствия единообразного способа учета обстоятельств дела процесс назначения наказания сильно напоминает гадание на кофейной гуще. Необходимо установить строгие математические количественные эквиваленты для всех преступлений, выразив их в соответствующих санкциях, а для различных обстоятельств, существенных с точки зрения определения виновности осужденного, предусмотреть специальные коэффициенты, например, при соучастии коэффициент исполнителя составит 1,0; подстрекателя – 0,9; пособника – 0,75 и т. д. Окончательное наказание необходимо определять путем алгебраических операций с эквивалентом преступления и индивидуальными коэффициентами» [9]. Н. Кристи и вовсе предлагает не только применять строго формализованную систему назначения наказания, но и устранить человека из данного процесса, передав все функции назначения наказания ЭВМ [8]. Отмеченные положения, однако, полностью сводят на нет возможность принципа индивидуализации наказания как важнейшего средства достижения справедливости.

Таким образом, следствием судейского усмотрения является возникновение в науке уголовного права нескольких подходов к разрешению данного вопроса при назначении наказания: 1) субъективный подход, отстаивающий необходимость широкой реализации судом предоставленных ему возможностей по отправлению правосудия на основе собственного правосознания, внутреннего убеждения и опыта; 2) объективный подход, сторонниками которого выступают,

в частности, Н. Кристи, М. Оранжеев, Д. Дядькин, А. Арямов и др., заявляющие о необходимости полной формализации процесса назначения наказания; 3) объективно-субъективный подход.

Четкая формализованная система назначения наказаний используется и в практике США. Так, на протяжении многих лет применяется система назначения неопределенных наказаний, предусмотренная Федеральным руководством по назначению наказаний (1987 г.). Руководство содержит таблицы по назначению наказаний за конкретные виды преступлений, отдельно рассматривается наказание для рецидивистов. Судья вычисляет уровень преступления (предусмотрено 43 уровня опасности преступления) и категорию преступного прошлого осужденного и может назначить минимальные и максимальные сроки наказания в месяцах. Назначая наказание, суд обязан снизить или увеличить наказание на число месяцев, которые указаны в таблице баллов. Так, если подсудимый был организатором или лидером преступной деятельности, которая привлекла пять или больше участников, то наказание увеличивается на четыре уровня (балла). Если же подсудимый был «минимальным» участником любой преступной деятельности, то наказание уменьшается на четыре уровня (балла). Обстоятельствам, отягчающим и смягчающим наказание, также соответствуют баллы [13].

Полагаем, что внедрение системы электронного правосудия подорвет все основополагающие принципы современной правовой системы.

Детально данный вопрос был исследован Х. Д. Аликперовым. В частности, он отмечает, что «формализованные правила (а их в материнской плате предложенного концепта свыше пяти тысяч) закреплены на партитурах более чем 400 алгоритмов индивидуализации наказания, которые в своей совокупности охватывают огромное число (около миллиарда) всевозможных комбинаций преступного проявления в его реальном бытии. В каждом из них подробно регламентирована процедура определения оптимальной меры наказания с учетом как объективных, так и субъективных свойств совершенного преступления как небольшой, так и средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого, содеянного как взрослым, так и несовершеннолетним, как по неосторожности, так и умышленно, как единолично, так и в соучастии, как при рецидиве, так и множественности преступлений и т. д. Оригинальность предлагаемой технологии заключается в том, что в ней впервые в теории уголовного права процесс назначения наказания максимально формализован, а сама процедура определения наказания осуществляется автоматически, на основе исходных данных об уголовном деле и виновном, введенных судьей в диалоговое окно (интерфейс) «Электронных весов правосудия» [1].

Далее отмечается, что другой характерной особенностью электронной системы определения наказания является независимость от периодических изменений уголовного законодательства, в том числе от криминализации и декриминализации деяний, пересмотра санкций Особенной части УК РФ, сроков или размеров наказаний. В алгоритмах индивидуализации

зации наказания вместо названий конкретных видов преступлений использованы их категории, а исчисление сроков (размеров) наказания осуществлено в долевым исчислении на основе специальных формул, универсальность которых позволяет в максимальной степени адаптировать «электронные весы правосудия» к любым дополнениям и изменениям в УК РФ. Остаются за рамками, точнее существенно ограничиваются и формализуются, такие вопросы, как характер и степень общественной опасности конкретного преступления, его особенности, определяемые объектом посягательства. Кроме того, имеются предложения по изменению действующего в УК РФ подхода к категоризации преступлений, берется за основу деление преступлений по типовой санкции и включение в нее всех видов наказаний.

Указывается, что «это позволит оценивать общественную опасность конкретного состава преступления только указанием на ту или иную категорию преступления, упростит решение ряда проблем при применении обратной силы уголовного закона» [5]. В связи с этим верной представляется точка зрения А. В. Корнеевой о том, что категории преступлений не могут влиять на характер, так как, напротив, категория зависит от характера и степени общественной опасности [11].

Мы согласны с утверждением А. П. Козлова о том, что в характере общественной опасности преступления отражены типичные свойства (признаки) данного конкретного вида преступления (в краже свои признаки, в убийстве – свои, в хулиганстве – свои и т. д.) [7]. Таким образом, невозможно достичь должной дифференциации наказания, опираясь только на категории преступлений.

Например, Ф. С. Бражник отмечает, что характер общественной опасности конкретного вида преступления определяется признаками, отражающими:

- ценность благ, на которые посягает это деяние;
- опасность способа, который используется для причинения вреда;
- размер причиняемого вреда;
- условия, при которых причиняется вред;
- форму вины или ее вид;
- иногда личные качества исполнителя преступления [10].

Отсутствие в предлагаемой Х. Д. Аликперовым системе электронного правосудия указания на конкретные виды преступления приведет, на наш взгляд, к тому, что при назначении наказания будет проигнорирован учет степени общественной опасности конкретных преступлений и, как следствие, нарушен принцип дифференциации уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 настоящей статьи. Тогда каким образом возможно заранее запрограммировать данные обстоятельства, в каждом конкретном случае признаваемые смягчающими?

Полагаем, что обоснование крайней необходимости и целесообразности цифровизации назначения

наказания является опрометчивым решением. В то же время следует обратить внимание на совершенствование действующего уголовного законодательства, формирование формализованной системы правил назначения наказания, вносящей четкость и единообразие в правоприменительную практику. Так, например, представляются необходимыми разрешения на законодательном уровне вопросов, связанных с широким судебским усмотрением при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, и закрепление случаев, когда это выступает обязанностью суда. В качестве следующего примера можно назвать необходимость закрепления обстоятельств, при установлении которых суд обязан назначить наказание по правилам ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление).

На это указывает и положительный зарубежный опыт правового регулирования. В частности, уголовное законодательство Испании, Италии, Франции, США характеризуется достаточно высоким уровнем формализации правил назначения наказания. Например, уголовное законодательство Испании содержит норму (ст. 66), которая детально регламентирует действия судьи (суда) при выборе конкретной меры наказания лицу, признанному виновным в совершении конкретного преступления: 1) если нет ни отягчающих, ни смягчающих обстоятельств либо когда есть и те, и другие, суд индивидуализирует наказание, назначая его в соответствии с личными качествами преступника и степени тяжести деяния, что находит отражение в приговоре; 2) если есть одно или несколько смягчающих обстоятельств, то суд назначает наказание по нижнему пределу установленных законом санкций; 3) если есть одно или несколько отягчающих обстоятельств, то суд назначает наказание по верхнему пределу установленных законом санкций; 4) если есть два или более смягчающих обстоятельства, то суд может назначить наказание на одну или две степени ниже предусмотренного в законе [12].

Перспективным направлением развития уголовно-исполнительной политики государства является применение искусственного интеллекта в предупреждении преступности, в частности при анализе поведения осужденных, мониторинге и выявлении потенциальных жертв преступлений в местах лишения свободы (учитывая уровень пенитенциарной преступности, конфликты между осужденными, уязвимый статус многих из них) с целью проведения с ними дальнейшей виктимологической профилактики.

Как в Республике Армении (о чем свидетельствует, в частности, годовой отчет о деятельности за 2021 г.), так и в Российской Федерации в пенитенциарных учреждениях существует проблема оказания надлежащей психологической помощи осужденным, о чем свидетельствуют участвовавшие случаи суицида среди спецконтингента. Полагаем целесообразным применение искусственного интеллекта в анализируемой области в целях выявления лиц, склонных к совершению суицида в исправительных учреждениях.

Зарубежный опыт демонстрирует широкие перспективы и значительные положительные резуль-

таты использования искусственного интеллекта в предупреждении и прогнозировании преступности. Так, например, аналитический программный комплекс SEG (США, 2016 г.) позволяет анализировать риск совершения преступления в определенном районе, основываясь на данных, полученных из социальных сетей, видеокамер, прогнозов погоды и т. д. [2]. Внедрение искусственного интеллекта в процесс исполнения наказаний как одно из средств предупреждения рецидивной преступности также заслуживает внимания.

Министерство юстиции Российской Федерации предложило создать в Федеральной службе исполнения наказаний самостоятельное структурное подразделение, которое будет проводить цифровую трансформацию ведомства. Использование искусственного интеллекта в исправительных учреждениях, во-первых, окажет значительное содействие в разгрузке деятельности сотрудников и, во-вторых, создаст дополнительные возможности для предупреждения пенитенциарной преступности. Также искусственный интеллект сможет сыграть значительную роль в профилактике суицидальных склонностей осужденных и будет способствовать проведению ориентированной индивидуальной работы с такими лицами. С помощью систематического видеонаблюдения за осужденными, анализа их связей как с осужденными, так и с администрацией уголовно-исправительных учреждений программа сможет прийти к выводу о подозрительности их поведения.

В местах лишения свободы одной из проблем является распространение субкультуры, криминальное заражение осужденных. Интересным в анализируемом контексте является исследование зарубежного опыта. Так, например, в мае 2021 г. в Гонконге была торжественно открыта первая «умная» тюрьма – Тай Там Гэп. Функции надзирателей в ней выполняет искусственный интеллект: он помнит каждого заключенного в лицо, всегда знает, где тот находится и чем занят, способен поднять тревогу в случае драки, неадекватного поведения или попытки суицида, следит за штатным электронным журналом и системой самоуправления в камерах.

Между тем проблемой пенитенциарной политики является ее ориентированность на предупреждение преступного поведения не только осужденных, но и администрации, в частности совершения ими коррупционных преступлений. Использовать возможности искусственного интеллекта можно и в предупреждении такого преступления, как побег из мест лишения свободы.

Следует отметить, что в Республике Армения в 2022 г. в УИУ «Армавир» установлена система видеонаблюдения, состоящая из более чем 400 видеокамер, для обеспечения прозрачности деятельности. Данная система преследует цель устранить беззаконие, что, в свою очередь, приведет к усилению защиты прав человека. Установка этой системы имеет важное значение в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, азартными играми, давлением и посягательствами на заключенных [4].

Весьма важным направлением деятельности исправительных учреждений является обеспечение безопасности осужденных, в частности выявление сомнительных контактов осужденных с целью недопущения криминального заражения.

В данном аспекте представляет интерес планирование введения в действие «Цифровой платформы среды трудовой адаптации ФСИН России», основное предназначение которой заключается в контроле за трудом осужденных и его анализе [3].

Применение искусственного интеллекта в тюрьмах для анализа поведения заключенных в перспективе принесет пользу как лицам, содержащимся под стражей, так и тюремному персоналу – можно будет выявлять ситуации потенциального нанесения вреда. Так, например, дежурным будет легче замечать у заключенных признаки склонности к членовредительству.

IT-решение под названием «Система распознавания лиц, поведенческого анализа и пост-анализа собранных данных в рамках цифрового профиля осужденного для корректировки программы ресоциализации, построенной на базе искусственного интеллекта» ведомство предполагает внедрить в 380 тюрьмах и колониях.

Следует также отметить возможность внедрения искусственного интеллекта и в практику исполнения таких альтернативных видов наказаний, как обязательные, исправительные, принудительные работы, в результате чего нарушения при отбывании данных наказаний осужденными будут устанавливаться своевременно.

В условиях распространения киберпреступности, зачастую приобретающей транснациональный характер, особенно актуальным представляется изъятие правонарушителей из цифровой действительности. Данная практика получила широкое применение в зарубежных странах. Следует отметить некоторые удачные примеры и в Российской Федерации. Например, по приговору № 1-173/2017 от 22.11.2017 М. М. Магомедову назначено наказание в виде лишения свободы с лишением права пользования информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет» сроком на два года за совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Подобное изъятие из цифровой среды может оказать определенный криминологический превентивный эффект. Однако в данном случае проблематичными являются вопросы, во-первых, о полном ограничении/запрете доступа в Интернет и, во-вторых, контроле за фактическим исполнением данного запрета со стороны осужденного.

Трудности правоприменения связаны с тем обстоятельством, что ограничения использования будут действовать только в той мере, в какой они могут быть приведены в исполнение. Это может потребовать, чтобы сотрудники службы пробации прошли подготовку в области компьютерной криминалистики для проведения тщательных проверок компьютера правонарушителя, что вряд ли возможно для большинства служб пробации.

Особую опасность, на наш взгляд, представляет совершение преступлений против половой непри-

косновенности несовершеннолетних в сети Интернет.

В ст. 135 УК РФ отсутствует аналогичное квалифицирующее обстоятельство, однако в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечается, что развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей. Полагаем, что, учитывая стремительное развитие преступлений, совершаемых посредством использования цифровых технологий, их трансграничный характер, возможности причинения вреда неограниченному числу несовершеннолетних потерпевших, российскому законодателю необходимо заимствовать опыт армянского, французского, исландского законодателей и закрепить совершение отмеченного преступного деяния с использованием сети Интернет в виде квалифицирующего признака.

Подводя итоги исследования, следует отметить стремительное развитие общественных отношений, влекущее за собой цифровизацию различных областей, что, в свою очередь, требует адекватного реагирования на законодательном и правоприменительном уровнях. Необходимо вновь констатировать наше несогласие с внедрением искусственного интеллекта непосредственно в процесс назначения наказания, так как это, на наш взгляд, может нивелировать такие категории, как правосознание, внутреннее судебское убеждение, проявление индивидуального подхода при рассмотрении каждого конкретного дела с учетом всех обстоятельств содеянного. Полагаем, что в стремлении избежать многочисленных

вопросов, возникающих в связи с широкими рамками судебного усмотрения, не нужно искать альтернативных путей в виде применения искусственного интеллекта. Решение проблемы видится в совершенствовании действующего законодательства в соответствии с основными направлениями уголовной политики государства, с опорой на провозглашенные принципы законности, справедливости, гуманизма. Ограничение судебного усмотрения необходимо при решении различных вопросов, в частности при освобождении от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием, например), при котором, к сожалению, норма носит усмотрительный характер, в то время как отсутствие у лица гарантии быть освобожденным от уголовной ответственности негативным образом сказывается на его соответствующем позитивном постпреступном поведении. Необходимо также обратиться к ст. 64 УК РФ, носящей усмотрительный характер и предоставляющей судьям широкие возможности для усмотрения. Именно на решении данных вопросов необходимо акцентировать внимание, а потому, полагаем, не исчерпан имеющиеся возможности и потенциал, поспешным будет передать функции отправления правосудия искусственному интеллекту (в контексте стремления к сокращению судебного усмотрения).

В то же время нами были показаны достаточно широкие возможности цифровизации процесса исполнения наказания в качестве вспомогательного инструмента (не императивно) при предупреждении пенитенциарной преступности среди осужденных, мониторинге их личности на протяжении всего процесса отбывания наказания с целью решения вопросов, связанных с применением мер поощрения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Искусственный интеллект может также оказать содействие в выявлении и предупреждении криминального заражения среди осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алипперов, Х. Д. Электронная технология определения меры наказания / Х. Д. Алипперов ; предисловие А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. – 170 с. – ISBN 978-5-94201-806-1.
2. Алпеева, О. И. Применение цифровых технологий и искусственного разума при предупреждении преступности / О. И. Алпеева, А. В. Бушуева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3 (35). – С. 54–62.
3. В российских тюрьмах решили внедрить нейросеть // Lenta.ru : сайт. – URL : <https://lenta.ru/s/news/2021/11/02/cifra/> (дата обращения: 15.04.2022).
4. В УИУ «Армавир» установлена система видеонаблюдения, состоящая из более чем 400 видеокамер // Уголовно-исполнительная служба Министерства юстиции Республики Армения : официальный сайт. – URL : <https://penitentiary.am/ru/новости/В-УИУ-«Армавир»-установлена-система-видеонаблюдения,-состоящая-из-более-чем-400-видеокамер-> (дата обращения: 15.04.2022).
5. Валеев, М. Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений / М. Т. Валеев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 29–34.
6. Иногамова-Хегай, Л. В. Квалификация преступлений с использованием компьютерных технологий / Л. В. Иногамова-Хегай // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Москва : РФ-Пресс, 2019. – С. 51–55.
7. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с. – ISBN 5-94201-263-6.
8. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи. – Москва : Прогресс, 1985. – 176 с.
9. Оранжев, Н. Д. Преступление и наказание в математической зависимости (идея и схема применения) / Н. Д. Оранжев. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнеров и Ко, 1916. – 69 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / [Казакова В. А. и др.] ; под общей редакцией В. И. Радченко, научный редактор А. С. Михлин. – Москва : Юстицинформ, 2004. – 575 с. – ISBN 5-7205-0561-X.

11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Москва : Инфра-М, 2005. – 560 с. – ISBN 978-5-98209-032-4.
12. Уголовный кодекс Испании / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова ; перевод В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. – Москва : Зерцало, 1998. – 218 с. – ISBN 5-8078-0012-5.
13. Federal sentencing guidelines manual 1994 // United states sentencing cjmmission : site. – URL: <https://www.usssc.gov/guidelines/archive/1994-federal-sentencing-guidelines-manual> (дата обращения: 15.04.2022).
14. Loomis v. Wisconsin // SCOTUSblog : сайт. – URL: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (дата обращения: 15.04.2022).

REFERENCES

1. Alikperov Kh.D. *Elektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya* [Electronic technology for determining the measure of punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr, 2020. 170 p. ISBN 978-5-94201-806-1.
2. Alpeeva O.I., Bushueva A.V. Use of digital technologies and artificial intelligence in crime prevention. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of the Penza State University*, 2021, no. 3 (35), pp. 54–62. (In Russ.).
3. Russian prisons are to introduce a neural network. *Lenta.ru: sait* [Lenta.ru: website]. Available at: <https://lenta.ru/turbopages.org/turbo/lenta.ru/s/news/2021/11/02/cifra/> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
4. The video surveillance system consisting of more than 400 video cameras was installed in the penal executive facility "Armavir". *Ugolovno-ispolnitel'naya sluzhba Ministerstva yustitsii Respubliki Armeniya: ofitsial'nyi sait* [Compulsory Enforcement Service of the Ministry of Justice of the Republic of Armenia: official website]. Available at: <https://penitentiary.am/ru/novosti/V-UIU-“Armavir”-ustanovlena-sistema-videonablyudeniya,-sostoyashchaya-iz-bolee-chem-400-videokamer-> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
5. Valeev M.T. A typical sanction as a criterion of the categorization of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2 (8), pp. 29–34. (In Russ.).
6. Inogamova-Khegai L.V. Qualification of crimes using computer technologies. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the 16th International scientific and practical conference]. Moscow: RG-Press, 2019. Pp. 51–55. (In Russ.).
7. Kozlov A.P. *Ponyatie prestupleniya* [The concept of crime]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 819 p. ISBN 5-94201-263-6.
8. Christie N. *Predely nakazaniya* [Limits of punishment]. Moscow: Progress, 1985. 176 p.
9. Oranzhireev N. D. *Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoi zavisimosti (ideya i skhema primeneniya)* [Crime and punishment in mathematical dependence (idea and scheme of application)]. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerov i Co, 1916. 69 p.
10. Kazakova V A. et al. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik* [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Moscow: Yustitsinform, 2004. 575 p. ISBN 5-7205-0561-X.
11. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik* [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Ed. by L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. Moscow: Infra-M, 2005. 560 p. ISBN 978-5-98209-032-4.
12. *Ugolovnyi kodeks Ispanii* [The Criminal Code of Spain]. Ed. by N.F. Kuznetsova, F.M. Reshetnikova. Moscow: Zertsalo, 1998. 218 p. ISBN 5-8078-0012-5.
13. Federal sentencing guidelines manual 1994. *United States Sentencing Commission: website*. Available at: <https://www.usssc.gov/guidelines/archive/1994-federal-sentencing-guidelines-manual> (accessed April 15, 2022).
14. Loomis v. Wisconsin. *SCOTUSblog: website*. Available at: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (accessed April 15, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АДЕЛИНА АРМЕНОВНА САРГСЯН – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, Ереван, Армения, adelina-sargsyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>

ADELINA A. SARGSYAN – PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>

Статья поступила 15.04.2022

Научная статья

УДК 343.97

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004

Введение в этнокриминологию

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯНВсероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Реферат

Введение: в статье преступность рассматривается с этнорелигиозных позиций и в контексте межнациональных конфликтов, особое внимание уделяется экстремизму и терроризму, называются основные черты этих явлений. Автор подчеркивает, что экстремизм и национализм в политике могут поставить человечество на грань катастрофы. *Цель:* обратить внимание на недостаточную изученность преступлений, носящих этнический и этнорелигиозный характер, обосновать необходимость проведения криминологических этнологических исследований, направленных на выработку новых общетеоретических подходов к пониманию преступности, ее причин и мер борьбы с ней. *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общепризнанных принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др. *Результаты:* автором рассмотрены проблемы фанатизма в этнических и этнорелигиозных группах, подчеркивается его особая опасность. Отмечается, что в корне неверно утверждать, что существует цивилизация, которая враждует с остальным миром, поскольку цивилизация включает в себя не только религиозную составляющую. *Выводы:* государство может успешно противостоять национализму и этнорелигиозному фанатизму; в странах, где данные явления находятся под угрозой наказания, преступники иногда оказываются способными отказаться от своих убеждений.

Ключевые слова: этнический; этнорелигиозный; фанатизм; экстремизм; нацизм; этнические и этнорелигиозные конфликты; этнокриминология.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Антонян Ю. М. Введение в этнокриминологию // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.

Original article

Introduction to Ethnocriminology

YURII M. ANTONYAN All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Abstract

Introduction: the article considers crime from ethno-religious perspectives and in the context of interethnic conflicts, pays special attention to extremism and terrorism, and identifies critical features of these phenomena. The author emphasizes that extremism and nationalism in politics can put humanity on the brink of disaster. *Task:* to draw attention to insufficient study of crimes of an ethnic and ethno-religious nature, substantiate the need for criminological ethnological research aimed at developing new general theoretical approaches to understanding crime, its causes and measures to combat it. *Methods:* the axiological approach is a methodological basis of this research. To solve the research problem, general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition, such as systematic, formal legal, sociological, etc., are used. *Results:* the author considers problems of fanaticism in ethnic and ethno-religious groups and emphasizes its particular danger. It is noted that it is fundamentally wrong to assert that there is a civilization that is at enmity with the rest of the world, since civilization includes not only a religious component. *Conclusions:* the state can successfully resist nationalism and ethno-religious fanaticism; in countries where these phenomena are punishable, criminals may renounce their beliefs.

Key words: ethnic; ethno-religious; fanaticism; extremism; Nazism; ethnic and ethno-religious conflicts; ethnocriminology.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Antonyan Yu.M. Introduction to Ethnocriminology. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.

В отечественной криминологии недостаточно исследованы преступления, носящие этнический и этнорелигиозный характер, исключение составляет лишь современный этнорелигиозный терроризм. Между тем, как известно, этнические и этнорелигиозные факторы играют важную роль в жизни человечества, и поэтому не могут не влиять на преступность, причем в некоторые эпохи самым определяющим образом. Важно их познание особенно в России, стране многонациональной и многоконфессиональной.

Этнология – это наука о нациях и народах, в том числе не достигших статуса нации, изучающая их особенности, культуру, обычаи, традиции, архетипы и символы. В ее предмет входят также религиозность, теистические позиции, извращение религиозных идей и возникающий на такой почве фанатизм, что особенно важно для правопорядка.

Проводя этнокриминологические исследования, надо отказаться от представления о преходящем характере чувства этнической и религиозной принадлежности и вырастающей на его почве национальной и религиозной нетерпимости, их ограниченности узкими историческими рамками и уровнем общественного развития. Думается, что нужно также уйти от представления о возможности изменения национального характера в соответствии с изменениями внешней материальной среды.

По нашему мнению, национальный характер представляет собой сочетание исторически сложившихся устойчивых социально-психологических, нравственных и духовных особенностей данной нации, выраженных в национальных и религиозных символах, национальных и религиозных ценностях. Он связан с историческим, в том числе невспоминаемым, бессознательным коллективным опытом, иногда тысячелетним, данной нации или народа, точнее, порожден им и может быть назван духом или душой нации, народа.

Такой характер стабилен, более того, весьма консервативен, не очень пластичен, плохо приспособляется к новым условиям. Но даже приспособление отнюдь не свидетельствует о существенном изменении самого этнообразования и его религиозно-культурной основы. Они могут, как и у отдельного человека, корректироваться в реакциях на внешние стимулы, что часто создает иллюзию изменения названных черт, поэтому очень важно учитывать, что внешние социальные условия обладают сравнительно скромными возможностями воздействия на сердцевину национального и религиозного духа, если понимать под ним то, что возникает в результате функционирования коллективного бессознательно по архетипическим механизмам и является основой существования данного этноса или религиозной группы.

Одним из парадоксов, порождающих религиозный и националистический террор, является то, что националисты и религиозные экстремисты очень остро реагируют на действительные или мнимые обиды, которые причинены их нации, хотя обычно совершенно бесчувственны к тем унижениям и оскорблениям, которым подвергают сами другие нации, отдельных их представителей.

Обобщая, можно назвать следующие основания для межнациональных конфликтов, которые иногда пытаются решить с помощью терроризма:

- стремление к перераспределению определенных жизненных ресурсов и природных богатств;
- несовпадение этнических, национальных и религиозных границ, предъявление в связи с этим территориальных, политических, иных претензий одной нацией другой, желание сделать свою страну мононациональной или монорелигиозной;
- ущемление прав наций на самоопределение (здесь имеются в виду только случаи, когда та или иная из них действительно вправе претендовать на суверенитет);
- стремление какой-то национальной группы или организации захватить государственную власть путем отделения от остальной страны (суверенизации) (разумеется, в лозунгах, рассчитанных на массовое потребление, это не отражается);
- нарушение прав личности представителей определенной нации (этноса), унижительное, пренебрежительное отношение к ним, непринятие необходимых мер для их экономического и духовного развития;
- желание продемонстрировать другой нации, народу, расе свое превосходство и одновременно запугать ее. Иногда это связано с обнищанием населения, когда у него ничего не остается, кроме национальной принадлежности, а люмпенское сознание, как известно, может перерасти в национал-социалистическое (нацистское, фашистское, расистское);
- разнообразие представлений людей о национальном достоянии, национальном достоинстве и национальном или расовом интересе, в которых могут обнаруживаться самые архаичные, даже первобытные корни;
- неумелая, непродуманная политика центральной власти в отношении отдельных национальных регионов, непринятие мер по нейтрализации негативных последствий при перестройке иерархических структур, нарушении прежнего баланса сил и возможностей;
- стремление любой нации (этноса), расы к сохранению своей национальной идентичности и сопротивление в связи с этим навязываемому властью или другими структурами иному образу жизни, иному мировосприятию и миропониманию, иным ценностям;

– формирование теневого национального компонента при образовании национальной буржуазии и предпринимательства. В некоторых случаях к националистическому терроризму прибегают для отстаивания, утверждения своих экономических интересов, то есть на базе дикой рыночной конкуренции. В нашей стране известны многие факты применения террора одними организованными преступными группировками против других, что осуществляется под националистическим прикрытием;

– неготовность власти (на разных уровнях), а также интеллигенции к взрыву национализма и неумение вовремя спрогнозировать его, принять профилактические меры, пресечь деструктивное поведение;

– политическая борьба, опирающаяся на религиозное, национальное или националистическое или расовое движение;

– превалирование процессов суверенизации над экономической целесообразностью, политическими, духовными, иными интересами и ценностями, выдвижение в этой связи максималистских, не основанных на реальности требований;

– рост безработицы, особенно в крупных городах с пестрым национальным и расовым составом: в отсутствии работы упрекают представителей наций, которые там составляют меньшинство, являются беженцами и мигрантами.

Иерархия оснований межнациональных конфликтов различна у разных народов и может меняться со временем, но представляется, что она все-таки стабильна на протяжении длительного периода.

Естественно, возникает вопрос: какова роль религии в порождении, провоцировании этнорелигиозной преступности? Ответ на него не может быть однозначным.

Во-первых, в священных текстах разных религий достаточно просто найти призывы к насилию или обоснование справедливости его применения. В этом смысле Коран, например, почти не отличается от Библии, особенно от Ветхого Завета. К тому же очень многое зависит от толкования конкретных текстов, то есть позиции того, кто это делает. Вот почему нет оснований считать тот же Коран главным источником мусульманского экстремизма. Но если даже священные книги отнюдь не чужаются насилия и в них можно черпать вдохновение и находить аргументы для оправдания терроризма, то религия оказывается причастной к данному явлению. Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис) весьма красноречиво в этом смысле.

Во-вторых, именно религия весьма чувствительна ко всем посягательствам на то, что считает своей святыней или важными ценностями. Она руками своей церкви готова охранять их также и путем агрессии, а в критических ситуациях особенно склонна к черно-белому восприятию мира, разделяя всех на своих и чужих.

Церковь делает сугубо религиозные символы национальным достоянием народа и фундаментом его культуры, объявляя их неприкосновенными и особо чтимыми. Они становятся таковыми в восприятии людей, поэтому действительное или мнимое покушение на них расценивается как величайшая опасность, избежать которой следует любой ценой.

В-третьих, в священных текстах столь же легко обнаружить осуждение насилия, проповедь любви, прощения и милосердия. И в этом отношении Коран не отличается от Библии. Поэтому борьба с терроризмом предполагает максимальную опору на религию и служителей церкви всех конфессий.

В-четвертых, многие авторы проводят различия между постулатами ислама и положениями шариата, который представляет собой комплекс предписаний, регулирующих поведение мусульманина в различных жизненных ситуациях. Некоторые исследователи считают, что публичное право шариата не представляет собой закон ислама, которому современные мусульмане обязаны следовать во исполнение своего религиозного долга. Шариат иногда прямо противоречит международному праву, что неудивительно, поскольку он сформировался в совсем другую эпоху. В то время как Устав ООН запрещает применение силы в международных отношениях, кроме случаев самозащиты, шариат, напротив, дает такое разрешение во имя распространения ислама и поддержания чистоты веры. Шариат узаконивает рабство как один из вариантов обращения с военнопленными (другие варианты – казнь, освобождение с выкупом или без выкупа в зависимости от воли победителя). Допускает шариат и дискриминацию по признакам пола, религии, карая отступление от ислама смертной казнью. Будучи творением мусульманских юристов, разработавших его на протяжении первых трех веков ислама, шариат, хотя он исходит из Корана и Сунны, сам по себе не является священным.

Конечно, крайности шариата в цивилизованных исламских странах официально исключены, но могут сохраняться в рамках отдельных социальных групп.

В исламе право объявления и ведения священной войны от имени государства, то есть в целях отражения агрессии и защиты свободы вероисповедания, принадлежит только самому государству. Отдельные лица, общественные и религиозные общины таким правом не обладают. Важно и то, что правильное толкование Корана могут дать только ученые, знающие и контекст, и историю его ниспослания. Коран утверждает, что «нет принуждения в религии» (2: 256), то есть однозначно запрещает насильственное обращение в ислам. Между тем в оправдание преступлений против немусульман исламские фанатики обращаются к Корану, в котором, в частности, говорится: «И убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили... О пророк! Борись с неверными и лицемерами и будь беспощаден к ним» (9: 5, 73). Для оправдания агрессии против немусульман приводятся и такие слова пророка Мухаммада: «Мне было приказано сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад – Его посланник, не станут совершать молитву и вносить закят, если же они сделают это, то их жизнь и имущество окажутся под моей защитой, а в противном случае с ними надлежит поступать по праву ислама, а суд над ними в руках Всевышнего Аллаха». Оба приведенных высказывания прямо призывают к насилию и могут использоваться для оправдания терроризма, но не следует забывать, что они были записаны в VI в. и адресованы совсем другим людям, ради иных целей.

Призывы к насилию можно найти и в Библии, причем в изобилии.

Современная мусульманская религиозная мысль приходит к выводу об однозначном осуждении исламом терроризма и о том, что насилие может быть использовано лишь как способ защиты этой религии. Вопреки утверждениям исламских экстремистов, они не служат исламу, а приносят ему вред.

Как же определить нынешнюю этнорелигиозную ситуацию в мире? Что она представляет собой в целом, в чем ее сущность и основные причины, с каким явлением мы сталкиваемся в лице этнорелигиозной преступности? Полагаем, что главным образом речь должна идти о столкновении двух мировых культур – исламской и христианской, Востока и Запада, если понимать их не географически, а как ареалы распространения определенных цивилизаций. Это столкновение двух ментальностей, двух мировоззрений, двух отношений к жизни и труду, самому себе и окружающему миру. Суть и содержание названных конфликтов нуждаются в постоянном углубленном и обстоятельном исследовании.

Прежде всего, здесь можно усмотреть зависть и даже ненависть относительно бедного и не обладающего достаточной военной мощью Востока к богатому, процветающему, ведущему роскошное существование, имеющему несокрушимые военные силы Западу, к тому же далеко не всегда справедливому и нередко агрессивному по отношению к своему нуждающемуся соседу. Именно поэтому было совершено нападение 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр – символ экономического процветания Запада – и Пентагон – символ его военной мощи.

У исламского Востока нет никакой возможности решить конфликт с Западом посредством военной силы, поэтому он прибегает к террору, который, как и в других случаях, становится оружием слабых. К тому же открытое применение военной силы возможно только со стороны государства, но ни одно мусульманское государство не выражает такого желания, многие из них действительно не хотят никаких конфликтов, но просто не в состоянии обуздать своих террористов.

Почему же современная террористическая агрессия в основном исходит от исламских, а не от каких-либо других экстремистов?

Казалось бы, большинство террористов – это выходцы из бедных стран, у которых сейчас нет никаких шансов приблизиться к развитым. Это относится к афганским и иракским бойцам «Аль-Каиды», пакистанцам и алжирцам, чеченцам и другим представителям Северного Кавказа, которые были втянуты в террористические действия. Однако более внимательный анализ показывает, что многие террористы отнюдь не бедняки и сражаются ради идеи. К тому же можно назвать целый ряд беднейших стран мира, которые не принимают никакого участия в терроризме, вообще не имеют о нем представления. Следовательно, не бедность или, точнее, не столько бедность может выступать причиной терроризма.

На наш взгляд, суть проблемы заключается в том, что ислам является самой молодой из мировых религий. Другие – христианство, буддизм, иудаизм, ин-

дуизм – давно определили свое место в мире, свою идентичность и субъектность, и их поиски в этой области прекращены. Они хорошо знают себя и достаточно четко представляют свои возможности. Поиск же исламом как самой молодой религией собственной идентичности часто реализуется в насильственной форме, что не должно вызывать удивления: на соответствующих этапах развития это же было присуще христианству (достаточно вспомнить крестовые походы, Варфоломеевскую ночь во Франции, инквизицию и т. д.).

Однако утверждать, что с остальным миром враждует вся мусульманская цивилизация, было бы в корне неверно, поскольку цивилизация включает не только их религиозную составляющую, которая, конечно, тоже не вся определяется агрессивными установками. Большинство мусульманских священнослужителей, как и рядовых верующих, активно выступает против насилия, причем постоянно.

Другое очень важное обстоятельство заключается в том, что ислам в некоторых отсталых странах (Афганистан) формирует и цементирует традиционное общество, на смену которому уже давно пришли индустриальное и постиндустриальное, созданные, в первую очередь, западной христианской цивилизацией. К тому же ислам иногда, но далеко не во всем проявляет консервативные тенденции, упорно отставив самые архаичные формы существования людей и повседневного их общения, а поэтому весьма враждебно настроен и негативно оценивает очень многое из того, что исходит из западного мира.

Между тем его влияние в условиях современной глобализации губительно для ценностей и символов традиционного общества, а любые серьезные угрозы воспринимаются представителями такого общества крайне болезненно. Современные экстремистские движения завоевывают всенародную поддержку, отрицая саму необходимость принимать и даже просто уважать западные ценности. В качестве программы действий они используют призывы жить по законам ислама. Подчеркнем, что речь идет не об исламе в целом, а об экстремистских движениях.

Надо признать, что Запад упростил задачу теоретикам и идеологам терроризма. Одно только перечисление актов насилия и несправедливости в отношении исламских стран, в том числе бывших колоний, вызывает бурное негодование мусульман и перевешивает все положительные экономические последствия отношений с Западом. Можно, конечно, призывать его не давить на восточную цивилизацию, не навязывать ей свои ценности, но насколько это реально и может ли привести к ослаблению межкультурных противоречий, поможет ли преодолению во многом отрицательного отношения Востока? Думается, что нет, поскольку отдельные восточные исламские страны могут оставаться бедными и сделать их цивилизованными «по-своему» не удастся.

Мы сталкиваемся с неразрешимой проблемой: существенная разница в отношении к труду населения Запада и Востока. Восток будет оставаться бедным до тех пор, пока коренным образом не пересмотрит свое отношение к труду и не уберет все препятствия для повышения его эффективности. Однако есть опа-

сение, что это трудноразрешимая проблема и Восток останется бедным, поскольку труд граждан в некоторых странах не отвечает тем требованиям, которые соответствуют современным стандартам и могли бы привести к процветанию.

Необходимо учитывать, что конкуренция и в связи с ней конфликтные отношения между христианской и мусульманской церквями сложились еще в те далекие века, когда ислам только начал распространяться в мире.

В области этнорелигиозных конфликтов нередко совершаются экстремистские преступления. Экстремизм – понятие универсальное, оно включает в себя опасные, даже крайне общественно опасные явления, но ни в коем случае не полезные, даже исключительные, преодолевающие некие границы и показывающие новые рубежи человеческих возможностей, которые потом могут стать нормой. Такое весьма вероятно в спорте, научных изысканиях, основанных на эксперименте и опытах. Однако экстремизм и национализм в политике, например, при дальнейшем развитии может поставить человечество на грань катастрофы.

Основные черты этнорелигиозного и националистического экстремизма:

1. Этнорелигиозный экстремизм постоянно ставит перед собой цели, которые могут представляться труднодостижимыми или даже недостижимыми.

2. Экстремистские организации могут сами бороться за политическую власть либо их могут использовать в борьбе за политическую власть какие-либо сообщества.

3. Для таких организаций свойственны разделение мира на своих и чужих, черное и белое, достаточно четкие представления о врагах, в основном в части внешних признаков и проявлений, которые вызывают зависть и чувство несправедливости. Враг – постоянная, непреходящая фигура, архетип.

4. Неуважительное отношение к другим культурам, которые представляются ненужными, вредными, подлежащими уничтожению или во всяком случае взятию под полный и жесткий контроль.

5. Постоянная озабоченность приобретением сторонников и союзников, во всяком случае единомышленников из числа людей толпы, но не сборища людей, скажем, перед футбольным матчем, а толпы – массы народа, малограмотного, простодушного, доверчивого, в основном из среднего и низшего социальных слоев населения. Для этого экстремисты используют все доступные им средства массовой информации, Интернет, информационные сети. Толпа-масса является главным творцом и хранителем этнорелигиозной и националистической мифологии. Толпа сама может спровоцировать и осуществить экстремистское насилие.

6. Самой благоприятной почвой для этнорелигиозного и националистического экстремизма является кризисное общество, но экстремизм может появиться и в благополучном обществе, стремясь к тому, чтобы сделать его кризисным, особенно если получает помощь извне.

7. Если иметь в виду исламский этнорелигиозный (чаще религиозный) экстремизм, то следует отме-

тить, что сам ислам утвердился на 6–7 веков позднее, чем, например, христианство, о чем уже говорилось выше.

8. Технологическая оснащенность, свободное владение современными средствами связи, позволяющие вступать в борьбу с государственными органами и получать необходимую для террористов информацию.

Оценивая этнорелигиозные риски, надо иметь в виду, что в новейшей истории религия не играет столь значительной роли, как в Средневековье и античном мире. Думается, что криминологические этнологические исследования могут привести к появлению новых общетеоретических подходов к пониманию преступности, ее причин и мер борьбы с нею.

Принадлежность к нации или религии способна вызвать фанатизм, порождаемый страстным вплоть до самозабвения желанием защитить их от реальных или мнимых врагов, добиться их торжества и полного триумфа. Представление о нации и религии, их восприятие и значимость становятся основами личности. Наряду с таким отношением к ним весьма опасно неоспоримое владение самой главной истиной, знание того, как попасть в рай или создать его на земле.

П. Концен пишет о фанатизме следующее: «Большое количество людей охвачено неконтролируемыми фанатическими эмоциональными реакциями, энтузиазмом, возмущением, страстной ненавистью, которые легко могут превратиться в необузданное насилие и стремление к разрушению. Имеется в виду толпа, призывающая к тотальной войне в Берлинском дворце спорта, буйствующие индусы, которые в декабре 1992 разрушили Айоджа-Мошее, или исполненный ненависти отчаянный траур во время похоронных ритуалов расстрелянных палестинцев. Мобилизация масс – это древнейший трюк, который в XX веке принял характер научного эксперимента. Постоянный вопрос: победят ли при всеобщих забастовках рационально дисциплинированные силы или во время наступления протеста разразится неконтролируемый фурор? Великие политические изменения всегда удавались лишь объединенными коллективными силами. С другой стороны, взбунтовавшиеся массы в возвышенном чувстве всеобщей солидарности могли недооценивать силу противника. Их могли – как при восстаниях рабов и крестьян – жестоко избить дубинками. Находясь в толпе, человек особенно склонен “заразиться” фанатичным. Отдельный человек попадает в “коллективный водоворот”, в пучину примитивных чувств. Все то, что столетиями выстраивало в личности дифференцированную идентичность, мгновенно исчезает. Коллективное опьянение подавляет нашептывание критического Я, этические побуждения – даже высокая образованность и необычайная интеллигентность – часто не в состоянии защитить от этой дезорганизации» [2, с. 115].

Фанатики очень часто кипят ненавистью и даже истерией, стремятся властвовать и подавлять, во многих случаях готовы причинить другим любое, в том числе крайне жестокое, зло. Фанатики нарцисстичны, могут любоваться собой, якобы знают идею, которая спасет людей, не понимая, что непоколебимая вера в нее лишает их свободы, поскольку они не могут вы-

йти за ее рамки. Выдающиеся личности, охваченные фанатическим жаром, в годы кризисов подстрекают массы и подчиняют их себе, совершая при этом самые ужасные преступления. Все они демагогически оправдываются тем, что якобы делают это для блага народа, который сам страстно желает этого.

Национальный, точнее националистический и этнорелигиозный, фанатизм ведет к потере связи с действительностью. Одновременно усиливается контроль за верностью других людей той же националистической или этнорелигиозной группы общей идее. Лидеры и наиболее страстные члены могут показаться лишь борцами за права своего униженного народа или своей единственно верной религии, но показывают смертельную решимость, когда дело доходит до борьбы. Тогда они проявляют фанатизм и хладнокровную жестокость. Для некоторых фанатичных лидеров преследование людей другой национальной, конфессиональной и расовой принадлежности есть способ утоления их игровых потенций и реализации садистских влечений. Там, где им успешно противостоит государство, они под угрозой наказания иногда отказываются от своей фанатической лжи.

П. Концен писал, что некоторые «ведущие» фанатики, очевидно имея в виду, например, Гитлера, накладывали неизгладимый отпечаток на свою эпоху, иные же были убиты, подобно бешеным собакам. Жажда мести всегда разжигала затяжные конфликты между народами и религиозными конфессиями, которые являли собой иррациональные формы ответного насилия. В прошлом политические режимы всегда удерживали свою власть с помощью жестоких репрессий. С другой же стороны, фанатизм воодушевлял массы, которые приводили в действие важнейшие исторические события (каждый раз – самой ужасной ценой).

Чуть ли не во всех формах философской этики обосновывается необходимость воздержания, «апатии», обуздания ярости; основатели религий и святые призывали к сочувствию, прощению и милосердию. Но в то же время именно религиозные лидеры, словно сорвавшись с цепи, могли вести догматическую борьбу с проявлениями зла, ставя под сомнение существование «божьей искры» в человеке.

В век глобализации и урбанизации неизбежно происходит смешение народов, однако вряд ли когда-нибудь, даже в очень отдаленном будущем, человечество превратится в единый народ. Такого слияния не произойдет никогда, поскольку народы живут в разных социальных, социально-психологических и географических условиях, развиваются разными темпами и обладают разной исторической памятью. Но если бы оно и случилось, это было бы несчастьем для всего мира: люди стали бы однообразными и серыми, исчезли бы все неповторимые, уникальные красоты языка, религии, обычаев, искусства и т. д. Между тем культурологам давно известно, что у разных народов существуют одинаковые или сходные обычаи и традиции, мифы и сказки, правила поведения и даже формы и способы их нарушения. Например, всеобщее распространение получил миф о всемирном потопе. Д. Д. Фрезер пишет об этом так: сходство объясняется простым заимствованием с

некоторыми более или менее значительными видоизменениями, но немало бывает и таких случаев, когда сходные у разных народов обычаи и верования возникают независимо друг от друга, в результате одинаковой работы человеческой мысли под влиянием аналогичных условий жизни [5, с. 64].

Названные факторы, различия и сходство народов определяют структуру, характер и динамику преступности среди них. Даже в условиях проживания в одном городе некоторые национальные группы, как правило составляющие меньшинство его населения, сами изолируют себя от остальных и строят свое поведение не только по канонам, общим для всех, но и по тем, которые свойственны только данной нации. Добровольная изоляция весьма относительна, поскольку никому не дано полностью или в основном отгородиться от окружающих, исключая религиозных фанатиков с поврежденной психикой. Некоторые малые или рассеянные по миру народы, например цыгане и езиды, способны к добровольной либо, по существу, принудительной изоляции в отдельных странах. Принудительность может заключаться не в силовом давлении государства, а в вытеснении таких народов обществом с молчаливого согласия того же государства.

Но еще раз следует подчеркнуть, что создание неформальных, национальных, изолированных групп не всегда есть следствие внешнего, даже замаскированного давления, а во многих случаях исходит из осознанного или бессознательного желания самих национальных (и религиозных) групп сохранить свою самобытность и свои ценности. Это хоть и требует криминологической оценки, но в целом есть огромное благо для человечества, поскольку не позволяет ему превратиться в унылый и стандартный пейзаж. Конечно, не все представители данного народа даже в одном городе замыкаются в рамках своего национального объединения. Получение более хорошего образования и трудовой квалификации, а также обогащение могут повлечь фактический выход из него (иногда при сохранении видимости прежней связи).

Свои поселения у тех или иных народов могут возникать не только в границах городов, но и вне их. Это наблюдается во многих странах мира. Отделение от остального населения, составляющего большинство в стране, ни в коем случае не ведет к криминализации, но там способны получить развитие свои виды преступности, например производство и сбыт наркотиков, угон скота, создание гангстерских и экстремистских организаций и т. д.

Можно поставить весьма сложный и даже щекотливый вопрос: существуют ли преступные народы? Формулировка его нарочито прямолинейна, чтобы показать, что ответ не должен быть таким же.

Прежде всего, что означает в данном контексте прилагательное «преступные»? Наполняя его криминологическим содержанием, можно ли его использовать в отношении конкретного народа? При положительном ответе необходимо пояснить, имеется ли в виду совершение тяжких, особо тяжких или незначительных по последствиям преступлений, причем постоянно либо в какие-то острые периоды истории. Здесь напрашивается сравнение народа с

человеком. О последнем Ч. Ломброзо писал, что есть преступный человек, полагая, что он наследует преступные гены. Доказательства этого ученого строились на социологическом материале, что абсолютно непригодно, а следовательно, его позиция несостоятельна. Но все-таки можно обоснованно предположить, что преступный человек – это реальность. Как еще назвать лицо, которое воспитывалось в неблагоприятных условиях, еще в подростковом возрасте стало совершать преступления, привлекалось к уголовной ответственности 8 раз, пронизано тюремными и антиобщественными представлениями. Это совершенно отчужденная личность, причем не во всем по своей вине – немалая доля ответственности лежит на семье, школе, правоохранительных органах.

Понятно, что человек и народ – это разные явления, хотя люди нации и составляют народ. Преступления совершает только какая-то его часть, но точно известно, какая именно. Если проанализировать всю историю человечества, то окажется, что некоторые народы, в том числе в Античности и Средневековье, нападали на другие народы, обычно соседние. Они их уничтожали полностью или частично, угоняли в плен, ассимилировали. При этом захватчики знали, что убивая или захватывая в плен, совершают преступления, но были уверены, что это их право, что они должны так поступать, что разгромленные народы сами угрожали им, что и породило их агрессивную защиту, что такие народы неумелы и ничтожны и у них нет оснований жить на земле и т. д. Такое мировосприятие, миротолкование было у древних евреев, которые вырвались из египетского плена, у древних римлян и других современных им народов, в Средние века, Новое время и т. д. Мы видим, что цивилизация не отменяет законы истории и не меняет психологию народов. Доказательство – гитлеровская Германия и немцы того периода.

Именно немцы такой Германии, а не вообще немцы, одна из самых цивилизованных и просвещенных наций мира, совершили крайне жестокие и отвратительные преступления в эпоху нацизма. Обычно их причины видят в Гитлере, но при этом не могут ответить на вопрос, почему фюрер не мог действовать в Великобритании или России, а именно в Германии. Гитлер как некрофил [4, с. 319–373] одержал полную победу, организовав и осуществив невиданный в истории геноцид и агрессию против других стран. Все это стало возможным только в Германии, истории и архетипические ценности которой подарили ему невиданную власть, которую он до конца использовал. Германцы проявили себя храбрыми воинами еще в эпоху сопротивления римлянам, и тогда же начал формироваться архетип белокурой бестии с голубыми глазами, беспощадной к тем, кого считает врагами. Веками создавался культ военщины и военной силы. Так, у кайзера Вильгельма II было шестеро сыновей, и все они были армейскими офицерами. Кайзер был одним из инициаторов Первой мировой войны. Поэтому немцы очень болезненно перенесли поражение в войнах с Наполеоном и неизменно жаждали реванша.

Объяснение гитлеризма можно найти во многих работах, в частности Х. Арендт, К. Бассиони, И. Фе-

ста, Э. Фромма, О. Ю. Пленкова, Л. Риса, Г. Леви, К. Ясперса, Т. Манна, Г. Раушнинга, В. Райха, П. Концена и др. Здесь уместно будет привести замечания выдающегося этнолога и географа Э. Реклю, важные для понимания корней германского милитаризма и совершенных немцами в гитлеровские годы преступлений: «Нѣмецкій народъ, въ концѣ-концовъ, началъ олицетворять свою имперію не иначе, какъ въ образѣ вооруженной съ ногъ до головы женщины, грозящей кому-нибудь своимъ мечомъ. Здѣсь невольно вспоминается “національный” памятникъ Германіи, возвышающійся на высокомъ холмѣ Нидервальда, на правомъ берегу Рейна. Стоящая выше окрестныхъ холмовъ и лѣсовъ, гордая, вооруженная статуя Германіи съ ненавистью смотритъ за Рейнъ, въ сторону Франціи. Въ этомъ памятникѣ чувствуется угроза не только Франціи, но и всему міру; каждый нѣмецъ, смотря на этотъ памятникъ, весь проникается сознаниемъ, что “Германія выше всего на свѣтъ” и поэтому безропотно приноситъ тяжелыя жертвы для поддержанія величія и мощи своего любимого фатерланда. Подобные памятники, только меньшихъ размѣровъ, воздвигнуты для воспитанія народа во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Германіи.

Признавая главной задачей націи достиженіе мірового могущества при помощи вооруженной силы, германцы, естественно, должны были создать хорошо организованную государственную власть, которая могла бы вести націю къ достиженію ея идеаловъ. Дѣйствительно, государственная власть въ Германіи достигла своего высшаго развитія и нигдѣ въ міре правительтво и его представители не пользуются такимъ почетомъ, какъ въ Германіи» [3, с. 12].

Вот образец детской песенки, которую приводит Э. Реклю. Она распевалась в немецких сельских школах еще в XIX в.

«Торжественно трубы звучат,
И шумно развиваются знамена.
Марш, марш на врагов во имя Бога!
Рубите их, пока полягут все!
Бейте их, не давайте пощады!
Если не в силах меч вы поднять,
То душите врагов, не робей».

Сами названия эпохи Гитлера (нацизм) и гитлеровской партии (национал-социалистическая) свидетельствуют не только о преступном режиме в Германии, но и о том, что все чудовищные преступления немцев носили именно национальный характер. Нацизмом были поражены, конечно, не все немцы, но значительная их часть. Есть все основания думать, что все это было в прошлом, хотя и недавнем. Но, конечно, немцев, как любую другую нацию (и расу), ни в коем случае нельзя назвать преступной. Преступления совершают отдельные люди, даже, возможно, большинство людей этой нации или расовой группы, но не вся нация, расовая группа. Это тем более верно, что любая из названных этнических единиц может быть рассеяна по разным странам.

Х. Арендт права в том, что сопоставление абсолютно невинного еврейского народа с абсолютно виновным немецким народом не означает, что возможно заставить весь немецкий народ выглядеть таким же виновным, как это сделали нацисты с ев-

реями. Установление и поддержание таких различий означало бы установление и поддержание перманентного ада на земле [1, с. 349]. Это, конечно, не говорит о том, что германский народ не несет никакой ответственности перед всем миром, ибо он и никто другой привел Гитлера к власти, которую ему официально вручил президент Гинденбург, поддерживал его во всем, рукоплескал ему, верил безоглядно, более того, боготворил, ничуть не сомневаясь в святости его приказов. Гитлер и его преступный режим при почти полной поддержке народа напали на страны и народы, которые заведомо не могли им сопротивляться, но показали совершенное отсутствие стратегического мышления, вступив в войну с демократическими странами и СССР. Они были попросту недалёковидны.

Новая посткоммунистическая Россия в кризисный период своей молодости столкнулась с острой национальной проблемой – чеченской. Вначале лиц нечеченской национальности вытесняли из республики, а потом началась гражданская война с остальной Россией. Мир на этой небольшой территории был достигнут ценой тысяч жизней с обеих сторон, но кроме собственно военных действий чеченские радикалы часто прибегали к террористическим актам, что всегда характерно для более слабой стороны конфликта. Вместе с тем надо учитывать следующее очень важное обстоятельство: чеченские власти и народ этой страны воевали с Россией не потому, что они ненавидели

русских, украинцев и т. д. Чеченцы делали бы то же самое, если бы их свободе препятствовали французы или японцы, то есть боролись не с другими российскими народами, а с российской властью как с силой, не дающей им возможности стать независимыми.

Наша страна не впервые сталкивается с национальной проблемой: после октябрьского переворота 1917 г. перед большевиками встала очень болезненная задача, а именно восстановления российской власти в среднеазиатском регионе. Он был, собственно говоря, колонией царской России, и этот его статус требовалось сохранить. Восстание народов Средней Азии не было чем-то уникальным в мировой истории, так же поступали жители многих колоний Великобритании, Франции, Испании и других европейских держав. Советская пропаганда, конечно, делала все возможное, чтобы очернить, оплевать движение среднеазиатских наций за независимость, представляя его как сугубо разбойное, бандитское, а людей, взявшихся за оружие, называя басмачами. В глазах же своих народов те были героями, с чем коммунисты не могли никак согласиться, тем более что действовали против них с максимальной жестокостью.

Расовых конфликтов в России никогда не было: с негроидной расой по той простой причине, что их представителей в России ничтожно мало, а с монголоидной потому, что уже много веков другие народы с ней сроднились до такой степени, что не замечают расовых различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арентдт, Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Ханна Арентдт ; перевод [с английского] Елены Бондал [и др.]. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. – 707 с. – ISBN 978-5-93255-519-4.
2. Концен, П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления / Петер Концен ; перевод С. С. Дмитрова, редактор А. И. Кугай. – Харьков : Гуманитарный центр, 2011. – 392 с. – ISBN 978-969-8324-71-0.
3. Реклю, Э. Народы и страны Западной Европы. Книги 1–2 / Элизе Реклю ; под редакцией Н. К. Лебедева. – Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. – 792 с.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм ; перевод и автор вступительной статьи А. С. Гуревич. – Москва : Республика, 1994. – ISBN 5-250-02472-6.
5. Фрэйзер, Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете / Джеймс Джордж Фрэйзер ; перевод с английского С. А. Токарева. – Москва : Изд-во полит. лит., 1985. – 650 с.

REFERENCES

1. Arendt H. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Experiences of Understanding, 1930–1954. Formation, Exile and Totalitarianism]. Translated from English by Elena Bondal et al. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2018. 707 p. ISBN 978-5-93255-519-4.
2. Konzen P. *Fanatizm. Psichoanaliz etogo uzhasnogo yavleniya* [Fanaticism. Psychoanalysis of this terrible phenomenon]. Translated by S.S. Dmitrova. Edited by A.I. Kugai. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2011. 392 p. ISBN 978-969-8324-71-0.
3. Reclus J.E. *Narody i strany Zapadnoi Evropy. Knigi 1–2* [Peoples and countries of Western Europe. Books 1–2]. Ed. by N.K. Lebedev. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1915. 792 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: Respublika, 1994. ISBN 5-250-02472-6.
5. Frazer J.F. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Translated from English by S.A. Tokareva. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1985. 650 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

YURI M. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Статья поступила 05.04.2022

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.005

Об учете мнения потерпевшего в процессе дифференциации и индивидуализации уголовного наказания

ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ КРУГЛИКОВ

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, krugliko@uniyar.ac.ru

Р е ф е р а т

Введение: в статье проведен анализ правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о допустимости (недопустимости) учета мнения потерпевшего (его законного представителя) при назначении судом наказания. *Цель:* на основе анализа ст. 61 и 63 УК РФ, выявления особенностей их практического применения показать необходимость учета мнения сторон при назначении наказания. *Методы:* сравнительно-правовой, интерпретации, а также частнонаучные – юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* под сомнение ставится принятие судом во внимание мнения потерпевшего (его законного представителя) в качестве либо только отягчающего, либо только смягчающего наказания обстоятельства, поскольку уголовный закон (ст. 61, 63 УК РФ) не относит его ни к отягчающим, ни к смягчающим. При этом перечень отягчающих вину обстоятельств на сегодняшний день является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. В то же время судебная практика знает случаи учета для усиления наказания и других обстоятельств, не предусмотренных ст. 63 УК РФ, а в ч. 2 ст. 61 УК РФ говорится о том, что при назначении наказания могут быть приняты во внимание и другие смягчающие вину обстоятельства. *Вывод:* позицию сторон в уголовном процессе суд всегда должен учитывать, в том числе при назначении наказания – более или менее строгого. В этой связи усматривается необходимость разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующей обязанности судов при принятии ими решений по уголовным делам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное наказание; дифференциация и индивидуализация наказания; позиция Верховного Суда Российской Федерации; мнение потерпевшего; смягчающие и отягчающие обстоятельства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Кругликов Л. Л. Об учете мнения потерпевшего в процессе дифференциации и индивидуализации уголовного наказания // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 161–165. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.005.

Original article

On Taking into Account the Victim's View in The Process of Differentiation and Individualization of Criminal Punishment

LEV L. KRUGLIKOV

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, krugliko@uniyar.ac.ru

A b s t r a c t

Introduction: the article analyzes the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the question of the permissibility (inadmissibility) of taking into account the victim's view (his/her legal representative) when sentencing by the court. *Purpose:* based on the analysis of Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and identification of features of their practical application, to show the need to take into account views of the parties when imposing punishment. *Methods:* comparative legal, interpretation, as well as private scientific – legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results:* it is doubtful when the court takes into account the victim's view (his/her legal representative) as either an aggravating or only mitigating circumstance, since the criminal law (articles 61, 63 of the Criminal Code of the Russian Federation) does not classify it as either aggravating or mitigating. At the same time, the list of aggravating circumstances to date is exhaustive and cannot be interpreted broadly. At the same time, judicial practice knows cases of

considering other circumstances not provided for in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation for strengthening punishment, and Part 2 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulates that other mitigating circumstances may be taken into account when imposing punishment. *Conclusion*: the court should always take into account the position of the parties in the criminal process, including when imposing a more or less severe punishment. In this regard, there is a need for clarification by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the corresponding duty of courts when they make decisions on criminal cases.

Key words: criminal punishment; differentiation and individualization of punishment; position of the Supreme Court of the Russian Federation; opinion of the victim; mitigating and aggravating circumstances.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Kruglikov L.L. On taking into account the victim's view in the process of differentiation and individualization of criminal punishment. *Penitentiary science*, 2022, vol. 16, no. 2. (58), pp. 161–165. 10.46741/2686-9764.2022.58.2.005.

В последнее время, особенно в 2021 г., Верховный Суд Российской Федерации настойчиво обращал внимание судов на недопустимость ссылок при назначении наказания виновным в совершении преступления лицам на позицию потерпевшего. Так, снижая наказание К., осужденному по ч. 1 ст. 105 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции сослалась, в частности, на то, что мнение потерпевшего относительно вида и размера назначаемого по приговору наказания (в плане ужесточения последнего) не может учитываться судом [4, с. 47]. В другом случае апелляционным постановлением приговор также был изменен: из описательно-мотивировочной части было исключено указание на учет при назначении наказания Р. мнения потерпевших о строгом наказании [3, с. 29]. Аналогичную позицию занял Президиум Верховного Суда Российской Федерации по делу Л., Д. и Ш.: изменяя приговор и апелляционное определение, он исключил упоминание в них «об учете мнения потерпевших о строгом наказании подсудимых» [2, с. 10].

На первый взгляд, такое разъяснение основано на недоразумении и немедленно должно быть отвергнуто. Действительно, потерпевший – сторона в уголовном процессе, наделенная широким спектром прав, поскольку ей преступлением причиняется физический, имущественный и (или) моральный вред. Неслучайно решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно в момент возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Потерпевший, его законный представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, а по делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение (ст. 22 УПК РФ). Они вправе заявлять ходатайства и отводы, выступать в судебных прениях, обжаловать приговор, подавать возражения на жалобы и представления по уголовному делу (ч. 2 ст. 42 УПК РФ). При рассмотрении вопроса о возможности принятия решения о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства надлежит выяснить, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия (гл. 40 УПК РФ), в частности отсутствуют ли возражения потерпевшего против рассмотрения дела в особом порядке. Если окажется, что потерпевший высказывает несогласие в этой

части, уголовное дело судом будет рассматриваться в общем порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ).

Сходные взгляды по рассматриваемому вопросу получили закрепление и в уголовном законодательстве. В частности, ст. 76 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в связи с примирением с потерпевшим только тогда, когда причиненный последнему вред заглажен. Если потерпевшим не дано согласия на освобождение, если он настаивает на привлечении лица к уголовной ответственности, применение указанной льготы в принципе невозможно. Отсюда неучет мнения потерпевшего как стороны в уголовном процессе при решении соответствующих вопросов, в том числе относительно объема уголовной ответственности (ее допустимости, вида и размеров), выглядит неуместным.

Важно в этой связи выявить мотивы запрета Верховным Судом Российской Федерации учета позиции потерпевшего при назначении наказания. «Мнение потерпевшего о назначении подсудимому строгого наказания, – сказано в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2001 по делу Л. и других, – не отнесено законодателем к обстоятельствам, отягчающим наказание, перечень которых установлен ст. 63 УК РФ, и ссылка на это обстоятельство при избрании наказания неуместна» [2, с. 10].

Представляется, что речь идет о недопустимости учета такого мнения: а) именно при ужесточении наказания, б) по тем основаниям, что в перечне отягчающих обстоятельств упоминание о данном обстоятельстве отсутствует.

Означает ли сказанное, что мнение потерпевшего о применении менее строгого наказания – это смягчающее обстоятельство и оно не может быть игнорировано судом, а неустановление и неупоминание его в приговоре недопустимы? И действительно ли мнение потерпевшего о суровом наказании – это отягчающее обстоятельство?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо коснуться прежде понимания смягчающих и отягчающих обстоятельств, их правовой природы, а затем критериев их отбора для включения в перечни ст. 61 и 63 УК РФ, причин недопустимости признания мнения

потерпевших о наказании отягчающим обстоятельством.

Первая сложность возникает в связи с тем, что уголовное законодательство России никогда не содер­жало дефиниции смягчающих и отягчающих обстоятельств. Можно было бы пойти для уяснения их признаков по пути соотнесения со смежными поня­тиями, но и здесь обнаруживаются свои трудности. Так, в силу ч. 3 ст. 63 УК РФ назначение наказания предполагает учет характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе смягчающих и отягчающих обстоятельств. Тем самым подчеркивается тесная связь таких обстоятельств (по содержанию, истокам) с данными о преступлении и личности виновного. Иначе, однако, трактуется соотношение упомянутых критериев в ч. 1 ст. 6 УК РФ: назначаемое судом наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его (пре­ступления) совершения и личности виновного. Здесь налицо иное понимание природы смягчающих и отягчающих обстоятельств: отне­няется их связь, как и прочих обстоятельств, только с преступлением.

Если не отвлекаться от упомянутых нестыковок в вопросах нормативной трактовки рассматриваемых обстоятельств, к основным чертам последних следует отнести прежде всего их происхождение от дан­ных о преступлении и личности виновного. Есть обстоя­тельства: а) проявившиеся в преступлении; б) не проявившиеся в преступлении, но тесно связанные с последующим поведением правонарушителя (на­пример, деятельное раскаяние); в) не связанные с содеянным, но характеризующие степень опасности личности (например, положительная бытовая харак­теристика подсудимого); г) не характеризующие сте­пень опасности личности виновного (например, нали­чие малолетних детей, инвалидность).

Первые две разновидности, хотя далеко и не в полном объеме, признаются смягчающими наказа­ние, две другие суд вправе признать смягчающими по основаниям ч. 2 ст. 61 УК РФ (в настоящее время признаны смягчающими лишь беременность и нали­чие малолетних детей у виновного – п. «в» и «г» ч. 1 ст. 61). К отягчающим относятся обстоятельства толь­ко первого типа (проявившиеся в преступлении).

Отсюда отнесение мнения потерпевшего, то есть данных, не проявившихся в преступлении, к соб­ственно категории отягчающих и смягчающих обстоя­тельств достаточно сомнительно. Оно может учиты­ваться судом только как характеристика опасности преступления и личности виновного (в силу положений ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ), но по предписанию закона не способны выступать в роли смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Заметим в этой связи, что упомянутые в заго­ловках ст. 61 и 63 УК РФ обстоятельства наделены функцией влияния на наказание смягчающим или отягчающим образом, равно как и иные обстоя­тельства (например, характеризующие форму вины, сте­пень осуществления преступного намерения, роль в соучастии и т. д.). Отличительное свойство обстоя­тельств, именуемых в законе смягчающими и отяг­

чающими, помимо их отнесения к данным о престу­плении и личности виновного, – это значительность (существенность) влияния на назначаемое судом на­казание и ответственность в целом.

Отсюда рассматриваемые обстоятельства могут быть определены как данные, которые производны от содержания преступления и личности виновного и способны значительно смягчать или усиливать от­ветственность и наказание ввиду их существенного влияния на степень общественной опасности этого преступления, а также могут отражать существенные особенности личности преступника.

Конкретные виды смягчающих и отягчающих об­стоятельств закреплены в перечнях ст. 61 и 63 УК РФ.

Любые обстоятельства, именуемые смягчающими и отягчающими (как названные в перечнях, так и учи­тываемые судом по основаниям ч. 2 ст. 61 УК РФ), на­делены двумя обязательными чертами: значительно­стью влияния и нехарактерностью для большинства преступлений. Вторая из них означает, что не может выступать как отягчающее или смягчающее такое об­стоятельство, которое является обычным для посяга­тельства (например, факт совершения преступления впервые).

Упомянутые черты минимально необходимы для всякого смягчающего, отягчающего обстоятель­ства, но их недостаточно для включения конкретного вида обстоятельства в перечень – требуется выявить ряд дополнительных черт, а именно: а) типичность; б) безусловность (обязательность влияния); в) строго определенную направленность влияния; г) непроиз­водность от других смягчающих и отягчающих обсто­ятельств.

Под типичностью обстоятельств, включаемых в закон, понимается возможность их наличия в более или менее обширном круге преступлений. Например, обстоятельство, описанное в п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ и касающееся использования преимущественно обще­опасных средств, мыслимо в более чем 60 видах преступлений. Напротив, незначителен круг посяга­тельств, совершаемых в извращенных формах либо с проникновением в жилище, и потому такого рода обстоятельства не могут претендовать на включение их в перечень.

Обязательность (безусловность) влияния означа­ет, что описываемые в перечне обстоятельства непре­менно сказываются на уровне (степени) обще­ственной опасности содеянного и (или) личности виновного и существенным образом на наказании. Отсюда спорно включение в перечень ст. 63 УК РФ в качестве отягчающего такого обстоятельства, как со­вершение преступления в отношении лица, «находя­щегося в зависимости от виновного» (п. «з» ч. 1), по­скольку уголовно значима только существенная, а не всякая иная, зависимость.

Строго определенная направленность влияния – черта, положенная в основу раздельного существо­вания двух перечней (ст. 61 и 63 УК РФ). Она означа­ет, что претендующие на включение в тот или другой перечень обстоятельства способны по всем делам о преступлениях либо только повышать, либо только снижать наказание. Отсюда в закон не должны вхо­

дить обстоятельства переменного характера (близкое родство, состояние опьянения и т. п.). Пленум Верховного Суда в свое время (п. 10 постановления № 2 от 11.01.2007) особо подчеркивал, что совершенные преступления в состоянии опьянения не отнесены к обстоятельствам, отягчающим наказание, не включены в перечень ст. 63 УК РФ. Ныне в связи с включением этого обстоятельства в ст. 63 УК РФ (ч. 1.1) ситуация изменилась: оно, с одной стороны, как не обладающее свойством строго определенной направленности и обязательности влияния правомерно не вошло в перечень отягчающих, с другой – суду предоставлено право «в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного» (ч. 1.1) признать совершение преступления в состоянии опьянения отягчающим.

Наконец, в перечень не должны входить обстоятельства, производные от других, уже вошедших туда, то есть отраженных в законе (например, при наличии признака несовершеннолетия как смягчающего обстоятельства – указание дополнительно и на малолетний возраст виновного).

В перечнях ст. 61 и 63 УК РФ должны находить отражение только обстоятельства, наделенные совокупностью упомянутых черт.

Как уже выше упоминалось, в отличие от ст. 61, в ст. 63 УК РФ не содержится положения, согласно которому суд мог бы признать существенно влияющими на наказание иные обстоятельства, помимо названных в перечне. Это дало Пленуму Верховного Суда Российской Федерации основание для вывода о том, что «перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» (абз. 3 п. 28 постановления № 58 от 22.12.2015) [1]. Причина закрытости перечня очевидна: законодатель стремился ограничить су-

дейское усмотрение, не допустить назначения незаслуженно сурового наказания, проявить гуманизм в отношении лица, преступившего закон. Те же мотивы признали 93 % из опрошенных нами 477 практических работников (судей, прокуроров, адвокатов).

Отметим, однако, что законодатель своих целей не достиг: судебная практика устойчиво обходит перечень ст. 63 УК РФ, учитывая для усиления наказания многочисленные обстоятельства, не названные среди отягчающих. И это неслучайно, ибо с закрытием перечня возникла коллизия ситуация: ч. 3 ст. 60 УК РФ обязывает суд учитывать отягчающие (как и смягчающие) обстоятельства «в том числе», то есть предполагается, что существуют и иные подлежащие учету обстоятельства, характеризующие личность виновного и степень общественной опасности преступления. Их суд игнорировать не вправе, что вынужден признать и Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Если суд учтет только те смягчающие обстоятельства, которые названы в перечне, игнорируя иные усиливающие наказание данные, он нарушит требование ч. 3 ст. 60 УК РФ о полном учете характера и степени опасности преступления и личности виновного. Если же он примет во внимание при усилении наказания обстоятельства, не названные в перечне, то нарушит предписания об исчерпывающем характере перечня.

Выход с учетом всего вышеизложенного усматривается в разъяснении Пленумом Верховного Суда Российской Федерации обязанности судов при принятии решений по уголовному делу каждый раз учитывать мнение сторон по рассматриваемому вопросу. Учесть – означает принять во внимание, оценить предлагаемый вариант решения, включить его в подлежащий обсуждению перечень вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2. – С. 17–29.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 10. – С. 8–72.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 28–72.
4. Судебная практика кассационных и апелляционных судов по уголовным делам // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 8. – С. 47–48.

REFERENCES

1. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015. In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2016. No. 2. Pp. 17–29. (In Russ.).
2. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021) In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 10. Pp. 8–72. (In Russ.).
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020). *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 5. Pp. 28–72. (In Russ.).
4. Judicial practice of cassation and appeal courts on criminal cases. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 8. Pp. 47–48. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ КРУГЛИКОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия, krugliko@uniyar.ac.ru

LEV L. KRUGLIKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, full member of the International Higher Education Academy of Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department for Criminal Law and Criminology of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, krugliko@uniyar.ac.ru

Дата поступления 13.04.2022

Отличительные особенности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Реферат

Введение: в статье комплексно рассматривается процессуальный механизм возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, предназначенный для обеспечения правосудности судебных решений. Он применим в случаях, когда после вступления в законную силу приговора, определения или постановления по некогда разрешенному уголовному делу становятся очевидными отдельные обстоятельства, которые по разным причинам не были известны суду. Причем юридическая значимость таких обстоятельств настолько высока, что позволяет заинтересованной стороне поставить под сомнение законность, обоснованность и справедливость уже вступившего в силу судебного решения. В подобных случаях приговор, определение или постановление суда могут быть отменены, а производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, в рамках чего возможен пересмотр любых вступивших в законную силу решений всех без исключения судебных инстанций. *Цель:* анализ практики применения процессуального института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств и формулировка предложений по совершенствованию реализации возможностей защиты прав и законных интересов участников процесса. *Методы:* теоретический анализ и оценка практической реализации института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, основанные на обобщениях судебной практики и доктринальных исследованиях российских ученых. *Выводы:* рассмотрев особенности данного производства, автор приходит к выводу, что основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств не может служить неправосудность вынесенных по делу решений, если она явилась результатом судебной ошибки, в том числе подтвержденной выявленными уже после вступления в законную силу дополнительными доказательствами, свидетельствующими о невиновности или меньшей виновности осужденного. Главное отличие возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств состоит в неполноте осведомленности суда при ординарном рассмотрении уголовного дела по существу. Именно она, по мнению автора, предопределяет процессуальную специфику этого уголовно-процессуального производства и актуализирует постановку вопроса об оптимизации структуры УПК РФ путем выделения в нем данного процессуального механизма в ряду иных производств, нацеленных на пересмотр решений суда.

Ключевые слова: вновь открывшиеся обстоятельства; возобновление производства по уголовному делу; заключение прокурора; новые обстоятельства; пересмотр судебных актов; право на судебную защиту; уголовное судопроизводство.

12.00.09 – Уголовный процесс.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шаталов А. С. Отличительные особенности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 166–175. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.006.

Original article

Distinctive Features of Resuming Criminal Proceedings due to New or Newly-Revealed Circumstances

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract

Introduction: the article comprehensively examines a procedural mechanism for resuming criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances, specifically designed to ensure justness of judicial decisions. It is applicable in cases when, after the entry into force of a verdict, ruling or court decision on a once-resolved criminal case, certain circumstances become apparent that, for various reasons, have not been known to the court. Moreover, legal significance of these circumstances is so high that it allows the interested party to question legality, validity and fairness of a court decision that has already entered into force. In such cases a verdict, ruling or court order may be canceled, the criminal proceedings resumed due to new or newly-revealed circumstances, and any decisions of all judicial instances without exception that have entered into legal force can be reviewed. Purpose: to analyze the practice of applying the procedural institution of resuming criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances and formulate proposals for improving the implementation of opportunities to protect the rights and legitimate interests of participants in the process. *Methods:* theoretical analysis and evaluation of the practical implementation of the institute of resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances, based on generalizations of judicial practice and doctrinal studies of Russian scientists. *Conclusions:* having studied distinctive features of this proceeding, the author comes to the conclusion that the criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances cannot be resumed in case of judicial errors, including those confirmed by additional evidence proving innocence or the lesser guilt of the convicted person revealed after the decision has become enforceable. The court's unawareness during ordinary consideration of the criminal case is the main distinguishing feature of resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances. It determines the specifics of these criminal proceedings and actualizes the question of optimizing the structure of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, through a clear separation of this procedural mechanism from other proceedings aimed at reviewing court decisions.

Keywords: newly-revealed circumstances; resumption of criminal proceedings; conclusion of the prosecutor; new circumstances; revision of judicial acts; right to judicial protection; criminal proceedings.

12.00.09 – Criminal procedure.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shatalov A.S. Distinctive features of resuming criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 166–175. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.006.

Введение

Принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации, провозгласившей права и свободы человека высшей ценностью, а их защиту обязанностью государства, признание Россией в 1998 г. юрисдикции Европейского суда по правам человека в вопросах применения и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод обусловили необходимость совершенствования механизмов пересмотра судебных актов. В результате реформирования пересмотр вступившего в законную силу судебного решения в кассационном и надзорном порядке возможен в тех случаях, когда выявляются нарушения закона, которые повлияли или могли повлиять на всесторонность и полноту исследования обстоятельств дела, правильность уголовно-правовой оценки содеянно-

го, а также обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. В таких случаях отмена судебного решения и возвращение уголовного дела для нового рассмотрения в суд первой или апелляционной инстанции позволяют органам уголовного преследования и суду устранить собственные нарушения, независимо от того, были ли они намеренными или явились результатом добросовестного заблуждения. То обстоятельство, что данные нарушения могли и должны были быть предотвращены или исправлены до вступления решения по уголовному делу в законную силу, не устраняет необходимости их последующего исправления. В отличие от пересмотра судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном порядке возобновление производства по уголовному делу осуществляется в связи с выяв-

лением таких обстоятельств, которые либо возникли после рассмотрения уголовного дела судом, либо уже существовали на момент его рассмотрения, но не были известны суду. При этом учитываются только те обстоятельства, которые не позволяют оценить принятые по уголовному делу решения как законные, обоснованные и справедливые.

Возобновляя производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не возмещение недостатков обвинительно-судебной деятельности, а возможность изучения тех фактических данных, которые уголовный закон признает важными для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли быть включены в предмет исследования по уголовному делу [17]. Этот механизм может и должен использоваться для устранения нарушений, допущенных в ходе уголовного судопроизводства, сам по себе (то есть как таковой), а не тогда, когда были исчерпаны возможности их исправления в кассационном и надзорном порядке. В этом смысле по отношению к данным производствам он не должен позиционироваться и восприниматься как запасной.

I. Пересмотр судебных актов ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств как самостоятельное процессуальное производство.

Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как отдельное процессуальное производство специально предназначено для исследования, последующей оценки и практического использования ранее неизвестных суду сведений. Более того, оно предопределяется самим фактом их появления и, как уже отмечалось, не используется после или вместо того, как будут исчерпаны иные возможности пересмотра вступившего в законную силу судебного акта. Вопреки широко распространенной в юридической литературе точке зрения [4; 7; 9; 20] в этом производстве нет ничего чрезвычайного или исключительного, поскольку в современном российском уголовном процессе оно применяется вполне самостоятельно, то есть при обнаружении обстоятельств, которые либо возникли после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент его рассмотрения, но по объективным причинам не были известны суду. При этом во внимание должны приниматься не любые из них, а только те, которые не позволяют оценить вынесенное по уголовному делу итоговое решение как законное, обоснованное и справедливое. До окончания его пересмотра оно считается и законным, и обоснованным, и справедливым, поскольку соответствует фактическим данным, принятым во внимание судом в момент своего вынесения. Ошибочность такого решения раскрывается в свете появления новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Вступивший в силу в 2002 г. УПК РФ и последовавшие за его принятием изменения и дополнения не сделали данное производство полностью свободным от недостатков. Их немало, и они самого разного толка. За два десятилетия действия кодекса стало, в частности, очевидным, что разграничение обстоя-

тельств для возобновления уголовного дела на новые и вновь открывшиеся не приносит ожидаемого эффекта, поскольку не предполагает охвата всего спектра возможных судебных ошибок и, как следствие, ограничивает процессуальные возможности их выявления, исправления и восстановления прав граждан, нарушенных неправосудными решениями по уголовным делам. При этом судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека не являются по своему статусу и правовой природе обстоятельствами, в том числе новыми или вновь открывшимися. Несмотря на то, что качество работы российских судов далеко от идеала, считаем нецелесообразным прибегать к созданию какого-то дополнительного механизма пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. Действительно, ошибки суда, допущенные вследствие незнания им некоторых существенных обстоятельств при вынесении окончательного судебного решения по уголовному делу, вполне могут быть устранены в рамках применения данного процессуального производства. Его дальнейшее развитие нам видится в последовательном совершенствовании процессуальных процедур по их исправлению, а также в наделении всех заинтересованных лиц правом непосредственного обращения в правоохранительные органы государства с заявлением о пересмотре приговора или иного вступившего в законную силу решения.

В российском уголовно-процессуальном праве возобновление производства по уголовному делу в связи с вновь открывшимися обстоятельствами вполне обоснованно считается одним из старейших институтов, получивших нормативное закрепление еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [5, с. 33–94]. В Общих и некоторых других положениях этого нормативного правового акта содержится информация, позволяющая констатировать, что в конце XIX – начале XX в. вступившие в законную силу судебные решения не были предметом пересмотра в принципе, за исключением случаев, когда судом было признано, что «прежде состоявшийся приговор был последствием подлога, подкупа или иного преступления», а «открытие доказательств невинности осужденного или понесение им наказания по судебной ошибке свыше меры содеянного» признавалось законным поводом «к возобновлению о нем дела в установленном на то порядке». Таким образом, вступившие в законную силу приговоры могли быть пересмотрены не иначе как в порядке возобновления производства по уголовным делам ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Согласно ст. 23, 180, 934–940 Устава уголовного судопроизводства в апелляционном и кассационном порядке в то время пересматривались лишь «не вошедшие в законную силу» судебные решения [19].

В 1917 г. правительство молодого Советского государства отказалось от всех ранее существовавших форм исправления допущенных судебных ошибок. Вместо них стали практиковаться иные способы пересмотра как не вступивших, так и вступивших в законную силу приговоров. На таком общественно-политическом фоне институт возобновления уголов-

ного производства не только сохранил, но и усилил свои позиции. Это прослеживается во всех источниках советского уголовно-процессуального законодательства (УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг.). Более того, его исторический путь насыщен национальной спецификой. В нем можно наблюдать российский до-революционный и последовавший за ним советский [1; 3; 18], современный (европеизированный) подходы [2; 6; 10]. Сформировавшееся за полтора века представление о месте и роли данного процессуального механизма в общей системе российской уголовной юстиции было во многом скорректировано решениями Конституционного Суда Российской Федерации [16] и Европейского суда по правам человека [12–15]. В них неоднократно обращалось внимание на то, что те или иные положения российского уголовно-процессуального законодательства (в том числе о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений) не соответствуют Конституции Российской Федерации, международным нормативным актам и противоречат правовым позициям Европейского суда по правам человека.

Данные обстоятельства привели к тому, что уголовно-процессуальные производства данной разновидности сейчас возобновляются крайне редко. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2016 г. из 69 поданных судами было удовлетворено 64 представления органов прокуратуры о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, в 2017 г. – 167 из 260, в 2018 г. – 161 из 175 [8, с. 18]. Такая невыразительная динамика возобновления производств отчасти объясняется тем, что в судебной практике возникают сложности при разграничении случаев, когда вступившее в законную силу решение суда должно пересматриваться только через возобновление уголовно-процессуального производства, а когда – в порядке надзора. Остаются неясными основания возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся и особенно новых обстоятельств. В действующем законодательстве не закреплены такие вопросы, как процессуальный статус осужденного (оправданного) и лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено на данном этапе уголовного судопроизводства, механизм участия в нем защитника и др. Негативно влияет и тот факт, что в сфере пересмотра вступивших в законную силу судебных актов на протяжении десятилетий доминировало менее сложное в процессуальном отношении надзорное производство, а само решение вопроса об их пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам всецело зависело от усмотрения прокурора, отказ которого по этому поводу не подлежал судебному контролю.

II. Возбуждение производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Логика действующего правового регулирования такова, что основания для практического применения данного процессуального механизма должны быть предварительно установлены или проверены в досудебном производстве, возбужденном прокурором, независимо от наличия или отсутствия инициативы

сторон. Это связано с тем, что прокурор не только может, но и обязан воспользоваться своим правом на возбуждение дела в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, если эти обстоятельства объективно определяют его обращение в суд. В отличие от прокурора у осужденных, чье право на дальнейшую судебную защиту от обвинения в содеянном после вступления в законную силу обвинительного приговора по общему правилу считается реализованным, равно как и у иных лиц, лично заинтересованных в ходе и исходе уголовного дела, нет права требовать возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств непосредственно в суде. Это объясняется тем, что в соответствии с п. 4.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2021 № 53-П по делу о проверке конституционности ст. 416 и 417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исакова «неограниченная свобода обращения в суд за пересмотром по этим обстоятельствам вступивших в законную силу приговоров, минуя деятельность прокурора в досудебных процедурах, ослабляла бы возможности правосудия в деле защиты прав и свобод, а также ставила бы под сомнение устойчивость вступивших в законную силу судебных актов». Анализ данной правовой позиции позволяет прийти к выводу, что пересмотр уголовного дела ввиду таких обстоятельств не выступает частью обычной практики уголовного судопроизводства, поскольку заинтересованные лица после вступления приговора в законную силу и по исчерпанию всех средств судебной защиты не сохраняют процессуальную возможность требовать по своему усмотрению от суда возобновления производства по уголовному делу. Инициатива суда к возбуждению производства, реализуемая без официального обращения к нему прокурора и в отсутствие иных законных поводов, была бы избыточной с точки зрения предназначения правосудия. Более того, согласно п. 6 вышеуказанного постановления, осуществление деятельности суда в присущих органу судебной власти процессуальных формах не всегда дает ему возможность в той же степени проверять и исследовать обстоятельства, способные служить основанием для пересмотра уголовного дела, как это делают прокурор и следственный орган, руководителю которого прокурор направляет материалы для расследования этих обстоятельств.

Поводами для вынесения прокурором постановления о возбуждении соответствующего производства, проведения проверки или направления материалов руководителю следственного органа для расследования названных обстоятельств и решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства служат сообщения граждан либо должностных лиц о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств. По окончании проверки или расследования прокурор либо прекращает ранее возбужденное им производство, либо направляет уголовное дело со своим заключением, копией приговора и материалами проверки или расследования в суд. Рассмотрев заключение прокурора о возобновлении производ-

ства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд, отменив приговор (определение или постановление), принимает решение о передаче уголовного дела для производства нового судебного разбирательства, возвращает уголовное дело прокурору, прекращает производство по нему либо отклоняет заключение прокурора. Таким образом, процедура возобновления уголовного дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, являясь разновидностью пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, представляет собой самостоятельный механизм обеспечения справедливости судебных решений, где элементы досудебного производства (в том числе его возбуждение прокурором, проверка или расследование новых или вновь открывшихся обстоятельств с возможностью производства допросов, осмотров, экспертиз, выемок, других необходимых следственных действий и последующим направлением материалов в суд) совмещаются с рассмотрением дела судом (в том числе с исследованием фактических обстоятельств, установленных в результате расследования или проверки). Важно, что решения, принимаемые прокурором по результатам досудебного производства, создают предпосылку для пересмотра судом приговора, в связи с чем они не являются окончательными и могут быть обжалованы в суде. При этом информация, содержащаяся в материалах проведенной проверки или расследования, подлежит оценке в порядке, установленном действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Все это позволяет утверждать, что предусмотренные законом основания пересмотра приговора, постановления, определения суда ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ст. 413 УПК РФ) предопределяют процессуальную специфику его практической реализации. В отличие от апелляционного и кассационного производств, заключающихся в повторном рассмотрении судом одних и тех же материалов уголовного дела, производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам состоит, в частности, в осуществлении процессуальных действий и принятии решений, характерных не только для судебного, но и для досудебного производства (в том числе о возбуждении данного производства прокурором, исследовании новых или вновь открывшихся обстоятельств, предполагающих производство следственных действий, а также последующее направление материалов в суд для рассмотрения уголовного дела с учетом установленных результатов расследования или проверки фактических данных).

III. Возобновление производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в общей системе процессуальных механизмов пересмотра судебных решений по уголовным делам.

В контексте данной статьи стоит отметить множественность судебно-контрольных производств, специально сформированных для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам. Например, имплементированное в российский уголовный процесс (2001 г.) и реформированное «по вертикали» (2010 г.) надзорное производство [11]

не может выступать эффективным средством правовой защиты потерпевшего и подвергнутого уголовному преследованию лица, поскольку изначально противоречит общепризнанным принципам недопустимости повторного рассмотрения некогда разрешенного по существу уголовного дела и юридической (правовой) определенности, согласно которым вступивший в законную силу приговор или иное итоговое решение суда не должны подвергаться изменениям в худшую для виновного лица сторону. Следовательно, надзорное производство как таковое в его современном виде – это легализованный российским законодателем процессуальный механизм, обладающий потенциалом вполне вероятных злоупотреблений правом при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений.

Но это не все. Если сравнить нормы УК РФ, регулирующие кассационное и надзорное производство, то можно обнаружить их очевидную общность. Существующие в них мелкие различия частного характера обычно обусловлены высшим положением Президиума Верховного Суда Российской Федерации в иерархической структуре российской судебной системы, его исключительным правом на пересмотр и отмену решений не только нижестоящих судов, но и своих собственных. Все это свидетельствует о том, что последняя попытка реформирования процессуального порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в целом оказалась безуспешной, поскольку не привела к унификации внутригосударственного контрольного судопроизводства. Проверка только законности приговора при условии его вступления в законную силу неизбежно приводит к тому, что суды кассационной и надзорной инстанций реагируют лишь на малую часть адресованных им обращений. Охраняемый российским законодателем приоритет юридической процедуры над правовой определенностью судебного акта не сделал кассационное и надзорное производство в их современном формате более совершенным, чем прежде. Множественность и неизбежное сходство процессуальных механизмов пересмотра вступивших в законную силу судебных решений не позволяют считать их безоговорочно самодостаточными и действенными процессуальными инструментами. При этом исключение из предмета проверки существа уголовного дела не позволяет сторонам рассчитывать на то, что повторное обращение в вышестоящую судебную инстанцию окажется для них результативным.

При возобновлении производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам формат пересмотра судебного акта принципиально иной. Здесь суд рассматривает уголовное дело с учетом фактических обстоятельств, установленных в результате расследования или проверки, что делает процедуру возобновления более эффективной, чем при надзорном и кассационном производстве. Исходя из сказанного становится вполне логичным вопрос об упразднении данных производств как избыточных в общем механизме процессуального регулирования и наделении возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам статусом единствен-

ной формы контроля за законностью и справедливостью вступивших в законную силу судебных решений, вынесенных по уголовным делам. Однако в условиях существующей российской государственности данное предложение не имеет перспективы скорейшей реализации. Есть и другие объективные причины, обусловленные консервативным подходом к механизмам пересмотра судебных решений. Соответственно, добиться положительной динамики в их реформировании весьма сложно.

В отличие от апелляционного, кассационного и надзорного производства, которые заключаются в повторном рассмотрении судом одних и тех же, по существу, материалов уголовного дела, производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам предполагает осуществление процессуальных действий и принятие решений, характерных не только для судебного, но и для досудебного уголовного производства. В связи с этим следует упомянуть предусмотренную законом необходимость возбуждения данного производства прокурором, а также проведения ряда следственных действий (в том числе осмотра, допроса, судебной экспертизы, выемки и др.) с последующим направлением собранных материалов в суд для рассмотрения уголовного дела с учетом сведений, установленных в результате расследования или проверки (ст. 415–418 УПК РФ). При этом юридическое значение новых сведений, как правило, таково, что они позволяют заинтересованной стороне поставить под сомнение законность, обоснованность и справедливость уже вступившего в законную силу судебного решения. Именно в таких случаях приговор, определение или постановление суда могут быть отменены, а производство по уголовному делу возобновлено по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в порядке, установленном гл. 49 УПК РФ (ст. 413–419). Важно подчеркнуть, что в его рамках могут быть пересмотрены любые вступившие в законную силу решения всех без исключения судебных инстанций. При этом пересмотр обвинительного приговора по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в пользу осужденного не ограничен никакими сроками. Даже его смерть не является препятствием для возобновления уголовного дела с целью реабилитации.

В отличие от апелляционного, кассационного и надзорного производства возобновление производства по уголовному делу не может быть вызвано тем, что суд при вынесении окончательного решения нарушил нормы материального или процессуального права, допустив тем самым ошибку, поскольку непринятие судом во внимание тех или иных обстоятельств, о существовании которых по объективным причинам он знать не мог, вынося свое решение по уголовному делу, ошибкой признать нельзя. Данная отличительная особенность возобновления производства, состоящая в неполноте осведомленности суда при рассмотрении уголовного дела по существу, является ключевой. Именно она предопределяет его процессуальную специфику и актуализирует вопрос об оптимизации структуры УПК РФ путем обособления данного процессуального института от иных про-

изводств, нацеленных на пересмотр решений суда, в частности от надзорного производства. К аргументам в пользу этого предложения можно отнести следующие:

1) возобновление производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам существенно отличается от иных процессуальных механизмов пересмотра судебных решений по уголовным делам по лицам, его иницилирующим, основаниям и порядку пересмотра;

2) в рамках надзорного, кассационного и апелляционного производства окончательные решения по уголовным делам фактически пересматриваются заново, а при возобновлении производства по уголовному делу учитываются только новые сведения, которые в силу объективных причин не могли ранее входить в предмет исследования по данному делу, но признанные уголовным законом существенными для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны;

3) материалы проверки и расследования, по которым решение вопроса о возобновлении производства по делу в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами отнесено к компетенции нижестоящего суда, вышестоящий суд вправе принять к своему производству, однако он не вправе вносить какие-либо изменения в ранее принятое решение суда;

4) состоявшееся рассмотрение уголовного дела в апелляционном или кассационном порядке не препятствует его рассмотрению тем же судом в порядке возобновления производства по уголовному делу в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами;

5) рассмотрев заключение прокурора о необходимости возобновления производства по уголовному делу в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами и обнаружив основания для изменения ранее принятого итогового решения по делу, суд обязан его отменить и направить уголовное дело на новое рассмотрение;

6) суд правомочен принять аналогичное решение в случае возникновения новых фактических обстоятельств, которые могут ухудшить положение оправданного или осужденного по данному уголовному делу;

7) принятие судом решений, ведущих к изменению положения обвиняемого в худшую для него сторону, в подавляющем большинстве случаев невозможно в силу несовершенства правового механизма, предусматривающего принятие таких решений.

Речь идет о механизме, появившемся в УПК РФ в 2013 г. благодаря Федеральному закону от 26.04.2013 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Он единственный в своем роде и действует при наступлении в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния (п. 2.1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Данный механизм рассчитан на наличие не любых, а только тех последствий, которые являются основани-

ем для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления. Это позволяет суду в случае выявления новых или вновь открывшихся обстоятельств, влекущих ухудшение положения обвиняемого, принять решение о возобновлении производства по уголовному делу, которое дает органам уголовного преследования возможность учесть эти обстоятельства в качестве основы для изменения формулировки обвинения. Благодаря существованию этого механизма и с условием установленного наличия в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления становится невозможным отказ в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Вышеуказанные особенности возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам однозначно свидетельствуют о том, что главу с его законодательной регламентацией в УПК РФ следует отделить от иных процедур пересмотра судебных решений в специально отведенном разделе. Это позволит избежать его необоснованного отождествления с другими уголовно-процессуальными производствами, предназначенными для пересмотра судебных актов.

Заключение

Внимание процессуалистов к правовому механизму возобновления производства по новым и вновь открывшимся обстоятельствам было и остается весьма ограниченным. Ведущуюся научно-исследовательскую работу в этой сфере процессуальной деятельности нельзя назвать активной даже с большой долей условности, что объясняется небольшим количеством уголовных дел, рассматриваемых по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Но проблема заключается не только и не столько в их количестве, сколько в том, что каждое из них так или иначе отражается на уровне законности в нашей стране, степени доверия граждан к российскому правосудию и, что не менее важно, состоянию уголовно-процессуальной науки, пребывающей в кризисе. В социальном плане его олицетворяют критика практики применения уголовно-процессуального закона и его отдельных нормативных предписаний (в том числе регулирующих пересмотр приговоров по уголовным делам), избирательность правосудия, нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства и многое другое. Представляется, что данная отрасль научного знания, как и сам уголовный процесс в его нормативном выражении, нуждается в последовательном и целенаправленном обновлении, поиске и безотлагательной реализации новых подходов, соответствующих критериям обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Завершая рассмотрение отличительных особенностей возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, следует еще раз отметить, что специфика этого уголовно-процессуального производства предопределена характером судебных ошибок, для ис-

правления которых оно предназначено. По общему правилу, данное производство применяется не после того, как исчерпаны иные возможности пересмотра судебного акта, а совершенно самостоятельно, то есть при обнаружении обстоятельств, которые либо возникли после рассмотрения уголовного дела судом, либо уже существовали на момент его рассмотрения, но не были известны суду. При этом во внимание следует принимать не любые из них, а только те, которые не позволяют в конечном счете оценить принятые по уголовному делу решения как законные, обоснованные и справедливые. Соответственно, данный способ пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по своему назначению и содержанию выступает как самостоятельный процессуальный механизм, не заменяющий, а дополняющий другие способы обеспечения справедливости приговоров и устранения судебных ошибок. Его отличительной чертой является, в частности, то, что возобновление судом данного производства по заключению прокурора может быть осуществлено после вступления в законную силу судебных решений, о пересмотре которых ставится вопрос, независимо от того, что ранее они рассматривались в судах апелляционной, кассационной или надзорной инстанций. В соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2021 № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» предметом судебного разбирательства, осуществляемого по заключению прокурора, является проверка законности, обоснованности и справедливости не только конкретного приговора, но и иных итоговых, а также отдельных промежуточных судебных решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств с учетом доводов, приведенных в заключении прокурора, например постановлений суда по вопросам, связанным с исполнением приговора.

Выводы

Процессуальный порядок возобновления производства по уголовному делу в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, являясь разновидностью пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, воплощает собой самостоятельный механизм обеспечения справедливости судебных решений, где элементы досудебного производства органично сочетаются с последующим рассмотрением дела судом. Он применим в случаях, когда после вступления в законную силу приговора, определения или постановления суда по уже решенному уголовному делу выявляются определенные обстоятельства, которые по разным причинам не были известны суду. При этом юридическое значение данных обстоятельств настолько велико, что позволяет заинтересованной стороне поставить под сомнение законность, обоснованность и справедливость уже вступившего в законную силу судебного решения. Именно в таких случаях приговор, определение или постановление суда могут быть отменены, а про-

изводство по уголовному делу возобновлено по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. В его рамках могут быть пересмотрены любые решения, причем всех без исключения судебных инстанций. Вместе с тем основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств не может служить неправосудность вынесенных по делу решений, если она явилась результатом судебной ошибки, в том числе подтвержденной выявленными уже после вступления в законную силу дополнительными доказательствами, подтверждающими невинность или меньшую

виновность осужденного. Отличительная особенность возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, состоящая в неполноте осведомленности суда при рассмотрении уголовного дела по существу, является ключевой. Именно она предопределяет его процессуальную специфику и актуализирует постановку вопроса об оптимизации структуры УПК РФ путем обособления в нем рассматриваемого процессуального института от иных производств, нацеленных на пересмотр решений суда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашкин, Г. З. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Г. З. Анашкин, И. Д. Перлов. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 80 с.
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общей редакцией Н. А. Колоколова. – Москва : Юрист, 2011. – 188 с. – ISBN 978-5-91835-087-4.
3. Блинов, В. М. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / В. М. Блинов. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 120 с.
4. Валеев, А. Т. Обжалование и пересмотр судебных решений по уголовным делам / А. Т. Валеев. – Москва : Юристинформ, 2016. – 200 с. – ISBN 978-5-43961-143-0.
5. Голованова, Е. И. Судебные уставы России 1864 г. (Опыт истории и современность) : учебное пособие / Е. И. Голованова, А. С. Емелин. – Москва : МосУ МВД России, 2007. – 119 с.
6. Громов, Н. А. Теоретические и практические проблемы возобновления уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Громов Николай Александрович. – Москва, 1993. – 445 с.
7. Давыдов, В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок : монография / В. А. Давыдов. – Москва : Юрайт, 2014. – 313 с. – ISBN 978-5-99161-466-5.
8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. – 2019. – 11 июня. – С. 18.
9. Камчатов, К. В. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств : монография / К. В. Камчатов, И. В. Чащина, Е. В. Великая. – Москва : Проспект, 2016. – 140 с. – ISBN 978-5-392-20369-7.
10. Морщакова, Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы / Т. Г. Морщакова. – Москва : Р. Валент, 2004. – 264 с. – ISBN 5-93439-146-1.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 31 декабря.
12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.10.2016 по делу «Турьев против России» (по жалобе № 20758/04) // КонсультантПлюс : сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286833/b72df5cf591ea9e591a1de80f1be51cbd5b0b4ee (дата обращения: 07.03.2022)
13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.10.2012 по делу «Пичугин против России» (по жалобе № 38623/03) // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: https://fsin.gov.ru/upload/original_doc/38623.pdf (дата обращения: 07.03.2022).
14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.04.2012 по делу «Дамир Сибгатуллин против России» (по жалобе № 1413/05) // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=4935206> (дата обращения: 07.03.2022).
15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.11.2016 по делу «Маевский и другие против России» (по жалобам № 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13 и 6503/14) // КонсультантПлюс : сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/12fba8c2ee7df3330dcf1a6b85eea54f38bdf730/ (дата обращения: 07.03.2022).
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.12.2021 № 53-П по делу о проверке конституционности ст. 416 и 417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исакова // КонсультантПлюс : сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404016/ (дата обращения: 07.03.2022).
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П по делу о проверке конституционности ст. 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.03.2022).
18. Тетерин, Б. С. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам / Б. С. Тетерин. – Москва : Госюриздат, 1959. – 115 с.
19. Устав уголовного судопроизводства // Конституция Российской Федерации : сайт. – URL: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 07.03.2022).

20. Францифоров, Ю. В. Особенности возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / Ю. В. Францифоров // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2018. – Том 28, Выпуск 1. – С. 156–161.

REFERENCES

1. Anashkin G.Z., Perlov I.D. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstayatel'stvam* [Resumption of cases on newly-revealed circumstances]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982. 80 p.
2. *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: novelties of the Civil Code of the Russian Federation, the Penal Procedural Code of the Russian Federation. The first experience of critical comprehension]. Ed. by N.A. Kolokolov. Moscow: Yurist, 2011. 188 p. ISBN 978-5-91835-087-4.
3. Blinov V.M. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstayatel'stvam* [Resumption of cases on newly-revealed circumstances]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 120 p.
4. Valeev A.T. *Obzhalovanie i peresmotr sudebnykh reshenii po ugovolnym delam* [Appeal and review of judicial decisions in criminal cases]. Moscow: Yurilitinform, 2016. 200 p. ISBN 978-5-43961-143-0.
5. Golovanova E.I., Emelin A.S. *Sudebnye ustavy Rossii 1864 g. Opyt istorii i sovremennost': uchebnoe posobie* [The 1864 judicial statutes of Russia. Experience of history and modernity: textbook]. Moscow: MosU MVD Rossii, 2007. 119 p.
6. Gromov N.A. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy vozobnovleniya ugovolnykh del po vnov' otkryvshimsya obstayatel'stvam: diss... dokt. yur. nauk* [Theoretical and practical problems of resuming criminal cases on newly-revealed circumstances: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1993. 445 p.
7. Davydov V.A. *Vozobnovlenie ugovolnogo sudoproizvodstva vidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstayatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok: monografiya* [Resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances: theory and practice of correcting judicial errors: monograph]. Moscow: Yurait, 2014. 313 p. ISBN 978-5-99161-466-5.
8. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2019, June 11, p. 18. (In Russ.).
9. Kamchatov K.V., Chashchina I.V., Velikaya E.V. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovolnomu delu vidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstayatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok: monografiya* [Resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances: theory and practice of correcting judicial errors: monograph]. Moscow, 2015. 140 p.
10. Morshchakova T.G. *Rossiiskoe pravosudie v kontekste sudebnoi reform* [Russian justice in the context of judicial reform]. Moscow: R. Valent, 2004. 264 p. ISBN 5-93439-146-1.
11. On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and the invalidation of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation: Federal Law No. 433-FZ of December 29, 2010. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2010, December 31. (In Russ.).
12. Decision of the European Court of Human Rights of October 11, 2016 in the case "Tur'ev vs. Russia" (on complaint No. 20758/04). *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286833/b72df5cf591ea9e591a1de80f1be51cbd5b0b4ee/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
13. The Decision of the European Court of Human Rights of October 23, 2012 in the case "Pichugin v. Russia" (on complaint No. 38623/03). *Federal'naya sistema ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary System: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/upload/original_doc/38623.pdf (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
14. The Decision of the European Court of Human Rights of April 24, 2012 in the case "Damir Sibgatullin v. Russia" (on complaint No. 1413/05). *General'naya prokuratura: ofitsial'nye sait* [Prosecutor General's Office: official website]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=4935206> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
15. The Decision of the European Court of Human Rights of November 24, 2016 in the case "Mayevsky and others v. Russia" (on complaints No. 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13 and 6503/14). *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/12fba8c2ee7df3330dcf1a6b85eeea54f38bdf730/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
16. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of December, 2021 on the case of checking the constitutionality of Articles 416 and 417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov. *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404016/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
17. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of May 16, 2007, in the case of checking the constitutionality of Articles 237, 413 and 418 of the of Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: sait* [Constitutional Court of the Russian Federation: website]. Available at: <http://www.krsf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
18. Teterin B.S. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstayatel'stvam* [Resumption of cases due to newly-revealed circumstances]. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 115 p.
19. The Statute of Criminal Proceedings. *Sait Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: sait* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
20. Frantsiforov Yu.V. Features of proceedings resumption due to new or newly discovered circumstances. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i parvo=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Статья поступила 09.03.2022

Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, 79206310258@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Реферат

Введение. Статья посвящена анализу видов криминалистических методик расследования преступлений (на примере пенитенциарных преступлений), их систематизации по степени общности методических рекомендаций. Разработка проблем криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, началась относительно недавно – с середины 1960-х гг. Позднее стали формироваться основы криминалистической методики расследования подобных преступлений. К настоящему времени разработан уже ряд методических рекомендаций по расследованию различных пенитенциарных преступлений. *Цель:* обобщение и систематизация методических рекомендаций предметной области и создание теоретических основ для дальнейшего эволюционного развития методико-криминалистических положений расследования пенитенциарных преступлений. *Методы:* диалектический метод познания, общенаучные методы анализа, обобщения, систематизации, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* с использованием научного подхода в статье раскрываются виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений, приводится их система по степени общности. *Выводы:* в настоящее время криминалистическое знание имеет ряд разработанных (усовершенствованных) методических рекомендаций расследования пенитенциарных преступлений (обусловленных спецификой личности преступника, способа преступления, этапа расследования и т. п.), частных (видовых) методик, общую методику расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Требуется разработка концепции расследования пенитенциарных преступлений с целью дальнейшего совершенствования теоретических основ и прикладных аспектов предметной области, формирующих отправные начала для последующего создания общей (групповой) методики расследования преступлений, совершаемых лицами, содержащимися в следственных изоляторах, а также выработки новых и уточнения уже имеющих частных методик.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления; криминалистическая методика; расследование преступлений; исправительное учреждение; следственный изолятор; осужденный; подозреваемый; обвиняемый.

12.00.12 – Криминалистика; оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Акчурин А. В. Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 176–184. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.007.

Original article

Types of Forensic Methods for Investigating Crimes Committed in Penitentiary Institutions by Degree of Generality

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 79206310258@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of types of forensic methods for crime investigation (case study of crimes committed in penitentiary institutions), their systematization according to the degree of generality of the relevant methodological recommendations. Problems of forensic support for investigation of crimes committed in correctional institutions and pre-trial

detention centers were firstly addressed in the mid-1960s. A little later foundations of the forensic methodology for investigating such crimes were formed. To date, there is a certain number of methodological recommendations. *Purpose*: to generalize and systematize previously developed methodological recommendations of the subject area and create theoretical foundations for further evolutionary development of the methodological and criminalistic provisions for investigation of penitentiary crimes. *Methods*: dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis, generalization, systematization, interpretation, and theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results*: on the basis of a scientific approach, the author reveals types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions and proposes their system according to the degree of generality. *Conclusions*: to date, forensic knowledge contains a number of developed (improved) individual methodological recommendations for penitentiary crime investigation (related to the specifics of the criminal's personality, methods of crime, stage of investigation, etc.), private (specific) methods, and a general methodology for investigating crimes committed by convicts in correctional facilities. It is required to develop a concept for investigating crimes committed in penitentiary institutions in order to further improve theoretical foundations and applied aspects of the subject area, forming starting points for subsequent creation of a general (group) methodology for investigating crimes committed by persons held in pre-trial detention facilities, as well as development of new and clarification of existing private methods.

Key words: crimes committed in penitentiary institutions; forensic methodology; investigation of crimes; correctional facility; pre-trial detention center; convict; suspect; accused.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Akchurin A.V. Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 176–184. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.007.

В истории науки, по мнению А. С. Майданова, нередко ситуации, когда разработка какой-либо научной теории принималась за окончательную и абсолютную истину. В действительности же возникновение и существование многих теорий представляется лишь одним из этапов процесса решения определенной научной задачи. При этом исследователь справедливо замечает, что даже те теории, которые в итоге не вписываются в конечный процесс и терпят крах, заслуживают исторической оценки и имеют определенную научную значимость [18, с. 48]. Применительно к сфере научного познания, связанного с разработкой и совершенствованием методических рекомендаций расследования преступлений, следует согласиться с мнением Ю. П. Гармаева, отмечающего необходимость обобщения и конкретизации методик расследования преступлений по мере развития самой криминалистической науки [7, с. 155]. Указанное, на наш взгляд, в полной мере относится и к методическим рекомендациям по расследованию преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, разрабатываемым (совершенствуемым) на протяжении последних пятидесяти лет. Для продолжения эволюционного движения требуется научное осмысление всего объема выработанных методических рекомендаций [32] с целью выявления путей и способов дальнейшей разработки проблем расследования пенитенциарных преступлений.

Согласно философскому знанию категория единичного предполагает наличие чего-либо уникального, неповторимого. Конкретное преступление, представляя собой социальное явление, также обладает подобными качествами. У каждого преступления есть свои, присущие только ему особенности, связанные с обстановкой его совершения, конкретными характе-

ристиками времени, места, объекта, предмета преступного посягательства, мотивом преступления и механизмом его реализации, личностными свойствами преступника, следовой картиной. Все преступления индивидуальны и неповторимы. Расследование каждого требует индивидуального подхода, конкретной методики расследования. Вместе с тем, несмотря на всю индивидуальность самого преступления и деятельности по его расследованию, имеют место схожие составляющие, которые позволяют выявлять общности, взаимосвязи, объединяющие закономерности. Изучение подобных закономерностей, а также выработка на их основе соответствующих рекомендаций, направленных на повышение эффективности расследования преступлений, представляют собой задачи методики расследования преступления.

Многообразие совершаемых преступлений предполагает разработку соответствующего количества методик их расследования. Преступления могут иметь схожие общности не только по объекту и предмету преступного посягательства, но и по особенностям обстановки их совершения, личности преступника, способу совершения преступления и т. п. Все это заставляет ученых и практиков разрабатывать методики расследования преступлений, отражающие ту или иную специфику, объединяющие разные преступления в единую общность.

Так сложилось, что изначально не было никакой системы или схемы, способствующей упорядочению методик расследования преступлений. На сегодняшний день наука и практика накопили довольно большой объем таких методик. Более того, анализ результатов работы диссертационных советов по специальности 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» за последние пять лет показал, что

только за этот период было вновь разработано либо усовершенствовано более шестидесяти методик, что составило содержание практически половины всех диссертаций, защищенных по данной специальности. В условиях такого прироста количества новых знаний возникает потребность в их обобщении и дополнении научном осмыслении.

Процесс научного познания какого-либо явления представляет собой сложную когнитивную деятельность, в ходе которой исследователь может оперировать самым разнообразным научным инструментарием. Одним из фундаментальных методов познания действительности выступает систематизация. В этой связи уместным является высказывание А. Ю. Головина о том, что «познавательный характер носит использование криминалистических систем в уяснении природы и сущности различных криминалистических объектов, понятий и терминов (наиболее точного восприятия и применения криминалистических рекомендаций)» [9, с. 4]. Используя указанный метод, предпримем попытку обобщения всего объема криминалистических методик расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях и следственных изоляторах.

Сформулированное профессором Р. С. Белкиным положение о необходимости выделения не только частных криминалистических методик, но и формирования целых их комплексов, охватывающих виды, роды преступлений [2, с. 340–341], явилось научно-теоретическим базисом для формирования многих современных групповых [16], укрупненных [6], базовых [13], общих [35] методик расследования преступлений. При этом следует отметить, что до сих пор нет однозначных и общепринятых критериев отнесения разработанных криминалистических методик к определенной степени общности. Однако следует согласиться с Ю. П. Гармаевым и Р. Н. Боровских, отмечаящими, что плюрализм научных мнений по поводу различия методик по степени их общности можно свести к двум условным подходам: двухуровневому и многоуровневому [6, с. 76].

Представители первого подхода (В. А. Образцов, Ю. П. Гармаев, М. В. Кардашевская (М. В. Субботина), Р. Н. Боровских, С. А. Куемжиева и др.) выделяют два вида методик, отличающихся наименованием, но при этом не имеющих принципиальных различий: частные (конкретные, однородные, внутривидовые и др.) и укрупненные (общие, базовые, видовые, групповые и др.) методики.

Второй подход предусматривает выделение трех и более уровней методик расследования преступлений в зависимости от степени общности рекомендаций. Так, Е. П. Ищенко определяет такие уровни методических рекомендаций, как методики высокой степени общности, методики средней степени общности, методики малой степени общности, конкретные методики расследования отдельных видов и подвидов преступлений в различных типичных следственных ситуациях [12, с. 484]. Н. П. Яблоков придерживается четырехуровневого подхода, выделяя самый высокий уровень общности методических рекомендаций, более низкий уровень общности ме-

тодических рекомендаций, традиционный уровень общности методических рекомендаций, методики расследования конкретных преступлений [37, с. 45–46]. В. М. Прошин предлагает рассматривать систему криминалистической методики исходя из следующих элементов: общая криминалистическая методика, криминалистическая родовая методика, криминалистическая видовая методика, криминалистическая подвидовая методика, частные методики криминалистически схожих групп преступлений [26, с. 77].

Современное состояние развития теории криминалистической методики, анализ вновь формируемых частных методик, попыток их комплексирования, многообразия классификаций преступлений, являющихся основанием для разработки соответствующих методических рекомендаций расследования, позволяют говорить о развитии именно многоуровневого подхода. В этой связи полагаем необходимым придерживаться точки зрения профессора Н. Г. Шурхнова, рассматривающего четыре уровня общности методических рекомендаций: 1) концепция расследования определенного рода преступлений; 2) общая (групповая) криминалистическая методика; 3) частная (видовая) криминалистическая методика; 4) отдельные методические рекомендации по расследованию преступлений [33, с. 252–253].

Анализ научных разработок, связанных с выработкой методических рекомендаций по расследованию пенитенциарных преступлений, показывает наличие наработок в этой области, обобщение которых позволяет говорить о возможности их систематизации (схема 1).

На уровне отдельных методических рекомендаций расследования пенитенциарных преступлений имеют место теоретические и практические положения, выработанные, как правило, применительно к конкретному виду преступления, но раскрывающие только отдельные особенности расследования пенитенциарных преступлений (обусловленные спецификой личности преступника, способов преступления, этапа расследования и т. п.) [23, с. 34]:

- методические рекомендации по выявлению способов побега из исправительных учреждений и использованию данной информации для расследования одноименных преступлений [19];

- методические рекомендации первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений [20];

- методические рекомендации первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы [17];

- методические рекомендации по расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними в воспитательных колониях [8];

- методические рекомендации по расследованию хулиганства, половых преступлений, краж, поджогов и преступного несоблюдения противопожарных правил, совершаемых осужденными к лишению свободы [15].

К частным (видовым) методикам следует отнести разработки, в содержании которых отражается полнообъемный процесс расследования отдельного вида пенитенциарного преступления:

- методика расследования побегов из мест лишения свободы [11; 29; 39];
- методика расследования дезорганизации дея-

тельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества [3; 28];

Схема 1

Виды криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений по степени общности

– методика расследования убийств и причинения вреда здоровью, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях [10; 24];

– методика расследования мошенничества, совершаемого осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием сотовых систем подвижной связи [22];

– методика расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях [5; 30].

Несмотря на то, что структура частной (видовой) методики до сих пор не имеет общепризнанного однозначного содержания, тем не менее при наличии высокой конкуренции авторских взглядов на рассма-

триваемую проблему сущность общего видения разных подходов сводится к тому, что данный уровень методики должен предусматривать максимально приближенные к практическому применению рекомендации, касающиеся всего процесса расследования конкретного вида преступлений [14, с. 83].

Отметим, что преступления, совершаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, нами не рассматриваются в качестве пенитенциарных преступлений, несмотря на то что научные разработки в указанной сфере имеются [4], а в криминалистической литературе встречаются иные точки зрения на систему преступлений, совершаемых в учреждениях и органах ФСИН России [27], отличаю-

щиеся от использованной нами (система пенитенциарных преступлений) [1; 34].

В общей (групповой) методике расследования преступлений объединяются теоретические и научно-практические положения, представляющие собой рекомендации по расследованию ряда преступлений, сгруппированных по определенному основанию, представляющему криминалистическую значимость для выработки общего подхода к организации и расследованию таких противоправных деяний. При этом необходимо понимать, что общая методика не может (и не должна) представлять собой прямое физическое объединение всех частных методик, подпадающих под групповое основание. Общие методики не могут подменять собой частные, но являются для них отправной точкой, поскольку обобщают специфику, характерную для частных методик, объединенных ею, содержат общие положения теоретического и прикладного значения, позволяющие дополнять существующие частные методики, расширять и конкретизировать их с учетом выявленных общих закономерностей, присущих всей группе преступлений.

Применительно к системе пенитенциарных преступлений общей методикой расследования является методика расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, разработанная Н. Г. Шурухновым [35]. В последующем она была дополнена методическими рекомендациями общего характера, сформулированными В. В. Николайченко [21]. Вместе с тем необходимо отметить, что в систему пенитенциарных преступлений включаются не только противоправные деяния, совершаемые осужденными, но и преступления подозреваемых, обвиняемых, совершаемые в условиях исправительного учреждения, следственного изолятора, что позволяет закономерно говорить о необходимости существования общей методики расследования преступлений, совершаемых следственно-арестованными, пребывающими в следственном изоляторе. Однако к настоящему времени подобная методика не сформирована.

Что касается концепции расследования преступлений, то, по мнению Н. Г. Шурухова, на подобном уровне систематизации методических рекомендаций следует говорить о разработке теоретических основ и прикладных аспектов противоправных деяний, объединенных родовыми признаками, представляющими определенную криминалистическую значимость. В таком понимании концепция имеет перспективную и текущую направленность [36, с. 82]. Конечно, С. Н. Чурилов прав, отмечая, что в содержании групповых и родовых методик «не отражается (и не может быть отражено) описание способов совершения и сокрытия преступлений определенного вида и свойственных им следовых картин» [31, с. 75]. Это логично вытекает из закономерности, отражающей соотношение философских категорий «количество» и «качество». Однако следует отметить, что перед методикой высокого уровня обобщения и не должно стоять задачи непосредственного применения всех ее положений в процессе расследования конкретного преступления. Очевидно, что разработать унифицированный метод или унифицированную методику расследования лю-

бого преступления не представляется возможным [38, с. 560]. Вместе с тем методические рекомендации высокого уровня общности направлены на решение ряда задач, которые невозможно ставить перед методиками более низшего уровня, в частности:

- определить терминологический аппарат, имеющий основополагающее значение для разработки рекомендаций родовой методики, уточнить и систематизировать понятия и категории, входящие в него, обосновать их содержательное наполнение на доктринальном уровне (при отсутствии законодательной регламентации);

- определить криминалистически значимое основание для систематизации преступлений, составляющих определенный род, позволяющее в дальнейшем найти место конкретного вида противоправного деяния в родовой системе преступлений;

- сформировать родовую криминалистическую характеристику, позволяющую в процессе обобщения данных выявить общие закономерности совершения, сокрытия преступлений, что впоследствии будет представлять собой отправные начала для формирования (уточнения) криминалистических характеристик групп и видов преступлений, входящих в рассматриваемый род;

- выявить особенности системы расследования преступлений, образующих определенный род, уточнить субъектов расследования и выявить системообразующие закономерности их деятельности, влияющие на эффективность расследования преступлений, объединенных родовым признаком;

- установить закономерности формирования криминалистических ситуаций, характерных для преступлений, объединенных на родовом уровне, выработать основы для алгоритмизации процесса расследования в подобных условиях;

- выявить закономерности противодействия, оказываемого при расследовании преступлений, объединенных родовым признаком, определить направления его преодоления и сформулировать соответствующие предложения;

- выработать общее представление о тактико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений, объединенных в определенный род.

По мнению В. М. Прошина и А. М. Кустова, концепция расследования преступлений не только представляет собой родовую методику, но также включает «научные положения о правовом обеспечении, организации расследования преступлений и т. д.» [25, с. 123]. Следует согласиться с подобной точкой зрения, поскольку обобщение значительного количества различных видовых и групповых преступлений за счет расширения горизонта исследования предметной области неизбежно выявляет общие закономерности правового и организационного характера, детерминирующие общий подход к формированию методики расследования преступлений, объединенных родовым признаком.

В качестве объекта концепции расследования пенитенциарных преступлений предлагается рассматривать преступную деятельность осужденных, подозреваемых, обвиняемых, пребывающих в исправительных учреждениях и следственных изоля-

торах, деятельность субъектов расследования таких преступлений, в том числе по нейтрализации противодействия. Предметом концепции выступают закономерности расследования пенитенциарных преступлений.

Содержательное наполнение концепции должно формироваться по следующей системе:

– теоретические идеи о понятии, сущности и криминалистической классификации пенитенциарных преступлений;

– теоретические положения о правовом и процессуальном обеспечении расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе и субъектах, осуществляющих его;

– методологические основы криминалистического обеспечения, включающие положения методики родового уровня, направленные на расследование пенитенциарных преступлений;

– теоретические положения о противодействии расследованию пенитенциарных преступлений, организационные и методические рекомендации по его нейтрализации.

Под концепцией расследования пенитенциарных преступлений понимается система теоретических идей и положений, методологических основ, организационных и методических рекомендаций, касающихся расследования преступных деяний, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в исправительных учреж-

дениях, следственных изоляторах, нейтрализации противодействия, оказываемого заинтересованными лицами, являющаяся отправной точкой и основой для методик расследования пенитенциарных преступлений разных уровней.

Выявление родовых закономерностей позволит сформировать научно-теоретические основы и прикладные положения расследования пенитенциарных преступлений, которые будут представлять собой отправные начала для разработки (уточнения) групповых и видовых методик расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях, следственных изоляторах.

Функциональное назначение концепции расследования пенитенциарных преступлений заключается в выявлении родовых закономерностей, влияющих на механизм совершения и расследования таких преступлений, в частности обстановки совершения пенитенциарных преступлений; личностных качеств осужденных (подозреваемых, обвиняемых), детерминированных влиянием специфики условий закрытого учреждения (исправительная колония, следственный изолятор), высокой концентрацией криминально ориентированных лиц, стойкостью неофициальных норм поведения; особенностей системы расследования таких преступлений, правового и организационного обеспечения деятельности соответствующих субъектов расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин, А. В. Пенитенциарные преступления: понятие, криминалистическая характеристика, специфика расследования : монография / под редакцией Н. Г. Шурухнова. – Рязань : Изд-во А. В. Коняхина, 2020. – 332 с. – ISBN 978-5-604-4961-1-4.
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3 томах. Том 3 / Р. С. Белкин. – Москва : Юрист, 1997. – 480 с.
3. Беляков, А. В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Беляков Алексей Владимирович. – Псков, 2010. – 215 с.
4. Бодяков, В. Н. Расследование должностных преступлений в уголовно-исполнительной системе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бодяков Владимир Николаевич. – Владимир, 2009. – 25 с.
5. Бронников, А. Г. Расследование и предупреждение незаконного изготовления, приобретения, хранения и сбыта наркотических веществ в исправительно-трудовых учреждениях : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бронников Аркадий Григорьевич. – Москва, 1972. – 195 с.
6. Гармаев, Ю. П. Концептуальные основы формирования укрупненных криминалистических методик расследования преступлений / Ю. П. Гармаев, Р. Н. Боровских // Академическая мысль. – 2018. – № 1 (2). – С. 72–77.
7. Гармаев, Ю. П. Разработка комплексных методик расследования как перспективная тенденция развития криминалистических методических рекомендаций / Ю. П. Гармаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 4 (249). – С. 154–160.
8. Гнатенко, В. А. Дознание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гнатенко Владимир Анатольевич. – Владимир, 2007. – 197 с.
9. Головин, А. Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 1–2. – С. 3–12.
10. Горшенин, Л. Г. Криминалистическая характеристика и особенности расследования преступлений в ИТУ (нанесение умышленных телесных повреждений и хулиганство) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Горшенин Лев Георгиевич. – Москва, 1983. – 168 с.
11. Грязева, Н. В. Методика расследования побегов из мест лишения свободы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грязева Надежда Викторовна. – Москва, 2014. – 234 с.
12. Ищенко, Е. П. Криминалистика : учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под редакцией Е. П. Ищенко. – Москва : Контракт : Инфра-М, 2006. – 748 с. – ISBN 5-900785-58-0 (Контракт), ISBN 5-16-001523-x (Инфра-М).
13. Кардашевская, М. В. Базовые методики расследования преступлений как инновационный подход к форми-

- рованию современных методик / М. В. Кардашевская // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2014. – № 6 (6). – С. 207–212.
14. Косарев, С. Ю. Примерная типовая структура типичных частных криминалистических методик расследования преступлений / С. Ю. Косарев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2017. – № 3 (36). – С. 83–87.
15. Криминалистика. Методика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания : учебник для образовательных учреждений МВД России. В 2 томах. Том 2. Часть 2 / под редакцией В. В. Кулькова. – Рязань : РИПЭ МВД России, 1996. – 100 с.
16. Куемжиева, С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Куемжиева Светлана Александровна. – Краснодар, 2020. – 496 с.
17. Ларин, С. Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ларин Сергей Борисович. – Москва, 2014. – 195 с.
18. Майданов, А. С. Процесс научного творчества: философско-методологический анализ / А. С. Майданов ; ответственный редактор И. П. Меркулов. – Москва : Наука, 1983. – 208 с.
19. Машнин, В. А. Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Машнин Владимир Андреевич. – Москва, 1994. – 23 с.
20. Морозов, Р. М. Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Морозов Роман Михайлович. – Владимир, 2012. – 223 с.
21. Николайченко, В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Николайченко Виктор Викторович. – Саратов, 2006. – 453 с.
22. Нуждин, А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нуждин Андрей Александрович. – Москва, 2013. – 25 с.
23. Петрухина, О. А. Виды криминалистических методик (методические рекомендации расследования экологических преступлений) / О. А. Петрухина, Н. Г. Шурухов // Белгородские криминалистические чтения : сборник научных трудов. Выпуск 5. – Белгород : Белгород. юрид. ин-т МВД им. И. Д. Путилина, 2019. – С. 30–36.
24. Прокопенко, Б. Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Прокопенко Борис Леонидович. – Воронеж, 2009. – 248 с.
25. Прошин, В. М. Криминалистическая концепция теории расследования налоговых преступлений / В. М. Прошин, А. М. Кустов // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2016. – № 3. – С. 122–126.
26. Прошин, В. М. Теория и практика расследования налоговых преступлений : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Прошин Владимир Михайлович. – Краснодар, 2019. – 510 с.
27. Расследование преступлений, совершаемых в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы : практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы / под редакцией Е. П. Ищенко, О. А. Белова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 376 с. – ISBN 978-5-4396-0420-3.
28. Самалдыков, М. К. Расследование и предупреждение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Самалдыков Максют Кошекович. – Москва, 1985. – 194 с.
29. Соколовский, В. И. Особенности расследования и предотвращения побегов осужденных из исправительно-трудовых учреждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Соколовский Валентин Иванович. – Москва, 1979. – 169 с.
30. Чернышенко, Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чернышенко Евгения Валериевна. – Москва, 2014. – 30 с.
31. Чурилов, С. Н. О роли классификаций преступлений в систематизации частных криминалистических методик / С. Н. Чурилов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 3 (927). – С. 70–76.
32. Шаталов, А. С. Криминалистическая методика расследования преступлений / А. С. Шаталов // Вестник криминалистики. – 2014. – № 4. – С. 8–23.
33. Шурухов, Н. Г. Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение / Н. Г. Шурухов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 252–256.
34. Шурухов, Н. Г. Личность пенитенциарного преступника: понятие и криминалистическая значимость ее свойств / Н. Г. Шурухов, А. С. Князьков, А. В. Акчурин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 109–125.
35. Шурухов, Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шурухов Николай Григорьевич. – Москва, 1991. – 475 с.
36. Шурухов, Н. Г. Совершенствование методических рекомендаций как составляющая интеграционного процесса в криминалистике / Н. Г. Шурухов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2018. – № 3. – С. 81–84.
37. Яблоков, Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды / Н. П. Яблоков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 5. – С. 40–51.

38. Яблоков, Н. П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / Н. П. Яблоков // Криминалистика : учебник / под редакцией А. Ф. Волинского, В. П. Лаврова. – Москва : Юнити-Дана, 2008. – С. 558–569. – ISBN 978-5-238-01398-5.
39. Ямашкин, А. С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ямашкин Антон Сергеевич. – Саратов, 2010. – 256 с.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Penitentsiarnye prestupleniya: ponyatie, kriminalisticheskaya kharakteristika, spetsifika rassledovaniya: monografiya* [Crimes committed in penitentiary: concept, criminalistic characteristics, specifics of investigation: monograph]. Ed. by N. G. Shurukhnov. Ryazan: Izd-vo A.V. Konyakhina, 2020. 332 p. ISBN 978-5-604-4961-1-4.
2. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii. V 3 tomakh. Tom 3.* [Forensic course. Forensic tools, techniques and recommendations. In 3 volumes. Volume 3]. Moscow: Yurist, 1997. 408 p.
3. Belyakov A.V. *Metodika rassledovaniya dezorganizatsii deyatel'nosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Method for investigating disorganization of the activities of institutions providing isolation from society: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Pskov, 2010. 215 p.
4. Bodyakov V.N. *Rassledovanie dolzhnostnykh prestuplenii v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation of official crimes in the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Vladimir, 2009. 25 p.
5. Bronnikov A.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie nezakonnogo izgotovleniya, priobreteniya, khraneniya i sbyta narkoticheskikh veshchestv v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of illegal manufacture, acquisition, storage and sale of narcotic substances in correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law)]. Moscow, 1972. 195 p.
6. Garmaev Yu.P., Borovskikh R.N. The conceptual formation's basics of enlarged criminalistic methods of crimes' investigation. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*, 2018, no. 1, pp. 72–77. (In Russ.).
7. Garmaev Yu.P. Development of complex investigation methods as a promising trend in the development of forensic methodological recommendations. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie=Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2003, no. 4, pp. 154–160. (In Russ.).
8. Gnatenko V.A. *Doznanie po ugovolnym delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v vospitatel'nykh koloniyakh Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal investigation of crimes committed in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2007. 197 p.
9. Golovin A.Yu. Forensic systems and classifications: issues of practical use. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences* 2013, no. 1–2, pp. 3–12. (In Russ.).
10. Gorshenin L.G. *Kriminalisticheskaya kharakteristika i osobennosti rassledovaniya prestuplenii v ITU (nanesenie umyshlennykh telesnykh povrezhdenii i khuliganstvo): dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Forensic characteristics and features of investigation of crimes in ITU (intentional bodily injury and hooliganism): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1983. 168 p.
11. Gryazeva N.V. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of investigation of escapes from places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 234 p.
12. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Kontrakt: Infra-M, 2005. 748 p. ISBN 5-900785-58-0 (Kontrakt), ISBN 5-16-001523-x (Infra-M).
13. Kardashevskaya M.V. Basic methods of crime investigation as an innovative approach to the formation of modern methods. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya=Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2014, no. 6, pp. 207–212. (In Russ.).
14. Kosarev S.Yu. Approximate typical structure of typical private forensic methods of crime investigation. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii=Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2017, no. 3, pp. 83–87. (In Russ.).
15. *Kriminalistika. Metodika rassledovaniya prestuplenii v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya: uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii. V 2 tomakh. Tom 2. Chast' 2* [Criminalistics. Methods of investigation of crimes in institutions executing punishments: textbook for educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In 2 volumes. Volume 2. Part 2]. Ed. by V.V. Kul'kov. Ryazan: RIPE MVD Rossii, 1996. 100 p.
16. Kuemzhieva S.A. *Kontseptual'nye osnovy gruppovoi metodiki rassledovaniya prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Conceptual foundations of the group methodology for investigating crimes against the family and minors: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2020. 496 p.
17. Larin S.B. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh liderami i chlenami organizovannykh prestupnykh grupp v mestakh lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of the initial stage of investigation of crimes committed by leaders and members of organized criminal groups in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 195 p.
18. Maidanov A.S. *Protsess nauchnogo tvorchestva: monografiya* [Process of scientific creativity: monograph]. Ed. by I.P. Merkulov. Moscow: Nauka, 1983. 208 p.
19. Mashnin V.A. *Sposoby pobegov iz okhranyaemykh ITK i kriminalisticheskie metody ikh razoblacheniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of escapes from protected correctional facilities and forensic methods of their exposure: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1994. 23 p.
20. Morozov R.M. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pobegov iz ispravitel'nykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of the initial stage of investigation of escapes from correctional institutions: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2012. 223 p.

21. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Crimes committed in penitentiary institutions and after release: forensic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
22. Nuzhdin A.A. *Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdennymi v uchrezhdeniyakh UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovykh sistem podvizhnoi svyazi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular communication systems: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2013. 25 p.
23. Petrukhina O.A., Shurukhnov N.G. Types of forensic methods (methodological recommendations for investigation of environmental crimes). In: *Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov* [Belgorod forensic readings: collection of scientific works]. Belgorod, 2019. Pp. 30–36. (In Russ.).
24. Prokopenko B.L. *Osobennosti rassledovaniya ubiystv, sovershennykh osuzhdennymi v mestakh lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of investigation of murders committed by convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Voronezh, 2009. 248 p.
25. Proshin V.M., Kustov A.M. To the question of the concept of criminalistic investigation of tax crimes. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta=HERALD of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, 2016, no. 3, pp. 122–126. (In Russ.).
26. Proshin V.M. *Teoriya i praktika rassledovaniya nalogovykh prestuplenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theory and practice of investigation of tax crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2019. 510 p.
27. *Rassledovanie prestuplenii, sovershaemykh v organakh i uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prakticheskoe rukovodstvo dlya sledovatelei, doznavatelei pravookhranitel'nykh organov i operativnykh sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Investigation of crimes committed in the bodies and institutions of the penal enforcement system: practical guide for investigators, law enforcement investigators and operational officers of the penal enforcement system]. Ed. by E.P. Ishchenko, O.A. Belova. Moscow: YurLitinform, 2013. 376 s. ISBN 978-5-4396-0420-3.
28. Samaldykov M.K. *Rassledovanie i preduprezhdenie deistvii, dezorganizuyushchikh rabotu ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of actions that disorganize the work of correctional labor institutions Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1985. 194 p.
29. Sokolovskii V.I. *Osobennosti rassledovaniya i predotvrashcheniya pobegov osuzhdennykh iz ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of investigation and prevention of escapes of convicts from correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1979. 169 p.
30. Chernyshenko E.V. *Rassledovanie nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 30 p.
31. Churilov S.N. O roli klassifikatsii prestuplenii v sistematsizatsii chastnykh kriminalisticheskikh metodik. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki=The Academic Journal of Moscow City University. Series "Legal Sciences"*, 2017, no. 3, pp. 70–76. (In Russ.).
32. Shatalov A.S. Criminalistic methods of crime investigation. *Vestnik kriminalistiki=Bulletin of Criminalistics*, 2014, no. 4, pp. 8–23. (In Russ.).
33. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
34. Shurukhnov N.G., Knyaz'kov A.S., Akchurin A.V. The personality of a penitentiary criminal: the concept and criminalistic significance of its properties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 39, pp. 109–125. (In Russ.).
35. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of crimes committed by convicts in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 475 p.
36. Shurukhnov N.G. Improvement of methodological recommendations as a component of the integration process in criminology. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki=Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 81–84. (In Russ.).
37. Yablokov N.P. Criminalistic classification of crimes in the investigation methodology and its types. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo=Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*, 2015, no. 5, pp. 40–51. (In Russ.).
38. Yablokov N.P. General provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes. In: Volynskii A.F., Lavrov V.P. *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Yuniti-Dana, 2008. Pp. 558–569. (In Russ.). ISBN 978-5-238-01398-5/
39. Yamashkin A.S. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of investigation of escapes from places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2010. 256 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, Рязань, Россия, 79206310258@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, 79206310258@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Статья поступила 10.12.2021

Научная статья

УДК 343.98

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.008

Данные потерпевшего-осужденного: по результатам расследования преступлений, умышленно причиняющих вред жизни и здоровью, совершенных в местах лишения свободы

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДЕЧКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению данных потерпевшего-осужденного на материале расследования преступлений, умышленно причиняющих вред жизни и здоровью, совершенных в местах лишения свободы. *Цель:* на основе анализа, обобщения теоретических и практических данных предпринята попытка сформировать типичный портрет потерпевшего в результате умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного в местах лишения свободы. *Методы:* диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и обобщения, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* в статье делается краткий исторический экскурс в целях сопоставления правовых норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г., регламентировавших отдельные положения, составляющие правовой статус потерпевшего, с нормами современного законодательства. Основное внимание сосредоточено на преступлениях, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных в местах лишения свободы, причинах и условиях, порождающих их. Приводятся данные официальной статистики. Рассматривается вопрос виктимности жертв, которых подразделяют на три основные группы в зависимости от их поведения в период отбывания наказания. Выделяют обладателей: 1) негативного, 2) положительного и 3) нейтрального поведения. Раскрываются особенности каждой из групп. *Выводы:* с опорой на имеющиеся исследования сформирован типичный портрет потерпевшего в результате умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного в местах лишения свободы.

Ключевые слова: умышленное причинение вреда жизни и здоровью; расследование; потерпевший-осужденный; место лишения свободы; причины; факторы; данные; криминалистическая характеристика.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г., Дечкин О. М. Данные потерпевшего-осужденного: по результатам расследования преступлений, умышленно причиняющих вред жизни и здоровью, совершенных в местах лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58), С. 185–193. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.008.

Original article

Data on the Injured Convict: Following Results of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm to Life and Health Committed in Places of Deprivation of Liberty

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

© Шурухнов Н. Г., Дечкин О. М., 2022

OLEG M. DECHKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Abstract

Introduction: the article presents data on the injured convict following investigation of crimes of intentional infliction of harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Purpose:* based on analysis and generalization of theoretical and practical data, the attempt is made to form a typical portrait of the victim of intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Methods:* dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the article makes a brief historical digression in order to compare legal norms of the 1864 Statute of Criminal Proceedings, which regulated certain provisions constituting the legal status of the victim, with norms of modern legislation. The main attention is focused on crimes causing intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty, their causes and commission conditions. The data of official statistics are given. The authors consider victimhood of victims, who are divided into three main groups depending on their behavior (negative, positive and neutral) during the period of serving the sentence. The specifics of each group are revealed. *Conclusions:* based on the available research, the authors present a typical portrait of the victim as a result of infliction of intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty.

Keywords: intentional infliction of harm to life and health; investigation; victim; convict; place of imprisonment; causes; factors; data; forensic characteristics.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Data on the injured convict: following results of the investigation of crimes related to intentional infliction of harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 185–193. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.008.

Введение

Преступления против жизни и здоровья, предусмотренные гл. 16 УК РФ, представляют одну из серьезных угроз для общества и государства. Потенциал их общественной опасности является едва ли не самым высоким, так как они избирательно посягают на основные права и свободы человека, которые «неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Поэтому одной из главных задач государства является реализация различных средств, в том числе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных, для охраны личности от преступных посягательств. Однако, несмотря на усилия, предпринимаемые государством, его правоохранительными, судебными органами и органами расследования, в 2021 г. было зарегистрировано 254,1 тыс. преступлений против личности (в 2016 г. – 347,3 тыс.), в том числе 7,3 тыс. убийств (в 2016 г. – 10,7 тыс.), 17,9 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (в 2016 г. – 27,4 тыс.), 38,2 тыс. причинений легкого вреда здоровью (в 2016 г. – 45,8 тыс.) [2; 3].

В результате преступных посягательств погибло 23,3 тыс. чел., причинен тяжкий вред здоровью 32,8 тыс. чел. [2].

Сравнивая правовые статусы потерпевшего [12] и обвиняемого, установленные законодательством об уголовном судопроизводстве дореволюционной России, можно сделать вывод, что первый проигрывал второму в объеме защищаемых прав и законных интересов. Такой подход исторически являлся

традиционным: на плечи потерпевшего ложилась нелегкая обязанность доказать совершение преступления, притом с немалым риском для себя, так как в ситуациях, когда обвиняемый оказывался оправданным, он мог потребовать сатисфакции [7, с. 5]. Однако данный законодательный подход постепенно менялся. Если обратиться к Уставу уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г., то можно заметить, что законными поводами для предварительного следствия признавались «объявления и жалобы частных лиц» (ст. 297), при этом пояснялось, что «объявления лиц, потерпевших от преступления или проступка, признаются жалобами» (ст. 301). Статья 303 УУС усиливала правовую роль жалоб в уголовном судопроизводстве, указывая, что они «почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка». Не имея возможности подробно рассматривать правовое положение потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., в целом скажем, что оно было объемным и конкретным. В подтверждение своего вывода приведем формулировку ст. 304: «Во все время производства следствия принесшей жалобу имеет право: 1) выставлять своих свидетелей; 2) присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям; 3) представлять в подкрепление своего иска доказательства и 4) требовать на свой счет выдачи копий всех протоколов и постановлений». Важный момент был отражен и в ст. 308:

«Поддача объявления или жалобы не налагает обязанности доказывать преступное деяние, но подвергает ответственности за всякое ложное показание».

Современное российское государство функцию обвинения и доказывания совершения преступления постепенно берет на себя. И в этом отношении следует поддержать одну из недавних инициатив Пленума Верховного Суда Российской Федерации, внесшего своим постановлением от 06.04.2022 № 3 в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации проект федерального закона об изменении вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. Речь идет об упразднении полномочий частного обвинителя (в настоящее время уголовные дела о перечисленных преступлениях рассматриваются мировыми судьями в порядке частного обвинения) и сохранении в УК РФ только публичного и частного-публичного видов уголовного преследования.

Исследовательская часть

Преступления против жизни и здоровья относятся к числу довольно распространенных и в таких специфических местах, как исправительные учреждения. Так, в 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации лицами, осужденными к лишению свободы, было совершено 1271 преступление. Примерно 8 % составляют преступления, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью: убийства (ст. 105 УК РФ) – 15 преступлений, покушение на убийство (ст. 30 и 105 УК РФ) – 7 преступлений, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 29 преступлений, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – 31 преступление, умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – 20 преступлений [5]. Это обусловлено объективными, субъективными и комплексными факторами.

Объективные факторы вбирают в себя ограниченность территории, концентрацию на ней большого количества лиц, которые вынужденно соприкасаются друг с другом, вступают в регламентированные и инициативные отношения. Они лишены личного пространства, наделены одинаковым правовым статусом при различном фактическом положении в среде осужденных, установленном неофициальными нормами поведения. Они отличаются уровнем образования, знаний, воспитания, физической силы, состоянием здоровья, направленностью убеждений, отношением к религии. Лишенные свободы должны регулярно контактировать: совместно проживать, находиться в одном помещении значительное время, принимать пищу, медицинские процедуры, рабо-

тать, коллективно пребывать в санитарно-бытовых комнатах. И все это в обстановке, при которой они не испытывают симпатий друг к другу. Постоянное присутствие одних и тех же лиц становится обыденным, однообразным обстоятельством, вызывает внутреннее неприятие.

Условия изоляции, необходимые для исполнения наказания в виде лишения свободы, являются причиной обострения межличностных отношений, нередко перерастающего в разнонаправленные конфликты затаянного характера, в которые вовлекаются другие осужденные. Кроме того, лишение свободы связано со строгой регламентацией всех сфер жизнедеятельности, отступление от установленных норм влечет применение широкого комплекса мер взыскания (порой с еще большей изоляцией и ограничениями). Так формируется особая социальная среда со своими специфическими ценностными ориентирами [8; 9].

Специфическая среда, сравнительно небольшая замкнутая территория ввергают осужденных в состояние психологического стресса, который сопровождают сексуальное воздержание, тюремные традиции, постоянный самоконтроль. При этом отбывающие наказание не имеют возможности уединиться, расслабиться психологически и дать организму полный отдых. Перечисленные воздействия отражаются на их психическом состоянии, порождая озлобленность, раздражительность, неадекватные эмоциональные реакции, агрессию, конфликтность, перерастающую в противоправные деяния, связанные с причинением вреда жизни и здоровью друг друга, даже в ситуациях, которые, казалось бы, можно было разрешить, не прибегая к насилию.

Длительность пребывания в условиях ограниченного пространства, монотонность и однотипность мероприятий, внутренние напряженные отношения осужденных между собой порождают неприязнь, банальные придирки, ссоры, демонстрацию конкретизированных жестов, употребление фразеологических выражений, не культивируемых в среде лишенных свободы, а контактные взаимоотношения ведут к распространению слухов, являющихся мотивом преступлений, причиняющих вред здоровью.

К группе субъективных факторов можно отнести, прежде всего, различные общие характеризующие данные и свойства личности осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы:

– расстройства психики (около 23 % содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, имеют психические аномалии различного генезиса (табл.1));

Таблица 1

Соотношение количества осужденных с психическими девиациями (отклонениями) и общего количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы

Год	2016	2017	2018	2019	2020
Общее число осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях	519 491	495 016	460 923	423 825	378 668
Общее число осужденных с психическими расстройствами в данных учреждениях	111 862	108 197	101 881	98 281	94 616
Удельный вес осужденных с психическими расстройствами, %	21,5	21,9	22,1	23,2	25

– совершение (предыдущее) тяжких преступлений (по состоянию на конец 2020 г. из 482 832 лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, 119 934 были осуждены за совершение тяжких, а 213 201 – особо тяжких преступлений);

– совершение умышленных противоправных деяний (численность лиц, осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, составляла 28 162);

– наличие прошлого преступного опыта (согласно данным формы статистической отчетности ФСИН-1 за 2012–2021 гг. 86 577 отбывающих наказание были осуждены два раза, 153 277 – три раза и более);

– длительность сроков лишения свободы (на конец 2020 г. 72 345 осужденных отбывали наказание в виде лишения свободы от 1 года до 3 лет; 79 401 – от 3 до 5 лет; 140 159 – от 5 до 10 лет; 57 364 – от 10 до 15 лет. В общей сложности от 1 года до 15 лет отбывали наказание в виде лишения свободы 72,3 % осужденных).

На распространенности причинения умышленного вреда жизни и здоровью в местах лишения свободы сказывается и комплексный фактор, сочетающийся в себе ряд разноплановых обстоятельств. Сюда можно отнести существование неофициальных норм поведения, которых придерживается значительное количество отбывающих наказание в виде лишения свободы, и неофициальной дифференциации осужденных [1, с. 123–144; 14]. Это определяет характер как междустратных, так и личностных отношений.

Причиной совершения преступлений против личности в местах лишения свободы является и умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (ч. 1. ст. 115 УК РФ). Этим преступлением в исправительных учреждениях (только по числу регистрируемых, учитываемых в графе «иные преступления») совершается значительное количество (табл. 2). Заметим, что в основном такие деяния либо латентны, либо скрыты от учета.

Этому есть несколько объяснений:

а) традиции мест лишения свободы (со своими обидчиками осужденные предпочитают разобраться собственными силами и средствами, а не сообщать об инциденте администрации места лишения свободы);

б) частный порядок уголовного преследования, установленный УПК РФ в отношении ч. 1 ст. 115 УК РФ

(он не всегда срабатывает в исправительных учреждениях);

в) укрытие от учета преступлений небольшой тяжести.

Таблица 2

Количество зарегистрированных умышленных причинений легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) заключенными под стражу и осужденными к лишению свободы

Год	Всего	ИК, ЛИУ, ЛПУ	СИЗО	ВК
2017	14	ч. 1 – 1	–	–
		ч. 2 – 13	–	–
2018	16	ч. 1 – 2	ч. 1 – 1	–
		ч. 2 – 13	–	–
2019	22	ч. 1 – 1	–	ч. 1 – 1
		ч. 2 – 19	ч. 2 – 1	–
2020	20	ч. 1 – 1	–	–
		ч. 2 – 19	–	–
2021	20	ч. 1 – 1	–	–
		ч. 2 – 18	ч. 2 – 1	–

Перечисленные факторы выступают «стимулирующими» в отношении причинения умышленного вреда жизни и здоровью осужденных в местах лишения свободы.

В 2016 г. в исправительных учреждениях было зарегистрировано 960 преступлений, из них 14,5 % – противоправные деяния, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью [4], в 2021 г. – 1271 преступление, из них 8 % связаны с умышленным причинением вреда жизни и здоровью [5].

В 2016 г. лицами, осужденными к лишению свободы, было совершено 16 убийств (ст. 105 УК РФ), 8 покушений на убийство (ст. 30, 105 УК РФ), 24 умышленных причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшие смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), 38 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (ч. 1–3 ст. 111 УК РФ), 34 умышленных причинения вреда средней тяжести (ст. 112 УК РФ), 19 умышленных причинений легкого вреда здоровью; в 2021 г. – 15, 7, 7, 22, 32, 20 соответственно (общее количество потерпевших – 102) (табл. 3) [4; 5]. Коэффициент преступности на тысячу осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, в 2016 г. составлял 1,50, в 2020 г. – 2,39.

Таблица 3

Соотношение зарегистрированных преступлений против жизни и здоровья и общего количества преступлений среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы	960	974	1025	1171	1184	1271
Убийство (ст. 105 УК РФ)	16	20	6	8	8	15
Покушение на убийство (ст. 30, 105 УК РФ)	8	12	5	7	4	7
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)	24	9	18	9	7	7
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1–3 ст. 111 УК РФ)	38	23	18	25	17	22
Умышленное причинение вреда средней тяжести (ст. 112 УК РФ)	34	19	20	30	24	31

Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)	19	14	17	21	21	20
Общее число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы	139	97	84	100	81	102
Процентное соотношение	14,5 %	10 %	8,1 %	8,5 %	6,8 %	8 %

При подготовке исследования в период с 2006 по 2020 г. нами было изучено 102 уголовных дела по преступлениям, предусмотренным ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, совершенных осужденными в местах лишения свободы, в 20 субъектах Российской Федерации (республики Башкортостан, Коми, Удмуртия, Архангельская, Белгородская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Мурманская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Свердловская, Челябинская и Ярославская области).

Анализируя практику расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, мы пришли к выводу о взаимосвязи рассматриваемых противоправных деяний. Нередко это проявляется в трансформации одного преступления видовой группы в другое, превращении субъекта в потерпевшего, реализации особой жестокости или общепопасного способа преступления. Следует сказать и о том, что перечисленные преступления являются наиболее распространенными в сравнении с иными общественно опасными деяниями, совершаемыми осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, и причиняющими вред жизни и здоровью граждан.

Результаты проведенного исследования показали, что потерпевшими от умышленного причинения вреда жизни и здоровью в местах лишения свободы в 96,4 % случаев являются осужденные, в 3 % – начальствующий состав и вольнонаемные сотрудники исправительного учреждения, в 0,6 % – граждане, прибывшие в учреждение в силу производственной необходимости, родственники, находившиеся на длительных свиданиях. Подавляющее большинство преступлений обусловлено объективным фактором – незначительной территорией с большой концентрацией осужденных, вынужденно активно контактирующих друг с другом [13]. Жертвами в 93 % случаев становятся лица мужского пола, в 7 % – женского. Приведенные цифры закономерны, так как, по состоянию на конец 2021 г., примерно 92 % отбывающих наказание в виде лишения свободы являлись мужчинами.

Умышленный вред жизни и здоровью в условиях мест лишения свободы чаще остальных причиняется осужденным трех возрастных групп: от 18 до 29 лет (47 %), от 30 до 39 лет (30 %), от 40 до 49 лет (17 %). На возрастную группу от 50 лет и старше приходится 6 % рассматриваемых противоправных посягательств. Это объясняется тем, что лица старшего возраста имеют разнообразный жизненный опыт, реже оказываются в конфликтных ситуациях, определяют их характер, прогнозируют последствия, быстро просчитывают варианты разрядки, чтобы это удовлетворило психологические интересы двух сторон, не унизило

честь и достоинство арестантов.

Значительное количество жертв имели неполное среднее (45 %) или среднее (37 %) образование. Низкий уровень образования, как правило, коррелирует с недоразвитостью интеллекта человека, что обуславливает непринятие точки зрения другого осужденного, неспособность анализировать, рассуждать с позиции здравого смысла, грубость в обращении с членами сообщества. Отсюда, чем ниже образовательный уровень, беднее жизненный опыт, тем больше вероятность, что лицо окажется в ситуации, провоцирующей конфликт с последующим причинением вреда жизни и здоровью.

В большинстве своем потерпевшие-осужденные не были трудоустроены и не занимались общественно полезным трудом в условиях исправительного учреждения (73 %). Основная часть данных лиц имела различные взыскания от администрации учреждения (68 %). Одним из злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы является употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Во время совершения противоправных деяний 14 % граждан, вред здоровью которых был причинен, находились в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием наркотических средств.

Стоит отметить, что 55 % потерпевших имели одну судимость, 45 % – две и более. Из них 40 % были осуждены за преступления против жизни и здоровья, 26 % – против собственности, 19 % – против здоровья населения и общественной нравственности, 8 % – против половой неприкосновенности и половой свободы личности, 4 % – против общественной безопасности, 3 % – иные уголовно наказуемые деяния.

В механизме умышленного причинения вреда жизни и здоровью, осуществленного в условиях мест лишения свободы, особую роль занимает поведение потерпевшего как до совершения преступления, так и непосредственно в момент противоправного посягательства. В первую очередь, значение имеет виктимность поведения осужденного, в котором преобладают негативные, аморальные, а порой хотя и малозначительные, но общественно опасные признаки [10; 11]. Провокационность в этом плане опасна, так как приводит в положение жертвы. Виктимное поведение является самостоятельной образующей условий совершения противоправного деяния. Зачастую осужденные, вред жизни или здоровью которых причинен, сами создают почву для совершения в отношении них противоправных действий, провоцируя это своим вызывающим, аморальным, а иногда и противоправным поведением.

На основе эмпирических данных, полученных нами в ходе изучения практики расследования пре-

ступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью в исправительных учреждениях, всех потерпевших из числа осужденных по анализируемым преступным деяниям мы объединили в три группы в зависимости от их поведения в период отбывания наказания. Так, были выделены обладатели: 1) негативного, 2) положительного и 3) нейтрального поведения.

Представители первой группы (42,3 %) распространяли негативную информацию, унижали, оскорбляли, причиняли физические страдания, издевались над другими осужденными, что послужило мотивом причинения умышленного вреда их жизни или здоровью. Так, в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Республике Башкортостан осужденный Х. Р. Р. периодически высмеивал осужденного Х. Ш. Я. в присутствии других лиц, отбывающих наказание. В один из дней Х. Р. Р. решил пошутить над своим сотоварищем: когда тот спал, налил ему в рот моющее средство, объяснив, что он якобы храпит и не дает спать другим. Испытывая личную неприязнь к Х. Р. Р., осужденный Х. Ш. Я. схватил табуретку и нанес своему обидчику несколько ударов в область головы, тем самым причинив тяжкий вред здоровью (Архив Салаватского городского суда Республики Башкортостан. Уголовное дело от 23.04.2015 № 1-68/2015).

Во вторую группу входят осужденные с положительным поведением (35,4 %). Они защищали себя и других от словесных нападков и действий правонарушителей путем высказывания требований прекратить противоправное поведение, неправомерное применение физической силы, принести извинения за необдуманность своих высказываний и поступков. Например, в ходе приема пищи в столовой в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Мурманской области осужденный К. Е. В. пытался пройти вне очереди к окошку раздачи пищи. Осужденный Б. Р. А. его остановил и попросил встать в очередь. На сделанное замечание осужденный К. Е. В. ответил грубостью. По окончании приема пищи при нахождении на площадке построения осужденных (платце) жилой зоны исправительного учреждения между указанными лицами была продолжена словесная перепалка, в результате которой К. Е. В. с помощью заточенной алюминиевой ложки нанес несколько ударов осужденному Б. Р. А. в область спины, тем самым причинив телесные повреждения (Архив Ловозерского районного суда Мурманской области. Уголовное дело от 24.07.2017 № 1-11/2017).

Третью группу образуют осужденные с нейтральным поведением (22,3 %), то есть не способствовавшие и не препятствовавшие действиям правонарушителей. Причины такого образа действий самые разные, нередко это связано с негативными свойствами личности (трусость, нерешительность, привычка угодничать, быть униженным и не оказывать сопротивления). Приведенное в определенной степени будет характеризовать следующий пример. Осужденный Щ. А. С., находясь в спальном помещении одного из отрядов исправительного учреждения УФСИН России по Архангельской области, демонстрируя свою физическую силу, умышленно нанес

несколько ударов руками, ногами в область головы и шеи осужденного О. Н. Н., тем самым причинив здоровью последнего вред средней тяжести. При нанесении ударов осужденный О. Н. Н. никакого сопротивления злоумышленнику не оказал, так как испытывал определенный страх (Архив мирового суда судебного участка № 2 Пинежского района Архангельской области. Уголовное дело от 11.06.2013 № 1-29/2013).

Вероятность стать потерпевшим в результате умышленного причинения вреда жизни и здоровью в местах лишения свободы зависит от срока отбывания наказания лицом, которому были нанесены телесные повреждения, количества судимостей, времени пребывания в конкретном исправительном учреждении. У осужденных, впервые находящихся в исправительных учреждениях, начало срока отбывания наказания протекает особенно болезненно по причине адаптации к новой среде. Именно в отношении вновь поступивших в исправительные учреждения граждан совершается большинство преступлений против жизни и здоровья. Обусловлено это тем, что новый человек вызывает интерес у других осужденных. Они разными способами стараются получить информацию о нем, проверить вновь прибывшего и тем самым определить место, которое он будет занимать в сообществе лишенных свободы. Иногда такие проверки являются провокационными и имеют целью снижение неофициального статуса новичка, что в отдельных случаях приводит к затяжному межличностному конфликту, который обуславливает причинение вреда жизни и здоровью. Однако в такой ситуации определить жертву на раннем этапе не представляется возможным.

Данные, характеризующие собственные (внутренние) свойства личности потерпевших, а также их связи, отношения с окружением, являются составной частью криминалистической характеристики обозначенной группы преступлений. При расследовании конкретных дел они позволяют установить предмет общения, выявить лиц, с которыми были дружеские и неприязненные отношения, посредством чего очертить круг осужденных, причастных к совершению противоправного деяния. С их помощью представляется возможным определить лиц, являвшихся очевидцами преступления, располагающими сведениями об устанавливаемом событии. Информация, характеризующая потерпевшего и его взаимоотношения с близким и дальним окружением, позволяет выдвинуть целенаправленные версии о мотиве преступления. Сведения о жертве противоправного деяния, обстановке, способах, средствах, использованных для причинения вреда жизни и здоровью, могут оказаться весьма полезными с точки зрения обеспечения тщательного исследования обстановки места происшествия, разработки тактических приемов допроса как самого потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого, а также свидетелей. Опираясь на данные о потерпевшем, дознаватель, следователь могут без особого труда установить ложные сведения в его показаниях, что является весьма распространенным при расследовании преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказание

в учреждениях уголовно-исполнительной системы, предположить наличие отклонений в психике допрашиваемого, принять решение о целесообразности и своевременности проведения судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертизы.

Выявление и изучение криминалистически значимых особенностей в личности потерпевшего и его поведении (до, в момент и после совершения преступления) позволяет глубже разобраться во многих обстоятельствах противоправного деяния, особенно характеризующих своеобразие, направленность и мотивы поведения преступника. При совершении преступлений, связанных с умышленным причинением вреда жизни и здоровью, преступник неслучайно избирает отдельное лицо объектом своего посягательства. Поэтому неудивительно, что в анализируемых преступных деяниях, как правило, установление преступника в значительной мере идет по цепи «потерпевший – преступник». Особенно важно выявление и изучение этой связи в начале расследования, на предварительном этапе [13].

При этом особое внимание должно быть обращено на корреляции, обнаруживающие взаимосвязь данных криминалистической характеристики: способ – обстановка совершения преступного посягательства; жертва – преступник; свойства личности потерпевшего – характер, средства причинения вреда жизни и здоровью; средства преступления – свойства личности преступника. Подчеркнем, что корреляции особо проявляются при серьезном, вдумчивом анализе обстоятельств расследуемого причинения умышленного вреда жизни и здоровью в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Заключение

Данные, полученные в результате эмпирического исследования, позволяют составить краткий портрет потерпевшего, жизни и здоровью которого причинен умышленный вред в условиях мест лишения свободы. Это мужчина (93 %), осужденный (отбывающий наказание в виде лишения свободы) (96,4 %), в возрасте от 18 до 39 лет (77 %), с неполным средним или средним образованием (82 %), нетрудоустроенный и не занимающийся общественно полезным трудом (73 %), склонный к различным нарушениям режима отбывания наказания (68 %), имеющий соответствующие взыскания. Жертвы рассматриваемых преступлений в одних случаях (42,3 %) сами провоцируют на противоправные действия субъекта преступления, а в других (35,4 %) выступают защитниками чести и достоинства других осужденных, равно как и собственных.

Как свидетельствуют приведенные данные, умышленное причинение вреда жизни и здоровью осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, нередко связано с виктимностью поведения потерпевшего. Реализуясь через направленность личности посредством типичной линии поведения, виктимность выступает значимым фактором в анализе взаимодействия преступника и жертвы, оценке показаний участников досудебного производства и, в первую очередь, самого потерпевшего. Показания последнего следует тщательно

проверять, учитывая, что в ряде случаев при первом допросе состояние крайнего психического напряжения, неопределенность поведения, воспроизводящего стрессогенное событие, ограничивает его возможности. При повторном допросе возможны не только проявление реминисценции – более полного воспроизведения события (это не должно интерпретироваться как умышленное сокрытие сведений при первом допросе), но и корректировка показаний за счет осмысления своего будущего в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы, влияния других осужденных, в том числе окружения подозреваемого, обвиняемого.

Изучение свойств личности потерпевшего, психологических и физических особенностей, поведения (включая виктимность), уровня культуры, ценностных ориентаций, выяснение наличия связей и отношений с другими отбывающими лишение свободы позволяют установить мотивы преступления, точнее очертить круг лиц, среди которых следует искать совершившего противоправное деяние [6]. Кроме того, информация такого рода позволяет выдвинуть оптимальные версии, осуществить поиск следов и орудий преступления, спланировать процесс расследования, а также избрать определенные приемы и их комбинации при производстве отдельных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Успех расследования умышленного причинения вреда жизни и здоровью, совершенного осужденными, пребывающими в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, зависит от различных факторов. Как нам представляется, решающее значение имеют действенное взаимодействие с должностными лицами исправительного учреждения, умелая реализация информации, совокупности типичных сведений, характеризующих специфику личности потерпевших из числа осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Без взаимодействия с уполномоченными лицами исправительных учреждений своевременно, качественно, с выяснением причин и условий, которые способствовали совершению преступления, расследовать его не представляется возможным: очень много нюансов присутствует как в организации деятельности, так и в свойствах личности осужденных, официальных и неофициальных нормах поведения, стратификации лиц, пребывающих в учреждении, о которых субъект расследования может не знать. Подчеркивая возможность взаимодействия, мы нацеливаем дознавателей, следователей на сотрудничество не только с оперативным составом, представителями службы безопасности, но и с начальниками отрядов. Начальник отряда – это такое должностное лицо, которое располагает максимальным объемом сведений о каждом из подконтрольных ему осужденных. Следует согласиться с тем, что при наличии соответствующего опыта, профессионального стажа начальник отряда уже из первого знакомства с осужденным (при проведении беседы, заполнении документов, намечающих индивидуально-воспитательную работу) делает для себя определенные выводы, в том

числе о степени виктимности, перспективах уживаемости в коллективе, умении разрядить конфликтные ситуации. Подобная информация представляет интерес для расследования преступления, установле-

ния других обстоятельств умышленного причинения вреда жизни и здоровью осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина, А. В. Пенитенциарные преступления: понятие, криминалистическая характеристика, специфика расследования / А. В. Акчурина. – Рязань : Коняхин А. В., 2020. – 332 с. – ISBN 978-5-6044961-1-4.
2. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. 2021 год // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : сайт. – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 21.04.2022).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 21.04.2022).
4. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2016 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2017. – 385 с.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2021 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2022. – 436 с.
6. Сахарова, Е. Г. Значение личности потерпевшего как объекта криминалистического исследования при расследовании причинения вреда здоровью / Е. Г. Сахарова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 4 (30). – С. 83–88.
7. Синенко, С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступления / С. А. Синенко. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. – 140 с. – ISBN 978-5-7444-2014-7.
8. Сухов, А. Н. Социально-психологические явления в среде осужденных : учебное пособие / А. Н. Сухов. – Рязань : РВШ МВД СССР, 1987. – 64 с.
9. Сычев, Ю. В. Микросреда и личность: философские и социологические аспекты / Ю. В. Сычев. – Москва : Мысль, 1974. – 190 с.
10. Франк, Л. В. Виктимология и виктимность (Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью) : учебное пособие для студентов юридического факультета / Л. В. Франк. – Душанбе : [б. и.], 1972. – 114 с.
11. Франк, Л. В. Понятие криминальной виктимологии и виктимности и некоторые ее аспекты в преступлениях против жизни и здоровья / Л. В. Франк // Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы. – 1972. – № 15. – С. 247–256.
12. Центров, Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем / Е. Е. Центров. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1988. – 160 с. – ISBN 5-211-00065-X.
13. Шурухнов, Н. Г. Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение / Н. Г. Шурухнов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 252–256.
14. Шурухнов, Н. Г. Основания криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы / Н. Г. Шурухнов, О. М. Дечкин // Пенитенциарная наука. – 2021. – Том 15, № 4 (56). – С. 778–790.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Penitentsiarnye prestupleniya: ponyatie, kriminali-sticheskaya kharakteristika, spetsifika rassledovaniya* [Penitentiary crimes: concept, criminalistic characteristics, specifics of investigation]. Ryazan: Konyakhin A.V., 2020. 332 p. ISBN 978-5-6044961-1-4.
2. Monthly collection on the state of crime in Russia. 2021. *Portal pravovoi statistiki General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii: sait* [Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: website]. Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (In Russ.). (Accessed April 21, 2022).
3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2021. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> c (Accessed April 21, 2022).
4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2016 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation (January–December 2016): information and analytical collection]. Tver: NIIT FSIN Rossii, 2017. 385 p.
5. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2021 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation (January–December 2021): information and analytical collection]. Tver: NIIT FSIN Rossii, 2022. 436 p.
6. Sakharova E.G. The value of the identity of the victim as an object of forensic investigation in the investigation of personal injury. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2017, no. 4 (30), pp. 83–88. (In Russ.).
7. Sinenko S.A. *Uchastie poterpевshogo v rassledovanii prestupleniya* [Participation of the victim in the investigation of the crime]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2007. 140 p. ISBN 978-5-7444-2014-7.
8. Sukhov A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskie yavleniya v srede osuzhdennykh: uchebnoe posobie* [Socio-psychological phenomena among convicts: textbook]. Ryazan: RVSh MVD SSSR, 1987. 64 p.
9. Sychev Yu.V. *Mikrosreda i lichnost': filosofskie i sotsiologicheskie aspekty* [Microenvironment and personality: philosophical and sociological aspects]. Moscow: Mysl', 1974. 190 p.

10. Frank L.V. *Viktimologiya i viktimnost' (Ob odnom novom napravlenii v teorii i praktike bor'by s prestupnost'yu): uchebnoe posobie dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta* [Victimology and victimhood (On one new direction in the theory and practice of combating crime): teaching tool for students of the Faculty of Law]. Dushanbe: [b. i.], 1972. 114 z.
11. Frank L.V. Concept of criminal victimology and victimhood and some of its aspects in crimes against life and health. *Voprosy kriminalistiki, kriminologii i sudebnoi ekspertizy=Issues of criminalistics, criminology and forensic examination*, 1972, no. 15, pp. 247–256. (In Russ.).
12. Tsentrov E.E. *Kriminalisticheskoe uchenie o poterpevshem* [Criminalistic teaching about the victim]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1988. 160 p. ISBN 5-211-00065-X.
13. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
14. Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Grounds for criminalistic classification of crimes against human life and health committed by convicts serving imprisonment sentences in places of deprivation of liberty. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 778–790. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДЕЧКИН – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Group for Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Office of the Academic Secretary of Post Graduate Military Course, Doctoral Studies at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

OLEG M. DECHKIN – Lecturer of the Department for Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Статья поступила 21.04.2022

Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы нормативно-правового обеспечения создания в Российской Федерации системы пробации, цель которой состоит в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы. *Цель:* на основе анализа содержания вынесенного на общественное обсуждение законопроекта о пробации установить имеющиеся в данной сфере правовые проблемы и предложить меры по их решению. *Методы:* в ходе исследования применялись формально-логический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. *Результаты:* выявлены следующие правовые проблемы: рамочный характер законопроекта, абстрактность содержания отдельных его норм, противоречивость правового содержания пробации и отдельных ее видов (направлений), недостаточность конкретных правовых механизмов содействия осужденным и лицам, отбывшим наказания, в социальной адаптации и реабилитации. Разработаны предложения по дальнейшему совершенствованию правовых основ пробации в Российской Федерации: конкретизация полномочий и механизмов взаимодействия субъектов пробации, содержания процедур и мероприятий пробации; усиление правовой регламентации профилактического направления пробации; введение процедур примирения (медиации) с потерпевшим (досудебная пробация); определение места общественного контроля в сфере пробации; создание в системе государственных и муниципальных структур единого органа, на который возлагались бы пробационные функции; обеспечение должного паритета социальных прав осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с социальными правами иных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. *Выводы:* разработка законопроекта о пробации стала важным этапом в развитии и гуманизации отечественного законодательства. Его принятие и последующая реализация позволят сформировать принципиально новую систему работы с осужденными и лицами, освобожденными из мест лишения свободы, предусматривающую широкое применение к ним мер социально-реабилитационного и профилактического характера, что, в свою очередь, позитивным образом скажется на уровне их социализации и состоянии рецидивной преступности в стране.

Ключевые слова: уголовная политика; пробация; альтернативные наказания; ресоциализация осужденных; социальная адаптация; социальная реабилитация; профилактика преступлений.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 194–203. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.

Original article

Probation in the Russian Federation: Some Problems of the Content and Legal Regulation

PAVEL V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Abstract

Introduction: the article discusses some issues of regulatory support for creating a probation system in the Russian Federation, aimed at resocialization, social adaptation and rehabilitation of convicts and persons released from places of deprivation of liberty. *Purpose:* based on the analysis of the content of the draft law on probation submitted for public discussion, to identify current legal problems in this direction and propose measures to solve them. *Methods:* formal-logical, system-structural and comparative-legal methods are used in the course of the study. *Results:* the following legal problems are identified: the framework nature of the draft law, abstractness of the content of its individual norms, inconsistency of the legal content of probation and its individual types (directions), insufficiency of specific legal mechanisms to assist convicts and persons released from places of deprivation of liberty in social adaptation and rehabilitation. To further improve the legal framework of probation in the Russian Federation the author developed the following proposals: specifying powers and mechanisms of interaction of probation subjects, content of probation procedures and measures; strengthening legal regulation of the preventive direction of probation; introducing reconciliation (mediation) procedures with the victim (pre-trial probation); determining the place of public control in the field of probation; creating a single body in the system of state and municipal structures to which probation functions would be assigned; ensuring proper parity of social rights of convicts and persons released from prison with those of other categories of citizens who find themselves in a difficult life situation. *Conclusions:* elaboration of the draft law on probation has become an important stage in the development and humanization of domestic legislation; its adoption and subsequent implementation will form a fundamentally new system of work with convicts and persons released from prison, providing for widespread application of social rehabilitation and preventive measures to them, which, in turn, will have a positive impact on the level of their socialization and the state of recessive crime in the country.

Key words: criminal policy; probation; alternative punishments; resocialization of convicts; social adaptation; social rehabilitation; crime prevention.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor’s activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. doi 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.

Введение

Вопрос о необходимости организации и функционирования системы пробации в Российской Федерации активно обсуждается на государственном уровне и в научном сообществе на протяжении последних нескольких лет. Создание общегосударственной системы постпенитенциарной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, стало предметом рассмотрения в 2009 г. на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации в г. Вологде. Появление службы пробации предусматривалось положениями Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. При этом предполагалось, что она будет обеспечивать постпенитенциарную адаптацию и социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В указе Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» речь шла о создании службы пробации для несовершеннолетних правонарушителей [14]. В 2011–2012 гг. была предпринята попытка создания в России полноценной службы пробации, которая потерпела неудачу [13]: проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих» не был реализован, и в 2015 г. работа над созданием данного института в России была приостановлена [18, с. 7].

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. вновь предусмотрено создание и развитие системы пробации. Как можно заметить, задача создания самостоятельной службы пробации в данном планируемом документе напрямую не ставится, речь идет о формировании единой системы взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, учреждений и организаций (предприятий) социального обслуживания при решении вопросов оказания адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Как зафиксировано в указанном документе, отбывание уголовного наказания в условиях изоляции от общества влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей, потерю навыков жизни в обществе, что влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении и, как следствие, чревато совершением повторных преступлений. Наказания без изоляции от общества и условное осуждение на практике также далеко не всегда сопровождаются эффективной индивидуально-профилактической и социально-реабилитационной работой с осужденными. Во многом это связано с недостаточностью возможностей уголовно-исполнительных инспекций задействовать весь арсенал средств воздействия на правонарушителя (например, кадровые, финансовые, технологические трудности). Данные обстоятельства обусловили постановку вопроса о создании действенной системы ресоциализации и социальной адаптации осужден-

ных и лиц, освободившихся от отбывания наказания (системы пробации).

В числе первоочередных мероприятий по созданию и развитию в Российской Федерации эффективной системы пробации значится закрепление данного института на законодательном уровне. В этих целях Минюстом России был подготовлен и вынесен на общественное обсуждение проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (ID проекта 01/05/04-22/00126333). Предметом регулирования названного федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования пробации в Российской Федерации. В целях научного осмысления предлагаемого законопроекта и поиска возможностей для его дальнейшего совершенствования нами было проведено научно-теоретическое исследование, результаты которого представлены в настоящей статье.

Результаты анализа содержания законопроекта

Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (далее – проект Закона о пробации) нормативно определяет основные понятия, используемые в регулируемой сфере; устанавливает цели и задачи пробации; закрепляет полномочия, принципы и организационные основы деятельности субъектов пробации, правовое положение лиц, в отношении которых она применяется. В качестве целей пробации заявлены коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений.

В основу юридической конструкции законопроекта положен подход, позиционирующий пробацию как совокупность мер социально-реабилитационного, контрольно-надзорного и профилактического характера, реализуемых как на этапе исполнения уголовного наказания (приговорная (исполнительная) пробация, пенитенциарная пробация), так и на постпенитенциарном этапе (постпенитенциарная пробация), а также направленный на юридическую институализацию единой системы субъектов пробации, регламентацию их прав, обязанностей, ответственности и профессиональных взаимосвязей. Избранный подход позволяет в целом учесть социальную ценность пробации, максимально использовать ее значительный социально-реабилитационный и профилактический потенциал в работе с осужденными и лицами, отбывшими наказание, обеспечить единые принципы и целостность в работе субъектов пробации. Аналогичный подход реализуется в законодательном регулировании пробации в отдельных зарубежных странах. Например, закон Республики Казахстан от 30.12.2016 № 38-VI «О пробации» устанавливает следующие виды пробации: досудебная, приговорная, пенитенциарная, постпенитенциарная.

Нельзя не заметить, что значительный объем нормативного материала, представленного в проекте Закона о пробации, дублирует содержание норм уголовно-исполнительного законодательства и некоторых подзаконных актов в данной сфере (отдельные полномочия исправительных учреждений, исправительных центров и уголовно-исполнительных

инспекций; права, обязанности и ответственность осужденных, задачи и порядок осуществления воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными). Кроме того, авторы законопроекта используют большое количество бланкетных норм, отсылающих к правилам, определяемым уголовно-исполнительным законодательством, законодательством об образовании, законодательством в сферах социального обслуживания и охраны здоровья граждан, защиты персональных данных и др. Таким образом, проект Закона о пробации, определяя основы системы пробации в Российской Федерации, правового положения и деятельности ее субъектов, по сути, представляет собой рамочный межотраслевой нормативный правовой акт законодательного уровня, структурированный по аналогии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». К предмету правового регулирования последнего тоже отнесена реализация таких форм профилактического воздействия, как ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, в том числе в отношении лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества, а также отбывших наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

В связи с этим представляется, что в результате «перенасыщения» проекта Закона о пробации правовыми нормами, дублирующими нормативные установления иных федеральных законов, возникает риск необоснованного вторжения в предмет регулирования данных законов, включая уголовно-исполнительные отношения. Казалось бы, в данной ситуации законодатель мог бы ограничиться принятием федерального закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в уже действующие специальные законодательные акты, регламентирующие вопросы социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (в том числе в закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в качестве базового), акцентировав при этом внимание на осужденных и лицах, освободившихся из мест лишения свободы, наряду с другими категориями граждан. Однако, учитывая особую значимость вопросов профилактики правонарушений со стороны названной категории лиц, а также тот факт, что значительный объем регулирования в данной области приходится на региональный и местный уровни, принятие закона о пробации на федеральном уровне все же видится насущной необходимостью.

Особо следует остановиться на легальной дефиниции пробации, закрепленной в проекте. От уяснения содержания того или иного понятия во многом зависит успех тех мер, которые вытекают из его содержания [6]. Ю. А. Головастова справедливо отмечает, что «искаженное использование базовых правовых категорий (а пробация является таковой) ведет к стихийному нормотворчеству, проявления которого изменяют суть правового регулирования» [2, с. 5].

Как нами уже указывалось, под пробацией авторами законопроекта понимается некий комплекс мер социально-реабилитационного и профилактического

характера. Вместе с тем трактовка данного термина, принятая в отечественной научной доктрине и законодательной практике некоторых зарубежных стран, значительно отличается от предлагаемой в законопроекте, что, в свою очередь, существенным образом сказывается на содержании предмета регулирования разрабатываемого закона о пробации.

Термин «пробация» (от лат. *probatio* – испытание) употребляется чаще всего для обозначения института, сопровождающего условное лишение свободы или отсрочку вынесенного приговора [8, с. 67], а также в связи с деятельностью по исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы [4]. Суть пробации состоит в принудительном надзоре со стороны специальных органов за поведением осужденного и выполнением им обязанностей, возложенных судом, коррекции его поведения, содействию в социальной адаптации и предупреждении совершения им повторных преступлений [9, с. 121]. Обычно пробация предусматривается в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Может быть избрана в качестве меры ответственности только в том случае, когда подсудимый выразит готовность подчиниться всем предусмотренным требованиям, соблюдать все установленные судом ограничения [10, с. 114]. При этом характер и особенности форм выражения института пробации находятся в прямой зависимости от правовой системы соответствующего государства. Так, в одних государствах законодатель определяет применение пробации как наказание (например, Швеция, Финляндия, Латвия), в других относит ее к иным мерам уголовно-правового характера (например, Англия, Дания), в третьих связывает назначение этой меры с освобождением от наказания (например, Австрия, Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначает природу данного института (например, США) [19, с. 13–14]. В пенитенциарных системах многих стран мира служба пробации является важнейшим институтом сферы уголовного правосудия и предупреждения преступлений, предоставляющим возможность применять альтернативные виды наказания за совершение преступления [13].

Согласно рекомендациям CM/Rec (2010) Комитета министров Совета Европы государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации от 20.01.2010 пробация относится к исполнению в обществе наказаний и мер, предусмотренных законом и назначенных правонарушителю, то есть является реакцией государства на совершенное правонарушение. При этом Р. В. Новиков отмечает, что в сочетании мер поддержки правонарушителя и обеспечения соблюдения им установленных в рамках определенной законом меры ответственности ограничений важен баланс, так как акцент исключительно на меры реабилитации или формальный подход к установлению ограничений может привести к кризису системы пробации [14]. Таким образом, «система пробации предусматривает применение мер поддержки и обеспечения соблюдения лицом, в отношении которого осуществляется пробация, обязанностей и ограничений, налагаемых на него уголовным законом в связи с совершением им преступления» [14].

В целом же пробация представляет собой комплексную уголовно-правовую меру (режим), суть которой состоит в воздействии на лицо, совершившее преступление, испытании правонарушителя путем возложения на него законодательно предусмотренных обязанностей, ограничений и запретов, контроле (надзоре), соединенном с применением мер по коррекции его социального поведения и оказанию ему помощи (психологической, медицинской, в бытовом и трудовом устройстве) [1]. Цель такого испытания состоит в определении возможности исправления осужденного, прекращения его асоциального поведения без применения более строгой меры – уголовного наказания. В основе испытания лежат доверие и помощь осужденному, его активная и социально ответственная позиция в процессе исправления (социализации).

С. А. Лузгин придерживается аналогичной точки зрения, определяя пробацию как институт уголовного правосудия, предупреждения преступности, ресоциализации и социальной адаптации освобожденных осужденных, который включает систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер социально-правового, воспитательного, психологического, контрольного и реабилитационного характера, направленных на коррекцию поведения отдельных категорий правонарушителей, определенных законом, в целях их исправления, ресоциализации, реадaptации в обществе и профилактики совершения новых уголовных преступлений [11].

Вместе с тем имеются и противоположные мнения. С точки зрения И. В. Дворянскова, пробация не является наказанием либо иной мерой уголовно-правового характера, в ее рамках не реализуется уголовная ответственность, она представляет собой альтернативу уголовному преследованию, некарательную форму нейтрализации причин и последствий совершения преступления, особую форму социальной ответственности, альтернативную уголовной [7]. Ключевым отличием пробации от уголовно-правовых мер является то, что она применяется за пределами уголовного преследования и уголовно-исполнительной деятельности [7].

Представляется, что объединение в понятие института пробации разноплановых мер, начиная с мер социальной адаптации и заканчивая мерами уголовного наказания и исправления осужденных, контроля (надзора) и профилактики правонарушений, делает его содержание излишне абстрактным и беспредметным. Здесь необходим четкий посыл: должна ли пробация быть наделена конкретным уголовно-правовым содержанием (позиционироваться как самостоятельный вид уголовного наказания или иная мера уголовно-правового характера), представлять собой предупредительную (пресекательную) правовую меру (по аналогии с административным надзором или уголовно-процессуальным запретом определенных действий) или же это всего лишь комплекс уголовно-исполнительных и социально-реабилитационных мер, а также соответствующая деятельность субъектов пробации? Изначальное решение данного принципиального вопроса способствовало бы повышению качества нормативного материала, опреде-

лило бы конкретные направления его дальнейшего развития. Например, пробация могла бы позиционироваться в качестве уголовно-правовой меры, объединяющей в себе наказание в виде ограничения свободы, условное осуждение и отсрочку отбывания наказания, а также условно-досрочное освобождение. В предлагаемом проекте Закона о пробации рассматриваемый термин охватывает своим содержанием весь комплекс воспитательных, социально-реабилитационных и профилактических мероприятий, реализуемых в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, как на этапе исполнения наказания, так и на постпенитенциарном этапе.

Неоднозначность в решении данного вопроса присутствует уже при формулировании цели и принципов пробации (ст. 4 проекта Закона о пробации). Так, в числе целей пробации не значится реализация уголовной ответственности, предусмотрены лишь коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений. В таком случае возникает закономерный вопрос: как же быть с приговорной (исполнительной) пробацией, предусматривающей исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и применение иных мер уголовно-правового характера? Анализ прав и обязанностей уголовно-исполнительных инспекций в сфере приговорной (исполнительной) пробации (ст. 19) позволяет заключить, что отличие данного правового института от институтов уголовно-исполнительного права, регламентирующих исполнение наказаний без изоляции от общества, состоит лишь в наделении инспекций полномочиями в области социальной работы. В ст. 17 установлено, что данный вид пробации применяется на основании приговора суда. При этом в ст. 3 проекта Закона о пробации в качестве одного из принципов пробации закреплена добровольность ее применения. Не вполне согласуются с этим такие направления пробации, как исполнение уголовных наказаний (иных мер уголовно-правового характера), контроль (надзор) за осужденными и лицами, отбывшими наказание, применение специальных мер профилактики правонарушений (ч. 2 ст. 18), а также проведение воспитательной работы (ст. 19, 21, 22 и 25). Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в числе субъектов, применяющих приговорную (исполнительную) пробацию, указана только уголовно-исполнительная инспекция, в то время как иные субъекты профилактики правонарушений остаются в стороне.

Таким образом, несмотря на то, что подход к содержанию определению пробации в виде комплекса разноплановых мер уже нашел поддержку в научном сообществе и воплощение в законодательстве отдельных зарубежных стран, все же представляется более обоснованным позиционировать ее, прежде всего, с учетом уголовно-правового содержания, а все иные меры (например, оказание бывшим осужденным помощи в социальной адаптации и реабилитации) относить к иным функциям службы (системы) пробации.

Одной из задач пробации определено осуществление контроля и надзора за лицами, в отношении которых она применяется. В данном контексте не вполне понятно, о каком надзоре идет речь: применяемом в рамках исполнения наказания в виде ограничения свободы или административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В последнем случае возникает конкуренция с нормами Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», реализуемыми полицией. К лицам, в отношении которых применяется пробация, относятся осужденные, а также освобожденные из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Следовательно, можно предположить, что надзор осуществляется в отношении осужденных к ограничению свободы и, возможно, той части освобожденных осужденных, подпадающих под административный надзор, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

В проекте Закона о пробации предложено понятие пенитенциарной пробации, включающее в числе прочего совокупность мер, направленных на исправление осужденного. В то же время исправление осужденных и предупреждение преступлений с их стороны являются целями уголовного наказания и реализуются в процессе его исполнения. Получается, что цели пенитенциарной пробации и цели наказания в значительной степени совпадают. Более того, согласно ст. 21 проекта Закона о пробации, пенитенциарная пробация осуществляется в том числе путем проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы или принудительным работам (в порядке, установленном уголовно-исполнительным законодательством).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что авторами законопроекта фактически предпринята попытка собрать воедино в рамках специального закона все меры воспитательного воздействия, применяемые в отношении лиц, осужденных к наказаниям в виде лишения свободы и принудительных работ, на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах. Вместе с тем использование в рамках пробации наряду с воспитательной работой иных основных средств исправления осужденных (общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение, общественное воздействие и режим) законопроектом никак не регламентируется.

Целесообразным, на наш взгляд, было бы более четкое отграничение норм проекта Закона о пробации от норм УК РФ и УИК РФ. Однако полное их разведение представляется не вполне верным с позиции обеспечения комплексности и преемственности социально-реабилитационной и профилактической работы с осужденными. В таком случае предмет закона о пробации составили бы только нормы, регулирующие отношения, возникающие на постпенитенциарном этапе. Здесь стоит отметить, что до недавнего времени в юридической науке и практике прорабатывался вопрос принятия именно федерального закона

о социальной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы. Например, проект федерального закона № 97802711-2 «О социальной помощи лицам, отбывшим наказание, и контроле за их поведением» обсуждался еще в 1997–2000 гг. [14]. Кроме того, имеется опыт принятия подобных законов на региональном уровне (например, закон Архангельской области от 16.12.2011 № 402-27-ОЗ «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы», закон Тюменской области от 05.12.2011 № 98 «О ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» и др.). Такая практика выглядит весьма логичной, поскольку большинство вопросов, связанных с социальной адаптацией бывших осужденных, решается на региональном и местном уровнях.

Как нами уже отмечалось, проект Закона о пробации носит в значительной мере рамочный характер, содержит большое количество общих по своему содержанию положений и отсылок к действующему законодательству, требует последующего принятия конкретизирующих изменений и дополнений в другие нормативные правовые акты. Например, ст. 37 проекта Закона о пробации посвящена вопросам оказания содействия в трудоустройстве лицам, в отношении которых осуществляется постпенитенциарная пробация, причем конкретных механизмов законопроект не содержит.

Согласно ст. 10 проекта Закона о пробации Минтруд России осуществляет координацию деятельности по постпенитенциарной пробации, осуществляемой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при предоставлении государственных услуг в сфере занятости и социальной защиты (обслуживания) населения, включая вопросы квотирования рабочих мест. При этом касательно квотирования рабочих мест в законопроекте предусмотрена лишь подготовка соответствующих методических рекомендаций. К сожалению, четкие ориентиры в решении данного вопроса на уровне закона отсутствуют.

Статья 14 проекта Закона о пробации, устанавливающая полномочия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере пробации, также содержит лишь размытые формулировки, касающиеся оказания несовершеннолетним помощи в трудовом и бытовом устройстве, причем только в рамках постпенитенциарной пробации.

В статье 13 проекта Закона о пробации установлены права органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере пробации, в то время как в отношении иных субъектов пробации определены полномочия и обязанности (фактически приведенный перечень прав представляет собой полномочия).

В связи с этим принятие федерального закона о социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, было бы предпочтительным. Вместе с тем взятие термина «пробация» за основу, опора на комплексность и преемственность в ее реализации на полисубъектной основе, безусловно,

обоснованы необходимостью концентрации правоприменительной деятельности на решении социально-реабилитационных и профилактических задач, повышении уровня ответственности государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества в данной сфере.

Отдельными научными коллективами были предложены концептуальные законопроекты, содержащие вполне конкретные меры по социальной адаптации бывших осужденных, включая механизмы решения наиболее существенных проблем (трудоустройство, обеспечение жильем и др.). Например, в НИИ ФСИН России была осуществлена разработка проекта федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы», предусматривающего оказание адресной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, нуждающимся в трудовом и бытовом устройстве, жилищном и пенсионном обеспечении, охране здоровья, и создание гарантий ее получения [15]. В отличие от довольно абстрактного проекта Закона о пробации одной из основных идей названного законопроекта стало определение источников и механизмов финансового обеспечения деятельности субъектов оказания государственной поддержки отбывших наказание, а также закрепление конкретных мер (безусловное право лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, на трудовое и бытовое устройство, получение иных форм социальной помощи, предоставление государственных гарантий под инвестиционные кредиты, получаемые с целью оказания государственной поддержки отбывшим наказанием, и др.).

З. Ш. Махмудов считает, что содержание федерального закона, регулирующего вопросы социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, должно включать такие конкретные меры, как признание трудоспособных лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нуждающимися в социальной защите в течение одного года, выделение специальных предприятий и общежитий в системе Минюста России для трудового и бытового устройства освобожденных, создание центров социальной адаптации (реабилитации), определение местной администрацией списка организаций, которые трудоустраивают лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с предоставлением налоговых льгот и др. Также, по его мнению, необходимо четко регламентировать вопросы юридической ответственности субъектов социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, установить конкретные сроки реализации их функций [12].

Полагаем, что при решении задач пробации в отношении осужденных и лиц, отбывших наказание, важно соблюсти баланс относительно прав на социальную защиту, поддержку и помощь других (законопослушных) категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Позиционирование на уровне законодательства социальных проблем осужденных (бывших осужденных) как особой трудной жизненной ситуации, требующей приоритетного разрешения, не должно противоречить принципам со-

циальной справедливости и равенства всех граждан перед законом (безусловно, с признанием особой остроты данной социальной проблемы).

З. Ш. Махмудов также обращает внимание на отсутствие в системе государственных и муниципальных структур органа или должностного лица, на которое возлагалась бы обязанность оказать освобожденному конкретную помощь в его трудовом устройстве [12].

В соответствии с положениями проекта Закона о пробации полномочия по координации взаимодействия субъектов пробации возложены на Минюст России, функции по организации (обеспечению) взаимодействия закреплены и за другими федеральными органами исполнительной власти. В то же время решение организационных вопросов оказания адресной помощи конкретному осужденному предполагается усилиями сразу нескольких субъектов в зависимости от применяемого вида пробации: для приговорной (исполнительной) пробации и постпенитенциарной пробации в качестве такого субъекта определена уголовно-исполнительная инспекция, для пенитенциарной пробации – исправительное учреждение и исправительный центр.

Не ставя вопрос о создании самостоятельной службы пробации, авторы законопроекта предусматривают возможность создания специфических органов – центров пробации (ст. 40 проекта Закона о пробации), которые не относятся к субъектам пробации, но представляют собой специализированные организации, учреждаемые в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе для предоставления временного места пребывания. Центры пробации могут быть созданы социально ориентированными некоммерческими организациями, в том числе религиозными организациями и общественными объединениями.

Учитывая, что большинство функций, реализуемых уголовно-исполнительными инспекциями, являются пробационными (за исключением контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых применены меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога), логичным было бы создание центров пробации (служб пробации) на базе именно этих государственных органов. Данный подход представляется более правильным, поскольку в качестве субъектов пробации в проекте Закона о пробации (ст. 6) определены только государственные и муниципальные органы и организации (предприятия). Эту точку зрения разделяет И. В. Дворянсков, утверждая, что пробация должна реализовываться посредством деятельности системы пробации в Российской Федерации, в которую входит ряд полномочных государственных органов, учреждений и организаций, в связи с чем в структуре инспекций необходимо создать специализированные отделы пробации [7].

В настоящее время развитие правоприменительной деятельности идет по пути расширения функций уголовно-исполнительных инспекций. Все это создает возможности для формирования на их базе

полноценной службы пробации [16, с. 29]. По данным проведенного нами в 2020 г. исследования относительно перспектив дальнейшего развития системы уголовно-исполнительных инспекций, 34,1 % опрошенных сотрудников посчитали возможным расширение пробационных функций с сохранением инспекций в составе ФСИН России, 14,4 % выступили за расширение пробационных функций с последующей передачей инспекций в состав самостоятельной федеральной службы – Федеральной службы пробации Российской Федерации. Около половины респондентов (47,6 %) сочли, что функционал уголовно-исполнительных инспекций в настоящее время оптимален и его расширение по аналогии с деятельностью зарубежных служб пробации нецелесообразно [3].

Более тщательной регламентации, на наш взгляд, заслуживают вопросы организации взаимодействия субъектов пробации, а также иных субъектов профилактики правонарушений и ресоциализации (социальной адаптации, реабилитации) осужденных и лиц, отбывших наказания. В проекте Закона о пробации закреплены главным образом перечни взаимодействующих сторон и их общие полномочия, процедурные аспекты такого взаимодействия регламентированы в меньшей степени, решение соответствующих вопросов передано на уровень соглашений о взаимодействии (сотрудничестве), перечень которых, на наш взгляд, не является полным. В частности, положениями проекта Закона о пробации (ст. 10) предусмотрено утверждение Минтрудом России типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ и лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации, в то время как подобных соглашений в отношении иных видов пробации и иных органов (организаций) социальной защиты и социального обслуживания населения не предусмотрено.

На существование обозначенной выше проблемы в зарубежном законодательстве справедливо указывает А. Я. Гришко, отмечая, что «законодательные и иные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность соответствующих субъектов, участвующих в процессе ресоциализации, не устанавливают обязанности последних. В них в лучшем случае речь идет о компетенциях и не более того» [6].

Следует отметить, что ст. 9 проекта Закона о пробации предусмотрено взаимодействие органов внутренних дел с уголовно-исполнительными инспекциями только в рамках постпенитенциарной пробации, тогда как о взаимодействии в рамках приговорной (исполнительной) пробации речи не идет, что представляется не вполне обоснованным с позиции решения профилактических задач. Более того, в числе основных направлений деятельности в сфере постпенитенциарной пробации не упоминается профилактика правонарушений (ч. 2 ст. 27 проекта Закона о пробации).

Регламентация правового положения и деятельности муниципальных органов в процессе применения пробации (прежде всего, постпенитенциарной)

также сведена к минимуму. Возможно, это связано с необходимостью учета региональных и местных особенностей правоприменительной деятельности, а также обусловлено межотраслевым характером правового регулирования в сфере пробации.

Заслуживает положительной оценки законодательное внедрение в практику работы с бывшими осужденными таких инструментов, как индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, Единый реестр лиц, в отношении которых осуществляется постпенитенциарная пробация, а также критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости в социальной адаптации и реабилитации. Однако регламентацию процедурных моментов, связанных с составлением индивидуальных программ в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, целесообразно было бы оставить на подзаконном нормативном уровне. Что же касается единого реестра, то, представляется, что, будучи регистрационным юридическим инструментом, он чаще всего формируется и ведется в определенных правоустанавливающих или правоограничительных целях. В контексте решения пробационных задач точнее было бы, на наш взгляд, вести речь просто о государственной информационной системе, представляющей собой единый межведомственный электронный ресурс. Здесь также возникает вопрос о социальном сопровождении иных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, поскольку работа с ними также требует создания соответствующей системы.

Анализ содержания проекта Закона о пробации позволил выявить и ряд других недостатков технико-юридического характера. В частности, в ст. 43 в число институтов гражданского общества включены Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, что, на наш взгляд, не совсем верно. В ст. 19 и 20 законопроекта говорится о привлечении лиц, в отношении которых осуществляется приговорная (исполнительная) пробация, к ответственности, установленной уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, в то время как упоминание об административной ответственности, субъектами которой они также являются, отсутствует. Нормативный материал, включенный в гл. 5–7 проекта Закона о пробации, логичнее было бы изложить в рамках одной главы. Название ст. 38 «Содействие в получении общего образования» не в полной мере соответствует ее содержанию, поскольку в ней говорится о содействии в получении в том числе и среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения и повышении квалификации. Статьей 27 предусмотрено осуществление мероприятий постпенитенциарной

пробации также и в отношении лиц, к которым применяется приговорная (исполнительная) пробация. Однако, если учесть, что последний вид пробации применяется только на основании решения суда, то реализация мероприятий постпенитенциарной пробации, на наш взгляд, имеет место в рамках самостоятельного вида пробации.

Направления совершенствования содержания законопроекта

В целях дальнейшего совершенствования содержания проекта Закона о пробации считаем необходимым следующее:

- обеспечение должного разграничения норм закона о пробации и норм УИК РФ, в том числе посредством замещения содержащихся в проекте норм уголовно-исполнительного права соответствующими отсылочными нормами;
- конкретизация полномочий субъектов пробации, содержания процедур и мероприятий пробации;
- более полная и детальная проработка нормативной регламентации вопросов организации взаимодействия субъектов пробации, а также иных субъектов профилактики правонарушений и ресоциализации (социальной адаптации, реабилитации) осужденных и лиц, отбывших наказания;
- усиление правовой регламентации профилактического направления пробации;
- корректировка законодательства в части, касающейся введения процедур примирения (медиации) с потерпевшим (досудебная пробация) [17];
- определение места общественного контроля за системой пробации [5];
- дальнейшее развитие законодательства о пробации в направлении создания в системе государственных и муниципальных структур единого органа, на который возлагались бы пробационные функции;
- обеспечение должного паритета социальных прав осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы, с социальными правами иных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Заключение

Таким образом, полагаем, что разработка проекта Закона о пробации стала важным этапом в развитии и гуманизации отечественного законодательства. Его принятие и последующая реализация позволят сформировать принципиально новую систему работы с осужденными и лицами, освобожденными из мест лишения свободы, предусматривающую широкое применение к ним мер социально-реабилитационного и профилактического характера, что, в свою очередь, позитивным образом скажется на уровне их социализации и состоянии рецидивной преступности в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения / Е. А. Антонян // Lex Russica. – 2018. – № 9. – С. 112–118.
2. Головастова, Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источник, система : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Головастова Юлия Александровна. – Москва, 2019. – 56 с.

3. Голодов, П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования / П. В. Голодов // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 3. – С. 373–381.
4. Голодов, П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты / П. В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 14. – С. 81–88.
5. Гришко, А. Я. Место общественного контроля в системе пробации / А. Я. Гришко // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 4 (16). – С. 70–76.
6. Гришко, А. Я. Пробация и пробационное законодательство / А. Я. Гришко // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9 томах. Том 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 104–109.
7. Дворянсков, И. В. Перспективы внедрения системы пробации в России / И. В. Дворянсков // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9 томах. Том 1. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 114–120.
8. Кароли, Б. Альтернативные меры уголовного наказания / Б. Кароли // Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан: материалы международной конференции. – Москва: PRI, 2000. – С. 67–68.
9. Кубанцев, С. П. Применение пробации и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США / С. П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 121–132.
10. Курс уголовного права. В 5 томах. Том 2: Общая часть. Учение о наказании / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 454 с. – ISBN 5-94373-035-4.
11. Лузгин, С. А. Служба пробации Федеральной службы исполнения наказаний: научно-практические подходы к формированию и организации деятельности / С. А. Лузгин // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9 томах. Том 5. Часть 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 344–347.
12. Махмудов, З. Ш. О правовом регулировании социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / З. Ш. Махмудов // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4 (71). – С. 61–65.
13. Мельникова, О. В. Служба пробации – приоритетное направление развития уголовно-исполнительной системы Российского государства / О. В. Мельникова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 11 (203). – С. 220–222.
14. Новиков, Р. В. К вопросу о законодательном регулировании системы пробации в России / Р. В. Новиков // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9 томах. Том 2. Часть 2. – Рязань: Академия ФСИН России, 2021. – С. 304–309.
15. Первозванский, В. Б. О концепции проекта федерального закона «О государственной поддержке лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» / В. Б. Первозванский, Н. М. Голик // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3 (28). – С. 66–74.
16. Рахмаев, Э. С. Службе пробации быть / Э. С. Рахмаев // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 3. – С. 28–31.
17. Уваров, О. Н. Служба пробации в Российской Федерации и медиация / О. Н. Уваров // Уголовная юстиция. – 2021. – № 18. – С. 91–94.
18. Уткин, В. А. О перспективах пробации в России / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 4. – С. 5–8.
19. Шатанкова, Е. Н. Условное осуждение и пробация за рубежом (сравнительно-правовой анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шатанкова Елена Николаевна. – Москва, 2008. – 22 с.

REFERENCES

1. Antonyan E.A. Enforcement measures of educational influence: problems of imposition and application. *Lexrussica=Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 112–118. (In Russ.).
2. Golovastova Yu.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava: predmet, metod, istochnik, sistema: avtoref. ... dis. d-ra yurid. nauk* [Penal enforcement law as a branch of Russian law: subject, method, source, system: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2019. 56 p.
3. Golodov P.V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 373–381. (In Russ.).
4. Golodov P.V. Actual problems of activity of penal enforcement inspections: results of empirical research. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2011, no. 14, pp. 81–88. (In Russ.).
5. Grishko A.Ya. Place of public control in the probation system. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk=Theory and Practice of Socio-Humanitarian Studies*, 2021, no. 4 (16), pp. 70–76. (In Russ.).
6. Grishko A.Ya. Probation and probation legislation. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 1* [5 International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 1]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 104–109. (In Russ.).
7. Dvoryanskov I.V. Prospects for the introduction of the probation system in Russia. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 1* [5 International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 1]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 114–120. (In Russ.). (In Russ.)
8. Karoli B. Alternative measures of criminal punishment. In: *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Respublike Kazakhstan: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Alternatives to imprisonment in the Republic of Kazakhstan: proceedings of international conference]. Moscow: PRI, 2000. Pp. 67–68. (In Russ.).

9. Kubantsev S.P. Application of probation and early release from serving a sentence of imprisonment in the USA. *Zhurnal Rossijskogo prava=Journal of Russian Law*, 2006, no. 1, pp. 121–132. (In Russ.)
10. *Kurs ugovnogo prava. V 5 tomakh. Tom 2: Obshchaya chast'*. *Uchenie o nakazanii* [The course of criminal law. In 5 volumes. Volume 2: general part. Doctrine of punishment]. Edited by N. F. Kuznetsova I.M. Tyazhkova. Moscow: IKD "Zertsalo-M", 2002. 454 p. ISBN 5-94373-035-4.
11. Luzgin S.A. Probation Service of the Federal Penitentiary Service: scientific and practical approaches to the formation and organization of activities. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 5. Chast' 2* [5 International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 5. Part 2]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 344–347. (In Russ.)
12. Makhmudov Z.Sh. On the legal regulation of social adaptation of persons released from prison. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2010, no. 4 (71), pp. 61–65. (In Russ.)
13. Mel'nikova O.V. Probation service – a priority direction for the development of the penal enforcement system of the Russian state. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika=Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 11 (203), pp. 220–222. (In Russ.)
14. Novikov R.V. On the issue of legislative regulation of the probation system in Russia. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie": sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 2. Chast' 2* [5 International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts and reports of participants. In 9 volumes. Volume 2. Part 2]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 304–309. (In Russ.)
15. Pervozvanskii V.B., Golik N.M. On the concept of the draft federal law "On state support for persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment". *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 3 (28), pp. 66–74. (In Russ.)
16. Rakhmaev E.S. There will be a probation service. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2009, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.)
17. Uvarov O.N. Probation service in the Russian Federation and mediation. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2021, no. 18, pp. 91–94. (In Russ.)
18. Utkin V.A. On Probation Prospects in Russia. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2016, no. 4, pp. 5–8. (In Russ.)
19. Shatankova E.N. *Uslovnnoe osuzhdenie i probatsiya za rubezhom (sravnitel'no-pravovoi analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Conditional sentence and probation abroad (comparative legal analysis): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 22 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

PAVEL V. GOLODOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Статья поступила 07.04.2022

Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Реферат

Введение: статья посвящена изучению вопросов, связанных со становлением в Российской Федерации государственной службы пробации, законодательным регулированием ее деятельности. *Цель:* изучение особенностей организации и деятельности службы пробации России с учетом специфики функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Методы:* в основе проведенного исследования лежит диалектический метод научного познания. В статье использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.), частнонаучные и специальные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический). *Результаты:* дана общая характеристика и выделены специфические черты применения института пробации в рамках проводимой государством пенитенциарной политики. К основным чертам службы пробации в России представляется возможным отнести: комплексное решение вопроса по социальной адаптации и ресоциализации осужденных посредством внедрения трех видов пробации – приговорной (исполнительной), пенитенциарной и постпенитенциарной; установление широкого перечня субъектов пробации, наделенных соответствующим объемом полномочий с учетом специфики деятельности; организация работы с осужденными по специально формируемым индивидуальным программам; ведение реестра осужденных, задействованных в программе пробации. Осуществлен анализ проекта федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (ID 01/05/04-22/00126333). Установлено, что данный законопроект в значительной степени носит рамочный характер. В частности, в нем не урегулирован порядок взаимодействия и координации деятельности субъектов пробации, отсутствуют положения об осуществлении контроля и надзора над службой пробации, не раскрыты принципы функционирования службы пробации, порядок заполнения и ведения личного дела осужденного, в отношении которого будет осуществляться пробация, не затронуты вопросы осуществления пробации в отношении лиц, находящихся под административным надзором. *Выводы:* с учетом изучения зарубежного опыта обозначены возможные перспективы развития службы пробации в России, сформулированы отдельные предложения по совершенствованию системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. В целях эффективной организации деятельности создаваемой в России службы обосновывается необходимость разработки качественной нормативной правовой базы, регулирующей институт пробации, обеспечения межведомственного взаимодействия субъектов пробации, установления системы квалификационных требований к должностям службы пробации, должного материально-ресурсного и научного обеспечения, использования прогрессивного международного опыта деятельности аналогичных служб с учетом специфики российских условий.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; пробация; ФСИН России; уголовно-исполнительные инспекции; индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–212. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.

Original article

Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects

SERGEI A. STAROSTIN Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>**NADEZHDA V. ANISKINA**Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the formation of the state probation service in the Russian Federation and legislative regulation of its activities. *Purpose:* to study organization and activities of the probation service of Russia with regard to the specifics of functioning of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Methods:* our research is based on the dialectical method of scientific cognition. The article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* general characteristics are given and specific features of the use of the probation institute are identified within the framework of the state penitentiary policy. It seems possible to determine key features of the probation service in Russia, such as comprehensive solution to the issue of social adaptation and resocialization of convicts by establishing three types of probation – sentencing (executive), penitentiary and post-penitentiary; identification of a wide list of probation subjects endowed with an appropriate amount of powers with regard to the specifics of the activity; organization of work with convicts according to specially formed individual programs; maintaining a register of convicts involved in the probation program. The draft Federal law “On probation in the Russian Federation” (Project ID01/05/04-22/00126333) is analyzed. It is determined that this draft law is largely of a framework nature. In particular, the procedure for interaction and coordination of probation subjects’ activities is not described; there are no provisions on the exercise of control and supervision over the probation service; principles of the probation service functioning are not disclosed; the procedure for filling out and maintaining a personal file of the convicted person engaged in probation is not presented; and probation terms in relation to persons under administrative supervision are not considered. *Conclusions:* taking into account the study of foreign experience, the authors outline possible prospects for the probation service development in Russia, give certain proposals to improve the system of non-custodial sentences execution. In order to effectively organize activities of the service being created in Russia, it is necessary to develop a high-quality legal framework regulating the institute of probation, ensure interdepartmental interaction of probation subjects, establish a system of qualification requirements for probation service positions, proper material, resource and scientific support, use progressive international experience of similar services, and take into account the specifics of Russian conditions.

Key words: penal enforcement system; probation; Federal Penitentiary Service of Russia; penal enforcement inspectorates; individual program of resocialization; social adaptation and social rehabilitation.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.

Введение

В последнее время в рамках реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации крайнюю озабоченность законодателя вызывают вопросы, связанные с разработкой комплекса мер, направленных на сокращение рецидива преступности среди лиц, как отбывающих уголовные наказания, так и освободившихся из мест лишения свободы. В значительной степени данный интерес обусловлен необходимостью поддержания на должном уровне общественного порядка и общественной безопасности, в том числе и общего уровня безопас-

ности и законности в сфере исполнения уголовных наказаний.

Особую актуальность вопросы предупреждения роста рецидивной преступности посредством функционирования службы пробации получили во время распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в мире [10], поскольку в 2020–2021 гг. наблюдалось повсеместное снижение уровня доходов населения, что, несомненно, служило толчком к совершению новых преступлений и административных правонарушений.

В России основные функции по предотвращению совершения осужденными новых преступлений и

правонарушений возложены на исправительные учреждения и уголовно-исполнительные инспекции. В зарубежных странах реализацией обозначенной функции занимается специальный субъект, деятельность которого направлена на предотвращение преступлений, совершаемых осужденными, – служба пробации. Слово «пробация» происходит от латинского глагола «probare» – «исследовать, испытывать, опекать» [6].

Институт пробации активно применяется в большинстве зарубежных государств, где работа с лицами, осужденными к наказаниям, которые не связаны с изоляцией от общества, или освободившимися из мест лишения свободы, организуется специально создаваемыми службами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что служба пробации в зарубежных странах помимо выполнения основных функций, направленных на предотвращение и сокращение рецидива преступности среди осужденных, со временем стала выполнять и иные задачи, связанные с осуществлением социально-реабилитационной деятельности в отношении более широкого круга лиц, преступивших закон.

Методы исследования

В основе проведенного нами исследования лежит диалектический метод научного познания. В процессе написания статьи применялись общенаучные методы познания, специальные методы юридической науки и отдельные частные методы общественных наук.

К общенаучным методам, использованным в работе, можно отнести следующие: индукции и дедукции, сравнения и аналогии, синтеза и обобщения, статистики и системного анализа. Для решения поставленных задач применялись и частнонаучные методы в области юриспруденции – сравнительно-правовой и нормативно-логической. Отдельные проблемы были рассмотрены в качестве межотраслевых, что обусловлено поставленными задачами комплексного анализа обозначенных отношений.

Методика основана на научном анализе статистических данных ФСИН России, МВД России и Генпрокуратуры России, анализе зарубежного законодательства, регулирующего деятельность службы пробации.

Обсуждение

Анализ зарубежного опыта по организации деятельности службы пробации позволяет прийти к выводу, что данный институт имеет достаточно глубокие исторические корни. Как правило, службы пробации осуществляли работу со следующими категориями осужденных: условно осужденные; осужденные, в отношении которых была применена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания; осужденные, у которых заканчивается срок отбывания наказания; условно-досрочно освобожденные; лица, к которым применяются наказания, альтернативные лишению свободы; лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы и нуждающиеся в постпенитенциарной адаптации и ресоциализации.

Как отмечают А. Ш. Габараев и А. В. Новиков, в зарубежных странах имеются существенные различия

в характере, функциях и организационном построении службы пробации [2]. В частности, в Англии и Финляндии осужденный на определенный промежуток времени находится под индивидуальным надзором специального должностного лица (агента или помощника, уполномоченного по пробации) с обеспечением над ним руководства или организацией исправительного курса, сформированного по индивидуальной программе [11; 13]. Интересным представляется и опыт Швеции, где к деятельности служб пробации широко привлекаются волонтеры и социальные работники [12].

В Швеции служба пробации и тюремная администрация составляют единое ведомство, так называемую национальную администрацию. В Индии сотрудники службы пробации проходят службу непосредственно в тюремном ведомстве. В Японии, Кении и Республике Армении служба пробации находится в подчинении у Министерства юстиции. Более того, в Армении служба пробации является самостоятельным видом государственной гражданской службы, служащие замещают соответствующие должности согласно утвержденной номенклатуре должностей гражданской службы.

Организационно служба пробации также может функционировать в качестве самостоятельного ведомства, находящегося в тесном контакте с учреждениями пенитенциарной системы. Например, в Англии служба пробации подчиняется независимому местному комитету, который включает в себя мировых судей и гражданских лиц, пользующихся авторитетом в обществе. В двойном подчинении – у судов и органов местного самоуправления – находится служба пробации и в США. В ряде европейских государств, например в Венгрии и Эстонии, служба пробации интегрирована в судебную систему [5].

Как видим, служба пробации может иметь не только государственное, но и внеполицейское, внепенитенциарное происхождение, зачастую функции в соответствующей сфере возлагаются на гражданские ведомства и волонтеров.

Вне зависимости от специфики организации деятельности и структуры построения службы пробации в зарубежных странах на инспекторов службы пробации возложен примерно одинаковый перечень обязанностей, который включает: надзор за исполнением осужденным назначенного судом наказания, альтернативного лишению свободы; осуществление консультаций и оказание помощи по исполнению возложенных судом обязанностей; поддержка социальной адаптации осужденного (содействие в поиске работы, учебы, места жительства).

В России идея о необходимости создания условий для подготовки освобождающихся лиц к дальнейшей постпенитенциарной адаптации через службу пробации получила свое оформление на законодательном уровне еще в 2008 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. В дальнейшем она была нормативно подкреплена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. и Концепции развития уголовно-

исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.

Несмотря на значительный интерес практиков и ученых к теме создания на территории Российской Федерации службы пробации в 2010–2020 гг., данная служба так и не была введена в структуру уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, что обусловило необходимость пролонгировать данное направление в новой концепции пенитенциарной службы. В указанный период в сфере исполнения уголовных наказаний предпринимались лишь отдельные попытки внедрения элементов службы пробации. Так, например, на территории Вологодской области сотрудники уголовно-исполнительной инспекции при работе с условно осужденными несовершеннолетними правонарушителями реализовывали проект «Реал». Он был направлен на социальную адаптацию, формирование социально одобряемого поведения и профилактику рецидивов. Для данной категории осужденных также была создана специализированная служба – служба социально-психологического сопровождения несовершеннолетних, находящихся в следственном изоляторе, готовящихся к освобождению из воспитательной колонии или возвращающихся из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа (например, речь об этом шла в Постановлении Правительства Вологодской области от 07.09.2012 № 1052 «Об утверждении Стратегии действий в интересах детей в Вологодской области на 2012–2017 годы»).

Как видим, в России о службе пробации говорят уже давно, однако только в начале 2022 г. министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко во время личной встречи с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным обосновал необходимость создания должности заместителя главы ФСИН России, который будет заниматься вопросами пробации и начнет работу по созданию самостоятельной профильной службы [9]. Предполагается, что служба пробации в России будет создана к середине 2023 г., число сотрудников в штате ФСИН России предварительно составит порядка 50 тыс. чел.

Более того, 4 апреля 2022 г. Минюстом России был представлен проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (ID 01/05/04-22/00126333), в котором заложены правовые и организационные основы построения службы пробации в Российской Федерации. В настоящее время уже завершена процедура общественных обсуждений данного проекта, проведена независимая антикоррупционная экспертиза и идет работа над формированием окончательного варианта текста законопроекта.

Как отмечает К. А. Чуйченко, проект закона направлен, прежде всего, на ресоциализацию осужденных. Организуемая служба поможет решить одну из основных проблем уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, касающуюся подготовки заключенных к жизни на свободе. По мнению авторов законопроекта, новая служба будет заниматься социальной адаптацией и реабилитацией заключенных не только в период их нахождения в местах лишения свободы, но и после освобождения.

Предполагается, что пробация будет осуществляться на базе имеющихся уголовно-исполнительных инспекций. Согласно официальным статистическим данным ФСИН России, по состоянию на 1 апреля 2022 г. в составе уголовно-исполнительной системы функционирует 81 федеральное казенное учреждение «уголовно-исполнительная инспекция» и 1348 их филиалов, на учете которых состоит 489 825 чел. [4]. После вступления в силу закона о пробации в Российской Федерации на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций помимо общих обязанностей по контролю за исполнением уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, контроля за условно осужденными и лицами, освобожденными от отбывания наказания условно-досрочно, также будут возложены дополнительные обязанности по оказанию помощи бывшим осужденным в их обустройстве вне стен исправительных учреждений [3].

В международной практике институт пробации обычно применяется, когда речь заходит об исполнении наказаний, альтернативных лишению свободы. Вместе с тем проект закона «О пробации в Российской Федерации» предусматривает реализацию трех видов пробации: приговорной (исполнительной), пенитенциарной и постпенитенциарной. Полагаем, что данное обстоятельство свидетельствует о комплексном подходе законодателя к решению вопроса профилактики совершения новых преступлений и правонарушений осужденными и иными лицами, преступившими закон.

По замыслу Минюста России, приговорная пробация будет включать в себя меры, применяемые уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Пенитенциарная пробация вводится в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и направлена на исправление осужденных, а также их подготовку к освобождению.

Постпенитенциарная пробация предусматривает ресоциализацию, социальную адаптацию, а также социальную реабилитацию лиц, которые освободились из учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и оказались в трудной жизненной ситуации.

В сфере постпенитенциарной пробации так или иначе будут задействованы практически все субъекты пробации. Уголовно-исполнительным инспекциям потребуется организовывать свою работу во взаимодействии с органами, учреждениями и организациями, являющимися субъектами пробации, медицинскими, образовательными и иными организациями. На данном этапе уполномоченные субъекты окажут повсеместную помощь и содействие лицам, в отношении которых осуществляется пробация, в трудоустройстве, получении общего (среднего профессионального) образования, прохождении профессионального обучения и повышении квалификации, социальном обслуживании, выборе медицинской организации.

На наш взгляд, постпенитенциарную пробацию не следует рассматривать в качестве меры уголовно-правового характера, поскольку, во-первых, система отношений, выстраиваемых с лицом, освободившимся из мест лишения свободы, в большей степени переходит в плоскость административно-правового регулирования, во-вторых, субъекты пробации, задействованные на данном этапе, ставят перед собой совершенно иные цели и задачи. В данном случае речь идет и о необходимости построения корректных взаимоотношений с институтами гражданского общества, установлении связей с органами государственной власти и органами местного самоуправления при оказании помощи в оформлении основных документов, которые могут понадобиться лицу для обустройства вне стен исправительного учреждения. В частности, речь может идти о таких важных документах, как паспорт гражданина Российской Федерации, СНИЛС, ИНН, медицинский полис, что, естественно, предполагает необходимость обращения в соответствующие органы государственной власти для оформления (например, отдел по вопросам миграции управления МВД России соответствующего муниципального образования, налоговая инспекция, страховая организация и т. д.). Сотрудники службы пробации должны оказывать посильную помощь и содействие в регистрации лица по месту жительства или временного пребывания, трудоустройстве.

Таким образом, пробация в современной интерпретации выступает «в качестве совокупности мер, применяемых в отношении осужденных и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц, контроль и надзор за их поведением, предупреждение совершения ими преступлений и правонарушений» (ст. 5 проекта закона о пробации). Из этого следует, что основная задача создания службы пробации в России – это возврат человека к нормальной и полноценной жизни в обществе.

Работа с осужденными будет осуществляться по индивидуально составленным программам, направленным на восстановление и формирование социально полезных связей, содействие в трудоустройстве после освобождения, получение образования, пособия по безработице, медицинской помощи, консультации по социально-правовым вопросам, в том числе психологической помощи. Каждый осужденный, задействованный в программе, будет занесен в специально созданный для этого реестр. Период прохождения индивидуальной программы «по подготовке и адаптации к жизни в обществе» будет охватывать около года. Вместе с тем профильное министерство подчеркивает, что прохождение программы пробации будет осуществляться исключительно на добровольной основе.

Согласно ст. 6 анализируемого проекта закона к субъектам пробации отнесены комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, что позво-

ляет прийти к выводу о выделении законодателем в работе службы пробации отдельного направления, ориентированного на работу с несовершеннолетними правонарушителями. Полагаем, что соответствующая деятельность должна строиться на принципах ювенальной юстиции.

Служба пробации не ориентирована на оказание финансовой или материальной помощи объектам пробации. Вместе с тем она должна выступать в роли посредника и содействовать налаживанию взаимоотношений между осужденными и федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

Детальное изучение полномочий, которыми наделены сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, позволяет прийти к выводу о совпадении реализуемых ими целей и задач с основами функционирования службы пробации. Вместе с тем создание службы пробации на базе уголовно-исполнительных инспекций предполагает значительное расширение полномочий последних в рассматриваемой сфере общественных отношений. Так, в настоящее время на инспекции не возложены функции, связанные с социальной адаптацией и реабилитацией осужденных. Сотрудники не оказывают содействие в регистрации по месту пребывания (жительства), оформлении необходимых документов (паспорта, медицинского полиса) и социальных выплат (пособий), установлении новых социальных связей и восстановлении старых, не осуществляют психологическое сопровождение. Именно поэтому сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, которые будут работать в новой сфере, должны обладать необходимыми компетенциями в сфере правового сопровождения, коммуникации и социального обслуживания, а также знаниями в области психологии.

Организационно-управленческий компонент построения службы пробации должен основываться на формировании штата специально подготовленных сотрудников. А. И. Абатуров и А. А. Коровин отмечают, что сотрудников службы пробации следует подбирать и назначать на соответствующую должность, руководствуясь специально разработанной системой квалификационных требований к замещению подобного рода должностей, которые позволят наиболее эффективно справляться с возложенными на них задачами [1].

Так, в большинстве европейских стран (например, Австрии, Дании, Великобритании, Нидерландах, Италии, Испании и Люксембурге) к сотрудникам службы пробации предъявляются квалификационные требования по уровню образования. Предпочтение отдается лицам, имеющим степень бакалавра права, психологии, теологии, педагогики или социальной работы. В ряде государств, в частности Франции, Германии и Ирландии, помимо аналогичных требований к уровню образования предъявляются дополнительные требования к стажу (опыту) работы.

В Дании инспекторы службы пробации в обязательном порядке проходят обучение в специализи-

рованных школах социальной работы или центре по подготовке кадров. Кроме того, в Дании и Франции для инспекторов службы пробации на регулярной основе организуются различные факультативные курсы повышения квалификации, при прохождении которых сотрудники принимают участие в различных тренингах, формирующих навыки работы с особыми категориями осужденных (наркоманами, алкоголиками, лицами, имеющими разного рода психические отклонения). Организация профессионального образования и повышения квалификации сотрудников пробации, как правило, возлагается на курирующее ведомство [7].

Несмотря на важность укомплектования службы пробации сотрудниками, обладающими необходимыми профессиональными компетенциями, в проекте закона о пробации отсутствуют положения, устанавливающие основные требования к лицам, претендующим на замещение ее должностей. Считаем, что об эффективном институциональном развитии специализированной службы на базе уголовно-исполнительных инспекций не представляется возможным говорить без наличия качественного кадрового состава, соответствующего предъявляемым квалификационным требованиям и обладающего необходимыми профессиональными компетенциями.

Помимо учреждений уголовно-исполнительной системы субъектами пробации являются федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания. Для достижения основных целей пробации по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, могут привлекаться различные коммерческие и некоммерческие организации, а также общественные объединения (ст. 6 проекта Закона о пробации).

Детальное исследование законопроекта о пробации в Российской Федерации позволяет констатировать, что он в значительной степени носит рамочный характер. С одной стороны, законопроект позволяет установить множественность субъектов пробации и перечень их полномочий в рассматриваемой сфере общественных отношений, с другой – оставляет открытым вопрос о взаимодействии этих субъектов и координации их деятельности. В проекте не указано, каким образом будет осуществляться руководство службой пробации, отсутствуют положения об осуществлении контроля и надзора над данной службой, не раскрыты принципы функционирования, порядок заполнения и ведения личного дела лица, в отношении которого будет осуществляться пробация, не регламентированы вопросы осуществления пробации в отношении лиц, находящихся под административным надзором. Как видим, много вопросов остались неурегулированными, что говорит о необходимости доработки законопроекта.

Полагаем, что решение большинства обозначенных нами вопросов будет возложено на вводимую

в структуру ФСИН России новую должность заместителя директора по службе пробации. Принятие федерального закона «О пробации в Российской Федерации» станет отправной точкой для внесения изменений в отдельные нормы уголовного, уголовно-исполнительного, административного и иных отраслей законодательства.

Минюст России важную роль в решении вопроса пробации осужденных отводит субъектам Российской Федерации, которые будут наделены полномочиями по принятию соответствующего регионального законодательства, разработке региональных государственных программ в рассматриваемой сфере, а также реализации мер по экономическому стимулированию работодателей, трудоустраивающих осужденных. Думается, что результативность функционирования службы пробации достижима посредством осуществления тесного сотрудничества между сотрудниками службы пробации и теми, кто претворяет в жизнь формируемые на региональном уровне программы, учитывающие территориальную специфику и имеющие социально-реабилитационную направленность. Реализация разработанных программ должна предусматривать активное участие и включение в данный процесс общественных организаций и предприятий, в том числе коммерческих, готовых работать с лицами, в отношении которых осуществляется пробация.

Сформулированный нами подход предполагает принципиально новые основания для формирования кадрового состава службы пробации. Необходимо внедрять новые способы и методы финансирования создаваемой службы. Кроме того, представляется крайне важным при решении вопросов пробации применять в работе ведомства технологию социального заказа, где в качестве заказчика будет выступать служба пробации, а в качестве исполнителя – специализированная служба другого ведомства, общественная или коммерческая организация.

В частности, в регионах следует наладить разработку специальных программ по трудоустройству лиц, в отношении которых осуществляется пробация. Центры занятости населения должны выступать одними из активных субъектов службы пробации – именно на них будет возложена основная функция по организации поиска работы для бывших осужденных. Полагаем, что одной из ключевых форм взаимодействия государства и институтов гражданского общества в решении вопросов трудоустройства лиц, освободившихся из мест лишения свободы, будет выступать государственно-частное партнерство. Создание и организация работы предприятий с участием государства и бизнеса на взаимовыгодных условиях позволят решить не только проблему трудоустройства бывших осужденных, но и ряд социально значимых задач. На создаваемых предприятиях следует предусмотреть должности психологов и иных специалистов социальной направленности, которые будут оказывать помощь в социальной адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Решение вопроса трудоустройства в конечном итоге позволит снизить напряженность в обще-

стве и общий уровень преступности и количество допускаемых административных правонарушений.

Несмотря на положительный опыт функционирования службы пробации в зарубежных странах, нельзя обойти вниманием и те проблемы, с которыми могут столкнуться субъекты пробации в процессе реализации возложенных на них функций по социальной адаптации и ресоциализации осужденных. Прежде всего, организация службы пробации приведет к значительному росту нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Так, с 2008 по 2021 г. количество лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, оставалось на стабильно высоком уровне с незначительным сокращением общего количества (в 2008 г. – 558 346 чел., в 2021 г. – 489 825 чел.). Вместе с тем количество инспекций в указанный период сократилось практически в два раза: с 2440 в 2008 г. до 1429 в 2021 г. При этом число лиц, снятых с учета в связи с осуждением за новое преступление, возросло на 66,39 % (в 2008 г. – 10 845, в 2021 г. – 16 335) [8]. Решение обозначенной проблемы видится в некотором увеличении штата сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, обладающих специальными профессиональными компетенциями для работы в новых условиях.

Функции пробации в отношении осужденных законодатель возложил и на сотрудников исправительных центров. Исправительные центры исполняют наказания, не связанные с лишением свободы, в виде принудительных работ. В настоящее время создано порядка двухсот исправительных центров и изолированных участков, функционирующих как исправительные центры. Действительно, наличие развернутой системы исправительных центров на территории России может стать существенным аргументом при назначении судами альтернативных видов наказаний, исполнение которых позволит не отрывать осужденных от социума. Как отметил К. А. Чуйченко, «по действующему закону на это имеют право 180 тысяч осужденных» [9].

На основании вышеизложенного можем заключить, что служба пробации нуждается в достаточном по количеству и уровню профессиональной подготовки персонале. Нагрузка на каждого сотрудника службы пробации должна определяться комплексно с учетом специфики выполняемого объема работы, поскольку общая нехватка человеческих ресурсов может привести к определенным ограничениям в части возможности организации деятельности службы пробации.

Кроме того, в целях качественной профессиональной подготовки субъектов пробации потребуются разработать специализированную программу для работников службы. Она должна опираться на положительный зарубежный опыт по организации работы субъектов службы пробации с привлечением научного потенциала Научно-исследовательского института и учреждений высшего образования ФСИН России.

Полагаем, что одним из ключевых показателей, по которому будет оцениваться эффективность про-

бации в России, должно стать снижение рецидива совершаемых осужденными преступлений и административных правонарушений. В настоящее время на рецидивы приходится порядка 44 % совершаемых преступлений. Согласно отчету МВД России за восемь месяцев 2021 г. больше половины (59,4 %) расследованных ведомством преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. По данным Генпрокуратуры, за 2021 г. 58,2 % лиц, совершивших преступления, сделали это повторно.

Результаты

Комплексный анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике и зарубежного законодательства позволил установить, что в различных государствах задачи, возлагаемые на службы пробации, неодинаковы. При этом имеются различия не только в реализуемых ими функциях, но и в организационном построении. В Российской Федерации образование службы пробации предусмотрено в организационно-правовых рамках уголовно-исполнительной системы на базе входящих в нее учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и принудительных работ, а также уголовно-исполнительных инспекций.

Полагаем, что одним из ключевых показателей, по которому будет оцениваться эффективность пробации в России, должно стать снижение рецидива совершаемых осужденными преступлений и административных правонарушений.

Перспективы создания и организации функционирования службы пробации в Российской Федерации в значительной степени обусловлены рядом обстоятельств, среди которых наиболее существенными видятся следующие:

- во-первых, требуется разработка качественной законодательной базы, выступающей в качестве правовой основы деятельности органов (учреждений) и организаций, на которые возложены функции пробации;
- во-вторых, создание службы пробации на базе межведомственного взаимодействия послужит толчком к проведению организационно-управленческих преобразований;
- в-третьих, эффективное функционирование службы пробации не представляется возможным без разработки системы квалификационных требований к ее должностям, должного материально-ресурсного и научного обеспечения;
- в-четвертых, создание службы пробации в Российской Федерации следует осуществлять с использованием прогрессивного международного опыта деятельности аналогичных служб и учетом специфики российских условий.

Таким образом, создание службы пробации в России является закономерным этапом развития пенитенциарной системы. В настоящее время перспективы становления службы начинают обретать реальные очертания. Использование опыта зарубежных стран позволит воплотить данный проект в жизнь в кратчайшие сроки.

Нацеленность Министерства юстиции Российской Федерации на создание в рамках структуры ФСИН

России самостоятельной профильной службы пробации, деятельность которой будет направлена на формирование у осужденных социально полезных связей, профессиональных и трудовых навыков по

средством реализации индивидуальных программ адаптации, позволяет найти решение проблемы, заключающейся в необходимости сокращения рецидива преступности среди осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абатуров, А. И. Служба пробации: зарубежный опыт : монография / А. И. Абатуров, А. А. Коровин. – Киров : Спектр-Принт, 2013. – 174 с. – ISBN 978-5-4298-0010-3.
2. Габараев, А. Ш. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации / А. Ш. Габараев, А. В. Новиков // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2-2. – С. 882.
3. Куликов, В. Тюремное ведомство создаст новую службу для помощи бывшим заключенным / В. Куликов // *Российская газета*. – 2021. – № 53 (8404). – URL: <https://rg.ru/2021/03/14/tiuremnoe-vedomstvo-sozdast-novuiu-sluzhbu-dlia-pomoshchi-byvshim-zakliuchennym.html> (дата обращения: 15.04.2022).
4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Обзор законодательства Скандинавских и Балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). – Санкт-Петербург : Гражданский контроль, 2005. – 220 с.
6. Пробация // Большой юридический словарь. – URL: <https://jurisprudence.academic.ru/5224> (дата обращения: 15.04.2022).
7. Слабкая, Д. Н. Гуманизация уголовного законодательства. Зарубежный опыт функционирования служб пробации / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // *Вопросы российского и международного права*. – 2020. – Том 10, № 3-1. – С. 106–114.
8. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YI/Karakteristika%20lic,%20sostoyashchikh%20na%20uchete%20v%20Ugolovno-isspolnitelnykh%20inspekciyakh.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
9. Царева, М. Законопроект о пробации может быть внесен в Госдуму в 2022 году / М. Царева // *Ведомости*. – 2022. – 31 января. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/01/31/907187-zakonoproekt-probatsii> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Cohen, T. H. Survey of U.S. Probation and Pretrial Services Agencies' Adaptations to COVID-19 / T. H. Cohen, V. L. Starr // *Federal Probation Journal*. – 2021. – Volume 85, no. 1. – Pp. 14–23. – URL: <https://www.uscourts.gov/federal-probation-journal/2021/06/survey-us-probation-and-pretrial-services-agencies-adaptations> (дата обращения: 11.04.2022).
11. Linderborg, H. Probation in Europe. Finland / H. Linderborg, M. J. Tolvanen, P. Andersson. – Utrecht : CEP, 2013. – 49 p. – ISBN 978-90-820804-0-7. – URL: <https://www.cep-probation.org/wp-content/uploads/2018/10/Probation-in-Europe-chapter-Finland-2020.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).
12. RFS – the Swedish Association of Voluntary Community Workers // RFS : site. – URL: <https://rfs.se/wp-content/uploads/2018/06/Faktablad-RFS-eng-2016.pdf> (дата обращения: 11.04.2022).
13. Probation Services in the United Kingdom // The National Probation Service : site. – URL: <https://www.nationalprobationservice.co.uk/> (дата обращения: 11.04.2022).

REFERENCES

1. Abaturov A.I., Korovin A.A. *Sluzhba probatsii: zarubezhnyi opyt: monografiya* [Probation service: foreign experience: monograph]. Kirov: Spektr-Print, 2013. Pp. 52–53. ISBN 978-5-4298-0010-3.
2. Gabaraev A.Sh., Novikov A.V. Prospects for the implementation of the Institute of probation in the modern penitentiary policy of the Russian Federation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2-2, p. 882. (In Russ.).
3. Kulikov V. The prison department will create a new service to help former prisoners. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2021, no. 53 (8404). Available at: <https://rg.ru/2021/03/14/tiuremnoe-vedomstvo-sozdast-novuiu-sluzhbu-dlia-pomoshchi-byvshim-zakliuchennym.html> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
4. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed April 20, 2022).
5. *Obzor zakonodatel'stva Skandinavskikh i Baltiiskikh stran po sluzhbe probatsii (ugolovnomu nadzoru)* [Review of the legislation of the Scandinavian and Baltic countries on probation service (criminal supervision)]. Saint Petersburg: Grazhdanskii kontrol', 2005. 220 p.
6. Probation. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big legal dictionary]. Available at: <https://jurisprudence.academic.ru/5224> (Accessed April 15, 2022).
7. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Humanization of criminal legislation. Foreign experience in the functioning of probation services. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 3-1, pp. 106–114. (In Russ.).
8. Characteristics of persons registered in the penal institutions. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YI/Karakteristika%20lic,%20sostoyashchikh%20na%20uchete%20v%20Ugolovno-isspolnitelnykh%20inspektsiyakh.pdf> (In Russ.). (Accessed April 28, 2022).

9. Tsareva M. Draft law on probation may be submitted to the State Duma in 2022. *Vedomosti=Bulletin*, 2022, January 31. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/01/31/907187-zakonoproekt-probatsii> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
10. Cohen T.H., Starr V.L. Survey of U.S. Probation and Pretrial Services Agencies' adaptations to COVID-19. *Federal Probation Journal*, 2021, vol. 85, no. 1, pp. 14–23. Available at: <https://www.uscourts.gov/federal-probation-journal/2021/06/survey-us-probation-and-pretrial-services-agencies-adaptations> (accessed April 11, 2022).
11. Linderborg H., Tolvanen M.J., Andersson P. *Probation in Europe. Finland*. Utrecht, 2013. 49 p. ISBN/EAN: 978-90-820804-0-7. Available at: <https://www.cep-probation.org/wp-content/uploads/2018/10/Probation-in-Europe-chapter-Finland-2020.pdf> (accessed April 29, 2022).
12. RFS – the Swedish Association of Voluntary Community Workers. *RFS: website*. Available at: <https://rfs.se/wp-content/uploads/2018/06/Faktablad-RFS-eng-2016.pdf> (accessed April 11, 2022).
13. Probation Services in the United Kingdom. *The National Probation Service: website*. Available at: <https://www.nationalprobationservice.co.uk/> (accessed April 11, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Дата обращения 28.04.2022

Научная статья

УДК 159.9:343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011

Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ГАНИШИНА

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУСАКОВ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

Реферат

Введение: актуальность темы обусловлена важностью изучения жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима. В статье представлены результаты соответствующего исследования. Проанализированы близкие, средние, дальние жизненные планы осужденных. Выделены этапы отбывания наказания (начальный, средний, заключительный). В основу теоретико-эмпирического исследования положена классификация В. Г. Деева в модификации А. В. Наприса. Эмпирическое исследование проведено на базе ФКУ ИК-6 УФСИН России по Рязанской области. В нем приняли участие 70 осужденных мужского пола. *Цель:* изучение жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима. *Задачи:* провести эмпирическое исследование жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима, и выявить связь между ними и этапами отбывания наказания. *Методы:* наблюдение, опрос, тестирование («Самооценка жизненных планов А. В. Наприса (модифицированный вариант теста «Самооценка направленности» В. Г. Деева)). *Практическая значимость исследования:* изучение жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, осуществляется с целью дальнейшей разработки программы по формированию жизненных планов осужденных и использования ее пенитенциарными психологами в своей работе. *Результаты:* в ходе эмпирического исследования установлено, что осужденных можно условно разделить на три группы: с близкими жизненными планами (24,3 %), средними жизненными планами (28,6 %), дальними жизненными планами (47,1 %). Большинство осужденных с близкими жизненными планами находятся на начальном этапе отбывания наказаний (0–1 года) и имеют заниженную самооценку. Осужденным из этой группы присущи такие черты личности, как упрямство, пассивность, безынициативность, конфликтность, недоверчивость, закрытость в общении, и утрата смысла жизни. Установлено, что данные лица, оказавшись в условиях исправительного учреждения, замыкаются в себе, попадают в жесткие рамки внутреннего распорядка, а потому с трудом приспосабливаются к новой среде, имея лишь близкие жизненные планы. Основная часть осужденных со средними жизненными планами находится на среднем этапе отбывания наказаний (1–3 года) и имеет адекватную самооценку. Результаты наблюдения и опроса показали, что осужденные со средними жизненными планами обнаруживают такие черты личности, как импульсивность, демонстративность, конфликтность, непредсказуемость, чувствительность к критике и замечаниям. Они признают свои ошибки и не боятся ошибаться, стремятся реализовать средние жизненные планы, но при этом легкомысленно относятся к отдаленному будущему. Подавляющее большинство осужденных с дальними жизненными планами находятся на заключительном этапе отбывания наказаний (3–9 лет) и имеют завышенную самооценку. Им присущи такие черты личности, как оптимистичность, общительность, демонстративность. *Выводы:*

анализ результатов эмпирического исследования показал, что жизненные планы (близкие, средние, дальние) осужденных зависят от этапа отбывания наказаний (начальный, средний, заключительный). В связи с этим имеется необходимость учета пенитенциарными психологами жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

Ключевые слова: осужденные; жизненные планы; самооценка жизненных планов; эмпирическое исследование; места лишения свободы; исправительная колония.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Ганишина И. С., Русаков С. В. Жизненные планы осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 213–219. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011.

Original article

Life Plans of Convicts Serving Sentences in the General Regime Correctional Facility

IRINA S. GANISHINA

Academy of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

SERGEI V. RUSAKOV

Academy of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

Abstract

Introduction: the research is relevant due to the importance of studying life plans of convicts serving sentences in correctional facilities of general regime. The article considers results of this study. Near, medium-term, and long-term life plans of convicts are analyzed. Stages of serving sentences (initial, middle, final) are highlighted. The theoretical and empirical research is based on the classification of V.G. Deev as upgraded by A.V. Napris. The empirical study was conducted at the correctional facility of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 6 in the Ryazan Oblast. The sample size is 70 men. **Purpose:** to study life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility and identify their correlation with stages of serving sentences. **Methods:** observation, survey, testing ("Self-assessment of life plans" by A.V. Napris (a modified version of the test "Self-assessment of orientation" by V.G. Deev)). **Practical significance of the research:** the study of life plans of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, conducted with the purpose of further elaboration of a program for forming life plans of convicts and its use in the work of penitentiary psychologists. **Results:** the empirical study shows that convicts can be conditionally divided into three groups: those with near life plans (24.3%); with medium-term life plans (28.6%); with long-term life plans (47.1%). The majority of convicts with near life plans (24.3%) are at the initial stage of serving sentences (0–1 years) and have low self-esteem. They are characterized by stubbornness, passivity, lack of initiative, inclination to conflict, distrust, closeness in communication and loss of the meaning of their own lives. Getting into a correctional institution, they fall into the rigid framework of internal regulations, withdraw into themselves, and therefore hardly adapt to the new environment, having only near life plans. Most convicts with mid-term life plans (28.6%) are at the middle stage of serving sentences (1–3 years) and have adequate self-esteem. They have traits of character, such as impulsivity, demonstrativeness, conflict, unpredictability, sensitivity to criticism and remarks. Convicted groups admit their mistakes and are not afraid to make them, they strive to realize mid-term life plans, but at the same time they are frivolous about the future. The vast majority of convicts with long-term life plans are at the final stage of serving sentences (3–9 years) and have inflated self-esteem. They are characterized by optimism, sociability, demonstrativeness. **Conclusions:** the empirical research analysis demonstrates that life plans (near, medium-term, and long-term) of convicts depend on the stages of serving sentences (initial, middle, final). In this regard, there is a need for prison psychologists to study and consider convicts' life plans.

Keywords: convicts; life plans; self-assessment of life plans; empirical research; places of deprivation of liberty; correctional facility.

5.3.9. Legal psychology and psychological security.

For citation: Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 213–219. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011.

Введение

В последнее время актуальными для пенитенциарной науки становятся проблемы, связанные с изучением содержания, структуры, особенностей жизненных планов осужденных, так как именно они дают возможность успешно адаптироваться в обществе после освобождения. Для исследования жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, необходимо более подробно рассмотреть понятие «жизненный план».

И. С. Кон определяет жизненный план личности как приоритетный «план деятельности, необходимый для реализации жизненных целей» [3].

И. Т. Левыкин понимает под жизненными планами «цели, выражающие ведущие потребности и интересы, побуждающие концентрировать свои стремления и действия для их достижения» [4].

По мнению А. И. Ушатикова, «жизненный план – совокупность желаемых и вероятных конкретных путей и средств осуществления жизненных целей индивида» [10].

И. Н. Астафьева рассматривает жизненный план осужденных как «совокупность решений личности по организации своей жизнедеятельности» [1].

Исследования жизненных планов осужденных в местах лишения свободы отечественными учеными (А. В. Наприс [6], А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак [10], И. Н. Астафьева [1], Е. Ф. Штефан [12]) позволили выделить виды, типы, структуру жизненных планов, группы осужденных по наличию/отсутствию у них жизненных планов.

А. И. Ушатиков, проведя исследование жизненных планов лиц, осужденных за насильственные и корыстные преступления, установил, что «66,7 % и 61 % этих осужденных имеют антиобщественные цели и жизненные планы, что проявляется в их поведении: систематическом нарушении режима и совершении преступлений» [10].

В. Г. Деев, изучив жизненные планы осужденных, пришел к выводу, что они «являются высшим уровнем направленности личности» [6].

Исследование жизненных планов показало, что жизнь осужденных – это отрезок жизненного пути, ограниченный рамками законодательства, характеризующийся временным отсутствием жизненных благ, необходимых для полноценного мироощущения, и стремления к достижению целей. Жизненные планы осужденного – это совокупность интересов и приоритетов, преобладающих именно в той среде, в которой он находится. Для полного понимания планов на дальнейшую жизнь осужденному [8] необходимы временная перестройка и адаптация к новой среде с учетом отсутствия определенных средств и возможностей. По мере принятия среды и адаптации к ней проявляется возможность построения планов на более долгий период в зависимости от общего срока наказания.

Проведенный теоретический анализ позволил нам определить понятие жизненных планов следующим образом: совокупность жизненных целей, перспектив, программ, установок, стремлений в достижении поставленных задач, определяемых установлением

сроков и выработкой жизненных стратегий. Считаем, что жизненные планы можно разделить на два вида: позитивные и негативные.

К позитивным [7] можно отнести такие жизненные планы, которые характеризуются наличием положительных факторов, устремлений личности к достижению цели в будущем. Позитивность жизненного плана зависит от показателей субъективной уверенности в нем и эмоциональных переживаний в связи с планируемым будущим.

По нашему мнению, позитивные жизненные планы осужденных по отношению к будущему дают ценность настоящему, не обесценивая и мотивируя ожидания и представления о будущем [2].

Негативные жизненные планы представляют собой совокупность отрицательных обстоятельств, сформированных отрезками жизненного пути, относящихся к прошлому и настоящему. Они могут как усугубляться за счет негативных факторов, возникающих в ближайшем будущем, так и иметь тенденцию к улучшению при возникновении положительных моментов.

Методы

Эмпирическое исследование жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, проводилось нами на базе ФКУ ИК-6 УФСИН России по Рязанской области. Обследуемая группа составила 70 респондентов мужского пола, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима.

Цель исследования – изучение жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы. При проведении исследования были использованы следующие психодиагностические методы и методики: наблюдение, опрос, тестирование «Самооценка жизненных планов» А. В. Наприса (модифицированный вариант теста «Самооценка направленности» В. Г. Деева) [6].

Задачей исследования стало проведение эмпирического исследования жизненных планов осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима, и выявление связи между ними и этапами отбывания наказаний.

Результаты

В соответствии с целью и задачами исследования были изучены жизненные планы осужденных [11], отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима.

Анализ результатов эмпирического исследования позволил выделить три группы осужденных: с близкими жизненными планами (24,3 %), средними жизненными планами (28,6 %), дальними жизненными планами (47,1 %) (рис. 1). Рассмотрим каждую из выделенных групп более подробно.

Опрос первой группы осужденных показал, что их планы характеризуются постоянством, неизменностью во времени и узостью проявления в различных сферах жизни. Они направлены на решение повседневных жизненных задач, а также удовлетворение влечений и желаний привычным способом.

Это свидетельствует о том, что осужденные сосредоточиваются на близких жизненных планах лишь

на начальном этапе отбывания наказаний, так как адаптация к пенитенциарной среде не занимает длительного времени. Далее происходит смена приори-

тетов, и близкие жизненные планы сменяются средними.

Рис. 1. Доли выявленных групп осужденных, отбывающих наказания в исправительной колонии общего режима, по методике «Самооценка жизненных планов» А. В. Наприса (модифицированный вариант теста «Самооценка направленности» В. Г. Деева)

С помощью методики «Самооценка жизненных планов» А. В. Наприса (модифицированный вариант теста «Самооценка направленности» В. Г. Деева) [6] установлено, что индекс общей положительной самооценки жизненных планов осужденных с близкими жизненными планами составляет 0,2 : 0,46, отрицательной – 0,1 : 0,13, что свидетельствует о заниженной самооценке данной группы лиц, их слабой мотивированности на будущее и преодоление возможных жизненных трудностей.

Анализ группы осужденных с близкими жизненными планами показал, что их самооценка занижена. Результаты наблюдения и опроса свидетельствуют о том, что этим лицам присущи такие черты личности, как упрямство, пассивность, безынициативность, конфликтность, недоверчивость, закрытость в общении, и утрата смысла жизни. Установлено, что такие осужденные, оказываясь в условиях исправительного учреждения, замыкаются в себе, попадают в жесткие рамки внутреннего распорядка, а потому с трудом приспосабливаются к новой среде, имея лишь близкие жизненные планы.

Осужденные со средними жизненными планами, в отличие представителей первой группы, стремятся к постоянному поиску изменений в себе и отношениях с окружающей действительностью, а также часто проявляют неудовлетворенность своим существованием ввиду отсутствия жизненных целей.

Тестирование установило, что индекс общей положительной самооценки жизненных планов осужденных со средними жизненными планами составляет 0,36 : 0,63, отрицательной – 0,2 : 0,33, что указывает на адекватность самооценки осужденных. Жизненные планы рассматриваемых лиц носят более сформированный характер.

Исследование осужденных со средними жизненными планами показало, что они обладают адекватной самооценкой [9]. Результаты наблюдения и опро-

са свидетельствуют, что данные лица имеют такие черты личности, как импульсивность, демонстративность, конфликтность, непредсказуемость, чувствительность к критике и замечаниям. Представители этой группы признают свои ошибки и не боятся ошибаться, стремятся реализовать средние жизненные планы, но при этом легкомысленно относятся к отдаленному будущему.

Осужденные с дальними жизненными планами, в отличие от осужденных с близкими и средними, обнаруживают особенности жизненных планов предыдущих двух групп, но только на более высоком уровне развития. Результаты наблюдения и опроса показали, что данные лица выстраивают более четкие и определенные жизненные цели, рассматривая отбывание наказания в виде лишения свободы лишь как этап на пути к реализации жизненных стратегий [5]. У них более устойчивые убеждения и идеалы.

Анализ результатов, полученных с помощью тестирования по методике «Самооценка жизненных планов осужденных» А. В. Наприса (модификация В. Г. Деева), показал, что индекс общей положительной самооценки жизненных планов осужденных с дальними жизненными планами составляет 0,53 : 0,77, отрицательной – 0,2 : 0,43, что указывает на завышенную самооценку представителей данной группы. Они идут напролом не только к реализации планов, но и к достижению своих жизненных целей.

Исследование группы осужденных с дальними жизненными планами позволяет заключить, что их самооценка завышена. Данные осужденные имеют такие черты личности, как оптимистичность, общительность, демонстративность. Результаты наблюдения и опроса показали, что они легко вживаются в разные социальные роли и стремятся реализовать дальние жизненные планы, что говорит об их устойчивой жизненной позиции.

В ходе исследования мы выделили следующие этапы отбывания наказаний осужденными: начальный (0–1 год), средний (1–3 года), заключительный (3–9 лет).

Изучив каждую группу осужденных, мы выявили, что большинство (70,6 %) представителей группы с близкими жизненными планами находятся на начальном этапе отбывания наказаний, 29,4 % – на среднем

этапе отбывания наказаний. 78,8 % осужденных группы со средними жизненными планами находятся на среднем этапе отбывания наказаний, 19,1 % – на заключительном этапе, 2,1 % – на начальном. 83,7 % осужденных группы с дальними жизненными планами находятся на заключительном этапе отбывания наказаний, 16,3 % – на среднем (рис. 2).

Установлено, что существует зависимость между

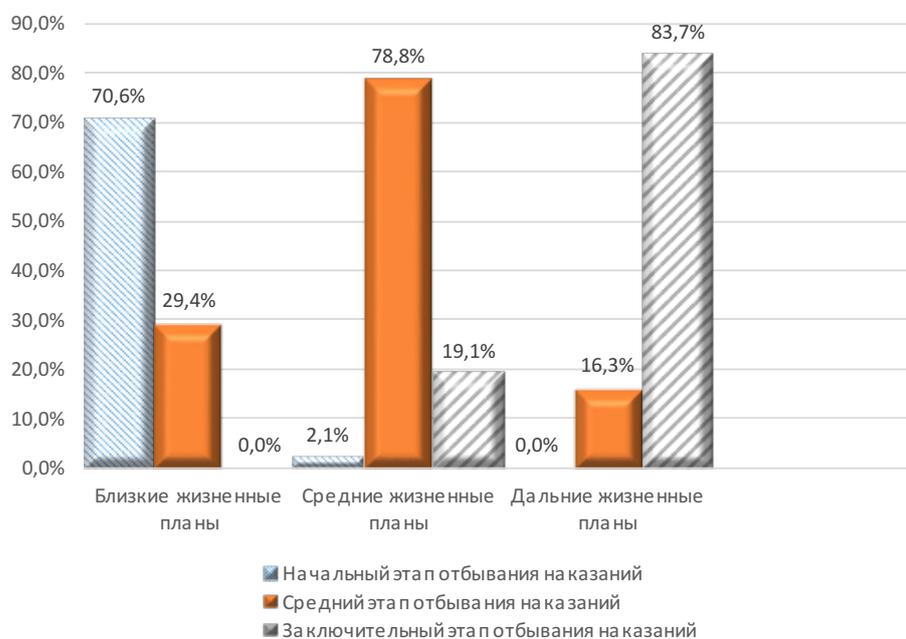

Рис. 2. Распределение жизненных планов осужденных, находящихся на различных этапах отбывания наказаний

этапами отбывания наказаний и жизненными планами осужденных. Так, для осужденных, находящихся преимущественно на начальном этапе отбывания наказаний, характерны близкие жизненные планы; осужденным, находящимся на среднем этапе отбывания наказаний, в большинстве своем свойственны средние жизненные планы; осужденным, находящимся на заключительном этапе отбывания наказаний, присущи дальние жизненные планы.

Заключение

По результатам проведенного эмпирического исследования были сделаны следующие выводы:

1. Осужденные с близкими жизненными планами (24,3 %) имеют заниженную самооценку. Им присущи такие черты личности, как упрямство, пассивность, безынициативность, конфликтность, недоверчивость, закрытость в общении. Отмечается утрата ими смысла жизни. Установлено, что представители этой группы в условиях исправительного учреждения замыкаются в себе, попадают в жесткие рамки внутреннего распорядка, а потому с трудом приспосабливаются к новой среде, имея лишь близкие жизненные планы.

2. Осужденные со средними жизненными планами (28,6 %) имеют адекватную самооценку. У них проявляются такие черты личности, как импульсивность, демонстративность, конфликтность, непредсказу-

емость, чувствительность к критике и замечаниям. Они признают свои ошибки и не боятся ошибаться, стремятся реализовать средние жизненные планы, но при этом легкомысленно относятся к отдаленному будущему.

3. Осужденные с дальними жизненными планами (47,1 %) имеют завышенную самооценку и такие черты личности, как оптимистичность, общительность, демонстративность. Данные лица выстраивают более четкие и определенные жизненные цели, рассматривая отбывание наказания в виде лишения свободы лишь как этап на пути к реализации жизненных стратегий. У осужденных с дальними жизненными планами более устойчивы убеждения и идеалы.

4. Существует зависимость между этапами отбывания наказаний (начальный, средний, заключительный) и жизненными планами осужденных (близкие, средние, дальние). Так, осужденным, находящимся преимущественно на начальном этапе отбывания наказаний, присущи близкие жизненные планы, осужденным, находящимся на среднем этапе отбывания наказаний, – средние жизненные планы, осужденным, находящимся на заключительном этапе отбывания наказаний, – дальние жизненные планы. В связи с этим полагаем, имеется необходимость учета пенитенциарными психологами жизненных планов осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьева, И. Н. Критерии типологий жизненных планов / И. Н. Астафьева // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2009. – № 4. – С. 73–76.
2. Ганишина, И. С. О психолого-педагогической поддержке позитивных жизненных планов осужденных в местах лишения свободы / И. С. Ганишина, С. В. Русаков // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы XV международной научно-практической конференции (Воронеж – Бийск, 15–16 октября 2021 года) / ответственный редактор Э. П. Комарова. – Воронеж : Научная книга, 2021. – С. 98–100.
3. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1984. – 335 с.
4. Левыкин, И. Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / И. Т. Левыкин. – Москва : Мысль, 1975. – 356 с.
5. Макух, Н. О. Оптимизация системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции / Н. О. Макух, И. С. Ганишина, Д. В. Сочивко // Психология и право. – 2020. – Том 10, № 4. – С. 198–213.
6. Наприс, А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Наприс Артур Винцасович. – Рязань, 1997. – 220 с.
7. Русаков, С. В. К вопросу об изучении трансформации жизненных планов осужденных в местах лишения свободы / С. В. Русаков // Пермский военный институт войск национальной гвардии: перспективы развития науки и технологий : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Е. М. Русанова. – Пермь : Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. – С. 322–325.
8. Сочивко, Д. В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы / Д. В. Сочивко, И. С. Ганишина, М. И. Марьин, В. В. Сундукова // Психология и право. – 2020. – Том 10, № 3. – С. 5–19.
9. Ушатиков, А. И. Личность наркозависимого осужденного и ее особенности / А. И. Ушатиков, И. С. Ганишина // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3 (90). – С. 194–197.
10. Ушатиков, А. И. Пенитенциарная психология : учебник / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. – 758 с.
11. Ушатиков, А. И. Психологическая типология и классификация осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России: история и современное состояние / А. И. Ушатиков, И. С. Ганишина // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 4 (4). – С. 76–81.
12. Штефан, Е. Ф. Особенности жизненных планов на период после освобождения у осужденных женщин, отбывших длительные сроки лишения свободы / Е. Ф. Штефан // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Том 8, № 5. – С. 69–77.

REFERENCES

1. Astaf'eva I.N. Criteria of typologies of life plans. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik=North Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.).
2. Ganishina I.S., Rusakov S.V. On psychological and pedagogical support of positive life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Komarova E.P. (ed.). *Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti: materialy 15 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Voronezh – Biisk, 15–16 oktyabrya 2021 goda)* [Anthropocentric sciences: innovative view of education and personal development: materials of the 15th international scientific and practical conference (Voronezh – Biysk, October 15–16, 2021)]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2021. Pp. 98–100. (In Russ.).
3. Kon I.S. *V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of himself. Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat, 1984. 335 p.
4. Levykin I.T. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Theoretical and methodological problems of social psychology]. Moscow: Mysl', 1975. 356 p.
5. Makukh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V. Optimizing the system of family relations of convicted women in places of imprisonment through psychological intervention. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 198–213. (In Russ.).
6. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogogo rezhima: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: on the materials of correctional colonies of strict regime: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
7. Rusakov S.V. On the question of studying the transformation of the life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. (Ed.). *Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii: perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Perm Military Institute of the National Guard Troops: prospects for the development of science and technology: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference]. Perm: Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).
8. Sochivko D.V., Ganishina I.S., Mar'in M.I. et al. Psychological make-up of corrupt officials serving their sentences in confinement institutions. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 5–19. (In Russ.).
9. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. The personality of a drug-addicted convict and its peculiarities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 3 (90), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Ushatikov A.I., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya: uchebnik* [Penitentiary psychology: textbook]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2003. 758 p.
11. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. Psychological typology and classification of convicts held in correctional institutions of the

penitentiary system of Russia: history and current state. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 76–81. (In Russ.).

12. Stefan E.F. Features of life plans for the period after release of convicted women who have served long imprisonment. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 69–77. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ГАНИШИНА – доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Академии ФСИН России, Рязань, Россия, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУСАКОВ – адъюнкт 1 курса очной формы обучения факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, Рязань, Россия, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

IRINA S. GANISHINA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department for Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

SERGEI V. RUSAKOV – Associate of the 1st year of full-time study at the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

Статья поступила 26.02.2022

Научная статья

УДК 378

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.012

Превенция морального отчуждения курсантов в контексте личностно-развивающего подхода в профессиональном воспитании (на примере профессионального воспитания будущих специалистов уголовно-исполнительной системы)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МЕЩЕРЯКОВА

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж, Россия, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию актуальной проблемы морального отчуждения современной молодежи в аспекте превенции профессионального морального отчуждения курсантов ведомственных вузов (на примере профессионального воспитания будущих специалистов уголовно-исполнительной системы). *Цель:* на основе анализа и обобщения результатов отечественных и зарубежных исследований конкретизировать понятие «профессиональное моральное отчуждение», с позиций личностно-развивающего подхода в профессиональном воспитании обосновать возможности превенции зарождения (развития) этого личностного феномена. *Методы:* теоретического исследования (аксиоматический, гипотетический, аналитический, абстрагирование, формализация и др.) в сочетании с эмпирическими (наблюдение, сравнение, интерпретация и др.). *Результаты:* проведенное исследование позволило выявить противоречия, отражением которых является проблема профессионального морального отчуждения; определить профессиональное моральное отчуждение сотрудников уголовно-исполнительной системы как один из видов отчуждения личности, зарождение и развитие которого происходят под преимущественным влиянием факторов профессиональной среды; показать, что с его становлением неразрывно связано развитие внутриличностной дисгармонии, препятствующей восприятию и принятию значимых для профессионального сообщества духовных правил, норм и традиций, а также ценностно-смысловых доминант общества, которое сопровождается нарастанием профессионального маргинализма и может находить проявление в уклонении от исполнения профессиональных обязанностей, девиантном поведении, профессиональном выгорании и иных неблагоприятных явлениях. *Выводы:* целям превенции профессионального морального отчуждения наиболее соответствуют разработка и реализация в контексте личностно-развивающего подхода к профессиональному воспитанию курсантов комплексной педагогической программы, включающей мероприятия, проведение которых в установленных формах, с использованием традиционных и инновационных методов и средств позволит обеспечить достижение курсантами достаточно высокого уровня сформированности личностно-профессиональных качеств, значимых для предупреждения возникновения и развития профессионального морального отчуждения, стимулировать формирование ценностно-смысловых доминант и способствовать становлению профессиональной идентичности как антипода профессионального маргинализма сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: превенция; моральное отчуждение; курсант; будущий специалист; личностно-развивающий подход; профессиональное воспитание; уголовно-исполнительная система.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Мещерякова Е. Н., Ковтуненко Л. В. Превенция морального отчуждения курсантов в контексте личностно-развивающего подхода в профессиональном воспитании (на примере профессионального воспитания будущих специалистов уголовно-исполнительной системы) // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 220–228. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.012.

Original article

Prevention of Cadets' Moral Alienation under the Personality-Developing Approach in Professional Education (Case Study of Professional Education of Future Specialists of the Penal System)

ELENA I. MESHCHERYAKOVA

Military Training and Research Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkolv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Abstract

The article studies a topical problem of moral alienation of modern youth in terms of preventing professional moral alienation of cadets of departmental universities (on the example of professional education of future specialists of the penal system). *Purpose:* on the basis of analysis and generalization of the results of domestic and foreign studies, to concretize the concept of professional moral alienation in terms of the personality-developing approach in professional education, substantiate possibilities of preventing the emergence (development) of this personal phenomenon. *Methods:* theoretical research (axiomatic, hypothetical, analytical, abstraction, formalization, etc.) in combination with empirical methods (observation, comparison, interpretation, etc.). *Results:* the conducted research made it possible to identify contradictions, reflected in the problem of professional moral alienation; determine professional moral alienation of employees of the penal enforcement system as one of its types, emergence and developed under predominant influence of professional environment factors; show that its formation is inextricably linked with development of intrapersonal disharmony, preventing the perception and acceptance of spiritual rules, norms and traditions significant for the professional community, as well as its value-semantic dominants, accompanied by an increase in professional marginalism, and manifested in evasion of professional duties, deviant behavior, professional burnout and other adverse consequences. *Conclusions:* the objectives to prevent professional moral alienation are most consistent with the development and implementation of a comprehensive pedagogical program in the context of the personality-developing approach to educating students. Regular activities, based on traditional and innovative methods and means, help cadets to achieve a sufficiently high level of formation of personal and professional qualities, significant for the prevention of emergence and development of professional moral alienation, stimulate formation of value-semantic dominants and professional identity as the antipode of professional marginalism of employees of the penal system.

Keywords: prevention; moral alienation; cadet; future specialist; personality-developing approach; professional education; penal enforcement system.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Meshcheryakova E.I., Kovtunenکو L.V. Prevention of cadets' moral alienation under the personality-developing approach in professional education (case study of professional education of future specialists of the penal system). *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 220–228. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.012.

Введение

Моральное отчуждение современной молодежи от тех духовно-нравственных ценностей, которые складывались в нашей стране десятилетиями (патриотизм и гражданственность, справедливость и гуманизм, коллективизм и готовность прийти на помощь нуждающимся в ней, вера в добро и справедливость и др.) и во многом были утрачены в ходе радикальных преобразований, начавшихся в 1990-е гг. и продолжающихся до настоящего времени, приобретает все более опасные черты, создавая реальные угрозы не только личности, но и обществу, государству. Ситуация усугубляется тем, что, по мнению В. В. Путина, сегодня человечество «столкнулось с утратой, размыванием нравственных ценностей, потерей ориентиров и ощущения смысла существования, если хотите, – миссии человека на планете Земля» [13]. При этом наиболее уязвимой в сложившейся ситуации оказывается именно молодежь, ведь «в переломные моменты существования социума» она «оказывается самой незащищенной категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме» [7, с. 4].

При этом не могут быть исключением и молодые люди, избирающие в качестве своей профессиональной деятельности службу в силовых ведомствах. В связи с этим уместно напомнить следующее утверждение В. И. Ленина, которое практически не подвергается критике и сохраняет свою актуальность: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [9, с. 104]. Несвободны от общества, влияния тех процессов, которые происходят в политической, социальной, экономической, идеологической и иных сферах его жизнедеятельности, и сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), профессиональная подготовка, а также морально-личностное становление которых происходят в ведомственных вузах. Поэтому исследование проблем, связанных с моральным отчуждением современной молодежи, а также поиск возможностей предупреждения зарождения и последующего развития этого опасного и разрушительного личностного феномена у будущих специалистов УИС в процессе их профессионального воспитания в период обучения в ведомственных вузах являются своевременными, актуальными, значимыми.

Методы

В ходе изучения проблемы профессионального морального отчуждения современной молодежи в указанном аспекте использовались методы теоретического исследования (аксиоматический, гипотетический, аналитический, абстрагирование, формализация и др.) в сочетании с эмпирическими методами (наблюдение, сравнение, интерпретация и др.) Это позволило выявить, обосновать и апробировать те действия, которые для превенции профессионального морального отчуждения сотрудников УИС имеют наибольшее значение и оказываются максимально эффективными.

Результаты и обсуждение

Об отношении молодежи к современной российской действительности позволяет судить следующее весьма категоричное высказывание ее представитель – молодых ученых: «Наша страна находится в глубочайшем духовном кризисе, потеряны привычные

ориентиры и смыслы. После обрушения старой системы ценностей не восстановлены никакие общие этические идеалы, способные объединить общество в новых исторических условиях» [16, с. 179].

Думается, что ситуация не столь мрачная и «глубочайше духовно-кризисная», как это представляется думающим представителям современной молодежи. Однако нельзя не видеть того, что проявлениями опасного развития морального отчуждения у молодых людей становятся не только алкоголизм, наркомания, агрессия, противоправные деяния и т. п. девиантное поведение, но и моральная неустойчивость личности, сопровождающаяся замкнутостью и апатией, нежеланием следовать моральным нормам и принципам, одиночеством, уходом в виртуальное пространство и иными негативными процессами.

Крайняя форма обозначенных девиаций и состояний – совершение преступления. По информации директора Федеральной службы исполнения наказаний А. П. Калашникова, в 2020 г. было возбуждено 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников УИС, 170 сотрудников уволены [15]. Совершившие преступления сотрудники УИС привлекаются к уголовной ответственности главным образом по ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями»), ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий»), ст. 290 УК РФ («Получение взятки»), как сообщается на официальном сайте Общественного комитета по контролю за делами коррупционной направленности и реализации программы Президента Российской Федерации [6].

Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что истоки преступности сотрудников УИС нужно искать в профессиональном моральном отчуждении, зародившемся и прогрессирувавшем под влиянием факторов внешней среды и внутриличностных факторов, причем началом процесса для многих становится период получения профессионального образования в ведомственных вузах.

Затронутая нами проблема имеет многовековую историю, ведь отчуждение «появляется уже в философской системе Платона и выступает в образе Демиурга – мировой бессмертной души» [17, с. 779]. Феномен отчуждения активно исследовался американскими социологами в 50–60-х гг. прошлого века, что нашло отражение в публикациях Питера Бергера, Кеннета Кенистона, Джона П. Кларка, Стэнли Пулберга, Джеральда Сайкса, Льюиса Фойера и др. Обобщая результаты социологических исследований, можно прийти к выводу о том, что общего представления о моральном отчуждении в тот период так и не сложилось: если для Д. Сайкса это «неясное, но реальное страдание, которое уже настигло любого, кто не откликается на красоту, на ужас, на мудрость, на пафос, на страсть» [20, с. 67], то для П. Бергера и С. Пулберга «это процесс, в результате которого человек забывает, что мир, в котором он живет, был создан им самим» [19, с. 200]. Однако теоретическая база, созданная в трудах названных зарубежных социологов, послужила основой для проведения исследований российскими учеными.

Понимание того, что моральное отчуждение нуждается в комплексном изучении, что лежащие в его

основе противоречия обостряются и требуют своего незамедлительного разрешения, появилось у российских исследователей на рубеже XX и XXI вв. и получило выражение в философских (Д. В. Иванов, И. И. Кальной, Н. И. Лапин, А. И. Титаренко и др.), социологических (П. Н. Афанасьев, Д. В. Канатаев, А. И. Кравченко, Е. О. Смолева, В. Ю. Тюлин и др.), психологических (В. В. Абраменкова, К. А. Абульханова-Славская, В. С. Мухина, А. В. Петровский и др.) и иных работах. Однако до настоящего времени эта актуальная, значимая, требующая комплексной разработки проблема остается недостаточно изученной, особенно в педагогической науке в аспекте превенции зарождения и развития этого личностного феномена. Не стало исключением и исследование превенции профессионального морального отчуждения будущих специалистов силовых структур в образовательном процессе ведомственных вузов.

В то же время следует отметить, что не только сохраняются, но и обостряются противоречия, отражением которых обозначенная проблема становится. Среди них можно назвать, например:

– противоречие между необходимостью теоретического обоснования превенции отчуждения молодежи от важнейших общечеловеческих ценностей и отсутствием комплексных психолого-педагогических исследований, выявляющих и характеризующих влияние внешних и внутренних факторов, детерминирующих развитие морального отчуждения личности в современном обществе;

– противоречие между потребностью высшего профессионального образования в педагогических технологиях, способствующих формированию значимых личностно-профессиональных качеств обучающихся, и отсутствием научно обоснованных, апробированных в ходе опытно-экспериментальной работы, эффективных методов превенции профессионального морального отчуждения курсантов в профессиональном образовании.

Обозначим еще одно противоречие, неразрывно связанное со спецификой подготовки специалистов для УИС: между потребностью современной системы исполнения наказаний в сотрудниках, обладающих необходимой морально-психологической устойчивостью к влиянию деструктивных факторов, и недостаточной готовностью профессорско-преподавательского состава ведомственных вузов к осуществлению образовательной деятельности в русле превенции профессионального морального отчуждения курсантов.

Изучая проблему профессионального морального отчуждения в аспекте превенции этого опасного личностного феномена в образовательном процессе ведомственных вузов, важно конкретизировать ключевое понятие «профессиональное моральное отчуждение» с учетом специфики профессиональной деятельности.

Анализ результатов отечественных гуманитарных исследований позволяет утверждать, что в современной российской науке единого представления об отчуждении как личностном феномене еще не сложилось. Целям нашей работы наиболее соответствует следующее общее его определение, содержащееся

в статье И. К. Джерелиевской: отчуждение – это «обнаружение внутренней “нестыковки” личности (как субстанции) и общества, в котором развиваются отношения и тенденции, препятствующие личностной самореализации» [3, с. 117]. В русле этой трактовки моральное отчуждение представляет не только сложившуюся внутриличностную дисгармонию (несогласованность, разноплановость и т. п.), препятствующую восприятию и принятию общественно значимых духовных правил и норм, которыми регулируется поведение человека, что сопровождается деформацией его отношения к окружающему миру, другим людям и самому себе, но и процесс, результатом которого становится такая внутриличностная дисгармония.

Зарождение и развитие морального отчуждения личности происходит под влиянием множества факторов, если под фактором понимать «причину, движущую силу какого-либо процесса, явления, определяющую его характер или отдельные его черты» [18, с. 82]. В системе взаимодействующих факторов в целях проведения исследования можно выделять относительно обособленные группы преимущественно экономических, социальных, политических, информационных, духовных и др. Определенное место в системе будут занимать факторы профессиональные, то есть те причины и движущие силы зарождения и развития морального отчуждения личности, действие которых непосредственно связано с осуществлением профессиональной деятельности, интересами, традициями, нормами профессионального сообщества. Тогда профессиональное моральное отчуждение сотрудников УИС можно рассматривать как один из видов отчуждения личности, зарождение и развитие которого происходит под преимущественным влиянием профессиональной среды. Со становлением этого личностного феномена связано развитие внутриличностной дисгармонии, препятствующей восприятию и принятию значимых для профессионального сообщества сотрудников УИС духовных правил, норм и традиций, а также ценностно-смысловых доминант сообщества, которое сопровождается нарастанием профессионального маргинализма, что может находить проявление в уклонении от исполнения профессиональных обязанностей, девиантном поведении, профессиональном выгорании и иных неблагоприятных явлениях. Специфическим фактором, оказывающим существенное влияние на зарождение и развитие профессионального морального отчуждения сотрудников УИС, способна стать пенитенциарная субкультура, рассмотренная нами ранее [11, с. 82].

Изучив причины, условия и факторы, порождающие профессиональное моральное отчуждение сотрудников силовых ведомств, мы пришли к выводу о том, что целям и содержанию педагогической деятельности, препятствующей его зарождению и последующему развитию, наиболее соответствует понятие «превенция». Превенция традиционно понимается как деятельность на опережение, предупреждение и предотвращение опасных и нежелательных явлений [10, с. 118], которая позволяет существенно снизить вероятность их появления.

Важнейшую роль в превенции зарождения и развития профессионального морального отчуждения в образовательном процессе ведомственных вузов призвано играть профессиональное воспитание. По определению И. Ф. Исаева, «профессиональное воспитание – это целенаправленный процесс, способствующий успешной социализации, гибкой адаптации обучающихся и соотносению возможностей своего “Я” с требованиями современного общества и профессионального сообщества, формированию готовности обучающихся к... идентификации с будущей профессией, ее деятельностными формами, ценностями, традициями, общественными и личностными смыслами» [5, с. 68]. В приведенной дефиниции нашли отражение не только направления этого целенаправленного процесса, но и такие его значимые результаты, как приобщение к профессиональным ценностям, смыслам и традициям, самоидентификация с профессией и профессиональным сообществом.

Отметим и еще одну интересную для проводимого нами исследования характеристику определения, данного И. Ф. Исаевым: в нем воспитание характеризуется как процесс, способствующий достижению целей и получению результатов, то есть как процесс, основанный не на воздействии на обучающихся, а на взаимодействии с ними. В то же время существуют и иные подходы к толкованию профессионального воспитания. Например, В. И. Белов уверен, что оно «является сложным процессом воздействия на личность, на мастерство и нравственный облик, на интересы» и «способствует умственному развитию, охватывает всю совокупность элементов обучения, воспитания и трудовой подготовки» [2, с. 166]. Оставляя за рамками настоящей статьи критику этого очевидно несостоятельного определения, все-таки отметим характеристику профессионального воспитания, которую необходимо учитывать при исследовании и организации процесса воспитания в ведомственных вузах: профессиональное воспитание не должно осуществляться исключительно посредством «воздействия на личность», это процесс взаимодействия, стимулирующий становление личностно и профессионально значимых качеств будущих специалистов, предупреждающий возникновение и развитие внутриличностной дисгармонии, связанной с влиянием факторов профессиональной среды.

Как показывают результаты проведенного исследования, целям превенции профессионального морального отчуждения будущих специалистов УИС наиболее соответствуют разработка и реализация в процессе профессионального воспитания курсантов в образовательном процессе ведомственных вузов комплексной педагогической программы. Ее характер определяется тем, что она включает «совокупность взаимосвязанных по срокам, исполнителям, ресурсам различных мероприятий (действий), направленных на достижение единой, общей цели» [8, с. 128]. Единой общей целью для разрабатываемой программы должно стать достижение курсантами такого уровня сформированности личностно-профессиональных качеств, ценностно-смысловых доминант, морально-психологической устойчивости,

который минимизирует вероятность (исключит возможности) зарождения, а в случае возникновения сдержит развитие профессионального морального отчуждения.

Программа превенции профессионального морального отчуждения курсантов, реализацию которой целесообразно осуществлять на учебных занятиях, во внеаудиторной учебной и воспитательной деятельности совместными усилиями преподавателей, командиров, воспитателей, должна включать:

- пояснительную записку, в которой содержится общая информация о программе, тех возможностях, которые открываются с ее реализацией в образовательном процессе ведомственного вуза, а также приводятся определения основных понятий, связанных с превенцией профессионального морального отчуждения курсантов (моральное отчуждение личности, профессиональное моральное отчуждение сотрудников УИС, деструктивные внешние и внутренние факторы, вызывающие профессиональное моральное отчуждение сотрудников УИС, и др.);

- раздел первый, в котором устанавливаются цель разработки и реализации программы и конкретизирующие ее достижение задачи, определяется результат, достижению которого подчинена реализация программы (достижение курсантами достаточно высокого уровня сформированности значимых для предупреждения возникновения и развития профессионального морального отчуждения личностно-профессиональных качеств, ценностно-смысловых доминант, морально-психологической устойчивости);

- раздел второй, где представлены и кратко охарактеризованы основные направления деятельности, в которых осуществляется целенаправленная превенция возникновения и развития профессионального морального отчуждения курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза (учебное, учебно-воспитательное, морально-психологическое, служебное, культурно-досуговое), выделяется и характеризуется самостоятельная деятельность курсантов по каждому из представленных направлений;

- раздел третий, включающий конкретные мероприятия, запланированные для проведения по каждому направлению деятельности, связанной с превенцией профессионального морального отчуждения курсантов в образовательном процессе ведомственного вуза (в направлении «учебная работа»: включение в темы, установленные тематическими планами изучения гуманитарных и профильных дисциплин, отдельных вопросов, направляющих восприятие учебного материала на предупреждение морального отчуждения, становление профессиональной идентичности и т. д.; в направлении «учебно-воспитательная работа»: проведение внеаудиторных занятий, направленных на воспитание убежденности в важности и общественной значимости избранной профессии, акцентирование на учебных занятиях внимания курсантов на воспитательных аспектах, способствующих становлению профессиональной идентичности, предупреждению профессионального маргинализма и др.; в направлении «морально-психологическая работа»: психодиагностика курсантов, направленная на установление индивидуальных склонностей к мо-

ральному отчуждению, выявление нарушений, требующих психокоррекции; психологическое консультирование и др.; в направлении «служебная работа»: правовое и служебное информирование с акцентированием внимания на важности, необходимости и целесообразности соблюдения дисциплинарных требований; вечера вопросов и ответов тематической направленности, связанной с особенностями несения службы сотрудниками УИС, и др.; в направлении «культурно-досуговая работа»: культурно-массовые и спортивные мероприятия, способствующие укреплению коллективизма в курсантских коллективах, развивающие коммуникативные навыки, укрепляющие морально-психологическое состояние курсантов; встречи с ветеранами УИС, деятелями культуры и искусства и др.);

– раздел четвертый, где дается характеристика форм и методов проведения запланированных мероприятий, которыми обеспечивается их максимальная эффективность и результативность (традиционные, инновационные, их сочетания), представлены средства (материально-технические, электронные, иллюстративные и др.), использование которых способствует успешному проведению мероприятий, решению задач и достижению цели реализации программы;

– раздел пятый, в котором представлена периодизация процесса реализации программы, связанная с выделением отдельных этапов превенции возможного зарождения и последующего развития профессионального морального отчуждения курсантов (первый этап включает преимущественно коллективные формы проведения мероприятий, второй этап – преимущественно индивидуальную работу);

– раздел шестой – завершающий, в нем сосредоточены методические материалы, сопровождающие подготовку к проведению запланированных мероприятий и организацию их проведения. Методические материалы разрабатываются в двух направлениях: 1) создание методического сопровождения педагогической деятельности преподавателей, командиров, воспитателей (методические рекомендации) и 2) обеспечение подготовленности курсантов к участию в проводимых мероприятиях (методические указания).

Отличительные особенности программы превенции профессионального морального отчуждения в профессиональном воспитании курсантов ведомственных вузов:

1) направленность проводимых мероприятий на формирование личностно-профессиональных качеств будущих специалистов, обеспечивающих крайне низкую вероятность (или даже невозможность) зарождения и развития этого разрушительного личностного феномена под влиянием деструктивных внешних и внутренних факторов;

2) использование для проведения мероприятий форм, методов и технологий [21], способствующих преодолению профессионального морального отчуждения курсантами, которые ощущают состояние одиночества, внутреннюю дисгармонию, в поведении которых начинают проявляться неприятие общественно и профессионально значимых духовных пра-

вил и норм, иные деформации. Среди таких форм и методов для индивидуальной работы с курсантами отбираются наиболее соответствующие личностным особенностям каждого из них;

3) согласованность действий всех участников субъект-субъектного взаимодействия по установленным направлениям деятельности – учебному, учебно-воспитательному, морально-психологическому, служебному, культурно-досуговому; стремление прийти до каждого курсанта – субъекта коллективной или индивидуальной работы, не допуская при этом формализма, менторства, морализирования, излишней нравоучительности и назидательности в процессе подготовки и проведения мероприятий;

4) включение в программу мероприятий общего плана, то есть тех, которые направлены на укрепление в сознании курсантов общечеловеческих ценностей, моральных норм и правил, определяющих гуманистическое мировоззрение, формирующих общую и профессиональную культуру сотрудника УИС, а также мероприятий личного плана, проведение которых создает устойчивые ценностно-смысловые ориентации каждого курсанта на принятие и воспроизводство важнейших общественно значимых ценностей, сложившихся традиций, норм поведения представителей профессионального сообщества сотрудников УИС (проводятся такие мероприятия могут как в коллективной, так и в индивидуальной форме).

Подробная характеристика программы превенции морального отчуждения в профессиональном воспитании курсантов требует конкретизации представления содержательного наполнения отдельных ее разделов, детализации мероприятий, включенных в план по каждому из установленных направлений, а также демонстрации возможностей, связанных с использованием традиционных и инновационных методов коллективной и индивидуальной работы с курсантами, которые выходят за рамки настоящей статьи. Здесь же отметим, что достижение цели эффективной превенции профессионального морального отчуждения с использованием представленной программы будет зависеть от того, насколько научно обоснованы действия тех, кто разрабатывает программу и организует ее реализацию в профессиональном воспитании курсантов, насколько учитываются особенности влияния факторов внешней (социальной, профессиональной, информационной, образовательной) и внутренней (индивидуально-личностной) среды на зарождение (развитие) профессионального морального отчуждения курсантов ведомственного вуза.

Научная обоснованность таких действий во многом определяется тем, какие методологические подходы положены в их основу. Ведь именно через методологические подходы раскрывается «конкретно-научная методология каждой науки и, соответственно, обслуживаемой ею практики» [14, с. 100]. Для разработки и реализации программы превенции профессионального морального отчуждения в процессе воспитания курсантов ведомственных вузов доминирующим должен стать личностно-развивающий подход, который используется в совокупности с системным, культурологическим, деятельностным, аксиологическим и компетентностным подходами

в русле гуманистической парадигмы современного образования.

Доминанта личностно-развивающего подхода позволит реализовать заложенные в нем преимущества, имеющие важное значение для превенции профессионального морального отчуждения курсантов, а именно:

- акцентировать внимание на «развитии ценностных аспектов сознания личности, ее мыслей и смыслов, использовании внутренних факторов, обеспечивающих ее движение к развитию своих возможностей» [12, с. 4];

- стимулировать становление ценностно-смысловых доминант профессионального сообщества посредством подготовки личности к углубленному пониманию значимости избранной профессии для общества и государства, обеспечения законности, правопорядка, справедливости, гуманности;

- развивать профессиональную идентичность, сдерживая тем самым становление ее антипода – профессионального маргинализма, активно используя для этого личностно-развивающие ситуации, способствующие «прохождению предлагаемого опыта в контексте будущей профессиональной деятельности, а также освоению личностного опыта» [1, с. 22].

Личностно-развивающий подход в профессиональном воспитании курсантов позволяет успешно осуществлять индивидуальную работу с курсантами на втором этапе реализации программы превенции профессионального морального отчуждения как продолжение работы в курсантских коллективах, проводившейся на первом этапе. Однако успех ее во многом зависит от того, насколько грамотно и результативно проведена педагогическая диагностика до начала реализации разработанной программы превенции профессионального морального отчуждения курсантов и по окончании первого этапа. Ведь содержание, формы и методы проведения индивидуальной работы существенно зависят от того, насколько сформированным оказывается моральное отчуждение, каковы личностные особенности того курсанта, с которым планируется ее осуществление.

В отечественной педагогической науке и практике накоплен большой опыт проведения педагогической диагностики, она стала особым видом «деятельности, который представляет собой установление и изучение признаков, характеризующих состояние и результаты процесса... и позволяет на этой основе прогнозировать, определять возможные отклонения, пути их предупреждения, а также корректировать процесс» [4, с. 18]. Очень сложно диагностировать наличие профессионального морального отчуждения как внутриличностного состояния, определить уровень сформированности этого личностного феномена у отдельных курсантов. Поэтому для проведения педагогической диагностики следует использовать инструментарий, включающий как хорошо известные методики, опросники, анкеты («Самооценка выраженности мотивов профессиональной деятельности» (А. А. Вербицкий, Н. А. Бакшаева), «Самооценка сформированности видов профессионального интереса студентов» (Н. П. Костюшкина), «Оценка эмоционально-деятельностной адаптивности» (Н. П. Фетискин,

В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов), «Оценки удовлетворенности профессией» (методика В. А. Ядова, модификация Н. В. Кузьминой, А. А. Реана) и др.), так и специально разработанные методики, направленные на выявление внутриличностной дисгармонии, возникшей под влиянием факторов профессиональной среды, установление наличия проявлений дисгармонии в поведении курсантов, их отношении к себе, товарищам, исполнению служебных обязанностей и др. Большую помощь в проведении педагогической диагностики оказывает и применение метода экспертных оценок, если эксперты правильно подобраны и достаточно подготовлены к оценке состояния и поведения курсантов.

Заключение

На основе проведенного исследования проблемы морального отчуждения в аспекте превенции зарождения и развития этого личностного феномена у курсантов ведомственных вузов под влиянием факторов профессиональной среды можно сделать следующие выводы:

- 1) в условиях современной России не только сохраняются, но и обостряются противоречия, отражением которых становится педагогическая проблема превенции профессионального морального отчуждения в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов, что определяет актуальность, значимость и своевременность изучения этой комплексной проблемы и отдельных ее аспектов;

- 2) профессиональное моральное отчуждение сотрудников уголовно-исполнительной системы – это один из видов отчуждения личности, зарождение и развитие которого происходит под преимущественным влиянием факторов профессиональной среды, с его становлением неразрывно связано развитие внутриличностной дисгармонии, препятствующей восприятию и принятию значимых для профессионального сообщества сотрудников духовных правил, норм и традиций, а также ценностно-смысловых доминант сообщества, которое сопровождается нарастанием профессионального маргинализма и может находить проявление в уклонении от исполнения профессиональных обязанностей, девиантном поведении, профессиональном выгорании и иных неблагоприятных явлениях;

- 3) важнейшую роль в превенции зарождения и развития профессионального морального отчуждения курсантов – будущих специалистов УИС в образовательном процессе ведомственных вузов призвано играть профессиональное воспитание, целям которого наиболее соответствуют разработка и реализация комплексной педагогической программы, включающей мероприятия, проведение которых в установленных формах, с использованием традиционных и инновационных методов и средств позволяет обеспечить достижение курсантами достаточно высокого уровня сформированности значимых для предупреждения возникновения и развития профессионального морального отчуждения личностно-профессиональных качеств, а также ценностно-смысловых доминант и морально-психологической устойчивости;

- 4) в системе методологических подходов, положенных в основу разработки и реализации комплексной педагогической программы превенции профес-

сионального морального отчуждения (системный, культурологический, деятельностный, аксиологический, личностно-развивающий и компетентностный) доминирующим должен стать личностно-развивающий подход. Это позволит стимулировать в процессе воспитания курсантов ведомственных вузов становление ценностно-смысловых доминант профессионального сообщества, развивать профессиональную идентичность и предупреждать появление профессионального маргинализма, успешно осуществлять с курсантами преимущественно коллективную воспитательную работу на первом и преимущественно индивидуальную воспитательную работу на втором этапах реализации комплексной программы;

5) результаты субъект-субъектного взаимодействия преподавателей, начальников, воспитателей с курсантами существенно зависят от методического сопровождения реализации разработанной программы (методические рекомендации, методические указания и др.), а также от того, как проводится педагогическая диагностика, какие методики используются для выявления профессионального морального отчуждения, установления уровня сформированности этого личностного феномена, выбора по результатам диагностики эффективных форм, методов и средств организации и проведения воспитательной работы с курсантами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батчаева, Н. А. Личностно-развивающий подход обучения в контексте будущей профессиональной деятельности педагога / Н. А. Батчаева // Научные исследования в образовании. – 2010. – № 5. – С. 20–23.
2. Белов, В. И. Профессиональное воспитание в системе современных воспитательных концепций / В. И. Белов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Том 6, № 14. – С. 163–177.
3. Джерелиевская, И. К. Социальный порядок и отчуждение личности / И. К. Джерелиевская // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 4. – С. 116–124.
4. Дудина, М. М. Основы психолого-педагогической диагностики : учебное пособие / М. М. Дудина, Ф. Т. Хаматнуров. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. – 190 с. – ISBN 978-5-8050-0611-2.
5. Исаев, И. Ф. Интегративная модель профессионального воспитания в образовательных организациях, реализующих программы среднего профессионального образования / И. Ф. Исаев // Новые горизонты профессионального образования. XII Международный конгресс-выставка «GloboEducation – образование без границ» (Москва, 18–19 декабря 2018 г.). – Москва : Минобрнауки России, 2018. – С. 67–84.
6. Коррупция в ФСИН России // Общественный комитет по контролю за делами коррупционной направленности и реализации программы Президента Российской Федерации : сайт. – URL: http://corrupcii.net/corruptcia_v_fsin_rossii_database (дата обращения: 15.09.2021).
7. Кубякин, Е. О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде : монография / Е. О. Кубякин. – Краснодар : КРУ МВД России, 2011. – 181 с. – ISBN 978-5-9266-0415-0.
8. Кураков, Л. П. Экономика и право : словарь-справочник / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – Москва : Вуз и школа, 2004. – 1072 с. – ISBN 5-94378-062-9.
9. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин. – Москва : Книга, 1980. – 238 с.
10. Мещерякова, Е. И. Понятийно-смысловое поле превенции девиантного поведения обучающихся в ведомственных вузах / Е. И. Мещерякова // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 116–126. – doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-116-126.
11. Мещерякова, Е. И. Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях / Е. И. Мещерякова // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 3. – С. 425–431. – doi: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.
12. Пешкова, Н. В. Личностно-развивающий подход в физическом воспитании студентов вузов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Пешкова Наталья Валлиевна. – Москва, 2003. – 22 с.
13. Путин счел необходимым пересмотр человечеством нравственных ценностей // Интерфакс : сайт. – URL: <https://interfax.ru/russia/733741> (дата обращения: 01.09.2021).
14. Слостенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для педагогических вузов / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под редакцией В. А. Слостенина. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Академия, 2004. – 566 с. – ISBN 978-5-7695-4762-1.
15. Следователи возбудили 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников ФСИН в 2020 году // ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10121205> (дата обращения: 05.09.2021).
16. Таланова, К. С. Ценностное ядро духовно-нравственного кризиса: дефиниции, типологии, система ценностей / К. С. Таланова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014. – № 3. – С. 179–200. – doi: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34.
17. Титов, В. Ф. Отчуждение как фундаментальная предпосылка развития социума / В. Ф. Титов // Вестник Мурманского государственного технического университета. – 2014. – № 4 (17). – С. 778–782.
18. Шашенкова, Е. А. Исследовательская деятельность / Е. А. Шашенкова. – Москва : Перспектива, 2010. – 88 с. – ISBN 978-5-98594-242-2.
19. Berger, P. Reification and sociological criticism of consciousness / Peter Berger, Stanley Pullberg // History and Theory. – 1965. – Volume 4, no. 2. – Pp. 196–211.
20. Sykes, G. Alienation: the cultural climate of our time / Gerald Sykes. – New York : G. Braziller, 1964. – 984 p.
21. Technology and innovation in the development of cognitive activity / Sergeeva M. G., Vilkova A. V., Litvishkov V. M., Kovtunen L. V., Lukashenko D. V., Klimova E. M. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Volume 8, № 12. – Pp. 1050–1055.

REFERENCES

1. Batchaeva N.A. Personality-developing approach of teaching in the context of the future professional activity of a teacher. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii=Scientific Research in Education*, 2010, no. 5, pp. 20–23. (In Russ.).
2. Belov V.I. Professional education in the system of modern educational concepts. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena=Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2006, vol. 6, no. 14, pp. 163–177. (In Russ.).
3. Dzhelievskaya I.K. Social order and alienation of an individual. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya=Socio-Humanitarian Knowledge*, 2009, no. 4, pp. 116–124. (In Russ.).
4. Dudina M.M., Khamaturov F.T. *Osnovy psikhologo-pedagogicheskoi diagnostiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of psychological and pedagogical diagnostics: textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2016. 190 p. ISBN 978-5-8050-0611-2.
5. Isaev I.F. Integrative model of vocational education in educational organizations implementing secondary vocational education programs. In: *Novye gorizonty professional'nogo obrazovaniya: 12 Mezhdunarodnyi kongress-vystavka "Globoaleducation – obrazovanie bez granits" (Moskva, 18–19 dekabrya 2018 g.)* [New horizons of vocational education: 12th International Congress-Exhibition "Globoaleducation – education without borders" (Moscow, December 18–19, 2018)]. Moscow: Minobrnauki Rossii, 2018. Pp. 67–84. (In Russ.).
6. Corruption in the Federal Penitentiary Service of Russia. *Obshchestvennyi komitet po kontrolyu za delami korrupsionnoi napravlenosti i realizatsii programmy Prezidenta RF: sait* [Public Committee for the Control of corruption cases and the implementation of the program of the President of the Russian Federation: website]. Available at: http://corppcii.net/corruptia_v_fsir_rossii_database (In Russ.). (Accessed September 15, 2021).
7. Kubyakin E.O. *Osobennosti formirovaniya i proyavleniya ekstremizma v molodezhnoi srede: monografiya* [Features of the formation and manifestation of extremism among young people: monograph]. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2011. 181 p. ISBN 978-5-9266-0415-0.
8. Kurakov L.P., Kurakov A.L., Kurakov V.L. *Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik* [Economics and law: dictionary-reference]. Moscow: Vuz i shkola, 2004. 1072 p. ISBN 5-94378-062-9.
9. Lenin V.I. *Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura*. [Party organization and party literature]. Moscow: Kniga, 1980. 238 p.
10. Meshcheryakova E.I. Conceptual and semantic field of prevention of deviant behavior of students in departmental universities. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal=Russian Journal of Deviant Behavior*, 2021, no. 1, pp. 116–126. (In Russ.). DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-116-126.
11. Meshcheryakova E.I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 425–431. (In Russ.). DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.
12. Peshkova N.V. *Lichnostno-razvivayushchii podkhod v fizicheskom vospitanii studentov vuzov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Personality-developing approach in physical education of university students: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 22 p.
13. Putin considered it necessary for humanity to revise moral values. *Interfaks: sait* [Interfax: website]. Available at: <https://interfax.ru/russia/733741> (In Russ.). (Accessed September 1, 2021).
14. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyarov E.N. *Pedagogika: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh vuzov* [Pedagogy: textbook for pedagogical universities]. Moscow: Akademiya, 2004. 566 p. ISBN 978-5-7695-4762-1.
15. Investigators initiated 99 criminal cases against 56 employees of the Federal Penitentiary Service in 2020. *TASS: sait* [TASS: website]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/10121205> (In Russ.). (Accessed September 5, 2021).
16. Talanova K.S. Core of values spiritual and moral crisis: definitions, typologies, values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2014, no. 3, pp. 179–200. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34
17. Titov V.F. Alienation as a fundamental prerequisite for the development of society. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Vestnik of MSTU*, 2014, no. 4 (17), pp. 778–782. (In Russ.).
18. Shashenkova E.A. *Issledovatel'skaya deyatel'nost'* [Research activity]. Moscow: Perspektiva, 2010. 88 p. ISBN 978-5-98594-242-2.
19. Berger P., Pullberg S. Reification and sociological criticism of consciousness. *History and Theory*, 1965, vol. 4, no. 2, pp. 196–211.
20. Sykes G. *Alienation: the cultural climate of our time*. New York: G. Braziller, 1964. 984 p.
21. Sergeeva M.G., Vilkova A.V., Litvishkov V.M. et al. Technology and innovation in the development of cognitive activity. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no. 12, pp. 1050–1055.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МЕЩЕРЯКОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж, Россия, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor of the Department for Humanities and Socio-Economic Disciplines the Military Training and Research Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department for Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Статья поступила 30.06.2022

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764   **science and practice journal**
ISSN (online) 2782-1986   of Vologda Institute of Law and Economics
2022, volume 16, no. 2 (58)   of the Federal Penitentiary Service of Russia

---

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgenii L. Khar'kovskii – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Professor at the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;

Boris Ya. Gavrillov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: 39, Dzerzhinskiy street, p. 8, Ivanovo, 153025, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru

Website: <https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication: June 30, 2022

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;

Valentina I. Zubkova – Professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University;

Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);

Lyubov' V. Kovtunenکو – Associate professor at the Department of Penal and Criminal Law at Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Nodar Sh. Kozaev – Deputy Head of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Professor at the Department of Criminal Process at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

The journal is on the list of peer-reviewed academic editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 5.3.9; 5.8.1

CONTENT

JURISPRUDENCE.....118

BOBROV A. M., MEL'NIKOVA N. A.

Is There Any Reason to Single Out Penitentiary Law in the System of Russian Law?.....118

SHAMSUNOV S. KH., MERKUR'EV V. V., AGAPOV P. V., NOVIKOV A. V., RADCHENKO T. V. , SHEVELEVA K. V.

Protected by Criminal Law, Historical Memory of the Peoples of the Russian Federation of the World War II and the Great Patriotic War: Experience of Sociological Research.....127

SARGSYAN A. A.

Prospects for Digitalization of Sentencing and Execution of Punishment.....146

ANTONYAN YU. M.

Introduction to Ethnocriminology.....153

KRUGLIKOV L. L.

On Taking into Account the Victim's View in The Process of Differentiation and Individualization of Criminal Punishment.....161

SHATALOV A. S.

Distinctive Features of Resuming Criminal Proceedings due to New or Newly-Revealed Circumstances...166

AKCHURIN A. V.

Types of Forensic Methods for Investigating Crimes Committed in Penitentiary Institutions by Degree of Generality.....176

SHURUKHNOV N. G. , DECHKIN O. M.

Data on the Injured Convict: Following Results of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm to Life and Health Committed in Places of Deprivation of Liberty.....185

GOLODOV P. V.

Probation in the Russian Federation: Some Problems of the Content and Legal Regulation.....194

STAROSTIN S. A. , ANISKINA N. V.

Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects.....204

PSYCHOLOGY.....213

GANISHINA I. S. , RUSAKOV S. V.

Life Plans of Convicts Serving Sentences in the General Regime Correctional Facility.....213

PEDAGOGY.....220

MESHCHERYAKOVA E. I. , KOVTUNENKO L. V.

Prevention of Cadets' Moral Alienation under the Personality-Developing Approach in Professional Education (Case Study of Professional Education of Future Specialists of the Penal System).....220

Research article

UDC 340.5

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.001

Is There Any Reason to Single Out Penitentiary Law in the System of Russian Law?

ARTEM M. BOBROV

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia
Perm State National Research University, Perm, Russia
prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

NATALIA A. MEL'NIKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia, melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

Abstract

Introduction. Public relations are partly regulated by law, defined as rules of conduct, generally binding, formally defined, accepted in accordance with the established procedure, and guaranteed by the state. The system of Russian law includes a set of independent branches of law. The internal structure of the system of law has its own regularities, its development is conditioned by objective necessity, changes in legislation and social relations themselves, that is, the subject of regulation. The article considers existence and changes in the Russian system of law in connection with active identification of new branches of law in it by “progressive” researchers. The views available in science on the possibility or impossibility of recognizing penitentiary law as a branch are analyzed, and the etymological meaning of the term “penitentiary” for Russian reality is revealed. It is noted that initially there were prison studies, which gradually transformed into the science of penitentiary law. The *purpose* of the article is to define the content of penitentiary law as one of the directions of scientific research and refute the idea that penitentiary law belongs to the branch of Russian law. The *methodological basis* is formed by general scientific and private scientific (logical-legal, comparative, system-structural, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions:* the article authors come to the conclusion that penitentiary law, as an independent branch, complex branch or sub-branch of penal law, has not been formed, and the attempts to substantiate it are artificial and theoretically untenable. It is necessary to focus legal scholars’ efforts on the problems existing

within traditional and established branches of law, and not on artificial replication of new ones. At the same time, in the system of scientific knowledge, penitentiary science is certainly present as a field of study of issues related to the organization and functioning of the Russian penal system of representatives of various branches of law (penal, criminal, administrative, civil law, etc.).

Key words: branch of law; system of law; administrative law; penitentiary law; penitentiary science; subject and method of legal regulation; penitentiary norms; penitentiary relations; penitential; correctional.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.14 – Administrative law, administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Bobrov A.M., Mel'nikova N.A. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 118–126. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.001.

Law is a fundamental and living social phenomenon of objective reality, immanently reflecting state and social reality. Representing an orderly system, it is designed to regulate social relations that develop in various spheres of public life. In the course of historical development of law, its classical branches have been gradually formed: criminal law, administrative law, and civil law. At the same time, the subject of regulating law branches can objectively change; in particular, this applies to the subject of administrative law due to the breadth and diversity of administrative legal relations, increasing role of the protective, human rights function of the branch, and development of administrative justice [13, p. 53; 15, pp. 61–66].

At the same time, it should be noted that formation of the system of law and singling out of its new branches undoubtedly influenced and, obviously, will further influence development of the legal system. As you know, the system of law and the legislative system are not identical concepts. The same can be said about the branch of law and the science of law. However, some authors, unfortunately, do not distinguish between them, thus coming to the erroneous conclusion about formation and existence of new branches of law. For example, this is exactly what happened in one of the last works of K.K. Korablin and A.B. Ostapenko “Development of conceptu-

al foundations of the science of penitentiary (prison) law – prison studies – as an independent branch of Russian criminal law (the second half of the 19th – beginning of the 20th century)” [8, p. 484]. These authors identified the science of penitentiary (prison) law with the branch of law; so, already in the second half of the 19th century it was considered nothing else than an independent branch of Russian criminal law.

In terms of pedagogy, G.F. Shershenevich believe that the huge, ever-increasing material of law does not allow simultaneous study of it without dividing it into parts [31, pp. 513–514]. Over the past decades, all possible branches of law have been designed: advertising law, sports law, transport law, investment law, urban planning law, service law, personnel law, disciplinary law, educational law, digital law, energy law, consumer law, medical law, anti-corruption law, natural resource law, nuclear law, juvenile law, tort law, anti-criminal law, evidentiary law, bioethical law and even law to treat animals, etc. This list can be continued. The analysis of publications in the legal literature over the past two decades alone makes it possible to name more than a hundred new branches of law. Given a huge number of legal institutions in the system of law, it can be concluded that the number of new branches singled out on their basis will only increase in works of “progressive” scientists. What will

remain inside the classical branches of law and how will this contribute to understanding of the system of law as a whole?

Identification of the so-called “militarized” branches of law, such as penitentiary law [5; 23; 33], military law [14; 24], migration law [3; 25; 27], police law [2; 9; 32] is no exception for domestic jurisprudence. At the same time, it is clear that all these names refer meaningfully to the sphere of public administration in the administrative and political sphere, traditionally considered in a special part of administrative law. In addition, in accordance with the previously valid passport of the specialty 12.00.14 – Administrative law, administrative process – these issues are the area of administrative and legal regulation, within which the activities to protect security of the individual, state and society are studied. At present, it is administrative law that mostly divided into new branches or sub-branches. We believe that none of the branches of law cited as an example is today either a branch or even a sub-branch of law; moreover, in fact, it is largely pseudoscientific in nature. When training a future professional lawyer, one should always remember about responsibility to society and the state, because a bad lawyer, entangled in the “web” of industry knowledge, is no better than a bad surgeon, amputating or, conversely, sewing the wrong part of the human body. We share the position of the well-known theorist of the state and law N.I. Matuzov that legal nihilism and legal idealism are two sides of the same coin [10, p. 4]. Moreover, the latter is its naive side, without overcoming which the idea of a rule-of-law state is not feasible.

Within the framework of this work, we would like to focus only on the issue of possible distinguishing of “penitentiary law” in the Russian system of law. It is necessary to defend the “honor” of classical branches of law in a reasoned manner. Therefore, in this paper we will consider the etymology of the word “penitentiary”, as well as refer to the classical criteria for distinguishing a branch of law – the subject and method of legal regulation.

Formation of a new branch is usually associated with a certain science. Initially, the issues of execution of punishments related to isolation from society were considered within the framework of “prison science”, hereinaf-

ter referred to as “penitentiary science”. According to the pre-revolutionary and Soviet lawyer S.V. Pozdnyshev, penitentiary science is an achievement of modern times [19, p. 7]. The English philanthropist John Howard can rightfully be considered its founder. An invaluable contribution to the development of new science was also made by the English utilitarian philosopher Jeremy Bentham (1748–1832) [34] and one of the followers of the Religious Society of Friends, whose representatives were also called Quakers (from English *quake* – to tremble) William Penny (1644–1718) [35]. According to Quakers, founders of the Philadelphia prison system, the crime is apostasy, and therefore the criminal must be corrected religiously by solitary confinement in prison, called “penitentiary” (from Latin *poenitentiarius* – penitential, correctional) or house of repentance, alone with God and the Bible [19, pp. 7–10]. According to R.A. Romashov, in the context of this understanding, the federal service of punishment execution is translated as “federal penitentiary service” [12, p. 22]. At the same time, as T.N. Demko rightly points out, the term “penitentiary”, having become familiar with the execution of criminal punishment, etymologically and by application in the past has other semantic accents [7, p. 135].

In pre-revolutionary Russia, as well as abroad, initially the science of execution of sentences in the form of imprisonment was called “prison studies”. Sergei V. Poznyshev used a term “penitentiary science” in his work “Fundamentals of penitentiary science” at the beginning of the 20th century [19, p. 10]. At the same time, there is not a word about “penitentiary law” there. Nothing is said about such a branch of law in a later period. The term “penitentiary science” was initially replaced by the term “science of correctional labor law”, and already in modern Russia – by “criminal correctional law”. Moreover, the Soviet system for punishment execution, opposed to the bourgeois system, in every possible way avoided using, wherever it was, the concept of “penitentiary”. Interest in penitentiary science and penitentiary law reappears in the works of modern legal theorists-representatives of departmental science, as well as criminal and penal law.

Among the most significant and voluminous works at the beginning of the 21st century, the Encyclopedia of penitentiary law is “the first scientific reference publication in domestic and world practice”, prepared by 119 authors under the general editorship of R.A. Romashov, substantiating existence of penitentiary law [33, p. 14].

What is penitentiary law in the works of modern authors? It seems that the most appropriate definition of penitentiary law is proposed by R.B. Golovkin. In his opinion, “penitentiary law is a system of legal norms regulating penitentiary relations” [5, p. 25]. However, he does not disclose what penitentiary norms and relations are. In his interpretation, everything is reduced to studying specifics of the impact of penitentiary law on public relations and considering certain aspects of the theory and practice of this process. It is not clear, whether he recognizes penitentiary law as an independent branch of law or its sub-branch, as well as what place this phenomenon occupies in the system of Russian law.

Reflecting on penitentiary law, another well-known representative of the science of penal law V.A. Utkin reduces everything only to discussing concepts of penitentiary institutions, traditionally considered as places of deprivation of liberty (primarily prisons), and the penitentiary system as a system of institutions executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty [29, pp. 62–63]. He regards penitentiary law a complex branch of legal knowledge, but *not a branch of law* (emphasis added) and actually identifies it with law of deprivation of liberty. In another work, V.A. Utkin, highlighting socio-political periods of development of the national science of penal law, identifies penitentiary law with penal and correctional labor law [28, p. 70]. R.A. Romashov, for example, does not agree with this approach. In his opinion, the “normative community of penitentiary law, along with norms and institutions of penal law, includes norms of criminal, criminal procedural, constitutional, administrative, civil, labor law and other branches” [20, p. 215]. Here, as can be seen, unfortunately, the trend traditional for Russia has again prevailed: replacement of one name with another (usually borrowed from Western European languages) is consid-

ered a means capable of changing the meaningful nature of the concept [23, p. 69].

At the same time, it is worth noting that constitutional law, for example, is included in the normative community of any branches of law, and the legal branches themselves in their “pure form” have never existed and will not exist.

According to S.M. Oganesyanyan, penitentiary law is a complex branch of Russian law [18, p. 11]. In turn, R.A. Romashov refers penitentiary law to an inter-sectoral normative community [9, p. 41], while not using the concept of complex branch of law. In his opinion, “penitentiary law, in the most general sense of this concept, is a regulatory and protective system that unites legal norms and institutions, which enshrine the rules of possible, proper, unacceptable behavior of subjects of penitentiary relations (penitentiary legal norms), defines fundamental principles and mechanisms for their implementation, establishes incentives for positive behavior and negative responsibility for committing offenses” [22, p. 204].

It should be said that Russian legislation does not have such concepts as “penitentiary law”, “penitentiary system”, etc. So, identification of penitentiary law as a separate branch is clearly hasty and caused not otherwise than by personal ambitions of some authors, artificially eroding the established and time-tested system of Russian law. To be fair, it should be said that in the Concept for development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 4, 2021, the term “penitentiary” is used six times. Basically, this term is applied in relation to activities of penitentiary services and penitentiary systems of foreign countries, as well as to international cooperation in the penitentiary sphere. It is obvious that here the meaning of the term “penitentiary” is unambiguous and does not imply other semantic options, otherwise than service for the execution of criminal penalties [7, p. 137].

There is also no academic discipline called “penitentiary law” in departmental educational institutions of the Russian penitentiary system. There was also no such specialty in the new nomenclature of scientific special-

ties for which academic degrees are awarded [16].

The attempt to consider penitentiary law as a sub-branch of penal law should be considered unambiguously erroneous in theoretical terms [4; 24; 26]. The same can be said about the position of Y.A. Golovastova, who believes that in the future, taking into account development of the structure of the branch under study, we can talk about existence of two more sub-branches of penal law: “alternative penitentiary law” and “alternative penal law” [4, p. 87]. It is impossible to agree with these statements. Penal law, in itself, is a relatively small branch of law in terms of volume, which is not independent.

Theoretically, the problem of distinguishing penitentiary law is inextricably linked with the definition of elements of the system of law in general. As is known, the division of law into branches is traditionally based on such objective criteria as a subject and method of legal regulation. According to S.S. Alekseev, a branch of law is characterized by legal originality (a special method of regulation), a specific subject of regulation and structural features [1, p. 131]. Division of law into branches, based on criteria, such as a subject and method of legal regulation, is the most coherent and logical for constructing a system of law. The rejection of this model requires serious reasons and weighty arguments. We share the stance of A.A. Grishkovets that “along with these quite objective criteria, subjective criteria for the formation of branches of law are also known, which, especially recently, are used by modern authors to justify their proposed new branches of law (for example, presence of a codified normative legal act, liability, subjects of law, etc.)” [6, p. 55]. This entails unjustified allocation of a great number of new branches of law. The subject of legal regulation is the primary criterion to single out a branch of law. It is public relations, which, due to their specifics, form special communication systems between legal norms [17, p. 136].

According to R.A. Romashov, the subject of penitentiary law is complex in nature, it unites institutions and relations regulated by norms of various legal branches [9, p. 145]: penitentiary institutions (material and proce-

dural) and penitentiary relations (public and private) or public relations in the field of penitentiary life [4, pp. 48–49].

There arises the question about the specifics and uniqueness of the subject of penitentiary law singled out by some scientists? It seems that there is no specifics in this case. Regulated by norms of law, the relevant public relations relate mainly to constitutional, administrative, criminal, and civil law. Of course, in many ways they are intertwined, but at the same time they remain within their respective established branches.

According to Y.A. Golovastova, the subject of legal regulation of penitentiary law, as a sub-branch of penal law, includes a set of public relations, “which regulate part of the subject of penal law, namely: execution and serving of criminal penalties related to isolation from society; application of means of correction to convicts who are isolated from society; ensuring vital activity of convicts who are isolated from society”. The author argues that the “subject of penitentiary law is part of the direction of public relations regulating exclusively execution of criminal penalties related to isolation from society, and outside of it there are norms of penal law regulating execution of criminal penalties not related to isolation from society, and other measures of a criminal-legal nature” [4, pp. 87–90]. This understanding of the subject is extremely weak. Currently, these relations are included in the subject of penal law, which is “not overloaded” in comparison with many other established branches of law.

In the fair opinion of S.S. Alekseev, the concept of “subject of legal regulation” covers system-forming factors in a generalized, summary form. With a more detailed analysis of the structure of law, it turns out to be necessary to take a differentiated approach to the circumstances included in the subject of regulation, highlighting, in particular, the content and nature of behavior, position of subjects, objects, conditions for the emergence and functioning of relations, etc. [1, p. 135].

A special method of legal regulation is the second objective criterion for distinguishing a branch of law in the system of law. An independent subject of the branch will form only the kind of public relations that requires a

unique method of regulation. In order to recognize the totality of legal norms as a branch of law, such a qualitatively specific type of public relations is necessary, which in these conditions objectively requires a legal regulatory framework, and above all regulation by means of a special method [1, p. 133]. In penitentiary law, R.A. Romashov considers methods of legal regulation as such: a set of methods used in other branches of law, both imperative (methods of criminal prosecution and justice, authoritative administration, material and procedural legal restriction, etc.) and dispositive (legal support and protection of the rights and legitimate interests of convicts, contractual regulation in the field of educational relations, resocialization and adaptation after release from prison, etc.) [11, p. 48]. Without dwelling on names of the methods, we should note that there is no uniqueness in this criterion either. Having analyzed various points of view on singling out penitentiary law, we come to an unambiguous conclusion that such a branch of law does not exist and cannot exist, since there are no penitentiary relations. At one time, the classic of the theory of law S.S. Alekseev made a correct note that the “really existing types of public relations do not allow the use of various methods, they objectively require only a precisely defined legal method” [1, p. 136].

Conclusions

Thus, there is every reason to unequivocally believe that penitentiary law singled out by some scientists has neither its own subject nor a method of regulation. All proposals for its separation in one form or another in the system of law are reduced to a comprehensive understanding of their content, which simultaneously has both public-legal and private-legal components. This approach, which is very doubtful in terms of its theoretical validity, not only fails to promote development of legal science, but on the contrary, hinders it seriously, since there is no clearly defined the nature of the phenomenon under study. What is more, R.A. Romashov is clearly inconsistent in defining penitentiary law. In one case, penitentiary law, in his opinion, is a regulatory and protective system that unites legal norms and institutions, which enshrine rules of possible, proper, unacceptable behavior of sub-

jects of penitentiary relations (penitentiary legal norms), defines fundamental principles and mechanisms for their implementation, establishes incentives for positive behavior and *negative responsibility for crime commission* (emphasis added) [33, p. 28]. In another case, R.A. Romashov states that “only positive (in terms of legal assessment) forms of communication should be considered as penitentiary legal relations. Illegal relations expressed in offenses are considered as legal facts that cause emergence of protective legal relations in the field of legal responsibility” [23, p. 73]. Distinguishing between penitentiary legal relations and offenses in the penitentiary sphere, R.A. Romashov uses the term “protection-oriented penitentiary legal relations”, which result from the fact of a penitentiary offense [21, pp. 47–54]. So, it remains unclear whether the relations arising in the penal enforcement system in connection with illegal acts are penitentiary or they are not included in the subject of penitentiary law?

In conclusion, we would like to note the following. Law is not only a property of the world community, dynamically developing together with the state, but also a fairly conservative social phenomenon. It should not be modified only for the sake of someone’s political, ideological, departmental, theoretical and any other dubious, especially pseudoscientific ambitions. Law is a guarantee of civilized relations between people. Without disparaging the cited above authors’ contribution to the development of penitentiary science, we believe that neither at present nor in the long term there is any reason to single out “penitentiary law” either as a new branch or even as a sub-branch of law. Inconsistency of this theoretical construction is also confirmed by the fact that representatives of academic and university science of the theory of law and the state do not support the “departmental” concept; moreover, they do not even find it necessary to pay at least minimal attention to it. It seems that it may be possible to consider penitentiary law in the system of law within the framework of public administration in the administrative and political sphere, which is included in a special part of administrative law. It seems reasonable to concentrate

scientific thought, including “departmental” thought, not on endless expansion of branches of law, but on problems existing in classical branches of law. For example, administrative law remains the most unsystematic branch of Russian law, in which even many issues of the general part remain poorly developed. For example, this is the case with administrative

legal relations, which remain largely unexplored at the doctrinal level. Within the framework of penal law, it is also important to develop the main provisions related to execution of criminal penalties, but not to replace or mix penal legal relations with administrative legal relations.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: course of lectures. In: *Sobranie sochinenii. V 10 tomakh [+ Spravochnyi tom]. Tom 3* [Collected works. In 10 volumes [+ Reference volume]. Volume 3]. Moscow: Statut, 2010. 781 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8354-0672-2.
2. Bel'skii K.S. *Politseiskoe pravo: lektzion. kurs* [Police law: course of lectures]. Moscow: Delo i Servis, 2004. 814 p. ISBN 5-8018-0239-8.
3. Vokuev M.R. *Migratsionnoe pravo sovremennoi Rossii: teoretiko-pravovoi analiz: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk* [Migration law of modern Russia: theoretical and legal analysis: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov on Don, 2006. 28 p.
4. Golovastova Yu.A. Penitentiary law as a sub-branch of the criminal-executive law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve=Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 2, pp. 87–90. (In Russ.).
5. Golovkin R.B. Penitentiary law: some aspects of the theory and practice of its operation. *Rossiiskaya penitentsiarnaya sistema: aktual'nye pravovye i prakticheskie voprosy=Russian Penitentiary System: Current Legal and Practical Issues*, 2014, 1, pp. 25–32. (In Russ.).
6. Grishkovets A.A. On the issue of the so-called “administrative-tort law”. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii=Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (53), pp. 54–61. (In Russ.).
7. Demko T.N. Medieval penitentiales and penitentiary service: intersection of meanings. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology*, 2018, no. 1 (42), pp. 135–144. (In Russ.).
8. Korablin K.K., Ostapenko A.B. Developing the conceptual foundations for the science of penitentiary (prison) law - prison studies - as an independent branch of russian criminal law (second half of the XIX - beginning of the XX century). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal=Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 484–494. (In Russ.).
9. Matveev S.P. *Politseiskoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Police law: textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2021. 269 p. ISBN: 5-5341-4343-6.
10. Matuzov N.I. Legal nihilism and legal idealism as two sides of the “same coin”. *Pravovedenie=Legal Science*, 1994, no. 2, pp. 3–16. (In Russ.).
11. Shestun A.G., Bazunov V.V., Belyakov A.Yu. *Mezhdunarodnye standarty i resheniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v sisteme penitentsiarnogo prava Rossii* [International standards and decisions of the European Court of Human Rights in the system of penitentiary law of Russia]. Ed. by A.A. Votnova, E.A. Timofeeva. Samara, 2015. 285 p. ISBN 978-5-91612-118-6.
12. Kirillovskaya N.N. *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s zaklyuchennyimi pri ispolnenii ugolovnykh nakazanii: monografiya* [International standards for treatment of prisoners when executing criminal penalties: monograph]. Ed. by R.A. Romashov. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2020. 186 s. ISBN 978-5-94991-537-0.
13. Mel'nikova N.A., Zhitkov A.A. Prospects for the development of administrative justice in the Russian Federation. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii=Bulletin of the Perm*

- Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 2017, no. 2 (25), pp. 51–57. (In Russ.).
14. Migachev Yu.I., Tikhomirov S.V. *Voennoe pravo: uchebnik* [Military law: textbook]. Moscow: YurLitinform, 2005. 462 p. ISBN 5-93295-123-0.
15. Nagornyykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk* [Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences]. Moscow: Yurist, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
16. *Ob utverzhdenii nomenklatury nauchnykh spetsial'nostei, po kotorym prisuzhdayutsya uchenye stepeni, i vnesenii izmeneniya v polozhenie o sovete po zashchite dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoi stepeni doktora nauk, utverzhdennoe prikazom Ministerstva obrazova-niya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 10.11.2017 № 1093: prikaz Minobrnauki Rossii ot 24.02.2021 № 118* [On approval of the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, and amendments to the Regulations on the Council for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences, approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093: order of the Ministry of Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed December 12, 2021).
17. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [General theory of law and state: textbook]. Ed. by V.V. Lazarev. Moscow: Yurist, 1994. 360 p.
18. Oganesyanyan S.M. *Penitentsiarnaya sistema gosudarstva: istoriko-teoreticheskii i pravovoi analiz: dis... d-ra. yurid. nauk* [The penitentiary system of the state: historical, theoretical and legal analysis: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2005. 554 p.
19. Pozdnyshev S.V. *Osnovy penitentsiarnoi nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 1923. 342 p.
20. Romashov R.A. Incentive sanctions in the norms of penitentiary law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie=News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2014, no. 4 (315), pp. 213–224. (In Russ.).
21. Romashov R.A. Theory of penitentiary legal relations. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 4 (18), pp. 47–54. (In Russ.).
22. Romashov R. A., Tonkov E. N. *Tyur'ma kak "Grad zemnoi"* [Prison as an "earthly city"]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2014. 656 p. ISBN 978-5-90670-534-1.
23. Romashov R.A. Penal and penitentiary law: theoretical aspects of understanding and correlation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 3. (17), pp. 69–73. (In Russ.).
24. Savenkov A.N., Kudashkin A.V. Military Law: statement of the problem and solutions. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 2021, no. 4, pp. 7–34. (In Russ.).
25. Spitsnadel V.B. *Genezis ugolovno-ispolnitel'nogo prava v kontekste stanovleniya i evolyutsii penitentsiarnoi sistemy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Genesis of penal law in the context of the formation and evolution of the Russian penitentiary system: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2004. 50 p.
26. Stepanov A.V. Migrational law as a new structural formation in the system of law in the Russian Federation: pro et contra (analysis of viewpoints). *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Procedure*, 2014, no. 11, pp. 32–35. (In Russ.).
27. Struchkov N.A. *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava: Problemy obshch. chasti* [Course of correctional labor law: problems of general parts]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984. 240 p.
28. Utkin V.A. Russian science of penal law: a historical essay. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2017, no. 9, pp. 69–77. (In Russ.).
29. Utkin V.A. Penitentiary law as "the right for deprivation of liberty". In: *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimeritel'noi praktiki : sbornik nauchnykh*

- trudov* [Actual problems of the theory of combating crime and law enforcement practice: inter-university collection of scientific works]. Krasnoyarsk, 1998. Pp. 62–63. (In Russ.).
30. Khabrieva T.Ya. *Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya* [Migration law: comparative legal research: monograph]. Moscow: IZiSP, 2019. 400 p. ISBN 978-5-9516-0858-1.
31. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava. V 4 tomakh. Tom 1* [General theory of law. In 4 volumes. Volume 1]. Moscow: Izdanie Brat'ev Bashmakovykh, 1910. 805 p.
32. Shpilevskii M.M. *Politseiskoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya* [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Odessa: tipografiya Ul'rikha i Shul'tse, 1875. 196 p.
33. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava* [Encyclopedia of penitentiary law]. Ed. by R. A. Romashov. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2013. 688 p. ISBN 978-5-91612-057-8.
34. Bentham J. *Theorie des peines et des recompenses. Tome 2* [Theory of penalties and rewards. Volume 2], 1811. 368 p. (In French).
34. Penn W. *A collection of the works of William Penn. Volume 2*. London: J. Sowle, 1726. P. 783.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem M. Bobrov – Candidate of Sciences (Law,) Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, associate professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Perm State National Research University, Perm, Russia, prepodobnih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-5181>

Natalia A. Mel'nikova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, melnatale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3697-4769>

Received January 27, 2022

Research article

UDC 341.482

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002

Protected by Criminal Law, Historical Memory of the Peoples of the Russian Federation of the World War II and the Great Patriotic War: Experience of Sociological Research

SALIKH KH. SHAMSUNOV

Center for Providing Educational Work of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

VIKTOR V. MERKUR'EV

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

PAVEL V. AGAPOV

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kafedrap212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1836-1536>

ALEKSEI V. NOVIKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

TAT'YANA V. RADCHENKO

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

KSENIYA V. SHEVELEVA

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

Abstract

Introduction: the article analyzes problems of falsification of historical facts and history of the Great Patriotic War. Nowadays, the international public debate is devoted to the role of the USSR, its army in World War II, their contribution to the victory over fascism, and significance of the results of the Great Patriotic War. Attempts to rewrite the history of the war, diminishing the importance of the Soviet army, are connected with the desire of certain Western countries to discredit the Russian Federation in the international arena. Russia, as the successor of the USSR, is obliged to preserve historical truth about events of the Second World War; therefore, the policy of protecting it is being carried out at the state level. In 2014, the Criminal Code of the Russian Federation introduced liability for “falsification of historical information established by the verdict of the International Military Tribunal”, but the norm is limited only to the facts established by the International Military Tribunal in Nuremberg. In this regard, the study of criminal-legal aspects of protecting historical memory is relevant from the point of view of criminal legislation development. *Purpose:* to substantiate the expansion of criminal liability for falsification of historical information about events of the Second World War and the Great Patriotic War. *Research results:*

in order to consider the proposed issue, the authors conducted a sociological study to identify respondents' opinion on establishment of criminal protection of historical memory of the events of the Second World War and determined a vector of legislative initiatives afterwards. *Conclusions*: the ways to protect history of the Great Patriotic War require improvement of criminal law norms providing for liability for encroachments on historical heritage of the Russian Federation, in particular, by including in the Criminal Code of the Russian Federation a new special norm capable of protecting not only the facts established by the International Military Tribunal, but also a number of others confirmed by official historical sources.

Key words: criminal liability; World War II; Great Patriotic War; falsification of history; historical memory.

12.00.01 – Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal enforcement law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shamsunov S.Kh., Merkur'ev V.V., Agapov P.V., Novikov A.V. Radchenko T.V., Sheveleva K.V. Protected by criminal law, historical memory of the peoples of the Russian Federation of the world war ii and the great patriotic war: experience of sociological research. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 127–145. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002.

Dedicated to the memory of the defenders of the Fatherland

Problem statement

At the end of the 21st century, the geopolitical situation in the world changed significantly, which, first of all, was facilitated by the collapse of the USSR. The reshuffle of forces in the international arena led to establishment of a unipolar world with the hegemony of the United States and its allies, who seek to consolidate their superiority in all spheres of public life.

Having taken a course towards total hegemony, politicians of the Western countries are making every effort to strengthen their positions, including through a certain reformatting of historical consciousness of the peoples, primarily living in the former Soviet Union. The US leadership and their satellites seek to impose on other peoples their own non-objective view on the causes, nature, events and consequences of the Second World War, and, most importantly, on the place and role of the USSR in this large-scale military conflict. The resolutions of the European Community became the apotheosis of the totalitarian approach to the historical past, state institutions' active intervention in scientific disputes and discussions of historians. So, on September 19, 2019, to commemorate the 80th anniversary of the outbreak of World War

II, European parliamentarians approved the text of the document (resolution) condemning the USSR and Nazi Germany for unleashing World War II. In addition, the resolution accuses the Soviet Union of building a "dictatorship" in Eastern European countries in the post-war period. In other words, responsibility for the outbreak of the war is shifted to the Soviet Union; the USSR turns from a victim of the war into its culprit. Liberation of the world from fascism is presented in the resolution as the victory of one totalitarian state over another, as a social phenomenon of a regressive rather than progressive nature.

Without going into historical controversy, in our opinion, we should pay attention to other aspects of the consequences of such a policy for the entire population of our planet, and the Russian Federation in particular.

To begin with, a shift in emphasis in assessing the place and role of the USSR in World War II will inevitably entail a desire to change the international security system created in 1945, and will give the Anglo-Saxon political forces the theoretical basis to change territorial borders of states formed as a result of the victory of the countries of the Anti-Hitler coalition over the Fascist bloc in 1939–1945. Thus, the peoples of the Earth can be plunged into

a world war again, which will inevitably lead to destruction of human civilization.

Furthermore, reformatting of historical consciousness will contribute to preservation of undemocratic forms of the current world order, create difficulties in building a multi-polar system of international relations. The need for its formation is discussed by many progressive politicians.

Besides, rewriting of history has led to the revival and activation of neo-Nazi forces in the world, especially in Eastern Europe, in certain states of the former USSR (Ukraine, Georgia, Lithuania, Latvia, and Estonia). These forces seek to take historical revenge, unleash local military conflicts (Donbass, South Ossetia, Abkhazia, Transnistria), cultivate hatred and enmity between peoples.

A politically biased view of the historical past, enshrined in the most important normative legal acts of the European Parliament, potentially infringes on the political rights of the Russian Federation as a subject of the United Nations (UN), creates legal prerequisites for discrimination against Russian citizens in the international arena. All these possible consequences, some of which are already a fact of reality, require a comprehensive analysis, and, in our private scientific opinion, legal counteraction.

The Russian Federation, represented by the legislative and executive authorities, is aware of political forces' possible interference in the process of reformatting historical consciousness of the peoples of Russia. According to the National Security Strategy of the Russian Federation (approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021), protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory is carried out in order to strengthen the unity of the peoples of the Russian Federation on the basis of all-Russian civic identity, preservation of primordial universal principles and socially significant guidelines for social development. Attempts to falsify Russian and world history are one of the ways to erode traditional Russian spiritual and moral values and weaken the unity of the multinational people of the Russian Federation, which is one of the threats to national security.

This clearly and unambiguously defines the true meaning of socially dangerous activities carried out by persons who mock the memory of our people, including by falsifying

historical facts about the Soviet Union's activities during the Great Patriotic War.

In order to counteract ousting of Russia to the world sidelines, prevent destabilization of the situation inside the country by external forces, the legal regime for protecting historical memory of the events of the Second World War and the Great Patriotic War is established in the country. "In the Russian legal tradition, legal protection implies establishment of a general legal regime for certain public relations. Legal protection is conducted on a constant basis. Legal defense is a regime that is activated in case of violation of the protected relations, rights and freedoms. In the context of protecting and defending historical memory, these legal regimes imply that the objects of protection (tangible and intangible) must be defined, the regime of maintaining historical memory – ensured; and liability for violating the historical memory protection regime – established" [7].

The Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993, is a key document for forming such a regime; its preamble justifies the need to preserve the multinational state unity of our country, as well as educate young people to honor previous generations, "who transmitted love and respect for the Fatherland to us". Article 44 of the Constitution of the Russian Federation obliges every person on the territory of Russia to preserve historical and cultural heritage and protect historical and cultural monuments. According to the basic law of the country respect for acts of heroism performed by previous generation is an obligation of Russian citizens. Since arbitrary and sometimes false interpretation of events of the Great Patriotic War is being intensified by external forces, the legislators decided to include amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted as Law No. 1-FKZ of March 14, 2020 "On improving regulation of certain issues of the organization and functioning of public power", which states that "The Russian Federation honors memory of defenders of the Fatherland, provides protection of historical truth. Diminishing significance of feat of heroism of the people in the defense of the Fatherland is not allowed.

In addition to the Constitution, legal protection of historical memory of the peoples of the Russian Federation on the events of 1941–1945 is provided by federal laws No. 80-FZ of May 19, 1995 "On perpetuating the

victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945”, No. 68-FZ of May 7, 2007 “On the Victory Banner”, of March 13, 1995 No. 32-FZ “On the days of military glory and memorable dates of Russia”, etc. The regime of protection of historical heritage is established by the Federal Law No. 73-FZ of June 25, 2002 “On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation”.

At the same time, numerous cases of falsification and rewriting of the history of the Great Patriotic War have strengthened the stance of Russian state structures on the impossibility of allowing encroachments on historical heritage of the country, making protection of historical truth a priority state policy.

Creation of the Commission under the President of the Russian Federation to counter attempts to falsify history to the detriment of Russia’s interests in 2009 became a preventive measure for non-proliferation of false information about activities of the USSR during the Great Patriotic War. Although some scientists perceived this measure as an attempt to form a state ideology and interfere in science, the very fact of combating falsification of historical facts was supported. According to the all-Russian survey conducted by the Russian Public Opinion Research Center, the majority of those aware of the Commission creation (78%) positively assessed this step of the President of the Russian Federation, considering it a timely measure. Moreover, according to the respondents, the Great Patriotic War (34%) needed protection from falsification of distortion of history first of all [23].

Since the 2010s, the policy of protecting historical memory in the Russian Federation has acquired a multilateral character, which was reflected in the establishment of the Russian Historical Society (RHS), the Russian Military Historical Society (RMHS), adoption of a number of laws protecting objects of the country’s historical heritage. At the same time, the national project “No Statute of Limitations” and the public initiative to hold the annual action “Immortal Regiment” were supported. Speaking on July 2, 2020 at a meeting of the Russian Organizational Committee “Victory”, the President of the Russian Federation V.V. Putin said: “The memory, which is carefully passed down from generation to generation, is the strongest guarantee that together we will never allow the meaning and

results of the Victory to be changed, to belittle the feat of the Soviet people who defended their Homeland, saved the peoples of Europe, and suffered irreparable – and not only combat – losses” [26].

Ensuring safety of citizens and protecting them from criminal encroachments on historical heritage led to introduction of criminal liability for rehabilitation of Nazism (Article 354 of the Criminal Code of the Russian Federation) in 2014. Violation of the law prohibiting justification of Nazism, deliberate spread of false information about activities of the USSR during the war and post-war period, as well as a number of acts committed in order to express obvious disrespect for public memory found expression in the objective side of the crime under consideration, in particular:

1. denial of the facts established by the verdict of the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European axis countries, committed in public;
2. approval of crimes established by the specified sentence;
3. dissemination of deliberately false information about activities of the USSR during the Second World War, committed in public;
4. spread of information expressing obvious disrespect for society about the days of military glory and memorable dates of Russia related to protection of the Fatherland;
5. desecration of symbols of military glory of Russia;
6. insulting memory of defenders of the Fatherland;
7. humiliation of honor and dignity of a veteran of the Great Patriotic War.

Responsibility for the listed acts was introduced in order to eliminate a legislative gap – absence of criminal law norms establishing responsibility for approving crimes provided for by the International Military Tribunal for the trial and punishment of the main war criminals of the European Axis countries. Introduction of this norm, in our opinion, was a timely step, since the methods of committing such crimes have become more sophisticated, encroaching on security of the whole society.

In 2013, the first trial was held in the case of rehabilitation of Nazism. Citizen L. published an article entitled “15 facts about Bandera, or what the Kremlin is silent about” on December 24, 2013 on the personal page of the Vkontakte social network. According to statistics, the publication was seen by more

than 20 users. Employees of the Investigative Committee of the Russian Federation initiated a criminal case. The case materials stated that the citizen, having reposted article, spread “deliberately false information” about activities of the USSR during the Second World War (Archive of the Semenovskii District Court of Nizhny Novgorod Oblast. Criminal case No. 1-55/2013). It should be noted that the process took place at the time when a coup d’etat was committed in Ukraine and neo-Nazi ideas were actively introduced into the practice of state-building in the post-Soviet space, in particular, Eastern Europe.

Meanwhile, having a fairly broad regulatory framework for preserving historical memory, none of the current legal acts enshrines the concept of “historical memory”. In general, the phenomenon of historical memory is one of the most poorly researched spheres of public consciousness in relation to jurisprudence. The current state of affairs can hardly be considered acceptable, especially in the situation when Russian society faces encroachments on its own history, and is also in the state of intensive search for ways to preserve its own historical identity.

From a scientific point of view, the concept of “historical memory” cannot be unambiguously deciphered. Foreign sociologists consider memory as an individual and collective phenomenon. Thus, J. G. Mead considers memory as a phenomenon of individual consciousness that is located in the “depths of the spirit” and is a repository of “traces” and “imprints” to understanding that the content of memory and its internal organization is determined from the outside, through tools provided by culture, prevailing norms, socio-political context, etc. [18, p. 119]. Individual memory in aggregate forms its collective form, through shared memories of events experienced together. In turn, E. Renan noted that the existence of a nation is impossible without shared memories, although there is a collective oblivion of some moments of the past [1, pp. 113–116].

Russian researchers also studied the concept and content of historical memory, often in the context of historical consciousness. For example, M.A. Barg notes that “public consciousness is historical not only because its content improves and progresses over time, but also because it “turns” to the past with its certain side, “plunges” into history” [2, p. 59].

L.P. Repina believes that “at the heart of every description of history there is historical consciousness that unites the present and the past, which, in turn, are then projected into the future” [21, p. 119]. In general, scientists speak of historical memory as an individual memory of an individual subject, which was transformed into a collective one by forming public consciousness of persons who experienced a certain event in the past. In addition to those who directly experienced a particular event, knowledge about it is passed down from generation to generation, which also forms historical memory of society.

Meanwhile, it is difficult to understand the term “historical memory”, as it itself is synthesized from various sources and includes a subjective point of view related to individual characteristics of perception of certain events. In our opinion, in order to exclude subjectivity of reproducing events, individual experience should not form the basis of historical memory, but that of historical information space created through communication and educational environment. Historical information comprises official science, products of human creative activity (literature, art), as well as political interest of the country. This creates a final product “historical memory”, represented by tangible and intangible objects: memorial structures, historical sources, public holidays, etc.

From a legal point of view, the situation is also not that simple. Since there is an object of legal protection in the form of historical memory of the peoples of the Russian Federation about events of the Second World War and the Great Patriotic War, it is necessary to consider gaps in criminal legislation that do not allow the norm to be fully applied.

Thus, the current criminal liability for falsifying historical information about events of the Second World War and the Great Patriotic War is limited only to the facts announced in the verdict of the Nuremberg Tribunal. However, many scientists and experts agree that it is important to expand the scope of application of criminal legal means in relation to deliberate distortions of historical facts about events of the Great Patriotic War, deliberately false assessments and statements regarding the place and role of the USSR in World War II, which were the result, first of all, of the collapse of the USSR, and, in turn, were not the subject of consideration by the International Military Tribunal in Nuremberg. Moreover,

many experts in this case refer to criminal law regulations, norms and precedents created in individual European states. We believe, in view of the above, that such a position deserves every attention.

At the same time, these proposals provoked a great public outcry in the Russian community. Some citizens are afraid of possible state censorship on subsequent products of scientific and creative activity of people in the historical sphere. Others believe that introduction of new criminal law norms in the field of protection of historical memory will contribute to strengthening repressive functions of the state. In other words, legal innovations in this area are met with caution in Russian society.

This sociological study is aimed at identifying public attitude to introducing criminal liability for falsification of historical information about events of the Second World War and the Great Patriotic War and those facts that were not considered at the international trial in Nuremberg.

Methods: the article is based on results of the sociological study conducted by in January 2022. An online questionnaire survey was completed by participants of the online panel "Webanketa.com". Methods of analysis, synthesis, generalization and comparison were used to process received results.

Public opinion on the need to improve criminal legislation in relation to preventing distortion of historical facts about events of the Second World War and the Great Patriotic War is the research subject.

The work is based on the hypothesis that establishment of criminal liability for falsification of historical information can effectively counteract distortions of history in modern society and will cover a wider range of criminal acts in the field of protection of historical memory of the peoples of the Russian Federation. Accordingly, it pursues to identify respondents' opinion on the need to counter attempts to falsify history, historical events that need criminal protection, prerequisites for committing crimes in this sphere, goals pursued by falsifiers of history, key directions of history distortion, and practical measures, capable of qualitatively countering falsification of historical information.

The online survey involved 628 people, in particular teachers of higher educational institutions, university students, law enforcement officers, practicing lawyers, as well as persons who have accounts in social net-

works, such as "Vkontakte", "Instagram", "Odnoklassniki". The respondents filled in the questionnaire prepared by the authors of the study at: <https://webanketa.com>.

Fifteen questions in the questionnaire are distributed in the following areas: social prerequisites for falsification of history as an illegal (criminal) phenomenon; qualitative definition of events in need of criminal legal protection of the state; goals and directions of distortion of the history of the Great Patriotic War; consequences of spreading deliberately false information about activities of the USSR during the war for society; measures for prevention of offenses and crimes in the field of protection of historical truth. The last set of questions is devoted to the age of citizens, their gender distribution, level of education and field of activity. Respondents are given the opportunity to express their own opinion on a number of issues. Logically, the questions are arranged according to the principle from general to particular. Some of them have several answer options.

The authors suggest that the results of the study can contribute to obtaining scientifically sound proposals on the need to criminalize the acts under study at the legislative level and determining the vector of legislative initiatives.

Results

More than 75 years have passed since the end of the Second World War and the Great Patriotic War, several generations have changed, and it can be assumed that the memory of those terrible events in modern society has somewhat weakened. All this is accompanied by continuous attempts to distort and belittle the undeniable historical significance of the feat of Soviet soldiers. The Second World War is still the most global military clash, surpassing in scale all previous and subsequent wars in the history of the planet. The war was of particular importance for the Soviet people, who, despite possible enslavement and destruction, braced themselves and repelled Hitler's aggression. Undoubtedly, the war caused significant damage to the Soviet Union. "About 30 million Soviet people died on the battlefields, in concentration camps, occupied territories, besieged Leningrad, and on the home front; a third of the country's national wealth was destroyed; 1,710 cities, more than 70 thousand villages, a huge number of factories, mines, many kilometers of railway tracks were destroyed; the proportion of the male population decreased"

[5, p. 22]. The consequences are such that mass extermination of Soviet people during the war still affects the demographic situation in Russia. That is why the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 is a matter of pride and heritage of our people; care for participants of the war and protection of historical memory of the events of that time becomes a historical duty of the state.

At the same time, nowadays there are facts of whitewashing and even glorification of persons who fought on the side of Nazi Germany, falsification of the history of the USSR during the war, perpetuating the memory of Nazi criminals, as well as their rehabilitation. In particular, since 2013–2014, in such an environment, the current position of the state is to fully protect historical memory of the feat of the Soviet people and prevent criminal acts aimed at neglecting the role of the USSR in the Victory over Nazi Germany.

Since memory of generations who have not experienced the hardships of war is based mainly on materials of school textbooks about the war, it can be assumed that the historical information about events of the mid-20th century presented in the general education programs of the Russian school potentially has a high degree of representativeness. Accordingly, a person who has received a high-quality secondary general education is able to distinguish false information about events of the Second World War from the true one and can identify cases of its intentional distortion. Thus, the majority of survey participants (71%) gave an affirmative answer to the first question about whether they noticed cases of deliberate distortion of the history of the bloodiest war.

Sixteen percent of the respondents, most of whom are students, did not notice facts of falsification of historical information; 13% of the respondents could not answer the question, most of which – representatives of Russian students. In general, the vast majority of respondents noted that they had experienced deliberate distortion of history (Table 1).

Table 1

Number of politicians and public figures claim that they have faced attempts to deliberately distort the history of the Russian Federation. Have you personally noticed cases of deliberate falsification of historical facts?

Answers	%	Number of respondents
I have often noticed it	71.02	446

I have not noticed it	15.93	100
Difficult to answer	13.05	82
	Total of answers:	628
	Number of those who have not answered:	0

In order to stop the negative impact of the spread of false historical information, it is necessary to prevent possible cases of deliberate distortion of history, especially those capable of whitewashing the crimes of Nazism and fascism. To the next question of the questionnaire, “Is it necessary, in your opinion, to counteract those who are trying to deliberately distort the history of Russia?” 93% of respondents answered in the affirmative (Table 2).

Table 2

Is it necessary, in your opinion, to counteract those who are trying to deliberately distort the history of Russia?

Answers	%	Number of respondents
Yes	95.56	602
No	1.27	8
Difficult to answer	3.19	20
	Total of answers:	628
	Number of those who have not answered:	0

The following answers were received to the question of ways to counteract attempts to revise historical facts. Let us note that within the framework of this question, respondents could choose several answer options. The majority of the respondents (79%) found it necessary to “improve the quality of teaching the discipline “History” in general education and higher educational institutions”; 52% of the respondents supported “strengthening patriotic education”. In addition to raising the level of education and upbringing, the respondents considered it important to “disseminate historical truth through the media and information and telecommunication technologies, including the Internet” (64%), “denounce falsifications and distortions”, and “monitor the quality of literature, art and cinema” (44%). Another sufficient part of the respondents (45%) backed “introduction of legislative liability” for deliberate distortion of historical facts. It should be noted that within the framework of this issue, it was not specified what kind of liability should be introduced as a measure to counter attempts to falsify history. A small part of the respondents con-

sidered “holding rallies, actions and protests to prevent distortion of history” (3%), “deportation of persons spreading false information from the country” (2%) as effective means of countering falsification of history. Two percent of the respondents found it difficult to answer the question (Table 3).

Table 3
How exactly, in your opinion, should attempts to revise historical facts be countered?

Answers	%	Number of respondents
Disseminate historical truth through the media and information and telecommunication technologies, including the Internet	64.2	401
Improve the quality of teaching the discipline “History” in general education and higher educational institutions	79.27	549
Monitor the quality of literature, art and cinema	44.39	276
Engage in patriotic education of young people	51.83	321
Introduce legislative liability	45.06	282
Hold rallies, actions and protests to prevent distortion of history	3.96	24
Denounce falsifications and distortions	44.12	265
Deport persons spreading false information	3.01	18
Difficult to answer	2.44	15

As for prevalence of false interpretation of historical events, the respondents supported the need for its protection by criminal law (89%) vs 7% of those who were against it. Four percent could not answer the question. These figures indicate the respondents’ positive attitude to the criminal law protection of Russian history (Table 4).

Table 4
Do you think that historical memory of the peoples of the Russian Federation about the most significant events in the country’s history needs criminal protection?

Answers	%	Number of respondents
Yes	88.85	558
No	7.16	45
Difficult to answer	3.98	25
	Total of answers: Number of those who have not answered:	628 0

Among the list of historical events in need of legal protection, according to 82% of the respondents, it is the history of the Second World War and the Great Patriotic War that requires it to a greater extent. Three percent of the respondents consider it necessary to protect the history of the Patriotic War of 1812, 6% – the history of the First World War of 1914–1918, 7% – the history of the October Revolution of 1917 (Table 5).

Table 5
Indicate which event, in your opinion, needs to be protected by criminal law more than others?

Answers	%	Number of respondents
Patriotic War of 1812	3.82	24
First World War of 1914–1918	6.53	41
October Revolution of 1917	7.32	46
Second World War of 1939–1945 / Great Patriotic War of 1941–1945	82.33	517
	Total of answers: Number of those who have not answered:	628 0

Distribution of the respondents’ opinions on prerequisites for committing crimes in the field of protecting historical memory of the peoples of the Russian Federation of events of the Second World War was expressed in the following figures: 73% of the respondents highlighted a “low level of historical and legal literacy of the population”, 58% – “oblivion of historical results of the war among the younger generation”, 40% – “mismatch of politics and national interests of the state”. Twenty percent mentioned an “unstable position of the state in the international arena”, 17% – “consequences of globalization”, “difficult economic situation of the population”, “attractive economic promises from the followers of Nazism” (Table 5). We emphasize that the respondents could, in particular within this question, choose two or more answers.

Table 6
What prerequisites for committing crimes, in your opinion, exist in the field of protecting historical memory of the peoples of the Russian Federation about events of the Second World War?

Answers	%	Number of respondents
Consequences of globalization	17.99	112

Mismatch of politics and national interests of the state	40.55	254
Difficult economic situation of the population	17.68	111
Attractive economic promises from the followers of Nazism	15.85	99
Unstable position of the state in the international arena	20.43	128
Low level of historical and legal literacy of the population	73.48	461
Oblivion of historical results of the war among the younger generation	58.84	369

As for the question, which also provides the opportunity to choose several answers, about the purpose that falsifiers of history pursue, 83% of the respondents identified “belittling and distorting the role of any people or state in significant historical events”. Besides, the respondents noted “establishing the historical right to a certain territory for a particular people” (36%), “proving legal succession of the state in relation to a particular historical predecessor” (19%), “substantiating the legitimacy of the ruling dynasty” (14%). The respondents also presented their own suggestions, such as “introduction of the idea of criminality of the Soviet state into citizens’ consciousness to create conditions for delegitimization and subsequent revision of decisions taken during the Soviet period, which will lead to revision of the entire post-war world order”, “justification of fascism and Nazism”, “provocation” (Table 7).

Table 7
 What purpose, in your opinion, do falsifiers of the Second World War history pursue?

Answers	%	Number of respondents
Establishing the historical right to a certain territory for a particular people	35.67	219
Substantiating the legitimacy of the ruling dynasty	14.33	87
Proving legal succession of the state in relation to a particular historical predecessor	18.6	113
Belittling and distorting the role of any people or state in significant historical events	82.62	514
Other	9.15	56

On the question of key directions of falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War, the following results were obtained: 71% mentioned “diminishing the decisive role of the USSR in the

defeat of Nazi Germany” as the main direction of distortion of the history of the Russian Federation; 61% – “glorification of collaborationist formations from among the Ukrainian nationalists (The Banderites), the Russian Liberation army (the Vlasovites), nationalists of the Baltic republics (“Forest Brothers”) and justification of their activities”; 55% – “denial of the liberation mission of the Red Army (“USSR-occupier”)”. Thirty-five percent of the respondents argued about equal responsibility of A. Hitler and I. Stalin for unleashing the war as the main direction of falsification of the history of the beginning of the Second World War (Table 7). Let us note that the respondents could choose more than one answer.

Table 8
 What are, in your opinion, key directions of falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War nowadays?

Answers	%	Number of respondents
Equal responsibility of A. Hitler and I. Stalin for unleashing the war	35.98	225
Diminishing the decisive role of the USSR in the defeat of Nazi Germany	70.43	442
Denial of the liberation mission of the Red Army (“USSR-occupier”)	54.57	342
Glorification of collaborationist formations from among the Ukrainian nationalists (The Banderites), the Russian Liberation army (the Vlasovites), nationalists of the Baltic republics (“Forest Brothers”) and justification of their activities	60.67	381
Other	8.84	55

In addition to falsification of historical information and events of the Second World War and the Great Patriotic War, the acts provided for in Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Rehabilitation of Nazism” have become widespread on the territory of Russia, which should also not be ignored by the public. We asked the respondents about the growth of facts of rehabilitation, justification and propaganda of Nazi and fascist ideologies today. Twenty-three percent of the respondents spoke about a significant increase, 23% – a certain increase in these acts. The fact that the situation had not changed was reported by 13% of the respondents; a slight reduction in the facts of rehabilitation of Nazism was noted by 10%.

A significant reduction in the number of facts of rehabilitation, justification, propaganda of Nazi and fascist ideology was considered by 9% of the respondents. Twenty percent of the respondents could not answer the question (Table 9).

Table 9
Has the number of facts of rehabilitation, justification and propaganda of Nazi and fascist ideologies, in your opinion, increased nowadays?

Answers	%	Number of respondents
Yes, there is a significant increase	23.24	146
in general, it has increased	23.57	148
It is at the same level	13.38	84
It has decreased slightly	10.67	67
On the contrary, there is a significant decline	9.22	58
Difficult to answer	19.92	125
	Total of answers: Number of those who have not answered:	628 0

The majority of the respondents (45%) gave an affirmative answer to the question: “Criminal codes of foreign countries often contain articles stipulating liability for encroachment on established historical facts. Is, in your opinion, the introduction of such a criminal law norm in the Criminal Code of the Russian Federation justified?” Twenty-six percent did not find this proposal reasonable, 28% could not answer the question (Table 10).

Table 10

Answers	%	Number of respondents
Yes	45.38	285
No	26.11	164
Difficult to answer	28.51	179
	Total of answers: Number of those who have not answered:	628 0

Criminal codes of foreign countries often contain articles stipulating liability for encroachment on established historical facts. Is, in your opinion, the introduction of such a criminal law norm in the Criminal Code of the Russian Federation justified?

The choice of several answers was given to the question about practical measures aimed at countering falsification of the his-

tory of the Second World War, which, according to the respondents, will be able to reduce the number of encroachments on historical memory of the peoples of the Russian Federation about the events of 1939–1945. Most respondents (65%) were in favor of “providing open access to archival documents of the period of the Second World War and the Great Patriotic War, little known to the public, thus hindering revisionists’ attempts to arbitrarily interpret them in their own interests, thereby deliberately distorting and falsifying national history”. Many (49%) support “active military-patriotic work with the younger generation in educational organizations, summer health camps, youth forums, etc.”, which once again confirms the previously presented answers about improving the quality of education of the younger generation. Forty-four percent of the respondents were for the “formulation of the question of responsibility of countries and statesmen who revise results of the Second World War, denigrate members of the anti-Hitler coalition, and justify the Nazis and their accomplices directly or indirectly in all authoritative international organizations”. Forty-three percent chose “improving the regulatory framework related to liability for deliberate falsification of the history of Russia” as an effective counteraction measure. For 29% of the respondents it is the “creation of a nation-wide integral system to counteract falsification of the history of Russia, when every public body and organization would have a non-standard unit responsible for fulfilment of this task”; for 27% of the respondents – an “increase in the volume of state funding for patriotic mass media, the target audience of which is young people”. In our opinion, providing state funding to all educational institutions of the country for subscriptions to such publications would contribute to the formation of positive historical consciousness and preservation of historical memory. What is more, “improvement of general scientific and special historical methods based on the latest scientific methodology” is one more effective measure to counteract revision of history (20% of the respondents). In conclusion, we note that none of the respondents neglected the question, which demonstrates citizens’ concern for preserving historical memory and preventing falsification of the Russian history in the future (Table 11).

Table 11

Which of the presented practical measures aimed at countering falsification of the history of the Second World War to the detriment of Russia's interests, in your opinion, will be able to reduce the number of encroachments on historical memory of the peoples of the Russian Federation about events of 1939–1945?

Answers	%	Number of respondents
Creation of a nation-wide integral system to counteract falsification of the history of Russia, when every public body and organization would have a non-standard unit responsible for fulfilment of this task	28.96	181
Creation of public organizations to solve problems connected with history falsification	20.73	130
Formulation of the question of responsibility of countries and statesmen who revise results of the Second World War, denigrate members of the anti-Hitler coalition, and justify the Nazis and their accomplices directly or indirectly in all authoritative international organizations	44.51	279
Improving the regulatory framework related to liability for deliberate falsification of the history of Russia	43.6	273
Consolidation of scientific communities of Russia and the CIS countries, whose population and territories suffered the most from aggression during the war. Practical implementation of this direction involves regular holding of joint symposiums, conferences, publication of scientific papers devoted to the most significant events of the war and post-war periods	36.28	227
Interpretation of new and existing data with regard to the latest scientific methodology, general scientific and special historical methods	20.43	128
Active military-patriotic work with the younger generation in educational organizations, summer health camps, youth forums, etc	50	314
Increasing volume of state funding for patriotic mass media, the target audience of which is young people. Provision of budgetary funds to all educational institutions of the country for subscriptions to similar publications. The goal is to form positive historical consciousness and preserve historical memory	26.52	166
Providing open access to archival documents of the period of the Second World War and the Great Patriotic War, little known to the public, thus hindering revisionists' attempts to arbitrarily interpret them in their own interests, thereby deliberately distorting and falsifying national history	64.94	408

The last set of questions is devoted to the survey of the age of citizens, their gender distribution, level of education and field of activity. Thus, the studied audience has different gender distribution (women – 64%, 36% – men) (Table 12).

Table 12

Specify your gender

Answers	%	Number of respondents
Female	63.70	400
Male	36.30	228
Total of answers: Number of those who have not answered:		628 0

The age of the respondents is presented in the following ratio: 23% represented the age group of 8–25 years, 19% – 26–35 years, 20% – 36–45 years, 23% – 45–60 years, and 15% over the age of 60 years (Table 13).

Table 13

Specify your age

Answers	%	Number of respondents
18-25 years	22.60	142
26-35 years	18.64	117

36 -45 years	19.90	125
45-60 years	23.73	149
over 60 years	15.14	95
Total of answers: Number of those who have not answered:		628 0

The survey participants have a good level of education: 67% of the respondents have higher education, 25% are currently receiving higher education, 4% of the respondents have – secondary special education (technical school, vocational education institution), and 2% have graduated from college. Two percent of the respondents have secondary general education, no respondent have finished school (Table 14).

Table 14

Specify the level of your education

Answers	%	Number of respondents
Incomplete secondary (grades 8–9)	0	0
General secondary (grades 10–11)	2.22	14
Secondary vocational (college)	1.60	10

Secondary special 1 technical (technical school)	3.66	23
Incomplete higher education (at least 3 years of study)	25.00	157
Higher education	67.52	424
	Total of answers: Number of those who have not answered:	628 0

The respondents are occupied in law (65%), social work (16%), healthcare (10%), history (11%), and economics (2%). Marketing specialists, accountants, teachers, etc. comprise 1% of the total number of respondents each. Thus, the survey participants are highly educated people, among whom there is a large proportion of representatives of legal specialties who are able to give a high-quality legal assessment and professionally answer the proposed questions.

Discussion

The authors of the research analyze results of the sociological survey conducted as part of the study of possible use of criminal legal means to protect historical memory of the peoples of the Russian Federation about events of the Second World War and the Great Patriotic War. The sociological research allows us to obtain a cross-section of public opinion about phenomena that are studied by specialists, experts, scientists, but have a contradictory nature of discussions. The analysis of the empirical material of this study helps determine that falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War is a common phenomenon today and does not leave the citizens of the Russian Federation indifferent. Russians, whose grandfathers and great-grandfathers defended their homeland with immeasurable losses, honor the memory of heroes and are certainly interested in objective coverage of the history of the war and all events related to it.

The criminal distortion of events of the national history of the Second World War can be conditionally divided into three vectors of falsification: falsification of history committed by representatives of Western countries, distortion of history in the post-Soviet space, domestic falsification.

1. Falsification of the history of the Second World War triggered by Western countries.

As part of the fight against external interference in Russian political life, it is necessary to consider deliberate distortion of the history

of the most significant misanthropic event of the 21st century, and the role of the USSR in the victory over Nazi Germany. Although the tragedy of the Second World War itself is not disputed at the official level, the assessment of its causes, its nature, and results is interpreted by representatives of the Atlantic community members (the United States and Western European countries) in accordance with their own priorities and interests that contradict national interests of Russia and its allies. All this is focused on understating Russia's role in the international arena, and transforming spheres of influence in the world. The collective West in the presented concept proposes to consider itself the liberator of mankind from Nazism, and presents Russia only as a follower of the totalitarian Soviet Union. Moreover, this concept often emphasizes that "Nazism" and "Communism" are equivalent regimes with a totalitarian aggressive nature. Here we mention the statement of British Prime Minister Boris Johnson that "the Soviet Union lured Poland between the hammer of fascism and the anvil of communism" published in "Twitter". It should be noted that the authors of this concept apparently do not take into account the rationale of the American researcher Carlton Hayes, who in 1939, speaking at the scientific symposium, pointed out that "totalitarianism is a market economy phenomenon, a phenomenon of bourgeois civilization and outside of it, it does not work" [32]. Carlton Hayes attributed Mussolini's Italian fascism and Hitler's Nazism in Germany to totalitarian regimes. Stalin's Soviet Union, in his opinion, is a completely different type of state, where there is no private property and classes, where systemic anti-capitalism – socialism was built, where the ideology fundamentally different from the Nazi ideology prevailed [32].

The desire to belittle the role of the Soviet people in the victory over fascism is illustrated by the example of biased coverage of the events of the Second World War. Thus, according to historian H. Baldwin (USA), the outcome of the Second World War was decided by 11 battles ("great campaigns"), namely, Operation Market Garden in Holland, the landing of Anglo-American troops in Normandy, the Battle for Midway Atoll in the Pacific Theater of Operations, etc. At the same time, of the battles won by the Red Army, he mentions only the Stalingrad one [31]. Surely, during 4 years of the war the parties conduct-

ed countless battles, some of which became significant, but there were battles that determined the outcome of the most terrible war in the history of mankind, such as the Battle of Moscow (1941–1942), during which Germany suffered the first major defeat in World War II, and for the first time the myth of invincibility of its army was dispelled; the Battle of Kursk (1943), which resulted in the change in the military balance dramatically in favor of the Red Army and created favorable conditions for subsequent strategic operations. Obviously, the American historian deliberately does not mention the main successes of the USSR during the war, which determined the course of historical events, in order to belittle its role in the Victory.

2. Distortion of the history in the post-Soviet space.

The next vector of falsifications is “reinterpretation” of historical events of the Second World War and the Great Patriotic War occurred in the territories of the former Soviet republics. Unfortunately, the common past between countries of the post-Soviet space and Russia generates not only “good-neighborly” partnerships, but, often, relations built on rejection of the common Soviet past. Ukraine is a leader in these relations. Falsification of history in Ukraine is one of the main components of modern Ukrainian Russophobia. The essence of this phenomenon is that some, as a rule, nationalist Ukrainians who do not want to have a common history with the Russians interpret events of the Second World War in such a way that they are victims not only of Hitler’s repressions, but also of Stalin’s repressions. For the sake of building their own historical concept, Ukrainian pseudo-historians resort to numerous omissions and historical speculations, and outright lies and distortion of facts. For example, the myth was actively spread on the territory of the country that during the Second World War, not one (Great Patriotic War), but several wars were fought in Ukraine – German-Ukrainian, Soviet-Ukrainian, Polish-Ukrainian” [28].

Georgia is another country that equated the communist regime with fascism. So, in 2013, the Parliament of Georgia amended the Code of Administrative Offenses and the Charter of Freedom [9], according to which the use of fascist and communist symbols in public places will be punished with a fine of 600 US dollars. The Georgian government does not see the difference between the crimes of Na-

zism and communism, and considers it necessary to introduce a ban on wearing Soviet orders and medals, which offends memory of exploits of veterans of the Great Patriotic War, and as a result falsifies the history of the Great Patriotic War.

A glaring fact is Poland’s adoption on September 23, 2009 of the resolution that qualified liberation of the Polish-occupied lands of Western Ukraine and Western Belarus by the Red Army in September 1939 as aggression against Poland. There is an obvious disregard for the official history and contribution of the peoples of the Soviet Union to liberation from the “brown plague of the 20th century”. In general, at the official level, the USSR was declared an aggressor who along with Germany unleashed World War II [15]. In this context, we agree with the statement of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov: “attempts to falsify history, equalize victims and executioners cause outrage... Russia will continue to harshly oppose such plans that threaten stability of the entire world order” [16, p. 1].

3. Domestic falsification of our own history.

Russian researchers are also incredibly productive in interpretation of history according to their own scenarios, ignoring archival materials and official historical sources.

The most famous propagandist of myths about events of the Second World War and the Great Patriotic War is the former intelligence officer and literary author Viktor Suvorov (real name — Vladimir Rezun), now living in the UK. In the published books “Icebreaker”, as well as the subsequent books “M-Day”, “The Last Republic”, “Suicide”, “Purification”, etc., he consistently developed the thesis that allegedly the USSR was the initiator of the Second World War [10, p. 446].

Thanks to the journalist Yulia Latynina, the myth that Soviet soldiers, at the beginning of the war, surrendered en masse and went over to Hitler’s side became widespread: “how did it happen that the Russian people, name me at least one more war in which such crowds went over to the enemy, threw such fantastic weapons and how to explain it...” [17]. This statement has nothing to do with reality, since even in the most difficult conditions of combat, the Soviet people restrained Hitler’s blitz attack and retained a large number of soldiers [12, pp. 289–332].

Of course, within the framework of this study, it is impossible to consider the en-

tire array of falsifications that are so actively coming to us from abroad and from individual compatriots. These examples clearly show directions of falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War, methods and means to revise history.

In modern mass media, the Internet, cinema and literature, history is not always covered objectively, and criminal encroachments on historical memory are actively spreading in society and create unfavorable ground for the cultivation of a new generation of young people who are not able to recognize the truth of historical information. Methods and means of criminal falsification of history are being actively improved. The Russian historian V.V. Korneev identifies the following methods for falsification of history: falsification of a fact, event, phenomenon, or source, as well as their subjective interpretation, which “all together lead to the creation of a mythological picture of the world, disinforming society, which can have sad consequences for functioning of Russian society in the context of modern global challenges” [14].

These methods are effectively used by falsifiers of the history of the Second World War. As it seems, Russia’s geopolitical opponents in the person of special services and organizations of individual states, Nazi ideologists and leaders of extremist structures focus in their activities mainly on young people (sports and student environment, informal associations of nationalists, etc.) in order to dilute traditional Russian spiritual and moral values, provoke crimes and offenses, destabilize domestic political and social situation.

In order to prevent the undermining of national interests, countering falsification of history should be an important component of maintaining historical consciousness of the society. “The purpose of state policy in this regard is to effectively counteract attempts to falsify history at different levels of formation of public consciousness by forming and maintaining an appropriate discourse in the information field of the country, to help bridge gaps in public consciousness and thus strengthen the Russian identity, historical subjectivity of the Russian state” [27].

Measures to counter attempts to falsify and distort history are different, and the respondents consider betterment of the quality of education in schools and higher educational institutions as key ones. This proposal has certain ground, as since the 1990s the

ideas of patriotism and citizenship have been “washed out” from the school curriculum, many significant Russian victories – excluded from textbooks, and unfounded events that are personally interpreted by the author of the textbook and have no historical basis – included [29].

In addition to these measures, it is advisable to support the so-called “memory policy” at the state level. “Modern historical policy is aimed at forming the political unity of Russian society on the ways of glorification and mythologization of the common past” [22]. We note that in Russia the policy of historical memory in the Russian Federation has recently been widening: nowadays various national projects, for example, “No Statute of Limitations”, are created, and crimes against humanity committed by Hitler and his followers – documented. Various events and international conferences are organized covering topics, such as causes and consequences of the Second World War, the policy of I.V. Stalin, the lessons of Nuremberg, the years of the Cold War, etc.

It seems to us that improving the quality of teaching history, and accordingly, state support for historical research, as well as control of historical information disseminated in society (including introduction of legislative liability for false information) will facilitate counteraction of falsification of history, preserve traditional spiritual and moral values and prevent erosion of cultural identity in society.

It should be noted that the interviewees see prospects in the legislative consolidation of liability for falsifying historical information about events of 1939–1945, in particular, the norm of criminal law would contribute to expansion of the protective function of the state in the field of protecting historical memory of the peoples of the Russian Federation. Moreover, respondents are sure that it is the Great Patriotic War that needs protection by criminal legal means, since the victory in the war of 1941–1945 is the pride of our people, national treasure and important component in the patriotic education of the country’s younger generation. It is fair to note that it is indeed the period of 1939–1945 that is subjected to the greatest number of false interpretations of events, since the Victory of the Soviet people remains the “cornerstone” in the world understanding of the results of the Second World War, which encourages the state to take a special attitude to attempts to revise the reasons

for its beginning, results, as well as activities of the USSR during the war. The first crimes encroaching on the protection of historical heritage of the history of the Great Patriotic War were recorded long before the introduction of Norm 354.1 in the Criminal Code of the Russian Federation. During the period of perestroika, “persistent attempts were made to break the historical and moral code of perception of the Great Patriotic War through the implantation of a significant number of various black myths into the official ideology and mass consciousness: about the nature of the war, scale of losses, key moments of hostilities, price of Victory, etc.” [30].

Care for participants of the war and protection of historical memory of the events of that time become not only the historical duty of the state, but also the personal responsibility of each descendant of the participants of those terrible events. Of course, the decline in the level of historical and legal literacy of the population boost activities of falsifiers of history and, due to the fact that many years have passed since those events, historical events of the Second World War, reasons for its beginning and results are being forgotten.

This thesis once again highlights the problem of the insufficient level of school education, which creates grounds for new attempts to falsify history of the Second World War and the Great Patriotic War. Chairman of the Board of Trustees of the Russian Military Historical Society, Special Representative of the President of the Russian Federation on environmental protection, ecology and transport S.B. Ivanov noted: “attempts to revise the results of the Second World War in the West are politicization of history, focused on young people who do not know historical facts about the events of 80 years ago. After all, our current schoolchildren do not know history as well as, say, my generation did”. He also added that when interviewing fifth- and sixth-grade students, a “simple question of who the Soviet Union fought with, how the Great Patriotic War ended has, to put it mildly, different answers” [11].

Such a situation in educational programs cannot but cause concern, since it is pupils and students who become the main object targeted by falsifiers of history. In this regard, the establishment of control over the quality of teaching history and other humanities in universities and schools will contribute to improving literacy rates of the population and prevent penetration of false destructive information

about the most significant events of our history into its consciousness. Professor of MGIMO E.G. Ponomareva defines “reformatting of consciousness” as the main goal of falsifications of history, which is a “kind of ‘artillery preparation’ ” that creates opportunities for solving a complex of financial, economic, geopolitical and psychohistorical tasks of competitors and direct enemies of our country” [20, p. 6].

These prerequisites facilitate criminal manifestations of history distortion; the respondents consider belittling the role of the Soviet victory over Nazi Germany in order to discredit Russia as a successor of the Soviet Union in the world community as the crucial goal of history revision. For example, a correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper conducted a survey of representatives of different countries on the results of the Second World War before the Victory Day in 2019. Thus, 90% of the French residents reply that the United States won the war, the residents of Italy and Belgium also answer that “the Americans liberated the world”, and the Americans note that “the average American has no idea about details of the USSR’s participation in World War II. Most Americans would say that the allies were, for example, England, France and possibly the Netherlands”. In Germany, compared to the whole of Europe, the largest number of people remember that the USSR was the main force in the fight against Nazism. In England, 59% of the respondents are sure that it was the British army that defeated Hitler [29]. Statistics of responses indicates that criminals achieve their goal effectively, and the whole world does not know about the feat that Soviet soldiers performed and what losses (26 million people) the USSR suffered.

Without any doubt, the criminal purpose of falsifying history is destructive for our country and mainly aimed at splitting the peoples that were part of the USSR (Ukraine as an example), as well as at establishing a negative attitude towards the entire Russian people as the successor of the Soviet one. Falsifiers are focused on depriving Russia of the status of a victorious country and the USSR of the right to play a decisive role in the victory over Nazi Germany. “In this area of information warfare, myths are used about “weakness of the Soviet military art, Soviet commanders and military leaders”, as well as that “lend-lease supplies were the economic basis of the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War” [4].

Falsifiers of history try to establish equality between those who started the war and those who preserved peace with their courage and heroic self-sacrifice, as well as glorify collaborationist formations from among the Ukrainian nationalists (the Banderites), the Russian Liberation Army (the Vlasovites), nationalists of the Baltic republics ("Forest Brothers") and justify their activities. This opinion is undoubtedly connected with the country's political past and geographical location of the Russian Federation and its neighbors. Thus, glorification of Nazism in Ukraine worries not only Russia, but also the entire world community. An American political scientist of Dutch origin, C. Mudde, who studies modern right-wing radicalism, after the 2013–2014 events in Ukraine, issued a statement condemning the entry of representatives of the neo-fascist Svoboda party into the illegally formed new government and appointment of members of another even more dangerous right-wing extremist group Right Sector to responsible government posts [3]. The policy of the current Ukrainian authorities is aimed at rehabilitating Nazi figures, justifying their crimes, cooperating with the Nazis, and praising such persons. There is a bright example: the annual (since 2016) march of radical individuals to the glory of S. Bandera, whose biography is associated with creation of the Ukrainian insurgent army and numerous terrorist acts against opponents. Such a "favorable" position is used by persons who distort the history of the Second World War, relying on the support of countries where neo-Nazism is reviving.

Occupation of the Baltic countries by Soviet troops is a popular area of falsification in recent years. In particular, on May 7, 2020, the Presidents of Latvia, Lithuania and Estonia accused the USSR of occupying and annexing their territories in congratulation on the 75th anniversary of the Great Victory. In their opinion, the Russian Federation is trying to falsify history, distorting the truth about past events: "the end of the Second World War did not bring freedom to the peoples of Central and Eastern Europe. Instead, one totalitarian regime was replaced by another when the Baltic countries were cynically incorporated into the Soviet Union..." [24].

Leaders of some Western countries (the Baltic States, Poland and Ukraine) constancy speak about causes of the outbreak of war, already confirmed by historical archival sources. They claim that not only Hitler, but also I. Stalin was responsible for unleashing the Second

World War. Thus, there appeared a whole global concept, reflected in the resolution "On the importance of preserving historical memory for the future of Europe", adopted by the European Parliament in 2019. The international legal act attempts to equate the Nazi regime of Hitler and the communist regime of Stalin, as well as recognize the USSR as an aggressor country. Russia spoke negatively about the content of the resolution, emphasizing the inadmissibility of distorting the past: "History, in our deep conviction, should remain the lot of responsible professionals, and not politicians who use it for their own selfish purposes" [19].

The progress that humanity should strive for excludes falsification of history as a human activity, since the "modern world is interested not only in obtaining breakthrough technologies..." [25, p. 109], but also in objective coverage of world history. Not all Western countries are aimed at distorting world history, in many of them world history is protected by legislative norms. The respondents draw a parallel between the existence of foreign legal norms to protect historical facts and the absence of such in the national legislation; consider it possible to adopt the experience of some Western European countries and establish a criminal law regime for protecting crucial historical events of the middle of the 20th century. Indeed, the national legislations of some Western European countries have legislative norms, including criminal law, establishing liability for distortion of historical information [8]. In particular, Austria, Israel, Switzerland, Belgium, Hungary, Lithuania, Poland, Slovenia, France and others criminalize Holocaust denial. Public denial of the Holocaust, distortion of historical facts about persecution of the Jewish people during World War II, belittling the number of victims among the Jewish people, refutation of established facts of violence against them are considered criminal in these countries. For example, at the beginning of the 21st century, the persons who did not recognize the Holocaust were prosecuted: "in 2000 a Swiss resident was sentenced to one year in prison for denying the Holocaust, because he published personal doubts about the existence of gas chambers and the number of dead Jews on the pages of the journal" [6].

In addition to a positive attitude to establishment of a rather repressive measure for protecting historical memory of the events of the Second World War and the Great Patriotic War

in the form of a new special criminal law norm, the study allowed us to identify other practical measures to counteract falsification of history. Thus, the interviewees note that open access to archival documents of the period of the Second World War and the Great Patriotic War, their study in the framework of general education courses will contribute to improving the legal and historical literacy of the population; encouragement of military-patriotic work with the younger generation can weaken the decline in morale of the country's residents. Since the persons attempting to falsify historical information about activities of the USSR during the Great Patriotic War and spreading deliberately false or deliberately distorted information use insufficient awareness of Russian citizens about the crimes and facts established by the International Military Tribunal in Nuremberg, as well as no access is provided to the Russian-language text of the verdict of the Tribunal, it is necessary to publish and disseminate this unprecedented significant document among citizens of the Russian Federation. Inclusion in the "Domestic History" program of the history of the International Military Tribunal and key facts established by the Tribunal would be a timely measure. All this should be focused on increasing the level of historical literacy of young people, promoting reliable historical knowledge and clarifying unreliability of the

most popular myths not only about the Great Patriotic War, but also other significant events in the history of Russia.

Conclusion

Summarizing the above, we note that the hypothesis proposed by the authors that the Russian Federation does not fully protect historical truth about the Second World War and the Great Patriotic War by criminal legal means was confirmed by the responses of 628 respondents. The results of the conducted sociological survey can be used in rule-making activities to substantiate the need to improve the current domestic criminal legislation in the field of protecting historical heritage of the Russian Federation on the events of the Great Patriotic War, including by introducing a new special norm into the Criminal Code of the Russian Federation that can protect not only from falsification and oblivion of facts established by the International Military Tribunal, but also a number of other events and activities of the persons involved in them, confirmed by official historical sources.

The authors of the article are sure that it is highly important to preserve history in its original form, without political "embellishments" and biased interpretations and deliberate distortion that can belittle the role of the Soviet people in the bloodiest war of the 20th century.

REFERENCES

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Translated from English by Nikolaev V.G. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2001. 286 p. ISBN 5-93354-017-3.
2. Barg M.A. *Epokhi i idei: (Stanovlenie istorizma)* [Epochs and ideas: (The formation of historicism)]. Moscow: Mysl', 1987. 354 p.
3. Bogdashkin A.A., Teplukhin V.V. The debates of political scientists on right-wing radical nationalism in contemporary Ukraine. *Vlast'=Power*, 2014, no. 10, pp. 214–220. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politologi-o-pravoradikalnom-natsionalizme-v-sovremennoy-ukraine>. (In Russ.). (Accessed March 16, 2022.)
4. Buslovskii V.N. The victory that no one can take away from Russia (dedicated to the 75th anniversary of the Soviet people's Victory in the Great Patriotic War over Nazism). *Voennaya mysl'=Military Thought*, 2020, no. 5, pp. 77–88. (In Russ.).
5. Tel'pukhovskii B.S., Bulycheva G.I., Burlyai A.A. et al. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuza 1941–1945: Kratkaya istoriya* [The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945: brief history]. Moscow: Voenizdat, 1984. 560 p.
6. Vetoshkina E.D. Holocaust denial: social conditionality and comparative analysis of the criminal law prohibition. *Lex russica=Russian Law*, 2020, vol. 73, no. 11 (168), pp. 129–138. (In Russ.).
7. Gaganov A.A. Responsibility for actions insulting memory of the Great Patriotic War. *Tsentr Sulakshina (Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii): sait [Sulakshin Center (Center for Scientific Political Thought and Ideology): website]*. Available at: <https://>

- rusrand.ru/analytics/otvetstvennost-za-deystviya-oskorblyayuschie_pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
8. Goidenko V.G. European legislation against the revival of Nazism and rehabilitation of collaborators. *Materik: informatsionno-analiticheskii portal postsovetskogo prostranstva: sait* [Mainland: information and analytical portal of the post-Soviet space: website]. Available at: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=17049> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
9. Georgia imposes fines for the use of symbols of communism and fascism. *RIA Novosti=RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20131129/980607526.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
10. Gryzun V. Kak Viktor Suvorov sochinyal istoriyu [How Viktor Suvorov composed history]. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. 608 p.
11. Ivanov named the prerequisites for falsifying the history of the Second World War. *RIA Novosti=RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20190916/1558732714.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
12. Isaev A.V. *Antisuvorov. Desyat' mifov Vtoroi mirovoi* [Antisuvorov. Ten myths of the Second World War]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2004. 416 p. ISBN 5-699-07634-4.
13. Karpitskaya D. Stolen victory: Why the world believes that the fascists were defeated by the Americans. *Komsomol'skaya pravda: sait* [Komsomol'skaya pravda: website]. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26973/4031442/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
14. Korneev V.V. Falsification of History as a Way of Destroying Soviet Identity in Modern Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki=Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, no. 1 (834), pp. 223–234. (In Russ.).
15. Kosachenko N.A., Berezovskii I.E., Starodubtsev D.M. On the issue of falsification of the history of the Great Patriotic War in the Western media. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov 21 stoletiya. Obshchestvennye nauki: elektronnyi sbornik statei po materialam 26 studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. No. 11 (25)* [Scientific community of students of the 21st century. Social sciences: electronic collection of articles based on the materials of the 26th student international scientific and practical conference. No. 11 (25)]. Novosibirsk: SibAK, 2014. Pp. 28–36]. Available at: <http://sibac.info/16411> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
16. Lavrov S.V. The Great Victory is the source of our national pride. *Mezhdunarodnaya zhizn'=International Affairs*, 2015, no. 5, pp. 1–4. (In Russ.).
17. Liberals, KV tank and collaborators. Baiki o voine. *Velikaya Otechestvennaya – istoriya, pravda i mify: sait* [Tales of war. The Great Patriotic War – history, truth and myths: website]. Available at: <http://fablewar.ru/2012/06/kv/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
18. Mead G.H. *Filosofiya nastoyashchego* [The Philosophy of the Present]. Translated from English by Nikolaev V., Kuz'minov V. Moscow: Izdat. dom NIU VShE, 2014. 272 p. ISBN 978-5-7598-1099-5.
19. The response of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V. Zakharova to the question of the RIA Novosti agency in connection with the adoption by the European Parliament of the resolution “On the importance of preserving historical memory for the future of Europe”. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3793247 (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
20. Ponomareva E.G. Falsification of the history of the Great Patriotic War — technology of transformation of consciousness. *Obozrevatel'=Observer*, 2016, no. 5, pp. 5–20. (In Russ.).
21. Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.Yu. *Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov* [History of historical knowledge: handbook for universities]. Moscow: Drofa, 2004. 258 p. ISBN 5-7107-7438-3.
22. Romanova A.P., Fedorova M.M. Generational gap and historical memory of the digital era generation. *Istoriya=History*, 2020, vol. 11, no. 9 (95), p. 23. Available at: <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1/> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
23. Russians support the fight against falsification of history. *Global'nyi informatsionno-analiticheskii tsentr: sait* [Global Information and Analytical Center: website]. Available at: <http://www.giac.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=336189> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).

24. Joint statement of the Presidents of Poland, Latvia, Lithuania and Estonia. *Prezident Latvijas Republikas: oficiālā tīmekļa vietne* [President of the Republic of Latvia: official website] Available at: <https://www.president.lv/ru/novosti/zayavlenie-prezidentov-baltiyskikh-stran> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
25. Sokolova M.L., Mil'chakova N.E., Zhigunova A.I. The concept of responsibility as the modern outlook of the designer. *Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal=Russian Technological Journal*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 109–121. (In Russ.).
26. Transcript of the meeting of the Russian Organizational Committee "Victory" of July 2, 2020. *Prezident Rossii: sait* [President of Russia: website]. Available at: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-rossiiskogo-organizacionnogo-komiteta-pobeda-02-07-2020.html> (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
27. Ustinkin S.V., Rudakov A.V. On approaches to the formation of a system of measures to counteract the falsification of history and protect the historical consciousness of the peoples of Russia. *Vlast'=Power*, 2017, no. 7, pp. 113–119. (In Russ.).
28. Falsification of history in Ukraine. *Rukspert: sait* [Rukspert: website]. Available at: https://rukspert.ru/%D0%A4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5#cite_note-.D0.A3.D0.BA.D1.80-.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.BE.D0.B4.D0.B8.D1.87.D0.BA.D0.B0-56 (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
29. Fuks A.N., Kovrigin V.V. Problems of falsification of the history of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on national history. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki=Herald of Omsk University Series "Historical Studies"*, 2017, no. 2, pp. 66–70. (In Russ.).
30. Churakov D.O. Modern falsifications of the history of the Great Patriotic War. *Vsemirnaya istoriya: internet-entsiklopediya* [World History: online encyclopedia]. Available at: https://w.histrf.ru/articles/article/show/sovremennyye_falsifikatsii_istorii_vielikoi_otiechiestviennoi_voiny (In Russ.). (Accessed March 16, 2022).
31. Baldwin N. *Battles lost and won. Great campaigns of World War II*. New York, Harper & Row, 1966. 532 p.
34. Hayes C.J. H. The novelty of totalitarianism in the history of Western civilization. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 82, no. 1, pp. 91–102.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Salikh Kh. Shamsunov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Specialist of Center for Providing Educational Work of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Viktor V. Merkur'ev – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department for Scientific Support of Prosecutorial Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations, Countering Extremism of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, merkuriev-vui@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1325-5999>

Pavel V. Agapov – Doctor of Sciences (Law), professor of the Department of Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kafedrap212@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1836-1536>

Aleksei V. Novikov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, novikov.pravo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6418-7543>

Tat'yana V. Radchenko – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, radchenko.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-9459>

Kseniya V. Sheveleva – Lecturer of the Department for Legal Support of National Security of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, kseniya_sheveleva92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6783-5569>

Received March 29, 2022

Prospects for Digitalization of Sentencing and Execution of Punishment

ADELINA A. SARGSYAN

Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the seemingly inevitable process of digital transformation of both criminal sentencing and its execution, the need for which is pushed by both consistently adopted relevant national and international legal acts and positive foreign practice. The *purpose* of the study is to substantiate the need to introduce capabilities of artificial intelligence as the most important tool for crime prevention, improve effectiveness of the execution of sentences, as well as discuss feasibility and readiness of modern reality for actual replacement of judges with artificial intelligence in sentencing. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Conclusions:* generalization of scientific stances and consideration of foreign practice allows us to conclude that, in our opinion, there is currently no urgent need to use artificial intelligence in sentencing. The arguments regarding expediency of such a decision in terms of limiting judicial discretion do not seem so convincing in order to abandon the human factor in sentencing. It seems advisable to further improve the legislation regarding the rules of sentencing and develop a more formalized approach. At the same time, we find positive the subsequent development of the penal policy focused on active introduction of artificial intelligence capabilities as an effective means of predicting criminal behavior, profiling (modeling) the personality of the criminal, identifying his/her distinctive features in order to further prevent crime.

Key words: digitalization; punishment; artificial intelligence; prevention; sentencing; correctional institutions; Internet.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

Citation: Sargsyan A.A. Prospects for digitalization of sentencing and execution of punishment. *Penitentiary Science*, vol. 16, no. 2 (58), pp. 146–152. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.003.

Nowadays, the problem of legal space digitalization as an urgent need for its further improvement and increase in efficiency is one of the issues on the world scientific community's agenda. In this study, we will consider digitalization of the process of sentencing and execution of punishment, as well as the use of digital technologies in crime prevention. These issues are also addressed in the Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 "On development of artificial intelligence in the Russian Federation". It should also be noted that the European Ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment, adopted at the 31st plenary session of the CEPEJ (Strasbourg, December 3–4, 2018) contains the Overview of open data policies relating to judicial decisions in the judicial systems of Council of Europe Member States.

The imposition of punishment is a complex process of applying the norms of the Criminal Code, requiring implementation of the principles of legality, justice, humanism, etc. This, in turn, is in direct correlation with such categories as judicial discretion, legal awareness, judge's experience, and impartiality. Legislative proposals for the exercise of judicial discretion are still being worked out, and this negatively affects the effectiveness of law enforcement practice and does not contribute to the formation of uniformity in it on specific issues. In relation to various institutions of criminal law, which in one way or another have broad prerequisites for judicial discretion, it is proposed to single out and consolidate certain criteria at the legislative level restricting judges' freedom in making decisions, at the same time introducing legal certainty. Abstracting from the imposition of punishment, one can also give an example of a relatively broad judicial discretion in deciding whether to release from criminal liability in connection with active repentance. Returning to punishment, the lack of uniformity in judicial practice when imposing punishment is worth mentioning. It is noted that the introduction of an electronic justice system, widely discussed recently, may contribute to limiting the discretion of judges, eliminating corruption, minimizing judicial errors, especially in cumulative sentencing. However, how justified is the exclusion of the human factor from the process of sentencing, or even if not the

exclusion, but assigning it a secondary role in solving numerous issues?

Despite the validity of arguments about broad limits of judicial discretion, nevertheless, there arises a question on collision of artificial intelligence in justice with problems of implementing justice and humanism principles in sentencing. Involuntarily we recall the well-known Charles-Louis Montesquieu's work "On the Spirit of Laws" and ask ourselves, how artificial intelligence is able to cognize and perceive the spirit of law as the highest expediency found in a particular area of life, its ideological orientation.

It seems that it is possible to use artificial intelligence in the administration of justice only as an auxiliary tool for the judge. L.V. Inogamova-Khegai notes that the "increasing role of information technologies and potential possibility of their use in the process of monitoring execution of punishment and, moreover, making a decision on violation of the conditions of serving sentence, have formed a lively debate in legal science, whether artificial intelligence can correctly qualify actions of the guilty person and impose a punishment corresponding to the degree of the deed whose goals will be achieved" [6].

How reliable and objective are "decisions" made by artificial intelligence, what is the basis for their adoption? It is interesting to consider experience of the USA, resorting to the help of electronic justice when, for example, resolving issues about the possibility of parole from punishment, thereby trying to exclude excessive subjectivism and trusting artificial intelligence. In particular, artificial intelligence helps determine the probability of whether a particular person will commit a crime again in the future. However, it is noted that since this issue is not regulated at the legislative level and algorithms for decision-making are developed by private companies, the state, in particular, the judicial system has no idea about the mechanism of artificial intelligence.

A wide resonance was caused by the use of artificial intelligence in the United States when identifying risks of committing a repeat crime by the accused based on the study of data about him. So, in the case "Wisconsin v. Loomis", the Department of Corrections used the COMPAS risk assessment program during sentencing, which, after studying the history of the defendant's relationship with the law, assessed the

risks of recidivism as high, so the judge imposed the maximum penalty. The defense tried to challenge the decision, since the principle of operation of COMPAS is not disclosed. However, the court considered this argument insignificant and refused to appeal against the verdict, based on the fact that knowledge of the final solution of the algorithm already implies a sufficient level of transparency [14].

In the theory of criminal law, the question has repeatedly been raised regarding maximum formalization of the sentencing process in order to exclude subjectivism. Thus, engineer N.D. Oranzhireev noted that “due to the lack of a uniform way of taking into account circumstances of the case, the process of sentencing strongly resembles coffee cup reading. It is necessary to establish strict mathematical quantitative equivalents for all crimes, expressing them in appropriate sanctions, and for various circumstances significant in terms of determining the guilt of the convicted person, provide special coefficients, for example, with complicity, the coefficient of the perpetrator will be 1.0, of the instigator – 0.9, of the accomplice – 0.75, etc. The final punishment must be determined by algebraic operations with the equivalent of the crime and individual coefficients” [9]. N. Christie suggests not only applying a strictly formalized system of sentencing, but also eliminating a person from this process by transferring all the functions of sentencing to a computer [8]. The mentioned provisions, however, completely negate the possibility of the principle of individualization of punishment as the most important means of achieving justice.

Thus, several approaches to resolving this issue when sentencing emerged in the science of criminal law: 1) a subjective approach, in fact, defends the need for the court’s broad realization of its opportunities to administer justice on the basis of its own legal awareness, inner conviction and experience; 2) an objective approach, whose supporters, in particular, N. Christie, N. Oranzhireev, D. Dyad’kin, A. Aryamov, argue for the need for full formalization the process of sentencing. Besides, there is an objective-subjective approach.

A clear formalized system of sentencing is used in US practice. In the United States, a system of indefinite punishments provided for in the “Federal Sentencing Guidelines Manual” (1987) has been used for many years. The Manual contains tables on sentencing for

specific types of crimes; punishment for repeat offenders is determined separately. The judge calculates the level of the crime (there are 43 levels of danger of the crime in total) and the category of the criminal past of the convicted person and can assign minimum and maximum sentences in months. When imposing a punishment, the court is obliged to reduce or increase the punishment by the number of months indicated in the points table. So, if the defendant was the organizer or leader of the criminal activity that attracted five or more participants, then the penalty is increased by four levels (points). If the defendant was a “minimal” participant in any criminal activity, then the punishment is reduced by four levels (points). The circumstances aggravating and mitigating the punishment also correspond to the points.[13]

Nevertheless, we believe that the introduction of an electronic justice system will undermine all the fundamental principles on which the modern legal system is based.

This issue was studied by Kh.D. Alikperov in detail. In particular, he notes that the “formalized rules (there are more than five thousand of them in the motherboard of the proposed concept) are fixed on the scores of more than 400 algorithms for individualization of punishment, which together cover a huge number (about a billion) of all possible combinations of criminal manifestations in its real existence. Each of them regulates in detail the procedure for determining the optimal measure of punishment, taking into account both objective and subjective properties of the crime of small and medium gravity, grave or especially grave, committed by adults and minors, by negligence and intentionally, alone and in complicity, as a repeated offense, and the multiplicity of crimes, etc. Originality of the proposed technology lies in the fact that for the first time in the theory of criminal law, the process of sentencing is formalized as much as possible, and the procedure for determining punishment is carried out automatically, based on the initial data about the criminal case and the guilty person entered by the judge into the dialog box (interface) of the “Electronic scales of justice” [1].

Further, it is also noted that its independence from periodic changes in criminal legislation, including criminalization and decriminalization, changes in the sanctions of its Special part of

the Criminal Code of the Russian Federation, its terms or sizes is another characteristic feature of the electronic system for determining punishment. For these purposes, in all algorithms to individualize punishment, instead of the names of specific types of crimes, their categories are used, and the calculation of the terms (sizes) of punishment is carried out in the fractional calculation based on special formulas, the universality of which allows to adapt the "Electronic scales of justice" to any additions and changes in the Criminal Code of the Russian Federation to the maximum extent. Such issues as the nature and degree of public danger of a particular offense, its features, determined by the object of encroachment, remain outside the scope, or, more precisely, are significantly limited and formalized. Besides, there are proposals to change the current approach to categorization of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation by taking the standard sanction as a basis for dividing crimes and including all types of punishments in it.

It is indicated that "this will allow assessing public danger of a specific corpus delicti only by pointing to a particular category of crime, simplify the solution of a number of problems when applying the retroactive force of the criminal law" [5]. In this regard, the point of view of A.V. Korneeva seems to be correct that the categories of crimes cannot affect the character, since, on the contrary, the category depends on the nature and degree of public danger [11].

We fully agree with A.P. Kozlov's statement that the nature of public danger of the type of crime reflects typical properties of this particular type of crime (theft has its own signs, murder has its own, hooliganism has its own, etc.) [7]. Thus, we cannot achieve a proper differentiation of punishment based only on categories of crimes.

For instance, F.S. Brazhnik notes that the nature of public danger of a particular type of crime is determined by the features specified in this article, reflecting:

- value of the goods encroached upon by this act;
- danger of the method that is used to cause harm;
- size of damage caused;
- conditions under which harm is caused;
- form of guilt or its type;
- sometimes personal qualities of the perpetrator of the crime" [10].

Since the indication of specific types of crimes is absent in the electronic justice system proposed by Kh.D. Alikperov, in our opinion, the degree of public danger of specific crimes will be ignored when sentencing, and, as a consequence, the principle of differentiation of criminal responsibility will be violated.

In accordance with Part 2 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation, when imposing punishment, circumstances not provided for in Part 1 of this Article may also be taken into account as mitigating. How is it possible to program these circumstances, recognized as mitigating in each case, in advance?

We believe that substantiation of extreme necessity and expediency of digitalization of sentencing is a rash decision, while at the same time we suggest paying significant attention to improving the current criminal legislation, creating a formalized system of sentencing rules that introduces clarity and uniformity in law enforcement practice. So, for example, it seems reasonable at the legislative level to resolve issues related to broad judicial discretion in matters of exemption from criminal liability due to active repentance and fixing cases, in which it is the duty of the court. Besides, it is required to consolidate cases in which the court is obliged to impose punishment according to the rules of Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation (appointment of a milder punishment than is provided for this crime).

This is also indicated by positive foreign experience of legal regulation, in particular, the criminal legislation of Spain, Italy, France, the USA is characterized by a fairly high degree of sentencing rules formalization.

For example, Spanish criminal legislation has the norm (Article 66 of the Criminal Code of Spain), which regulates in detail the actions of a judge (court) when choosing a specific punishment for a person found guilty of committing a specific crime. So: 1) if there are no aggravating or mitigating circumstances, or when there are both, the court individualizes punishment, assigning it in accordance with personal qualities of the offender and severity of the act, which is reflected in the verdict; 2) if there are one or more mitigating circumstances, the court appoints punishment according to the lower limit of the sanctions established by law; 3) if there are one or more aggravat-

ing circumstances, the court appoints punishment according to the upper limit of the sanctions established by law; 4) if there are two or more mitigating circumstances, the court can impose punishment for one or more two degrees below what is provided for in the law. [12]

One of the promising areas of development of the state's penal policy is the use of artificial intelligence in crime prevention, in particular in the systematic analysis of convicts' behavior, monitoring and identification of potential victims of crimes in places of deprivation of liberty (with regard to the level of penitentiary crime, conflicts between convicts, the vulnerable status of many of them) in order to conduct further victimological measures with them.

The problem of penitentiary institutions that exists both in the Republic of Armenia (as evidenced in the 2021 Annual report on activities of the Republic of Armenia) and the Russian Federation is provision of appropriate psychological assistance to convicts, manifested in frequent cases of suicide of convicts, insufficient and ineffective activities in this sphere. Thus, we propose to introduce an artificial intelligence system into the analyzed area, assigning it also the task of identifying persons prone to committing suicide in correctional institutions.

Foreign experience also testifies to broad prospects and significant positive results of the use of artificial intelligence in crime prevention and forecasting. For example, the analytical software package CEG (USA, 2016) helps analyze risks of committing a crime in a certain area, based on data obtained from social networks, video cameras, weather forecasts, etc. [2]. Introduction of artificial intelligence into the process of execution of sentences as one of the means of preventing recidivism also deserves attention.

The Ministry of Justice of the Russian Federation has proposed to create an independent structural unit in the Federal Penitentiary Service, responsible for digital transformation of the department. The use of artificial intelligence in correctional institutions will lower the workload of employees and create additional opportunities for effective prevention of offences. A significant role will be played in prevention of convicts' suicidal tendencies and conduct of the most focused individual work with such persons. With the help of systematic video surveillance of convicts' behavior, analysis of their connections (fre-

quency and other factors) both with convicts and the administration of penal institutions, the program will be able to come to a conclusion about their suspicious behavior.

In places of detention, criminal subcultures, criminal infection of convicts, and their adoption of criminal traditions and ideology are widespread. The study of foreign experience is interesting in the analyzed context. For example, in May 2021, the first smart prison Tai Tam Gap was open in Hong Kong. Artificial intelligence plays a role of the warden: it remembers each prisoner in person, always knows where he/she is and what he/she is doing, is able to raise the alarm in case of fights, inappropriate behavior or suicide attempts, monitors the regular electronic journal and the self-management system of the cell inhabitants.

Meanwhile, the problem of penitentiary policy is its focus on preventing criminal behavior not only of convicts, but also of the administration, in particular, commission of corruption crimes. It is also possible to use capabilities of artificial intelligence to prevent escape from prison.

It should be noted that in the Republic of Armenia, in 2022, the video surveillance system consisting of more than 400 video cameras was installed in the penal executive facility "Armarvir" to ensure transparency of activities of the penitentiary institution. With the help of this video surveillance system, the goal is to eliminate lawlessness and consequently protect human rights. The installation of this system will be important in the fight against drug trafficking, gambling, pressure and attacks on prisoners [4].

A very important direction is precisely ensuring convicts' safety in correctional institutions, identifying questionable frequent contacts of convicts with each other in order to prevent criminal infection.

It is worth mentioning that the Russian Federation plans to introduce the "Digital platform for the environment of labor adaptation of the Federal Penitentiary Service of Russia", focused on monitoring and analyzing convicts' labor activities [3].

The use of artificial intelligence in prisons to analyze types of prisoners' behavior will be beneficial for both detainees and prison staff, as it will be possible to identify situations of potential harm. For instance, it will be easier for those on duty to notice signs of disposition to self-harm in prisoners.

The IT solution called “Facial recognition system, behavioral analysis and post-analysis of the collected data within the digital profile of the convict to adjust the resocialization program based on artificial intelligence” is to be established in 380 prisons and colonies.

Besides, artificial intelligence can be introduced into practice of executing other types of punishments, such as compulsory labor, correctional labor, forced labor, boosting effectiveness of timely detection of violations committed while serving these punishments by convicts.

In the context of the cybercrime spread, which often acquires a transnational character, it seems especially relevant to remove offenders from digital reality. This issue has been widely discussed and applied in foreign countries. The Russian Federation has certain experience in its application as well. For example, according to verdict No. 1-173/2017 of November 22, 2017, M.M. Magomedov was sentenced to imprisonment with deprivation of the right to use the information and telecommunication network “Internet” for a period of 2 years for committing a crime under Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation. Such withdrawal from the digital environment can have a certain criminological preventive effect on the convict. However, it is rather problematic to restrict access to the Internet completely to the convict and control actual execution of this prohibition by convicts.

The difficulties of law enforcement are related to the fact that the orders on restriction of use will be effective only to the extent that this order can be enforced. This may require probation officers to be trained in computer forensics to conduct thorough checks of the offender’s computer, which is hardly possible for most probation services.

Commission of crimes against the sexual integrity of minors on the Internet, in our opinion, is of a particular danger.

There is no similar qualifying circumstance in Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, however, the Order of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of December 4, 2014 “On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual” stipulates that such actions in which there was no direct physical contact with the body of the injured person, including actions committed using the Internet, other informa-

tion and telecommunication networks, can also be recognized as depraved. We believe that given the rapid development of crime through the use of digital technologies, their cross-border nature, possibility of involving an unlimited number of minor victims, the Russian legislator should borrow experience of Armenia, France, and Iceland and consolidate commission of the noted criminal act using the Internet as a qualifying feature.

Summing up results of the study, it is necessary to note rapid development of public relations, entailing digitalization of various areas, which in turn requires an adequate response at the legislative and law enforcement levels. It is necessary to state once again our disagreement with introduction of artificial intelligence directly into the sentencing process, which, in our opinion, levels such categories as legal awareness, internal judicial conviction, manifestation of an individual approach when considering each specific case, taking into account all the circumstances of the deed. We believe that in an effort to avoid numerous issues arising in connection with the wide scope of judicial discretion, it is not necessary to look for alternative ways in the form of the use of artificial intelligence. The solution to the problem is seen in improvement of the current legislation on the basis of key directions of the state criminal policy, based on the proclaimed principles of legality, justice, and humanism. The limitation of judicial discretion is necessary when solving various issues, in particular, when releasing from criminal liability (in connection with active repentance, for example), in which, unfortunately, the norm is of a discretionary nature, while the absence of a person’s guarantee to be released from criminal liability negatively affects his/her corresponding positive post-criminal behavior. It is also necessary to refer to Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is also of a discretionary nature and provides judges with ample opportunities for discretion. It is important to focus attention on the solution of these issues; therefore, we believe, without exhausting available opportunities and capacities, it seems hasty to transfer the function of the justice administration to artificial intelligence (in the context of the desire to reduce judicial discretion).

At the same time, we have outlined quite broad opportunities for digitalization of the process of execution of punishment, in par-

tical, as noted above, it is necessary to use capacities of artificial intelligence as an auxiliary tool (not imperatively) in the prevention of penitentiary crime among convicts; monitoring their personality throughout the process of serving a sentence in order to address is-

ues related to application, for example, of incentive measures, resolution of issues of parole from serving a sentence. Artificial intelligence can also assist in identifying and preventing the widespread spread of criminal infection among convicts.

REFERENCES

1. Alikperov Kh.D. *Elektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya* [Electronic technology for determining the measure of punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr, 2020. 170 p. ISBN 978-5-94201-806-1.
2. Alpeeva O.I., Bushueva A.V. Use of digital technologies and artificial intelligence in crime prevention. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of the Penza State University*, 2021, no. 3 (35), pp. 54–62. (In Russ.).
3. Russian prisons are to introduce a neural network. *Lenta.ru: sait* [Lenta.ru: website]. Available at: <https://lenta-ru.turbopages.org/turbo/lenta.ru/s/news/2021/11/02/cifra/> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
4. The video surveillance system consisting of more than 400 video cameras was installed in the penal executive facility “Armavir”. *Ugolovno-ispolnitel'naya sluzhba Ministerstva yustitsii Respubliki Armeniya: ofitsial'nyi sait* [Compulsory Enforcement Service of the Ministry of Justice of the Republic of Armenia: official website]. Available at: <https://penitentiary.am/ru/novosti/V-UJU-“Armavir”-ustanovlena-sistema-videonablyudeniya,-sostoyashchaya-iz-bolee-chem-400-videokamer-> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
5. Valeev M.T. A typical sanction as a criterion of the categorization of crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 2 (8), pp. 29–34. (In Russ.).
6. Inogamova-Khegai L.V. Qualification of crimes using computer technologies. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the 16th International scientific and practical conference]. Moscow: RG-Press, 2019. Pp. 51–55. (In Russ.).
7. Kozlov A.P. *Ponyatie prestupleniya* [The concept of crime]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. 819 p. ISBN 5-94201-263-6.
8. Christie N. *Predely nakazaniya* [Limits of punishment]. Moscow: Progress, 1985. 176 p.
9. Oranzhireev N. D. *Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoi zavisimosti (ideya i skhema primeneniya)* [Crime and punishment in mathematical dependence (idea and scheme of application)]. Moscow: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerov i Co, 1916. 69 p.
10. Kazakova V A. et al. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnyk* [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Moscow: Yustitsinform, 2004. 575 p. ISBN 5-7205-0561-X : 5000.
11. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnyk* [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook]. Ed. by L.V. Inogamova-Khegai, Al. Rarog, A.I. Chuchayev. Moscow: Infra-M, 2005. 560 p. ISBN 978-5-98209-032-4.
12. *Ugolovnyi kodeks Ispanii* [The Criminal Code of Spain]. Ed. by N.F. Kuznetsova, F.M. Reshetnikova. Moscow: Zertsalo, 1998. 218 p. ISBN 5-8078-0012-5.
13. Federal sentencing guidelines manual 1994. *United States Sentencing Commission: website*. Available at: <https://www.ussc.gov/guidelines/archive/1994-federal-sentencing-guidelines-manual> (accessed April 15, 2022).
14. Loomis v. Wisconsin. *SCOTUSblog: website*. Available at: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (accessed April 15, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adelina A. Sargsyan – PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law of the Institute of Law and Politics of the Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia, adelina-sargsyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2874-9676>

Received April 15, 2022

Research article

UDC 343.97

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004

Introduction to Ethnocriminology

YURII M. ANTONYAN

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Abstract

Introduction: the article considers crime from ethno-religious perspectives and in the context of interethnic conflicts, pays special attention to extremism and terrorism, and identifies critical features of these phenomena. The author emphasizes that extremism and nationalism in politics can put humanity on the brink of disaster. *Task:* to draw attention to insufficient study of crimes of an ethnic and ethno-religious nature, substantiate the need for criminological ethnological research aimed at developing new general theoretical approaches to understanding crime, its causes and measures to combat it. *Methods:* the axiological approach is a methodological basis of this research. To solve the research problem, general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition, such as systematic, formal legal, sociological, etc., are used. *Results:* the author considers problems of fanaticism in ethnic and ethno-religious groups and emphasizes its particular danger. It is noted that it is fundamentally wrong to assert that there is a civilization that is at enmity with the rest of the world, since civilization includes not only a religious component. *Conclusions:* the state can successfully resist nationalism and ethno-religious fanaticism; in countries where these phenomena are punishable, criminals may renounce their beliefs.

Keywords: ethnic; ethno-religious; fanaticism; extremism; Nazism; ethnic and ethno-religious conflicts; ethnocriminology.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

Citation: Antonyan Yu.M. Introduction to Ethnocriminology. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2(58), pp. 153–160. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.004.

Crimes of an ethnic and ethno-religious nature are insufficiently studied in Russian criminology, except for modern ethno-religious terrorism. Meanwhile, as it is well known, ethnic and ethno-religious factors play an important role in the life of mankind, therefore, they cannot but influence crime, in some epochs significantly. Knowing them is important, especially in multinational and multi-confessional Russia.

Ethnology is the science of nations and peoples, including those who have not reached the status of a nation, studying their characteristics as a nation and people, their culture, customs, traditions, archetypes and symbols. Its subject also includes religiosity, theistic positions, perversion of religious ideas and fanaticism arising on such grounds, which is especially important for law and order.

Conducting ethnocriminological research, it is necessary to abandon the idea of the transitory nature of the sense of ethnic and religious affiliation and the national and religious intolerance that grows on its soil, its limitation by narrow historical limits and the level of social development. The national character does not change due to shifts in the external material environment.

In our opinion, the national character is a combination of historically stable socio-psychological, moral and spiritual characteristics of a given nation, expressed in national and religious symbols, national and religious values. It is associated with historical, including unre-membered unconscious collective experience, sometimes millennial, of a given nation or peoples, generated by it and can be considered the spirit or soul of a nation or peoples.

Such a character is stable, moreover, very conservative, inflexible, and reluctant to adapt to new conditions. But even adaptation by no means indicates a significant change in the ethnic formation itself and its religious and cultural basis. They, like individuals, can be transformed due to external stimuli, thus often creating the illusion of changes in these traits, therefore, it is crucial to take into account that external social conditions have relatively weak possibilities of influencing the core of the national and religious spirit, if we understand by it what arises as a result of the functioning of the collective unconscious by archetypal mechanisms and is the basis of existence of this ethnic group or religious group.

One of the paradoxes that give rise to religious and nationalist terror is that nationalists and religious extremists react very acutely to real or imaginary insults to their nation. Although they are usually completely insensitive to the humiliations and insults that other nations themselves or their individual representatives are subjected to.

Summarizing, we can identify the following grounds for interethnic conflicts, which they try to solve with the help of terrorism sometimes:

- desire to redistribute certain vital resources and natural wealth;
- mismatch of ethnic, national and religious borders, presence of territorial, political, and other claims of one nation to another; desire to make one's country mononational or monoreligious;
- impairment of nations' rights to self-determination (here we mean only those cases when they in fact have the right to claim sovereignty);
- desire of some national group or organization to seize state power by separating it from the rest of the country (sovereignizing) (surely, this is not reflected in slogans designed for mass consumption;
- violation of the personality rights of representatives of a certain nation (ethnos); humiliating, dismissive attitude towards them; failure to take necessary measures for their economic and spiritual development;
- desire to demonstrate one's superiority to another nation, peoples, or race and, at the same time, intimidate it. Sometimes this is provoked by impoverishment of the population, when they have nothing left but their national identity; marginal consciousness, as you know, can transform into national socialist (Nazi, fascist, racist) one;
- variety of people's ideas about national wealth, national dignity and national or racial interest, in which the most archaic, even primitive roots can be manifested.

- inept, ill-considered policy of the central government in relation to certain national regions; failure to take measures to neutralize negative consequences during restructuring of hierarchical structures and violation of the previous balance of power and capabilities.

- desire of any nation (ethnos), or race to preserve its national identity and in this regard resistance to another way of life, worldview and ideology, or other values imposed by authorities or other structures.

- emergence of a shadow national component in the formation of the national bourgeoisie and entrepreneurship. In some cases, they may resort to nationalist terrorism to defend and assert their economic interests, i.e. on the basis of wild market competition. In our country, organized criminal groups used terror against others under the guise of nationalist ideas.

- unwillingness of the authorities (at different levels) and the intelligentsia to outbreak of nationalism and inability to predict it in time, take preventive measures, and stop destructive behavior.

- political struggle based on religious, national or nationalist or racial movements.

- prevalence of sovereignization processes over economic expediency, political, spiritual, and other interests and values, promotion of maximalist demands, not confirmed by reality.

- growth of unemployment, especially in large cities with a diverse national and racial composition: minorities, i.e. refugees and migrants, will be blamed for the lack of work.

The hierarchy of causes of interethnic conflicts varies among different peoples and may change over time; but it seems that it is still stable over a long period of time.

Naturally, the question arises: what the role of religion in generating and provoking ethno-religious crime is? The answer to it cannot be unambiguous.

To begin with, the sacred texts of different religions contain calls for violence or justify its use. In this sense, the Koran, for example, almost does not differ from the Bible, especially from the Old Testament. What is more, a lot depends on the interpretation of specific texts, i.e. on the position of the one who does it. That is why there is no reason to consider the same Koran as the main source of Muslim extremism. But even if the sacred books do not shy away from violence and one can get inspiration and justification for terrorism there, then religion turns out to be very involved in such a phenomenon. Revelation of Saint John the Theologian (Apocalypse) is very eloquent in this sense.

Besides, it is religion that is very sensitive to all encroachments on what it considers its

sanctity or important value. It is ready to protect it also through aggression, and in critical situations it is especially prone to a black-and-white perception of the world, dividing everyone into friends and foes.

The Church makes purely religious symbols the national heritage of the people and basis of their culture, declaring them inviolable and especially revered. People perceive them as such and therefore regard a real or imaginary infringement on them as the greatest danger, which should be avoided at all costs.

What is more, the sacred texts condemn violence and preach love, forgiveness and mercy. And in this respect, the Koran is no different from the Bible. Therefore, the fight against terrorism presupposes maximum reliance on religion and church ministers of all faiths.

Many authors distinguish between postulates of Islam and provisions of Sharia, which is a set of prescriptions governing the behavior of a Muslim in various life situations. Some authors believe that the public law of Sharia does not represent the law of Islam, which modern Muslims are obliged to follow in fulfillment of their religious duty. Sharia sometimes directly contradicts international law, which is not surprising, since it was formed in a completely different era. While the UN Charter prohibits the use of force in international relations except in cases of self-defense, Sharia, on the contrary, gives such permission in the name of spreading Islam and maintaining the purity of faith. Sharia legalizes slavery as one of the options for treating prisoners of war (execution and release with or without ransom, depending on the will of the winner, are other options). Sharia accepts discrimination by gender and religion and punishes deviation from Islam with the death penalty. Being created by Muslim lawyers in the first three centuries of Islam, Sharia, although it comes from the Koran and the Sunnah, is not sacred in itself.

Undoubtedly, the extremes of sharia in civilized Islamic countries are officially excluded, but they can persist in certain social groups.

In Islam, the right to declare and wage a holy war on behalf of the state, i.e. in order to repel aggression and protect freedom of religion, belongs only to the state itself. Individuals, public and religious communities are not entitled. It is noteworthy that the correct interpretation of the Koran can be given only by scientists who know both the context and the history of its revelation. The Koran states that "there is no compulsion in religion" (2:256), i.e. it explicitly prohibits forced conversion to Islam. Meanwhile, in justification of crimes against non-Muslims, Islamic fanatics use the following Koranic law: "And kill polytheists wherever

you find them... O Prophet! Fight the infidels and hypocrites and be merciless to them" (9:5, 73). To justify the aggression against non-Muslims, the following statement of the Prophet Muhammad is also cited: "I was ordered to fight with people until they testify that there is no deity except Allah, and Muhammad is His Messenger, they start performing prayer and giving zakat, if they do this, their lives and property will be under my protection, otherwise they should be treated according to the law of Islam, and the judgment over them is in the hands of Allah Almighty". Both statements directly call for violence and can indeed be used to justify terrorism. However, we should bear in mind that they were written in the 6th century and addressed to completely different people for different purposes. Calls for violence can be found in the Bible in abundance as well.

However, nowadays Muslims come to the conclusion that Islam unequivocally condemns terrorism, violence can only be used as a way to protect this religion. Contrary to Islamic extremists' claims, they do not serve Islam, but harm it.

How can we describe the current ethno-religious situation in the world and what is its essence and main causes? We believe that it is mainly a clash of two world cultures – Islamic and Christian, East and West, if we understand them not geographically, but as areas of distribution of certain civilizations. It is a clash of two mentalities, two worldviews, two attitudes to life and work, to oneself and the world around us. The essence and content of these conflicts need constant in-depth and thorough research.

To begin with, one can see here the envy and even hatred of the relatively poor and not possessing sufficient military power of the East towards the rich, prosperous, leading a prestigious existence, having indestructible military forces of the West, moreover, not always fair and often aggressive towards its needy neighbor. That is why the World Trade Center, a symbol of the West's economic prosperity, and the Pentagon, a symbol of its military might, were attacked on September 11, 2001.

The Islamic East has no way to resolve the conflict with the West through military force, so it resorts to terror, which, as in other cases, becomes a weapon of the weak. In addition, the open use of military force is possible only on the part of the state, but no Muslim state expresses such a desire, and many of them really do not want any conflicts, but are simply unable to curb their terrorists.

Why does the modern terrorist aggression come from the Islamic, and not from any other extremists?

It would seem that most of the terrorists come from poor countries, which now have no chance of approaching the developed ones. This is true for Afghan and Iraqi Al-Qaeda fighters, Pakistanis and Algerians, Chechens and other representatives of the North Caucasus who were involved in terrorist actions. However, a closer analysis shows that many terrorists are not poor at all and fight for the sake of the idea. In addition, we can name a number of the poorest countries in the world that do not take any part in terrorism, have no idea about it at all. Consequently, it is not poverty or, more precisely, not so much poverty that can be the cause of terrorism.

In our opinion, the essence of the problem is that Islam is the youngest of the world's religions. Others, such as Christianity, Buddhism, Judaism, Hinduism, have long defined their place in the world, their identity and subjectivity. They have nothing to search for. Islam's attempt to find its own identity, often realized in a violent form, should not be surprising: at certain stages of development this was also characteristic of Christianity and some other religions (we can recall the Crusades, St. Bartholomew's Night in France, the Inquisition, etc.).

However, to say that the entire Muslim civilization is at war with the rest of the world would be fundamentally wrong, since civilization does not only consist of the religious component, which, in turn, is also not guided by aggressive attitudes only. The majority of Muslim clerics, as well as ordinary believers, actively and constantly oppose violence.

There is another significant circumstance: Islam in some backward countries (Afghanistan) forms and cements a traditional society, which has long been replaced by an industrial and post-industrial one, created primarily by Western Christian civilization. In addition, Islam sometimes, but not in everything, shows conservative trends, stubbornly defending the most archaic forms of human existence and their daily communication, and therefore perceives and evaluates anything from the Western world very hostilely.

Meanwhile, its influence in the conditions of modern globalization is active and even destructive for the values and symbols of traditional and any serious threats are perceived by this society extremely painfully. Modern extremist movements are gaining popular support, denying the very need to accept and even simply respect Western values. As a program of action, they call for living to meet the laws of Islam. We emphasize that we are not talking about Islam in general, but about extremist movements.

Admittedly, the West has simplified the task for theorists and ideologists of terrorism. Mere enumeration of acts of violence and injustice against Islamic countries, including in past colonies, causes violent resentment of Muslims and outweighs all positive economic consequences of relations with the West. Of course, one may urge the West not to put pressure on Eastern civilization, not to impose its values on it, but how realistic it is? Can it weaken intercultural contradictions? Will it help to overcome the largely negative attitude of the East? The answer will be negative, since some eastern Islamic countries may remain poor, it will not be possible to make them civilized "in their own way".

We face an unsolvable problem: the attitude of the population of the West and the East to work is completely different. The East will remain poor until it radically revises its attitude to work and removes all obstacles to improving its efficiency. However, there is a fear that this is an intractable problem, and the East will remain poor, since the work of its citizens in some countries does not meet the requirements of modern standards and lead to prosperity.

It should be borne in mind that competition and, in connection with it, conflict relations between the Christian and Muslim churches developed back in those distant centuries when Islam had just begun to spread in the world.

Extremist crimes are often committed in the field of ethno-religious conflicts. Extremism is a universal concept, it includes dangerous, even extremely socially dangerous phenomena, but in no case useful, even exceptional, overcoming certain boundaries and showing new frontiers of human capabilities, which then can become the norm. This is very likely in sport, in scientific research based on experiment. However, extremism and nationalism in politics, for example, and further development of mankind, can put it on the brink of disaster.

Critical features of ethno-religious and nationalist extremism are the following:

1. Ethno-religious extremism constantly sets goals that are difficult to achieve or even unattainable.
2. Extremist organizations can fight for political power themselves, or they can be used by any communities in the struggle for political power.
3. Such organizations are characterized by the division of the world into their own and others, into black and white, fairly clear representations of the enemy, but mainly of its external signs and manifestations that cause envy and a sense of injustice. The enemy is a permanent, enduring figure, an archetype.

4. Disrespectful attitude towards other cultures that seem unnecessary, harmful, subject to destruction or, in any case, should be taken under full and strict control.

5. Constant concern about acquiring supporters, allies, and like-minded people from among crowd, but the crowd that is not a gathering of people before a football match, but masses of people, illiterate, simple-minded, gullible, mainly from the middle and lower social strata of the population. To do this, extremists use all the media available to them, the Internet, and information networks. The crowd is the main creator and guardian of ethno-religious and nationalist mythology. The crowd itself can provoke and carry out extremist violence.

6. The most favorable ground for ethno-religious and nationalist extremism is a crisis society, but extremism can also appear in a prosperous society, striving to make it a crisis, especially if it receives help from outside.

7. If we keep in mind Islamic ethno-religious (more often religious) extremism, it should be noted that Islam itself emerged 6–7 centuries later than, for example, Christianity.

8. Technological equipment, fluency in modern means of communication, allowing to engage in the fight against state communications agencies and obtain the information necessary for terrorists.

When assessing ethno-religious risks, it should be borne in mind that religion does not play such a significant role in modern history as it did in the Middle Ages and the ancient world. It seems that criminological ethnological research can lead to emergence of new general theoretical approaches to understanding crime, its causes and measures to combat it.

Belonging to a nation or religion can cause fanaticism, generated by a passionate, even to the point of self-forgetfulness, desire to protect them from real or imaginary enemies, achieve victory and complete triumph. The idea of the nation and religion, their perception and significance predetermine the essence of the personality. Along with such an attitude to them, it is very dangerous to have an indisputable possession of the most important truth, the knowledge of how to get to heaven or create it on earth.

P. Konzen writes about fanaticism that a “large number of people are seized with uncontrollable fanatical emotional reactions, enthusiasm, indignation, passionate hatred, which can easily turn into unbridled violence and desire for destruction. This refers to the crowd calling for total war in the Berlin Sports Palace, the rampaging Hindus who destroyed Ayoja Moshe

in December 1992, or the desperate mourning filled with hatred during the funeral rituals of the executed Palestinians. Mass mobilization is an ancient trick, which in the 20th century became a scientific experiment. The constant question is whether rationally disciplined forces will win during general strikes, or an uncontrolled furor will break out during the onset of the protest. Great political changes have always been possible only due to united collective forces. On the other hand, the rebellious masses, in an exalted sense of universal solidarity, could underestimate the strength of the enemy. They could – as in the uprisings of slaves and peasants – be brutally beaten with batons. Being in the crowd, a person is especially prone to “get infected” by the fanatical. An individual falls into a “collective whirlpool”, into the abyss of primitive feelings. Everything that has been building a differentiated identity in a person for centuries disappears instantly. Collective intoxication suppresses the whispering of the critical-self, ethical motives – even high education and extraordinary intelligence – are often unable to protect from this disorganization” [2, p. 115].

Fanatics are very often filled with hatred and even hysteria, strive to dominate and suppress, in many cases they intend harm, including extremely cruel. Fanatics are narcissistic, they can admire themselves, they supposedly know the idea that will save people, not realizing that unshakable faith in it deprives them of freedom, because they cannot go beyond it. Outstanding personalities, gripped by fanatical fervor, incite the masses and subjugate them during the years of crises, while committing the most terrible crimes. All of them are demagogically justified by the fact that they are allegedly committed for the benefit of the people, who believe in it because they themselves passionately desire it.

National, or rather nationalistic and ethno-religious, fanaticism leads to a loss of connection with reality. At the same time, control over the loyalty of other people of the same nationalist or ethno-religious group to a common idea is being strengthened. Its leaders and most passionate members may seem to be only fighters for the rights of their humiliated people or their only true religion, but they show their deadly determination when it comes to fighting. Then they show fanaticism and cold-blooded cruelty. For some fanatical leaders, the persecution of people of a different national, religious and racial affiliation is a way to satisfy their gaming potencies and realize their sadistic drives. Being successfully opposed by the state, they may give up their fanatical lies under threat of punishment.

P. Konzen believes that some "leading" fanatics, obviously meaning, for example, Hitler, left an indelible imprint on their era, while others were killed like rabid dogs. The thirst for revenge has always fueled protracted conflicts between peoples and religious denominations, which manifested themselves in the form of irrational forms of retaliatory violence. In the past, political regimes always maintained their power through fanatically brutal repression. On the other hand, fanaticism inspired the masses, who set in motion the most important historical events, and each time at the most terrible cost.

In almost all forms of philosophical ethics, there are calls for abstinence, "apathy", curbing rage; the founders of religions and saints also called for sympathy, forgiveness and mercy. But, at the same time, it was the religious leaders who, as if they had broken loose, could conduct a dogmatic struggle against manifestations of evil, questioning the existence of the "spark of God" in man.

In the age of globalization and urbanization, there is inevitably a mixture of peoples, but it is unlikely that someday, even in the very distant future, humanity will turn into a single people. Such a merger will never happen, because peoples live in different social, socio-psychological and geographical conditions, develop at different rates and with different historical memories. But if such a merger happened, it would be a misfortune for the whole world, people in it would become monotonous and gray, all the unique, special beauties of language, religion, customs, art, etc. would disappear. Meanwhile, culturologists have long known that different peoples have the same or similar customs and traditions, myths and fairy tales, rules of behavior and even forms and ways of violating them. For example, the myth of the world flood has become widespread. D.D. Fraser writes about it this way: the similarity is explained by a simple borrowing with some more or less significant modifications, but there are many cases when similar customs and beliefs of different peoples arise independently of each other, as a result of the same work of human thought under the influence of similar living conditions [5, p. 64].

These factors, differences and similarities of peoples determine the structure, nature and dynamics of crime among them. Even in the conditions of living in one city, some national groups, as a rule, constituting a minority of its population, isolate themselves from the rest and behave to meet not only common requirements, but also those specific of this nation. Voluntary isolation is very relative, since no one can completely or

mostly isolate themselves from other people, excluding religious fanatics with damaged psyche. Some small or scattered peoples, for example, Gypsies and Yezidis, are capable of voluntary or, in fact, forced isolation in certain countries. Compulsion may consist not in the forceful pressure of the state, but in the displacement of such peoples by society with the tacit consent of the same state.

But it should be emphasized once again that the creation of informal, national, isolated groups is not always a consequence of external, even disguised pressure, and in many cases a conscious or unconscious desire of national (and religious) groups to preserve their identity and their values. Although this requires a criminological assessment, but in general there is a huge benefit for humanity, since it does not allow it to turn into a dull and standard landscape. Undoubtedly, not all representatives of this people, even in one city, are closed within the framework of their national association. Obtaining a higher education and work qualifications, as well as accumulating wealth, people leave it (sometimes maintaining a facade of former connection).

Certain peoples may have their own settlements not only within the borders of cities, but also outside them. This is observed in many countries of the world. Their separation from the rest of the population, which makes up the majority in the country, in no way leads to their criminalization; however, certain types of crime can develop there, such as production and sale of drugs, cattle rustling, creation of gangster and extremist organizations, etc.

It is possible to raise a very difficult and even sensitive question, whether there are criminal peoples? The deliberately straightforward question shows that the answer to it should not also be as such.

To begin with, what the adjective "criminal" means in this context, whether it can be used in relation to a particular people. If the answer is positive, it is necessary to explain whether it presumes committing grave, especially grave or insignificant crimes constantly or in some acute periods of its history. It begs comparison of the people with a man; C. Lombroso writes about the latter that there is a criminal person, believing that he/she inherits criminal genes. The evidence of this scientist is based on sociological material, which is absolutely unsuitable and, therefore, his position is untenable. But still, it can be reasonably assumed that the criminal person is a reality. How else can we call a person who was brought up in unfavorable conditions, began to commit crimes even in adolescence, was brought to criminal responsibility 8 times,

and follow prison and antisocial ideas. This is a completely alienated person, and not all through his/her own fault; a considerable share of responsibility lies with the family, school and law enforcement agencies.

It is clear that a person and a people are different phenomena, although people of the nation make up the people. Crimes are committed only by some part of it, but it is known exactly which one. If we analyze the entire history of mankind, it turns out that some peoples, including in antiquity and the Middle Ages, attacked other peoples, usually neighboring ones. They destroyed them in whole or in part, the other part was captured, assimilated. At the same time, the invaders knew that by killing or capturing they were committing crimes, but they were sure that this was their right, that they were obliged to do so, that the defeated peoples themselves threatened them, which gave rise to their aggressive defense, that such peoples were inept and insignificant and they had no reason to live on earth, etc. Such a worldview and such a world interpretation have been popular among the ancient Jews who escaped from the Egyptian captivity, the ancient Romans and other modern peoples in the Middle Ages, modern and contemporary history. We see that civilization does not abolish the laws of history and does not change the psychology of peoples. Hitler's Germany and the people of that time can serve as a proof of this statement.

It was the Germans of such a Germany, and not Germans in general, one of the most civilized and educated nations in the world, who committed extremely cruel and heinous crimes during the Nazi era. Usually they blame Hitler for it, but cannot answer the question why the Fuhrer could not act in Great Britain or Russia, but particularly in Germany. Hitler as a necrophile [4, pp. 319–373] won a complete victory by organizing and implementing an unprecedented genocide and aggression against other countries in history. All this became possible only in Germany, whose history and archetypal values gave him unprecedented power, which he fully used to commit mass murder and destruction.

The Germans proved themselves to be brave warriors back in the era of resistance to the Romans, and at that time there emerged the archetype of the evil blonde gorges, merciless to those whom she considered enemies. For centuries, the cult of militarism and military force was created; so, Kaiser Wilhelm II had six sons and all of them were army officers. The Kaiser was one of the initiators of the First World War. Therefore, the Germans suffered defeats in the wars with Napoleon very painfully and invariably craved revenge.

The explanation of Hitlerism can be found in many works, in particular, H. Arendt, K. Bassiuni, I. Fest, E. Fromm, O.Yu. Plenkov, L. Rees, G. Lewy, K. Jaspers, T. Mann, H. Rauschning, W. Reich, P. Kontsen, etc. Considerations of the outstanding ethnologist and geographer Jacques lise Reclus are important for understanding roots of German militarism and crimes committed by the Germans during the Hitler years. "The Germans, in the end, began to personify their empire as a woman armed from head to toe, threatening someone with her sword. Here one involuntarily recalls the "national" monument of Germany, towering on the high hill of the Niederwald, located on the right bank of the Rhine. The proud, armed statue of Germany, standing above surrounding hills and meadows, looks with hatred over the Rhine, towards France. In this monument, there is a threat not only to France, but to the whole world; every German, looking at this monument, is completely imbued with the consciousness that "Germany is above everything on earth" and therefore meekly makes heavy sacrifices to maintain the greatness and power of his/her beloved fatherland. Similar monuments, only of smaller dimensions, were erected to educate people in many cities and towns of Germany.

Recognizing the main task of the nation to achieve world power with the help of armed force, the Germans, of course, had to create a well-organized state power that could lead the nation to achievement of its ideals. Indeed, the state power in Germany has reached its highest development and there is no government in the world, whose representatives enjoy the same honor as in Germany" [3, p. 12].

E. Reclus cites a children's song, widespread in German rural schools back in the 19th century.

"Trumpets sound solemnly,
And banners are noisily unfurling.
March, march on the enemies in the name of God!
Chop them down until they all burn!
Beat them, do not give mercy!
If you cannot lift the sword,
Then strangle your enemies without being timid".

The very names of the Hitler era (Nazism) and the Hitler's Party (National Socialist" indicate not only the criminal regime in Germany, but also that all the monstrous crimes of the Germans were of a national character. Of course, not all Germans were affected by Nazism, but a significant majority of them were. There is every reason to think that all this was in the past, although in the recent past. But, of course, Germans, like any other nation (and race), can by no means be called criminal. Crimes are committed by individuals, perhaps even the majority of people of this nation

or racial group, but not the entire nation or racial group. Besides, any of these ethnic units can live in different countries.

We agree with H. Arendt that comparing the absolutely innocent Jewish people with the absolutely guilty German people does not mean that it is possible to make the entire German people look as guilty as the Nazis did with the Jews. Establishing and maintaining such differences would mean establishing and maintaining a permanent hell on earth [1, p. 349]. This, of course, does not mean that the German people do not bear any responsibility to the whole world, because it and no one else brought Hitler to power, which was officially handed over to him by President Hindenburg, who supported him in everything, applauded him, believed him implicitly, moreover, idolized him, not doubting the sanctity of his orders at all. Hitler and his criminal regime, with the almost full support of the people, attacked countries and peoples who obviously could not resist them, but showed a complete lack of strategic thinking by entering into war with democratic countries and the USSR. They were simply short-sighted.

A new post-communist Russia in the crisis period of its youth faced an acute national problem – the Chechen one. At first, people of non-Chechen nationality were forced out of Chechnya, and the civil war of this region with the rest of Russia began. Peace in this small republic was achieved at the cost of thousands of lives on both sides, but Chechen radicals often resorted to terrorist acts due to military actions, which is always characteristic of the weaker side of the conflict. At the same time, the following very im-

portant circumstance should be taken into account: the Chechen authorities and the people of this country were at war with Russia not because they hated Russians, Ukrainians, etc. Chechens would do the same if their freedom was hindered by the French or the Japanese, i.e. they fought with the Russian government, with a force that does not give them the opportunity to become independent, but not with other peoples, living in Russia.

This is not the first time for our country to address a national problem: after the 1917 October Revolution, the Bolsheviks faced a very painful task to restore Russian power in the Central Asian region. It was, basically, a colony of tsarist Russia and this status needed to be preserved.

Uprising of the peoples of Central Asia was not something extraordinary in world history, so did the inhabitants of many colonies of Great Britain, France, Spain and other European powers. Soviet propaganda, of course, did everything possible to denigrate and spit on the movement of Central Asian nations towards independence, presenting them as purely robbers and criminals, and people who took up arms as basmachs. They were heroes in the eyes of their peoples, which the Communists could not agree with in any way, especially since they acted against them with maximum cruelty.

There have never been racial conflicts in Russia, since there is a small number of representatives of the Negroid race in Russia. As for the Mongoloid race, for many centuries, peoples have become so close that they do not notice racial differences.

REFERENCES

1. Arendt H. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Experiences of Understanding, 1930–1954. Formation, Exile and Totalitarianism]. Translated from English by Elena Bondal et al. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara, 2018. 707 p. ISBN 978-5-93255-519-4.
2. Konzen P. *Fanatizm. Psikhoanaliz etogo uzhasnogo yavleniya* [Fanaticism. Psychoanalysis of this terrible phenomenon]. Translated by S.S. Dmitrova. Edited by A.I. Kugai. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2011. 392 p. ISBN 978-969-8324-71-0.
3. Reclus J.E. *Narody i strany Zapadnoi Evropy. Knigi 1–2* [Peoples and countries of Western Europe. Books 1–2]. Ed. by N.K. Lebedev. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1915. 792 p.
4. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow: Respublika, 1994. ISBN 5-250-02472-6.
5. Frazer J.F. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Translated from English by S.A. Tokareva. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1985. 650 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YURII M. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, antonyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-3031>

Received April 5, 2022

Research article

UDC 343

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.005

On Taking into Account the Victim's View in The Process of Differentiation and Individualization of Criminal Punishment

LEV L. KRUGLIKOV

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, krugliko@uniyar.ac.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the question of the permissibility (inadmissibility) of taking into account the victim's view (his/her legal representative) when sentencing by the court. *Purpose:* based on the analysis of Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation and identification of features of their practical application, to show the need to take into account views of the parties when imposing punishment. *Methods:* comparative legal, interpretation, as well as private scientific – legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms. *Results:* it is doubtful when the court takes into account the victim's view (his/her legal representative) as either an aggravating or only mitigating circumstance, since the criminal law (articles 61, 63 of the Criminal Code of the Russian Federation) does not classify it as either aggravating or mitigating. At the same time, the list of aggravating circumstances to date is exhaustive and cannot be interpreted broadly. At the same time, judicial practice knows cases of considering other circumstances not provided for in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation for strengthening punishment, and Part 2 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulates that other mitigating circumstances may be taken into account when imposing punishment. *Conclusion:* the court should always take into account the position of the parties in the criminal process, including when imposing a more or less severe punishment. In this regard, there is a need for clarification by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the corresponding duty of courts when they make decisions on criminal cases.

Key words: criminal punishment; differentiation and individualization of punishment; position of the Supreme Court of the Russian Federation; opinion of the victim; mitigating and aggravating circumstances.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Kruglikov L.L. On taking into account the victim's view in the process of differentiation and individualization of criminal punishment. *Penitentiary science*, 2022, vol. 16, no. 2. (58), pp. 161–165. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.005.

In recent years, and especially in 2021, the Supreme Court of the Russian Federation has persistently drawn the courts' attention to the inadmissibility of their references to the position of the victim when assigning punishment to persons guilty of committing a crime. Thus, reducing the punishment of K., convicted under Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, the Judicial Board for Criminal Cases of the Cassation Court of General Jurisdiction referred, in particular, to the fact that the victim's opinion about the type and size of the sentence in terms of stiffening the latter cannot be taken into account by the court [1, p. 47]. In another case, the verdict was also changed by the appeal decision: the descriptive and motivational part excluded the indication that the victims' opinions about strict punishment of P. were taken into account when imposing punishment [3, p. 29]. A similar position was taken by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in the case of L., D. and Sh.: changing the verdict and the appellate definition, it excluded the mention "on taking into account victims' opinion about strict punishment of the defendants" [2, p. 10].

At first glance, such an explanation is based on a misunderstanding and should be rejected immediately. Indeed, the victim is a party in the criminal process, endowed with a wide range of rights, since physical, property and (or) moral harm was caused to him/her. It is no coincidence that the decision to recognize as victim is taken immediately from the moment of criminal case initiation (Part 1 of Article 42 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). The victim, his/her legal representative is entitled to participate in criminal prosecution of the accused, and in cases of private prosecution – to put forward and support the charge (Article 22 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). The victim has the right to file petitions and challenges, speak in court debates, appeal the verdict, and file objections to complaints and submissions in the criminal case (Part 2 of Article 42 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). When considering the possibility of making a decision on a verdict without a trial, it should be established whether there criminal case has all necessary conditions (Chapter 40 of the Criminal

Procedural Code of the Russian Federation), in particular, the victim does not object to consideration of the case in a special order. If it turns out that the victim expresses disagreement in this part, the criminal case is considered by the court in a general manner (Part 4 of Article 314 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

Criminal legislation also takes similar positions on the issue under consideration. In particular, Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the possibility of exemption from criminal liability on non-rehabilitating grounds in connection with reconciliation with the victim only when the harm caused to the latter is smoothed out. If the victim does not agree to release the perpetrator, if he/she insists on bringing him/her to criminal liability, the application of this benefit to the offender is impossible in principle. Hence, not taking into account the opinion of the victim as party of the criminal process when solving relevant issues, including regarding the scope of criminal liability (its admissibility, type and size), looks inappropriate.

It is important in this regard to identify motives of the Supreme Court's prohibition to consider the victim's position when imposing punishment. According to the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2001 in the case of L. and others, the "victim's opinion on the appointment of strict punishment to the defendant is not attributed by the legislator to the circumstances aggravating punishment, the list of which is established by Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, and reference to this circumstance when choosing punishment is inappropriate [2, p. 10].

It becomes clear that it is inadmissible to take into account such an opinion a) precisely when punishment is aggravated, b) on the grounds that there is no mention of this circumstance in the list of aggravating circumstances.

Does this mean that the victim's opinion on the application of less severe punishment is a mitigating circumstance and it cannot be ignored by the court, and not establishing it and not mentioning it in the sentence is unacceptable? And is the victim's opinion about severe punishment really an aggravating circumstance?

To answer these questions, it is necessary to consider mitigating and aggravating circumstances, their legal nature, and then criteria for their selection for inclusion in the lists of Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, reasons for the inadmissibility of recognizing the victims' opinion about punishment as an aggravating circumstance.

The first complication arises due to the fact that the criminal legislation of Russia has never contained definitions of mitigating and aggravating circumstances. To clarify their specifics, we might correlate them with related concepts, but this is not that simple. Thus, by virtue of Part 3 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, the imposition of punishment involves taking into account the nature and degree of public danger of the crime and the identity of the perpetrator, including mitigating and aggravating circumstances. Thus, the close connection of such circumstances – in terms of content, origins – with the data on the crime and the identity of the perpetrator is emphasized. However, the ratio of the mentioned criteria in Part 1 of Article 6 of the Criminal Code is interpreted differently: punishment imposed by the court should correspond to the nature and degree of public danger of the crime, circumstances of its (crime) commission and the identity of the perpetrator; there is a different understanding of the nature of mitigating and aggravating circumstances; their connection, as well as other circumstances, only with the crime is shaded.

Not dwelling on the mentioned inconsistencies in the issues of normative interpretation of the circumstances under consideration, we can identify crucial features of the latter, such as their origin and the identity of the perpetrator. There are circumstances: a) manifested in the crime; b) not manifested in the crime, but closely related to subsequent behavior of the offender (for example, active repentance); c) unrelated to the crime, but characterizing a danger degree of the individual (for example, a positive household characteristic of the defendant); d) not characterizing a danger degree of the individual (for example, presence of young children, disability).

The first two varieties can be recognized as mitigating, the other two can be recognized by the court as mitigating under Part 2 of Article

61 of the Criminal Code of the Russian Federation (currently it is pregnancy and presence of young children of the perpetrator – paragraphs “v” and “g” of Part 1 of Article 61). Aggravating circumstances are those of the first type (manifested in the crime).

Hence, the attribution of the victim's opinion, that is, the data not manifested in the crime, to the category of aggravating and mitigating circumstances is rather doubtful. They can be taken into account by the court only as a characteristic of the danger of the crime and the identity of the perpetrator (under Part 1 of Article 6 and Part 3 of Article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation), but, according to law, not as mitigating and aggravating circumstances.

It is noteworthy that the circumstances mentioned in the headings of Article 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation are endowed with the function of influencing punishment in a mitigating or aggravating manner; other circumstances are also endowed with this function (for example, characterizing a form of guilt, degree of implementation of criminal intent, role in complicity, etc.). A distinctive property of the circumstances referred to in the law as mitigating and aggravating, in addition to their attribution to the data on the crime and the identity of the perpetrator is significance of their impact on the punishment imposed by the court and liability in general.

Hence, the circumstances under consideration can be defined as data that are derived from the content of the crime and the identity of the perpetrator and able to significantly mitigate or enhance liability and punishment due to their significant impact on the degree of public danger of this crime, and are also able to reflect essential features of the personality of the perpetrator of the crime.

Specific types of mitigating and aggravating circumstances are given in the lists of Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Any circumstances referred to as mitigating and aggravating (both named in the lists and taken into account by the court on the grounds of Part 2 of Article 61) are endowed with two mandatory features: significance of influence and their non-characteristic for most crimes. So, the circumstance that is common for en-

croachments cannot act as aggravating or mitigating (for example, the fact of committing a crime for the first time).

The mentioned features are minimally necessary for any mitigating or aggravating circumstance. But these features are not enough to include a specific type of circumstance in the list – it is required to identify a number of additional features, namely: a) typicality; b) unconditionality (mandatory influence); c) strictly defined direction of influence; d) non-derivation from other mitigating and aggravating circumstances.

Typicality of the circumstances included in the law is understood as the possibility of their presence in a more or less extensive range of crimes. For example, the circumstance described in paragraph “k” of Part 1 of Article 63, in particular the use of primarily generally dangerous means, is conceivable in more than 60 types of crimes. On the contrary, the range of attacks committed in perverted forms or with penetration into the home is insignificant, and therefore such circumstances cannot claim to be included in the list.

Mandatory influence (unconditionality) means that the circumstances described in the list will certainly affect a level (degree) of public danger of the crime, identity of the culprit and particularly punishment. Hence, it is controversial to include commission of the crime against a person “dependent on the perpetrator” (paragraph “z” of Part 1) in the list of Article 63 as an aggravating circumstance, since only substantial, and not any other, dependence is criminally significant.

A strictly defined direction of influence is a feature that underlies the separate existence of two lists (Articles 61 and 63). It means that the circumstances applying for inclusion in one or another list are capable of either increasing or reducing punishment in all cases of crimes. Hence, the law should not include circumstances of a “variable” nature (close relationship, state of intoxication, etc.). The Plenum of the Supreme Court (Paragraph 10 of the Resolution No. 2 of January 11, 2007) emphasized in 2007 that the commission of a crime in a state of intoxication is not attributed to circumstances aggravating punishment, is not included in the list of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. Now, in connection with

the inclusion of this circumstance in Article 63 of the Criminal Code (Part 1.1), the situation regarding this circumstance has changed: on the one hand, as it does not have the property of a strictly defined orientation and binding influence, it is legitimately not included in the list of aggravating factors; on the other hand, the court is granted the right to recognize the commission of a crime in a state of intoxication as aggravating “depending on the nature and degree of public danger of the crime, circumstances of its commission and the identity of the perpetrator” (Part 1.1).

Finally, the list should not include circumstances derived from others that have already been included there, that is, reflected in the law (for example, when there is minority as a mitigating circumstance – an additional indication of the juvenile age of the culprit).

The lists of Articles 61 and 63 of the Criminal Code of the Russian Federation should reflect only the circumstances endowed with the totality of the mentioned features.

As mentioned above, unlike Article 61, Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation does not contain a provision according to which the court could recognize other circumstances other than those mentioned in the list as significantly affecting punishment. This gave the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation [4, p. 4] the basis for the conclusion that the “list of circumstances aggravating punishment is exhaustive and cannot be interpreted extensively” (paragraph 28 of the Resolution No. 58 of December 22, 2015). The reason for closing the list is obvious: the legislator sought to limit judicial discretion, prevent the imposition of undeservedly harsh punishment and show humanism towards a person who has violated the law. Ninety-three percent of 477 practitioners (judges, prosecutors, lawyers) interviewed by us mentioned the same motives.

It should be noted, however, that the legislator has not achieved its goals: judicial practice steadily bypasses the list of Article 63, taking into account numerous circumstances that are not considered as aggravating to stiffen punishment. And this is not accidental, because with the closure of the list, a conflict of laws situation arose: Part 3 of Article 60 obliges the court to take into account aggravating (as well as mitigating) circumstances “among other things”,

that is, it is assumed that there are other circumstances to be taken into account that characterize the identity of the perpetrator and the degree of public danger of the crime. The court has no right to ignore them, which the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is forced to recognize.

If the court takes into account only those mitigating circumstances that are named in the list, ignoring other data aggravating punishment, it will violate the requirement of Part 3 of Article 60 on full consideration of the nature and degree of danger of the crime and the identity of

the perpetrator. If the court takes into account the circumstances not mentioned in the list when strengthening punishment, it will violate regulations on the exhaustive nature of the list.

The way out, taking into account all of the above, is seen in the explanation by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the courts' obligation to take into account the opinion of the parties on the issue under consideration each time when making decisions on a criminal case. To take into account means to consider, evaluate the proposed solution, and include it in the list of issues to be discussed.

REFERENCES

1. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 22, 2015. In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2016. No. 2. Pp. 17–29. (In Russ.).
2. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021) In: *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 10. Pp. 8–72. (In Russ.).
3. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020). *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 5. Pp. 28–72. (In Russ.).
4. Judicial practice of cassation and appeal courts on criminal cases. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2021. No. 8. Pp. 47–48. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LEV L. KRUGLIKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, full member of the International Higher Education Academy of Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department for Criminal Law and Criminology of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, krugliko@uniyar.ac.ru

Received April 4, 2022

Distinctive Features of Resuming Criminal Proceedings due to New or Newly-Revealed Circumstances

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract

Introduction: the article comprehensively examines a procedural mechanism for resuming criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances, specifically designed to ensure justness of judicial decisions. It is applicable in cases when, after the entry into force of a verdict, ruling or court decision on a once-resolved criminal case, certain circumstances become apparent that, for various reasons, have not been known to the court. Moreover, legal significance of these circumstances is so high that it allows the interested party to question legality, validity and fairness of a court decision that has already entered into force. In such cases a verdict, ruling or court order may be canceled, the criminal proceedings resumed due to new or newly-revealed circumstances, and any decisions of all judicial instances without exception that have entered into legal force can be reviewed. *Purpose:* to analyze the practice of applying the procedural institution of resuming criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances and formulate proposals for improving the implementation of opportunities to protect the rights and legitimate interests of participants in the process. *Methods:* theoretical analysis and evaluation of the practical implementation of the institute of resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances, based on generalizations of judicial practice and doctrinal studies of Russian scientists. *Conclusions:* having studied distinctive features of this proceeding, the author comes to the conclusion that the criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances cannot be resumed in case of judicial errors, including those confirmed by additional evidence proving innocence or the lesser guilt of the convicted person revealed after the decision has become enforceable. The court's unawareness during ordinary consideration of the criminal case is the main distinguishing feature of resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances. It determines the specifics of these criminal proceedings and actualizes the question of optimizing the structure of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, through a clear separation of this procedural mechanism from other proceedings aimed at reviewing court decisions.

Keywords: newly-revealed circumstances; resumption of criminal proceedings; conclusion of the prosecutor; new circumstances; revision of judicial acts; right to judicial protection; criminal proceedings.

12.00.09 – Criminal procedure.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shatalov A.S. Distinctive features of resuming criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 166–175. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.006.

Introduction

Adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, which proclaimed human rights and freedoms as the highest value, and their protection as the duty of the state, and recognition of the jurisdiction of the European Court of Human Rights in matters of application and interpretation of the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in 1998 led to the improvement of mechanisms for reviewing judicial acts. Due to the conducted reforms, the court decision that has entered into force in the cassation and supervisory procedure can be reviewed in cases of discovered violations of the law that have affected or could affect comprehensiveness and completeness of the case investigation, correctness of the criminal legal assessment of the act, as well as provision of the rights of participants in criminal proceedings. In such cases, the cancellation of the final court decision and return of the criminal case for a new consideration to the court of first instance or appeal allow the criminal prosecution authorities and the court to eliminate their own violations, regardless of whether they were intentional or were the result of a good faith error. The fact that these violations could and should have been prevented or corrected even before the entry into force of the relevant final decision on the criminal case does not eliminate the need for their subsequent correction. Unlike the review of court decisions in the appeal, cassation and supervisory procedure, the resumption of criminal proceedings is now carried out in connection with identification of such circumstances that either arose after consideration of the criminal case by the court, or already existed at the time of its consideration, but were not known to the court. At the same time, not absolutely everything is taken into account, but only those circumstances that do not allow, ultimately, to evaluate the decisions taken in the criminal case as legitimate, reasonable and fair.

Resuming criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances, the court

ensures not compensation for shortcomings of the prosecution and judicial activity, but the opportunity to study those factual data that the criminal law recognizes as important for determining the grounds and limits of criminal legal protection, but which, for objective reasons, could not previously be included in the subject of the criminal case investigation [17]. This mechanism can and should be used to eliminate violations committed in the course of criminal proceedings (i.e. as such), and not when the possibilities for their correction in the cassation and supervisory procedure have been exhausted. In this sense, in relation to these proceedings, it should not be positioned and perceived as a backup.

1. Revision of judicial acts in view of new and newly-revealed circumstances as an independent procedural proceeding

Resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances as a separate criminal proceeding is specially designed for investigation, subsequent evaluation and practical use of information previously unknown to the court. Moreover, it is predetermined by the very fact of its emergence and, as already mentioned, is not used after or instead of other possibilities for reviewing a judicial act that has entered into legal force. Contrary to the widely accepted point of view in the legal literature [4, 7, 9, 20], there is nothing extraordinary or exceptional in this proceeding, since in the modern Russian criminal procedure it is applied quite independently, i.e. when circumstances are discovered after the court hearings, or already existed at that time, but for objective reasons were not known to the court. At the same time, not any of them should be taken into account, but only those that hinder assessment of the final decision on a criminal case as legitimate, reasonable and fair. Up to the end of its review, it is considered both lawful, justified, and fair because it corresponds to the factual data taken into account by the court at the time of its issuance. Erroneousness of such a decision is revealed in the light of emergence of new or newly-revealed circumstances.

Despite adoption of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in 2002, as well as the amendments and additions to it, this production still has certain flaws. There are a lot of them, and they are of a very different kind. Over two decades of its operation, it has become, in particular, obvious that differentiation of circumstances into new and newly-revealed ones to resume a criminal case does not produce the expected effect, due to the fact that it does not cover the entire scope of possible judicial errors, and, as a result, limits procedural possibilities of their identification, correction and restoration of citizens' rights, violated by unlawful decisions in criminal cases. At the same time, judicial acts of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights are not circumstances, especially new or newly-revealed, by their status and legal nature. But despite the fact that the quality of the work of Russian courts is still far from ideal, thus it is hardly advisable to work out some additional mechanism for reviewing judicial acts that have entered into force. Indeed, mistakes of the court, made due to their ignorance of some essential circumstances when making a final court decision on a criminal case, may be eliminated within the framework of the application of this legal proceeding. We see its further development in the consistent improvement of legal proceedings for their correction, as well as vesting all interested persons with the right to directly appeal to law enforcement agencies for a review of the verdict or other decision that has entered into force.

In Russian criminal procedural law, the resumption of proceedings on a criminal case due to newly-revealed circumstances is quite reasonably considered one of its oldest institutions, which received their original normative consolidation in the 1864 Statute of Criminal Proceedings [5, pp. 33–94]. The General and some other provisions of this normative legal act contain information that allows us to state that at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, court decisions that entered into force were not subject to revision in principle, except in cases when the court recognized that "... the earlier pronounced verdict had been the consequence of forgery, bribery or of another crime", and "... discovery of exculpatory evidence of the convicted person or his/her punishment due to a judicial error in excess of the measure of what he did" was recognized as a legitimate reason. Thus, enforceable sentences could not be reviewed

otherwise than to resume criminal proceedings due to newly-revealed circumstances. At that time, according to articles 23, 180, 934–940 only court decisions that had not entered into legal force were reviewed on appeal and cassation [19].

In 1917, the administration of the young Soviet state abandoned all previously existing forms of correcting judicial errors. Other ways of reviewing both the sentences that had and had not taken effect were proposed. Against this socio-political background, the institution of resuming criminal proceedings even strengthened its positions. This can be traced in all sources of the Soviet criminal procedural legislation (the Criminal Procedural Code of the RSFSR of 1922, 1923 and 1960). Moreover, its history is interwound with national specifics. It combines the Russian pre-revolutionary and subsequent Soviet approaches, on the one hand, [1, 3, 18] and modern (European), on the other [2, 6, 9,]. The idea formed over a century and a half about the place and role of this procedural mechanism in the general system of Russian criminal justice has been largely corrected by the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation [16] and the European Court of Human Rights [12–15], as certain provisions of the Russian criminal procedural legislation (including revision of enforceable sentences) do not comply with the Constitution of the Russian Federation, international regulations and contradict legal positions of the European Court.

These circumstances could not but affect the fact that criminal proceedings of this type are now resumed extremely rarely. According to the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, in 2016, for example, out of 69 filed submissions from the Prosecutor's Office to resume criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances, the courts satisfied 64. In 2017, 167 submissions out of 260 and, in 2018, 161 out of 175 submissions filed by prosecutors, were satisfied [8, p.18]. Such an inexpressive dynamics of resuming proceedings is caused by the fact that in judicial practice there are difficulties with distinguishing cases to review a court decision by resuming criminal proceedings or as part of supervision procedure. The grounds for resuming criminal proceedings on newly-revealed and especially new circumstances remain unclear. The current legislation does not specify the procedural status of the convicted (acquitted) and the

person against whom the criminal case was terminated at this stage of criminal proceedings, the mechanism for the defender's participation in it, etc. What is more, less complex supervisory proceedings dominated the sphere of revision of enforceable sentences for decades, and the very decision on their revision due to newly-revealed circumstances entirely depended on the discretion of the prosecutor, whose refusal on this occasion was not subject to judicial control.

2. Initiation of proceedings due to new or newly-revealed circumstances

The logic of the current legal regulation is such that the grounds for practical application of this procedural mechanism must be previously established or verified in the pre-trial proceedings initiated by the prosecutor, regardless of the presence or absence of the initiative of the parties. This is due to the fact that the prosecutor is not only entitled, but also obliged to exercise his right to initiate proceedings in connection with new or newly-revealed circumstances, if these circumstances objectively predetermine his appeal to the court. In contrast to the prosecutor, convicts, whose right to further judicial protection from charges of wrongdoing after the entry into force of a guilty verdict, as a general rule, is considered to be realized, as well as other persons, personally interested in the course and outcome of the criminal case, are not entitled to demand the initiation of proceedings due to new or newly-revealed circumstances directly in court. This is explained by the fact that that in accordance with clause 4.2 of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of December 12, 2021 in the case of checking the constitutionality of Articles 416 and 417 of the Criminal Procedural Code in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov "...unlimited freedom to apply to the court for review of decisions that have entered into force under these circumstances, bypassing the prosecutor's activities in pre-trial procedures, would weaken possibilities of justice in protecting rights and freedoms, and would also cast doubt on stability of enforceable sentences". Analysis of this legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation shows that the review of a criminal case due to such circumstances is not part of the usual practice of criminal proceedings, since after the entry into force of the verdict and exhaustion of all judicial

remedies the interested persons cannot demand resumption of criminal proceedings from the court. The court's initiative to resume proceedings, implemented without the prosecutor's official appeal or other legitimate reasons, would be redundant in terms of the purpose of justice. Moreover, according to paragraph 6 of the Resolution stated above, implementation of the court's activities in the procedural forms inherent in the judicial authority does not always give it the opportunity to check and investigate the circumstances that can serve as a basis for reviewing a criminal case to the same extent as that of the prosecutor and the investigative body, the prosecutor sends materials to for investigating these circumstances.

Reports from citizens or officials about the presence of new or newly-revealed circumstances can become reasons for the prosecutor to initiate appropriate proceedings, conduct an inspection or send materials to the head of the investigative body to investigate the above circumstances and resolve the issue of criminal prosecution on the facts of revealed violations of criminal legislation. Upon completion of the inspection or investigation, the prosecutor either terminates the proceedings initiated earlier, or sends the criminal case with his conclusion, a copy of the verdict and materials of the inspection or investigation to the court. Having considered the prosecutor's conclusion on resuming criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances, the court, after canceling the verdict (ruling or resolution), decides to transfer the criminal case for a new trial, returns the criminal case to the prosecutor, terminates the proceedings on it, or rejects the prosecutor's conclusion. Thus, the procedure for resuming a criminal case under new or newly-revealed circumstances, being a kind of revision of enforceable sentences, is an independent mechanism for ensuring fairness of judicial decisions, where elements of pre-trial proceedings (including its initiation by the prosecutor, verification or investigation of new or newly-revealed circumstances with the possibility of conducting interrogations, inspections, examinations, seizures, other necessary investigative actions and subsequent referral of materials to the court) are combined with examination of the case in court (including consideration of factual circumstances established as a result of the investigation or verification). It is important that

the decisions taken by the prosecutor based on the results of pre-trial proceedings create a prerequisite for the court to review the verdict, in connection with which they are not final and can be appealed to the court. At the same time, the information contained in the materials of the conducted inspection or investigation is subject to evaluation in accordance with the procedure established by the current criminal procedural legislation.

All this allows us to assert that the grounds provided by the law for reviewing the verdict, resolution, court ruling due to new or newly-revealed circumstances (Article 413 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) predetermine the procedural specifics of its practical implementation. In contrast to appeal and cassation proceedings, consisting in reconsideration of the same materials of the criminal case, the proceedings on new or newly-revealed circumstances involve, in particular, implementation of procedural actions and decision-making, characteristic not only of judicial, but also of pre-trial proceedings (including on initiation of this proceeding by the prosecutor, investigation of new or newly-revealed circumstances involving production of investigative actions, as well as subsequent referral of materials to the court for retrial with regard to established results of the investigation or verification of factual data).

3. Resumption of proceedings due to new or newly-revealed circumstances in the general system of procedural mechanisms for reviewing judicial decisions in criminal cases.

We cannot but pay attention to a great number of judicial control proceedings specially formed to review court decisions in criminal cases that have entered into force. For instance, the supervisory proceedings implemented in Russian criminal proceedings (2001) and reformed from the top-down (2010) [11] cannot be an effective means of legal protection of the victim and the person subjected to criminal prosecution, initially, since it contradicts the generally recognized principles of inadmissibility of reconsideration of enforceable sentences, according to which they or other final court decisions should not be changed for the worse for the guilty person. Consequently, supervisory proceedings in its current state are nothing more than a procedural mechanism legalized by the Russian legislator, which has capacities for quite probable abuse

of law when reviewing court decisions that have entered into legal force.

Besides, comparison of the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation regulating cassation and supervisory proceedings shows their obvious commonality. Their minor discrepancies are usually due to the supreme position of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in the hierarchical structure of the Russian judicial system and its exclusive right to review and cancel not only the decisions of lower courts, but also its own. So, the latter attempt to reform the procedural procedure for reviewing enforceable sentences failed, since internal legal proceedings were not unified. Consideration of the enforceable sentences legality inevitably leads to the fact that the courts of cassation and supervisory instances respond only to a small part of the appeals addressed to them. Priority of the legal procedure over the legal certainty of the judicial act protected by the Russian legislator does not enhance current cassation and supervisory proceedings. Procedural mechanisms for reviewing enforceable sentences cannot be regarded self-sufficient and effective procedural tools due to their multiplicity and unavoidable similarity. As the merits of the criminal case are excluded from the subject of verification, representatives of the parties may not be sure in success of the second appeal to a higher court.

In turn, when resuming proceedings on new and newly-revealed circumstances, the format of the judicial act review is fundamentally different. Here, the court considers a criminal case with regard to factual circumstances established as a result of investigation or inspection, which makes this procedure for resuming much more effective than supervisory and cassation proceedings. Against the background of the above arguments, it becomes quite logical to raise the issue of abolishing these proceedings as redundant in the general mechanism of procedural regulation. Resumption of proceedings due to newly-revealed circumstances should become the only form of control over legality and fairness of court decisions in criminal cases that have entered into legal force. However, this proposal cannot be realized in short term in conditions of the current Russian statehood. There are other objective reasons due to the conservative approach to judicial review mechanisms. Accordingly, it is very

problematic to achieve positive dynamics in their reforming.

In contrast to appeal, cassation and supervisory proceedings, consisting in re-examination of the same materials of the criminal case by the court, the proceedings on new or newly-revealed circumstances involve implementation of procedural actions, typical not only for judicial, but also for pre-trial criminal proceedings. In this regard, it is possible to mention the necessity stipulated by law for the initiation of this proceeding by the prosecutor. Besides, investigation of newly-revealed circumstances involves carrying out a number of investigative actions (including inspection, interrogation, forensic examination, seizure, etc.), followed by sending the collected materials to the court for consideration of the criminal case with regard to the information established as a result of the investigation or verification (Articles 415–418 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). At the same time, the legal significance of new information gives the interested party the opportunity to question legality, validity and fairness of the court decision that has already entered into legal force. It is in such cases that the verdict, ruling or court order may be canceled, and criminal proceedings resumed for new or newly-revealed circumstances in accordance with the procedure established by Chapter 49 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation (Articles 413–419). It is worth mentioning that within its framework, any enforceable sentences of all judicial instances can be reviewed. At the same time, the review of the guilty verdict on new or newly-revealed circumstances in favor of the convicted person is not limited by any time limits. Even his/her death is not an obstacle to the resumption of criminal proceedings for the purpose of rehabilitation.

Unlike appeal, cassation and supervisory proceedings, criminal proceedings are not resumed because of the court's violation of the norms of substantive or procedural law. At the same time, the court's failure to take into account certain circumstances, for objective reasons unknown to it when making a decision on the criminal case, cannot be recognized as a mistake. This is a crucial distinctive feature of resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances. This determines its procedural specifics and actualizes the question of optimizing the structure of the Criminal Procedural Code of the Russian

Federation through a clear separation of this procedural institution from other proceedings aimed at reviewing court decisions, and, first of all, from supervisory proceedings. Additional arguments in favor of this proposal are as follows:

1) resumption of proceedings due to new or newly-revealed circumstances differs significantly from other procedural mechanisms for reviewing judicial decisions in criminal cases by the persons who initiated it, grounds and procedure for review;

2) in the framework of supervisory, cassation and appeal proceedings, final decisions in criminal cases are actually reviewed anew; and when resuming criminal proceedings, only new information is taken into account, which for objective reasons could not be previously included in the subject of investigation in this case, but recognized by criminal law as essential for determining the grounds and limits of criminal law security;

3) investigation materials, according to which the decision on resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances attributed to the competence of a lower court, can be accepted by the higher court for its proceedings; however, no changes to the previously adopted decision of the court can be done;

4) consideration of a criminal case on appeal or cassation does not prevent its consideration by the same court in the order to resume proceedings in a criminal case in connection with new or newly-revealed circumstances;

5) after considering the prosecutor's conclusion on the need to resume criminal proceedings in connection with new or newly-revealed circumstances and identifying grounds for changing the previously adopted final decision on the case, the court is obliged to cancel it and send the criminal case for new examination;

6) the court is authorized to make a similar decision in the event of new factual circumstances that may worsen the situation of the acquitted or convicted person in this criminal case;

7) adoption of decisions leading to the change in the position of the accused to his or her disadvantage is impossible in the vast majority of cases due to the imperfect legal mechanism for making such decisions.

We are talking about a mechanism that appeared in the Criminal Procedural Code

of the Russian Federation in 2013 on the basis of the Federal Law No. 64-FZ of April 26, 2013 "On amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation". It is unique in its kind and acts when new socially dangerous consequences of the act incriminated to the accused occur during consideration of the criminal case by the court or after the decision is pronounced (paragraph 2.1, Part 4, Article 413 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). This mechanism is only for those consequences that are the basis for charging a person with a more serious offence. This allows the court, in the event of new or newly-revealed circumstances leading to deterioration of the position of the accused, to decide on resuming criminal proceedings, which gives criminal prosecution bodies the opportunity to take these circumstances into account as a basis for changing the wording of the charge. Due to existence of this mechanism and established presence of signs of a more serious crime, it becomes impossible to refuse resumption of criminal proceedings and review of the decisions taken on it due to new or newly-revealed circumstances.

The above-mentioned features of resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances clearly indicate that the chapter with its legislative regulation in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation should be separated from other procedures for reviewing court decisions in a special section. This will avoid its unjustified identification with other criminal procedural proceedings intended for revision of judicial acts.

Conclusion

Processualists' attention to the legal mechanism for resuming proceedings due to new and newly-revealed circumstances has been and is insufficient. Current research in this segment of procedural activity cannot be called active, even conditionally. This phenomenon is usually explained by a small number of criminal cases being considered due to new or newly-revealed circumstances. However, the problem lies not only and not so much in their number, but in the fact that each of them, one way or another, affects the level of legality in our country, degree of citizens' trust in Russian justice, and, no less importantly, state of criminal procedure science, which is in crisis nowadays. Practice of applying the criminal procedural

law and its individual regulations (including regulating the review of sentences in criminal cases), selectivity of justice, violations of reasonable terms of criminal proceedings, etc. are criticized. It seems that this branch of scientific knowledge, as well as the criminal process in its normative expression, should be consistently and purposefully updated, seek for and implement new approaches that meet the most demanding criteria for ensuring protection of the rights and legitimate interests of victims of crimes, as well as individuals from unlawful accusation, conviction, restriction of the rights and freedom.

Summing it up, it should be noted once again that the specifics of this criminal proceedings is predetermined by the nature of judicial errors. As a general rule, this procedure is applied not in the absence of other possibilities to review the judicial act, but completely independently, i.e. upon discovery of circumstances that either arose after consideration of the criminal case by the court, or already existed at the time of its consideration, but were not known to the court. At the same time, not any of them should be taken into account, but only those, which presence makes it impossible to evaluate the decisions taken in the criminal case as legitimate, reasonable and fair. Accordingly, this method of reviewing judicial acts that have entered into legal force by its purpose and content is an independent procedural mechanism that does not replace, but complements other ways to ensure fairness of sentences and eliminate judicial errors. Its distinctive feature is, in particular, that the court's resumption of this proceeding by decision of the prosecutor can be carried out after the entry into force of judicial decisions, the revision of which is being questioned, regardless of the fact that they have been previously considered in the courts of appeal, cassation or supervisory instances. In accordance with paragraph 17 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2021 No. 43 "On the application by courts of the norms of Chapter 49 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation regulating resumption of criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances at the conclusion of the prosecutor" the subject of the trial, in cases where it is carried out by decision of the prosecutor, is not only to check legality, validity and fairness of a particular sentence, but also of other final and interim court decisions

due to new or newly-revealed circumstances, taking into account the arguments given in the prosecutor's conclusion for instance, court rulings on issues related to the sentence execution.

The procedure for resuming criminal proceedings in connection with new or newly-revealed circumstances, being a kind of revision of court decisions that have entered into force, serves as an independent mechanism for ensuring fairness of court decisions, where elements of pre-trial proceedings are combined with subsequent consideration of the case by the court. It is applicable in cases when, after the entry into force of a verdict, ruling or court decision on a once-resolved criminal case, certain circumstances are revealed that, for various reasons, were not known to the court. At the same time, legal significance of these circumstances is so great that it allows the interested party to question legality, validity and fairness of the court decision that has already

entered into legal force. It is in such cases that the verdict, ruling or court order can be canceled, and the criminal proceedings resumed due to new or newly-revealed circumstances. Within its framework, any decisions of all judicial instances can be reviewed. At the same time, criminal proceedings due to new or newly-revealed circumstances cannot be resumed in case of a judicial error, including that confirmed by additional evidence revealed after the entry into legal force, confirming innocence or lesser guilt of the convicted person. The distinctive feature of resuming proceedings due to new or newly-revealed circumstances, consisting in the court's unawareness when considering a criminal case, is crucial. This determines its procedural specifics and actualizes the question of optimizing the structure of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation by separating this procedural institution from other proceedings aimed at reviewing court decisions.

REFERENCES

1. Anashkin G.Z., Perlov I.D. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam* [Resumption of cases on newly-revealed circumstances]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982. 80 p.
2. *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: novelties of the Civil Code of the Russian Federation, the Penal Procedural Code of the Russian Federation. The first experience of critical comprehension]. Ed. by N.A. Kolokolov. Moscow: Yurist, 2011. 188 p. ISBN 978-5-91835-087-4.
3. Blinov V.M. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam* [Resumption of cases on newly-revealed circumstances]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1968. 120 p.
4. Valeev A.T. *Obzhalovanie i peresmotr sudebnykh reshenii po ugovolnym delam* [Appeal and review of judicial decisions in criminal cases]. Moscow: Yurlitinform, 2016. 200 p. ISBN 978-5-43961-143-0.
5. Golovanova E.I., Emelin A.S. *Sudebnye ustavy Rossii 1864 g. Opyt istorii i sovremennost': uchebnoe posobie* [The 1864 judicial statutes of Russia. Experience of history and modernity: textbook]. Moscow: MosU MVD Rossii, 2007. 119 p.
6. Gromov N.A. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy vozobnovleniya ugovolnykh del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam: diss... dokt. yur. nauk* [Theoretical and practical problems of resuming criminal cases on newly-revealed circumstances: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1993. 445 p.
7. Davydov V.A. *Vozobnovlenie ugovolnogo sudoproizvodstva v vidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok: monografiya* [Resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances: theory and practice of correcting judicial errors: monograph]. Moscow: Yurait, 2014. 313 p. ISBN 978-5-99161-466-5.
8. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2019, June 11, p. 18. (In Russ.).

9. Kamchatov K.V., Chashchina I.V., Velikaya E.V. *Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok: monografiya* [Resumption of criminal proceedings in view of new or newly-revealed circumstances: theory and practice of correcting judicial errors: monograph]. Moscow, 2015. 140 p.
10. Morshchakova T.G. *Rossiiskoe pravosudie v kontekste sudebnoi reform* [Russian justice in the context of judicial reform]. Moscow: R. Valent, 2004. 264 p. ISBN 5-93439-146-1.
11. On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and the invalidation of certain legislative acts (provisions of legislative acts) of the Russian Federation: Federal Law No. 433-FZ of December 29, 2010. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2010, December 31. (In Russ.).
12. Decision of the European Court of Human Rights of October 11, 2016 in the case "Tur'ev vs. Russia" (on complaint No. 20758/04). *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286833/b72df5cf591ea9e591a1de80f1be51cbd5b0b4ee/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
13. The Decision of the European Court of Human Rights of October 23, 2012 in the case "Pichugin v. Russia" (on complaint No. 38623/03). *Federal'naya sistema ispolneniya nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary System: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/upload/original_doc/38623.pdf (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
14. The Decision of the European Court of Human Rights of April 24, 2012 in the case "Damir Sibgatullin v. Russia" (on complaint No. 1413/05). *General'naya prokuratura: ofitsial'nye sait* [Prosecutor General's Office: official website]. Available at: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/documents?item=4935206> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
15. The Decision of the European Court of Human Rights of November 24, 2016 in the case "Mayevsky and others v. Russia" (on complaints No. 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13 and 6503/14). *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282851/12fba8c2ee7df3330dcf1a6b85eea54f38bdf730/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
16. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of December, 2021 on the case of checking the constitutionality of Articles 416 and 417 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen F.B. Iskhakov. *Konsul'tantPlyus: sait [ConsultantPlus: website]*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404016/ (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
17. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of May 16, 2007, in the case of checking the constitutionality of Articles 237, 413 and 418 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court. *Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii: sait* [Constitutional Court of the Russian Federation: website]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
18. Teterin B.S. *Vozobnovlenie del po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam* [Resumption of cases due to newly-revealed circumstances]. Moscow: Gosyurizdat, 1959. 115 p.
19. The Statute of Criminal Proceedings. *Sait Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: sait* [Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (In Russ.). (Accessed March 7, 2022).
20. Frantsiforov Yu.V. Features of proceedings resumption due to new or newly discovered circumstances. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i parvo=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, [https://orcid.org / 0000-0001-9696-416X](https://orcid.org/0000-0001-9696-416X)

Received March 9, 2022

Types of Forensic Methods for Investigating Crimes Committed in Penitentiary Institutions by Degree of Generality

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, 79206310258@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of types of forensic methods for crime investigation (case study of crimes committed in penitentiary institutions), their systematization according to the degree of generality of the relevant methodological recommendations. Problems of forensic support for investigation of crimes committed in correctional institutions and pre-trial detention centers were firstly addressed in the mid-1960s. A little later foundations of the forensic methodology for investigating such crimes were formed. To date, there is a certain number of methodological recommendations. *Purpose:* to generalize and systematize previously developed methodological recommendations of the subject area and create theoretical foundations for further evolutionary development of the methodological and criminalistic provisions for investigation of penitentiary crimes. *Methods:* dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis, generalization, systematization, interpretation, and theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* on the basis of a scientific approach, the author reveals types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions and proposes their system according to the degree of generality. *Conclusions:* to date, forensic knowledge contains a number of developed (improved) individual methodological recommendations for penitentiary crime investigation (related to the specifics of the criminal's personality, methods of crime, stage of investigation, etc.), private (specific) methods, and a general methodology for investigating crimes committed by convicts in correctional facilities. It is required to develop a concept for investigating crimes committed in penitentiary institutions in order to further improve theoretical foundations and applied aspects of the subject area, forming starting points for subsequent creation of a general (group) methodology for investigating crimes committed by persons held in pre-trial detention facilities, as well as development of new and clarification of existing private methods.

Keywords: crimes committed in penitentiary institutions; forensic methodology; investigation of crimes; correctional facility; pre-trial detention center; convict; suspect; accused.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Akchurin A.V. Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 176–184. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.007.

Introduction

In history of science, according to A.S. Maydanov, it is rather common when a developed scientific theory is perceived as absolute truth. In fact, emergence and existence of many theories seems to be only a stage in the process of solving a certain problem. At the same time, the author rightly notes that even those theories, which eventually do not fit into the final process and fail, deserve their historical assessment and have a certain scientific significance [18, p. 48]. With regard to the sphere of scientific knowledge related to development and betterment of methodological recommendations for crime investigation, one should agree with the opinion of Yu.P. Garmaev, who emphasizes the need to generalize and concretize methods for investigating crimes simultaneously with development of forensic science itself [7, p. 155]. The above, in our opinion, fully applies to the methodological recommendations for investigating crimes committed by convicted, suspected and accused persons in correctional institutions and pre-trial detention centers, being worked out (improved) over the past fifty years. It is important to study the entire volume of already developed methodological recommendations [32], in order to identify ways and means of further research into the problems of investigation of such crimes.

According to philosophical knowledge, the category of the singularity presupposes presence of something unique and inimitable. A specific crime, representing a social phenomenon, also has similar qualities. Each crime has its own features inherent only to it, related to the situation of its commission, specific characteristics of the time, place, object, subject matter of criminal encroachment, the motive of the crime and the mechanism of its implementation, personal properties of the perpetrator, and trace patterns. All crimes are individual and irrevocable. Investigation of each requires an individual approach and a specific investigation methodology. At the same time, despite all individuality of the crime itself and activities of its investigation, there are many similar components that allow us to identify commonalities, interconnections, and identify patterns that unite them. The study of such irregularities, as well as development on their basis of appropriate recommendations aimed at boosting effectiveness of crime investigation are the tasks of the methodology for crime investigation.

The variety of crimes committed presupposes the development of an appropriate number of methods of their investigation. Crimes can have similar commonalities not only in terms of the object and subject of criminal encroachment, but also in terms of the specifics of the situation of their commission, the identity of the offender, the method of committing the crime, etc. All this forces scientists and practitioners to develop methods of investigating crimes that reflect one or another specificity that unites different crimes into a single community.

It so happened that initially there was no system or scheme to adjust developed methods for investigating crimes. To date, science and practice have accumulated quite a large volume of such methods. Moreover, the analysis of results of the work of dissertation councils in the specialty 12.00.12 "Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities" over the past five years has shown that during this period alone, more than sixty methods were newly developed and improved, which amounted to practically half of all dissertations defended in this specialty. In the conditions of such an increase in the amount of new knowledge, there is a need for their generalization and additional scientific understanding.

The process of scientific cognition of a phenomenon is a complex cognitive activity, during which a researcher can use a wide variety of scientific tools. Systematization is one of fundamental cognition methods. In this regard, the statement of A.Y. Golovin is appropriate: "... the use of forensic systems is cognitive in understanding the nature and essence of various forensic objects, concepts and terms, the most accurate perception and application of forensic recommendations..." [9, p. 4]. Using this method, we will attempt to generalize the entire scope of forensic methods for investigating crimes committed by convicts, suspects, and the accused in correctional institutions and pre-trial detention centers.

Professor R.S. Belkin's proposal not only to single out private forensic methods, but also form their entire complexes covering types of crimes [2, pp. 340–341] has become a scientific and theoretical basis for identifying many modern group [16], enlarged [6], basic [13], and general [35] methods of crime investigation. At the same time, it should be noted that there are still no unambiguous and generally accepted criteria for attributing the developed forensic methods to a certain degree of generality.

However, we back Y.P. Garmaev and R.N. Borovskikh's ideas that different scientific opinions can be reduced to two conditional approaches: two-level and multi-level [6, p. 76].

Representatives of the first approach (V.A. Obraztsov, Yu.P. Garmaev, M.V. Kardashevskaya (M.V. Subbotina), R.N. Borovskikh, S.A. Kuemzhieva, etc.) distinguish two types of methods that have different alternative names, but do not have fundamental differences: private methods (specific, homogeneous, intraspecific, etc.) and enlarged (general, basic, specific, group, etc.).

According to the second approach, there are three or more levels of methods for crime investigation, depending on the degree of generality of methodological recommendations. Thus, E.P. Ishchenko identifies the following levels of methodological recommendations: methods of high degree of generality, methods of average degree of generality, methods of small degree of generality, specific methods for investigating certain types and subspecies of crimes in various common investigative situations [12, p. 484]. N.P. Yablokov adheres to a four-level approach, highlighting the highest level of generality of methodological recommendations, a lower level of generality of methodological recommendations, a traditional level, and methods for investigating specific crimes [37, pp. 45–46]. V.M. Proshin suggests considering the system of forensic methodology based on the following elements: a general forensic method, forensic generic method, forensic specific method, forensic subspecific method, and private methods of forensically similar groups of crimes [26, p. 77].

The current state of forensic methodology theory development and analysis of newly formed private methods, attempts to integrate them, and variety of crime classifications, fundamental to development of appropriate methodological investigation recommendations, necessitates elaboration of a multi-level approach. In this regard, we stick to the classification proposed by Professor N.G. Shurukhnov, singling out 4 levels of the degree of generality of methodological recommendations: 1) a concept for investigating a certain kind of crimes; 2) a general (group) forensic method; 3) a private (specific) forensic method; 4) individual methodological recommendations for crime investigation [33, pp. 252–253].

The study of scientific developments related to the development of methodological

recommendations for investigating crimes committed in penitentiary institutions shows presence of the following developments in this area, the generalization of which allows us to talk about the possibility of their systematization (Fig. 1).

At the level of individual methodological recommendations for investigating crimes committed in penitentiary institutions, theoretical and practical provisions relate, as a rule, to a particular type of crime and reveal only certain features of crime investigation (due to the specifics of the offender's personality, means of committing crime, investigation stage, etc.) [23, p. 34]. They are the following:

methodological recommendations to identify methods of escape from correctional facilities and the use of this information for investigating such crimes [19];

methodological recommendations of the initial stage of investigation of escapes from correctional institutions [20];

methodological recommendations of the initial stage of investigation of crimes committed by leaders and members of organized criminal groups in places of detention [17];

methodological recommendations for investigation of crimes committed by minors in juvenile correctional facilities [8];

methodological recommendations for investigation of hooliganism, sexual crimes, theft, arson and criminal non-compliance with fire regulations committed by convicted persons to imprisonment [15].

The private (specific) method should include developments, the content of which reflects a full-scale process of investigating a particular type of crime committed in penitentiary institutions, in particular:

a method for investigating escapes from places of deprivation of liberty [11, 29, 39];

a method for investigating disorganization of the activities of institutions providing isolation from society [3, 28];

a method for investigating murders and harm to health committed by convicts in correctional institutions [10, 24];

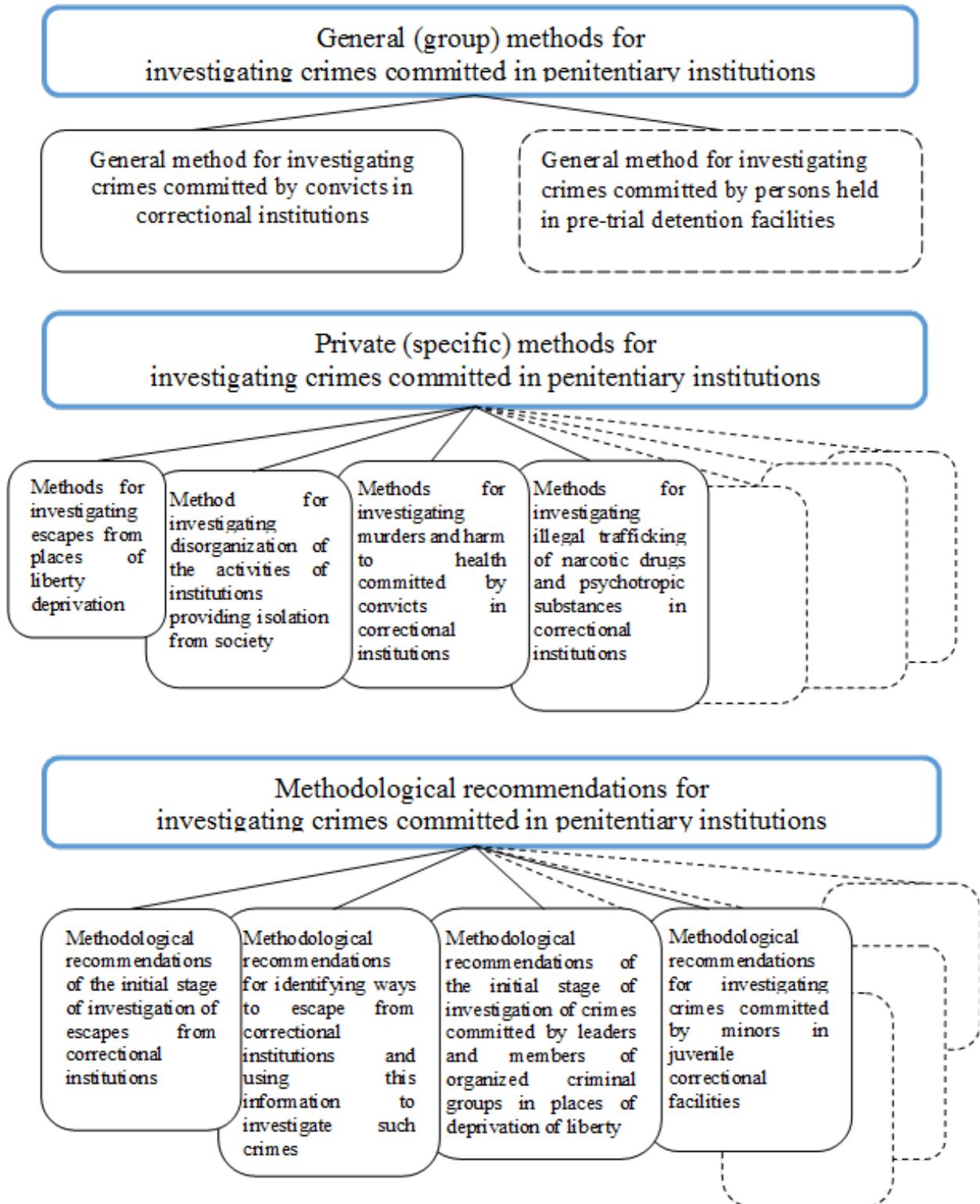
a method for investigating fraud committed by convicts in institutions of the penitentiary system using cellular mobile communication systems [22];

a method for investigating illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions [5, 30].

Though the structure of the private (specific) method differs among the researchers, its

Figure 1

Types of forensic methods for investigating crimes committed in penitentiary institutions by degree of generality

essence is similar: this level of methodology should provide recommendations as close to practical application as possible concerning the entire process of investigating a specific type of crimes [14, p. 83].

It should be noted that we do not consider private methods of investigating crimes committed by employees of the penitentiary system in this research, despite the fact that there are scientific developments in this area [4], and forensic literature has other points of view on the system of crimes committed in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia [27], which differs from the one we use [1; 34].

The general (group) method of crime investigation combines theoretical, scientific and practical provisions, which are recommendations for investigating crimes grouped on a certain basis, having forensic significance in developing a common approach to investigation of such illegal acts. At the same time, it cannot (and should not) be a direct physical union of all private methods that fall under the group basis. General methods cannot replace private ones, but they are the starting point for them, since they generalize the specifics characteristic of private methods united by it, contain general provisions of theoretical and applied significance that allow complementing existing private methods, expanding and concretizing them with regard to the revealed general patterns inherent in the entire group of crimes.

In relation to the system of crimes committed in penitentiary institutions, the general investigation method is the method of investigating crimes committed by convicts in correctional institutions, developed by N.G. Shurukhnov [35]. Subsequently, it was partially supplemented with general methodological recommendations formulated by V.V. Nikolaichenko [21]. At the same time, it should be noted that this system of crimes includes not only illegal acts committed by convicts, but also crimes of suspected and accused people committed in correctional institutions and pre-trial detention facilities. To date, such a general methodology has not been formed yet.

As for the concept for investigating crimes, N.G. Shurukhnov states that at this systematization level one should develop theoretical foundations and applied aspects of illegal acts, united by generic characteristics that are of a certain forensic significance. In this understanding, the concept has a forecast

and current orientation [36, p. 82]. We agree with S.N. Churilov that the content of group and generic methods "... does not reflect (and cannot reflect) description of ways of committing and concealing crimes of a certain type and their characteristic trace patterns ..." [31, p. 75]. This logically follows from the regularity existing between philosophical categories "quantity" and "quality". However, it should be noted that the method of a high generalization level should not solve the task of directly applying all its provisions in the process of investigating a specific crime. It is obvious that it is not possible to develop a unified method or methodology for investigating any crime [38, p. 560]. At the same time, the high level of generality of methodological recommendations is aimed at solving a number of tasks that lower-level methods cannot address, in particular:

- to determine a terminological apparatus that has a fundamental importance for development of general methodology recommendations, clarify and systematize concepts and categories included in it, substantiate their content at the doctrinal level (in the absence of legislative regulation);

- to identify a forensically significant basis for systematization of crimes that constitute a certain kind, which helps to further identify the place of a specific type of illegal act in the generic system of crimes;

- to form a generic forensic characteristic that allows, when generalizing data, to identify common patterns of commission, concealment of crimes, which will subsequently represent starting points for the formation (clarification) of forensic characteristics of groups and types of crimes included in the kind under consideration;

- to identify features of the system to investigate crimes forming a certain kind, clarify subjects of investigation and determine system-forming patterns of their activities that affect effectiveness of investigation of crimes united by a generic feature;

- to establish patterns for formation of forensic situations characteristic of crimes united at the generic level; develop the basis for algorithmization of the investigation process in such conditions;

- to identify patterns of counteraction provided during investigation of crimes united by a generic feature, determine the directions and form proposals to overcome it;

- to develop a general idea of the tactical and forensic support for investigating crimes belonging to a certain kind.

According to V.M. Proshin and A.M. Kustov, the crime investigation concept is not only a generic methodology, but also includes "... scientific provisions on legal support, organization of crime investigation, etc..." [25, p. 123]. We share this point of view, since generalization of a significant number of different specific and group crimes due to expanded horizon of research of the subject area inevitably reveals general patterns of a legal and organizational nature that determine a common approach to the formation of a methodology for investigating crimes united by a generic feature.

The object of the concept for investigating crimes committed in penitentiary institutions is criminal activities of convicts, suspects, and accused persons staying in correctional institutions and pre-trial detention centers, and activities of subjects of investigation of such crimes, including neutralization of counteraction. Regularities of investigation of such offenses are the subject of the concept.

The content of the concept should be formed according to the following system:

- theoretical ideas on the concept, essence and criminalistic classification of crimes committed in penitentiary institutions;
- theoretical provisions on legal and procedural support for investigation of crimes in the penal enforcement system and the entities that carry it out;
- methodological foundations of forensic support, including provisions of the generic-level methodology aimed at investigating such crimes;
- theoretical provisions on countering investigation of criminal offenses, organizational

and methodological recommendations for its neutralization.

The concept for investigating crimes committed in penitentiary institutions is understood as a system of theoretical ideas and provisions, methodological foundations, organizational and methodological recommendations concerning investigation of criminal acts committed by convicted, suspected, and accused persons held in correctional institutions, detention centers, neutralization of interested persons' counteraction, which is the starting point and basis for methods to investigate such crimes.

Conclusion

Identification of generic patterns will help form scientific and theoretical foundations and applied provisions for investigating crimes committed in penitentiary institutions, which will be starting points for development (clarification) of group and specific methods of investigating crimes committed by convicted, suspected, and accused persons in correctional institutions and pre-trial detention centers.

The functional purpose of the concept for investigating crimes committed in penitentiary institutions is to identify generic patterns affecting the mechanism of commission and investigation of such crimes, in particular the crime commission situation; personal qualities of convicts (suspects, the accused), determined by the influence of specific conditions of a closed institution (correctional facility, pre-trial detention center), high concentration of criminally oriented persons, persistence of informal norms of behavior; features of the system of investigation of such crimes, legal and organizational support for activities of the relevant subjects of investigation.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Penitentsiarnye prestupleniya: ponyatie, kriminalisticheskaya kharakteristika, spetsifika rassledovaniya: monografiya* [Crimes committed in penitentiary: concept, criminalistic characteristics, specifics of investigation: monograph]. Ed. by N. G. Shurukhnov. Ryazan: Izd-vo A.V. Konyakhina, 2020. 332 p. ISBN 978-5-604-4961-1-4.
2. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii. V 3 tomakh. Tom 3.* [Forensic course. Forensic tools, techniques and recommendations. In 3 volumes. Volume 3]. Moscow: Yurist, 1997. 408 p.
3. Belyakov A.V. *Metodika rassledovaniya dezorganizatsii deyatel'nosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Method for investigating disorganization of the activities of institutions providing isolation from society: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Pskov, 2010. 215 p.
4. Bodyakov V.N. *Rassledovanie dolzhnostnykh prestuplenii v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh*

- nauk* [Investigation of official crimes in the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Vladimir, 2009. 25 p.
5. Bronnikov A.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie nezakonnogo izgotovleniya, priobreteniya, khraneniya i sbyta narkoticheskikh veshchestv v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of illegal manufacture, acquisition, storage and sale of narcotic substances in correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law)]. Moscow, 1972. 195 p.
  6. Garmaev Yu.P., Borovskikh R.N. The conceptual formation's basics of enlarged criminalistic methods of crimes' investigation. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*, 2018, no. 1, pp. 72–77. (In Russ.).
  7. Garmaev Yu.P. Development of complex investigation methods as a promising trend in the development of forensic methodological recommendations. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie=Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2003, no. 4, pp. 154–160. (In Russ.).
  8. Gnatenko V.A. *Doznanie po ugovnym delam o prestupleniyakh, sovershaemykh v vospitatel'nykh koloniyakh Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal investigation of crimes committed in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2007. 197 p.
  9. Golovin A.Yu. Forensic systems and classifications: issues of practical use. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences* 2013, no. 1–2, pp. 3–12. (In Russ.).
  10. Gorshenin L.G. *Kriminalisticheskaya kharakteristika i osobennosti rassledovaniya prestuplenii v ITU (nanesenie umyshlennykh telesnykh povrezhdenii i khuliganstvo): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Forensic characteristics and features of investigation of crimes in ITU (intentional bodily injury and hooliganism): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1983. 168 p.
  11. Gryazeva N.V. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of investigation of escapes from places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 234 p.
  12. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Kontrakt: Infra-M, 2005. 748 p. ISBN 5-900785-58-0 (Kontrakt), ISBN 5-16-001523-x (Infra-M).
  13. Kardashevskaya M.V. Basic methods of crime investigation as an innovative approach to the formation of modern methods. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya=Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2014, no. 6, pp. 207–212. (In Russ.).
  14. Kosarev S.Yu. Approximate typical structure of typical private forensic methods of crime investigation. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii=Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2017, no. 3, pp. 83–87. (In Russ.).
  15. *Kriminalistika. Metodika rassledovaniya prestuplenii v uchrezhdeniyakh, ispolnyayushchikh nakazaniya: uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii. V 2 tomakh. Tom 2. Chast' 2* [Criminalistics. Methods of investigation of crimes in institutions executing punishments: textbook for educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In 2 volumes. Volume 2. Part 2]. Ed. by V.V. Kul'kov. Ryazan: RIPE MVD Rossii, 1996. 100 p.
  16. Kuemzhieva S.A. *Kontseptual'nye osnovy gruppovoi metodiki rassledovaniya prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Conceptual foundations of the group methodology for investigating crimes against the family and minors: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2020. 496 p.

17. Larin S.B. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh liderami i chlenami organizovannykh prestupnykh grupp v mestakh lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of the initial stage of investigation of crimes committed by leaders and members of organized criminal groups in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 195 p.
18. Maidanov A.S. *Protsess nauchnogo tvorchestva: monografiya* [Process of scientific creativity: monograph]. Ed. by I.P. Merkulov. Moscow: Nauka, 1983. 208 p.
19. Mashnin V.A. *Sposoby pobegov iz okhranyaemykh ITK i kriminalisticheskie metody ikh razoblacheniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of escapes from protected correctional facilities and forensic methods of their exposure: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1994. 23 p.
20. Morozov R.M. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pobegov iz ispravitel'nykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of the initial stage of investigation of escapes from correctional institutions: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Vladimir, 2012. 223 p.
21. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Crimes committed in penitentiary institutions and after release: forensic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
22. Nuzhdin A.A. *Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdennymi v uchrezhdeniyakh UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovykh sistem podvizhnoi svyazi: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular communication systems: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2013. 25 p.
23. Petrukhina O.A., Shurukhnov N.G. Types of forensic methods (methodological recommendations for investigation of environmental crimes). In: *Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov* [Belgorod forensic readings: collection of scientific works]. Belgorod, 2019. Pp. 30–36. (In Russ.).
24. Prokopenko B.L. *Osobennosti rassledovaniya ubiystv, sovershennykh osuzhdennymi v mestakh lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Features of investigation of murders committed by convicts in places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Voronezh, 2009. 248 p.
25. Proshin V.M., Kustov A.M. To the question of the concept of criminalistic investigation of tax crimes. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta=HERALD of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, 2016, no. 3, pp. 122–126. (In Russ.).
26. Proshin V.M. *Teoriya i praktika rassledovaniya nalogovykh prestuplenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theory and practice of investigation of tax crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2019. 510 p.
27. *Rassledovanie prestuplenii, sovershaemykh v organakh i uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prakticheskoe rukovodstvo dlya sledovatelei, doznavatelei pravookhranitel'nykh organov i operativnykh sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Investigation of crimes committed in the bodies and institutions of the penal enforcement system: practical guide for investigators, law enforcement investigators and operational officers of the penal enforcement system]. Ed. by E.P. Ishchenko, O.A. Belova. Moscow: YurLitinform, 2013. 376 s. ISBN 978-5-4396-0420-3.
28. Samaldykov M.K. *Rassledovanie i preduprezhdenie deistvii, dezorganizuyushchikh rabotu ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of actions that disorganize the work of correctional labor institutions Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1985. 194 p.
29. Sokolovskii V.I. *Osobennosti rassledovaniya i predotvrashcheniya pobegov*

osuzhdennykh iz ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Features of investigation and prevention of escapes of convicts from correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1979. 169 p.

30. Chernyshenko E.V. *Rassledovanie nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Investigation of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 30 p.

31. Churilov S.N. O roli klassifikatsii prestuplenii v sistematizatsii chastnykh kriminalisticheskikh metodik. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki=The Academic Journal of Moscow City University. Series "Legal Sciences"*, 2017, no. 3, pp. 70–76. (In Russ.).

32. Shatalov A.S. Criminalistic methods of crime investigation. *Vestnik kriminalistiki=Bulletin of Criminalistics*, 2014, no. 4, pp. 8–23. (In Russ.).

33. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).

34. Shurukhnov N.G., Knyaz'kov A.S., Akchurin A.V. The personality of a penitentiary criminal: the concept and criminalistic significance of its properties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 39, pp. 109–125. (In Russ.).

35. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of crimes committed by convicts in correctional labor institutions: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 475 p.

36. Shurukhnov N.G. Improvement of methodological recommendations as a component of the integration process in criminology. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki=Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 81–84. (In Russ.).

37. Yablokov N.P. Criminalistic classification of crimes in the investigation methodology and its types. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo=Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*, 2015, no. 5, pp. 40–51. (In Russ.).

38. Yablokov N.P. General provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes. In: Volynskii A.F., Lavrov V.P. *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Yuniti-Dana, 2008. Pp. 558–569. (In Russ.). ISBN 978-5-238-01398-5/

39. Yamashkin A.S. *Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Methods of investigation of escapes from places of deprivation of liberty: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2010. 256 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, 79206310258@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Received December 10, 2021

Research article

UDC 343.8:343.98.06:343.988

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.008

Data on the Injured Convict: Following Results of the Investigation of Crimes Related to Intentional Infliction of Harm to Life and Health Committed in Places of Deprivation of Liberty

NIKOLAI G. SHURUKHNOV Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>**OLEG M. DECHKIN**Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

Abstract

Introduction: the article presents data on the injured convict following investigation of crimes of intentional infliction of harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Purpose:* based on analysis and generalization of theoretical and practical data, the attempt is made to form a typical portrait of the victim of intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Methods:* dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* the article makes a brief historical digression in order to compare legal norms of the 1864 Statute of Criminal Proceedings, which regulated certain provisions constituting the legal status of the victim, with norms of modern legislation. The main attention is focused on crimes causing intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty, their causes and commission conditions. The data of official statistics are given. The authors consider victimhood of victims, who are divided into three main groups depending on their behavior (negative, positive and neutral) during the period of serving the sentence. The specifics of each group are revealed. *Conclusions:* based on the available research, the authors present a typical portrait of the victim as a result of infliction of intentional harm to life and health committed in places of deprivation of liberty.

Key words: intentional infliction of harm to life and health; investigation; victim; convict; place of imprisonment; causes; factors; data; forensic characteristics.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities.

5.1.4. Criminal legal sciences.

For citation: Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Data on the injured convict: following results of the investigation of crimes related to intentional infliction of harm to life and health committed in places of deprivation of liberty. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 185–193. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.008.

Introduction

Crimes against life and health provided for in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as CC RF) represent one of the serious threats to society and the state. The potential of their social danger is perhaps the highest, since they selectively claim the fundamental human rights and freedoms that are “inalienable and belong to everyone from birth” (Part 2 of Article 17 of the Constitution of the Russian Federation). Therefore, the state pursues the task of implementing various means, including criminal law and criminal procedure, to protect the individual from criminal encroachments. However, despite the efforts made by the state, its law enforcement, judicial and investigative bodies, 254.1 thousand crimes against the person were registered in 2021 (in 2016 – 347.3 thousand), including 7.3 thousand murders (in 2016 – 10.7 thousand), 17.9 thousand intentional infliction of serious harm to health (in 2016 – 27.4 thousand); 38.2 thousand minor injuries to health (in 2016 – 45.8 thousand) [2; 3].

As a result of criminal encroachments, 23.3 thousand people died, 32.8 thousand people suffered serious harm to their health. Rural areas account for 38.0% of the dead (8.8 thousand people), cities and urban-type settlements - 67.8% of people who have suffered serious harm (22.3 thousand people) [2].

Comparing the legal statuses of the victim [12] and the accused, established by the legislation on criminal proceedings of pre-revolutionary Russia, it can be concluded that the former lost to the latter in terms of protected rights and legitimate interests. This approach is traditional: victims have to prove the crime commission, moreover with considerable risk to themselves, since in the situations when the accused was acquitted, he/she could demand satisfaction [7, p. 5]. However, it is worth mentioning that this legislative approach has gradually changed. If we turn to the 1864 Statute of Criminal Proceedings (hereinafter referred to as SCP), it can be noted that “announcements and complaints of private persons” (Article 297 of the SCP) were recognized as legitimate reasons for preliminary investigation, while it was explained that “announcements of persons who have suffered from a crime or misdemeanor are recognized

complaints” (Article 301 of the SCP). Article 303 of the SCP strengthened the legal role of complaints in criminal proceedings, indicating that they “are considered a sufficient reason to initiate an investigation. Neither a judicial investigator nor a prosecutor can refuse that to a person who has suffered from a crime or a misdemeanor”. Not going into detail regarding the legal position of the victim under the 1864 Statute of Criminal Proceedings, let us mention that it was voluminous and specific. In support of our conclusion, we quote the wording of Article 304: “During the entire time of investigation, the person who has brought the complaint has the right to: 1) present their witnesses; 2) be present at all investigative actions and offer, with the permission of the investigator, questions to the accused and witnesses; 3) submit evidence in support of their claim and 4) demand the issuance of copies of all protocols and resolutions at their own expense”. An important point was also reflected in Article 308 of the SCP, namely: “Filing an announcement or complaint does not impose an obligation to prove a criminal act, but exposes responsibility for any false testimony”.

The modern Russian state gradually assumes the function of accusation and proof of the crime commission. In this regard, we should support one of the recent initiatives of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Its Resolution No. 3 of April 6, 2022 stipulated submission of a draft federal law on changing the type of criminal prosecution in relation to crimes provided for in Part 1 of Article 115, Article 116.1 and Part 1 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to the State Duma of the Russian Federation. We are talking about abolition of the powers of a private prosecutor (currently, criminal cases of the listed crimes are considered by magistrates in the order of private prosecution), and preservation of only public and private-public types of criminal prosecution in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

Research

Crimes against life and health are quite common in such specific places as correctional facilities. Thus, in 2021, 1,271 crimes were committed by persons sentenced to deprivation of liberty in institutions of the penal

system of the Russian Federation. Approximately 8% are crimes related to intentional harm to life and health: murder (Article 105 of the CC RF) – 15 cases, attempted murder (articles 30 and 105 of the CC RF) – 7, intentional infliction of serious harm to health (Article 111 of the CC RF) – 29, intentional infliction of moderate harm to health (Article 112 of the CC RF) – 31, intentional infliction of minor harm to health (Article 115 of the CC RF) – 20 [5]. This is due to objective, subjective and complex factors.

Objective factors include a limited territory and a large number of persons concentrated on it. They are forced to have regulated and initiative relations. They are deprived of personal space, endowed with the same legal status with a different factual situation among the convicted, established by unofficial norms of behavior. They differ in the level of education, knowledge, upbringing, physical strength, state of health, orientation of beliefs, attitude to religion. Persons deprived of their liberty have to contact regularly: live together, stay in the same room for a considerable time, have a meal, medical procedures, work, collectively stay in sanitary rooms. All this in an environment in which they do not feel sympathy for each other. Constant presence of the same persons becomes a common, monotonous, annoying circumstance and causes internal rejection.

Conditions of isolation necessary for the execution of a sentence in the form of deprivation of liberty are the reason for aggravated interpersonal relations that often lead to multidirectional conflicts of a protracted nature, in which other convicts are involved. In addition,

deprivation of liberty is associated with strict regulation of all spheres of life; deviation from the established norms entails the use of a wide range of penalties (sometimes with even greater isolation and restrictions). There is a special social environment with its own specific value orientations [8; 9].

Convicts are subjected to stress due to a specific environment and a relatively small enclosed area, accompanied by sexual abstinence, prison traditions, constant self-control. At the same time, those serving a sentence do not have the opportunity to calm down, relax psychologically and give the body a full rest. All this affects their mental state, provoke anger, irritability, inadequate emotional reactions, aggression, conflict, which develops into illegal acts associated with harming each other's life and health, even in situations that, it would seem, could be resolved without resorting to violence.

A long stay in conditions of limited space, monotony and uniformity of events, internal wary attitudes of convicts among themselves generate hostility, banal jokes, quarrels, demonstration of concretized gestures, use of phraseological expressions not cultivated among those deprived of freedom, and contact relationships lead to the spread of rumors that become motives of crimes, causing harm to health.

The group of subjective factors includes various general characterizing data and personality traits of convicts held in penal institutions:

- mental disorders (about 23% of those held in institutions providing isolation from society have mental anomalies of various genesis (Table 1));

Table 1

Ratio of the number of convicts with mental deviations and the total number of persons serving a sentence of imprisonment

Year	2016	2017	2018	2019	2020
Total number of convicts held in correctional facilities	519 491	495 016	460 923	423 825	378 668
Total number of convicts with mental disorders in these institutions	111 862	108 197	101 881	98 281	94 616
Share of convicts with mental disorders	21.5 %	21.9 %	22.1 %	23.2 %	25 %

- commission of (previous) serious crimes (as of the end of 2020, out of 482,832 persons held in penal institutions, 119,934 were convicted of committing serious crimes, and 213,201 – especially serious crimes);

- commission of intentional illegal acts (the number of persons convicted of particularly dangerous recidivism of crimes was 28 162);
- presence of past criminal experience (according to the data of the FSIN-1 statistical

reporting form for 2012–2021, 86,577 persons serving sentences in penal institutions were convicted twice, 153,277 – three times or more);

– duration of imprisonment terms (at the end of 2020, 72,345 convicts served a sentence of imprisonment from 1 to 3 years; 79,401 – from 3 to 5 years; 140,159 – from 5 to 10 years; 57,364 – from 10 to 15 years. In total, 72.3 % of the convicts served a sentence of imprisonment for 1–15 years) (In the specified period of time, 16,229 convicts served a sentence for up to 1 year inclusive; 18,469 – from 15 to 20 years; 5,789 – from 20 to 25 years; 404 – from 25 to 30 years; 2,013 served a life sentence. The total number of convicts was 482,832).

The prevalence of intentional harm to life and health in places of deprivation of liberty is also affected by a complex factor combining a number of diverse circumstances. This can include existence of unofficial norms of behavior and non-official differentiation of convicts [1, pp. 123–144; 14]. This determines the nature of both intergroup and personal relationships.

Intentional infliction of minor harm to health, which has caused a short-term health disorder or a slight persistent loss of general working capacity, can also trigger commission of crimes against the person in places of deprivation of liberty (Part 1 of the Article 115 of the Criminal Code of the Russian Federation). A number of these crimes in correctional facilities (only those registered in the column “other crimes”) is significant (Table 2). It is noted that basically such acts are either latent or hidden from accounting. Reasons for it are the following:

- a) traditions of places of deprivation of liberty (convicts prefer to deal with their offenders on their own, rather than report the incident to the administration);
- b) the private procedure for criminal prosecution established by the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in relation to Part 1 of Article 115 of the Criminal Code of the Russian Federation (it does not always work in penitentiary institutions);
- c) concealment of crimes of minor gravity.

Table 2
Number of registered intentional inflictions of minor harm to health (Article 115 of the CC RF) by prisoners in custody and sentenced to imprisonment

Year	Total	Correctional facility, medical correctional institution, medical prevention institution	Detention facility	Educational facility
2021	20	part 1 – 1	–	–
		part 2 – 18	part 2 – 1	–
2020	20	part 1 – 1	–	–
		part 2 – 19	–	–
2019	22	part 1 – 1	–	part 1 – 1
		part 2 – 19	part 2 – 1	–
2018	16	part 1 – 2	part 1 – 1	–
		part 2 – 13	–	–
2017	14	part 1 – 1	–	–
		part 2 – 13	–	–

The listed factors provoke causing intentional harm to life and health of convicts in places of deprivation of liberty.

In 2016, 960 crimes were registered in correctional facilities, of which 14.5% were illegal acts related to intentional harm to life and health [4], in 2021 – 1,271 crimes, of which 8% were crimes related to intentional harm to life and health [5].

In 2016, the persons sentenced to imprisonment committed 16 murders (Article 105 of the CC RF), 8 attempted murders (Articles 30,

105 of the CC RF), 24 intentional inflictions of serious harm to health that caused death of the victim (Part 4 of Article 111 of the CC RF), 38 intentional inflictions of serious harm health (Parts 1–3 of Article 111 of the CC RF), 34 intentional inflictions of moderate harm (Article 112 of the CC RF), 19 intentional inflictions of minor harm to health; in 2021 – 15, 7, 7, 22, 32, 20 accordingly (the total number of victims – 102) (Table 3) [4; 5]. The crime rate per 1,000 convicts held in penal institutions in 2016 accounted for 1.50, in 2020 – 2.39.

Table 3

Ratio of registered crimes against life and health to the total number of crimes among persons held in places of deprivation of liberty

Year	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Total number of registered crimes among persons held in places of deprivation of liberty	960	974	1025	1171	1184	1271
Murder (Article 105 of the CC RF)	16	20	6	8	8	15
Attempted murder (articles 30, 105 of the CC RF)	8	12	5	7	4	7
Intentional infliction of serious harm to health that caused death of the victim (Part 4 of Article 111 of the CC RF)	24	9	18	9	7	7
Intentional infliction of serious harm to health (parts 1-3 of Article 111 of the CC RF)	38	23	18	25	17	22
Intentional infliction of moderate harm (Article 112 of the CC RF)	34	19	20	30	24	31
Intentional infliction of minor harm to health (Article 115 CC RF)	19	14	17	21	21	20
Total number of registered crimes under articles 105, 111, 112 and 115 of the CC RF among persons held in places of deprivation of liberty	139	97	84	100	81	102
Percentage ratio (%)	14.5 %	10 %	8.1 %	8.5 %	6.8 %	8 %

When studying the issue, in the period from 2006 to 2020 we analyzed 102 criminal cases on crimes under Articles 105, 111, 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by convicts in places of deprivation of liberty in 20 subjects of the Russian Federation (republics of Bashkortostan, Komi, and Udmurtia, Arkhangelsk, Belgorod, Vologda, Ivanovo, Kirov, Kostroma, Kurgan, Murmansk, Novosibirsk, Omsk, Orenburg, Penza, Ryazan, Samara, Sverdlovsk, Chelyabinsk and Yaroslavl oblasts).

Analyzing the practice of investigating crimes against life and health committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, we determined their relationship. One illegal act can transform into another, the subject of the crime can become its victim, the crime itself can be characterized by special cruelty or a generally dangerous method used. It should also be said that the crimes mentioned are the most common in comparison with other socially dangerous acts committed by convicts held in penitentiary institutions and causing harm to life and health of citizens.

As for victims of intentional harm to life and health in places of deprivation of liberty, in 96.4% of cases it is convicts, in 3% – commanding staff and civilian employees of correctional institutions, 0.6% – citizens who arrived in the correctional institution due to work necessity and relatives – for extended visits. The overwhelming majority of crimes are caused by the objective factor – a limited territory with a large concentration of convicts

[13] who are forced to actively contact each other. The victims in 93% of cases are male, in 7% – female. These figures are logical, since, as of the end of 2021, approximately 92% of those serving a sentence of imprisonment were men.

Intentional harm to life and health in conditions of places of deprivation of liberty is most often caused to convicts of three age groups: from 18 to 29 years (47%), from 30 to 39 years (30%), from 40 to 49 years (17%). The age group of 50 years and older accounts for 6% of the considered unlawful assaults. This is due to the fact that older people have a diverse life experience, prefer not to engage in conflict situations, determine their nature, predict consequences, quickly calculate the options for defense to satisfy psychological interests of the two sides and not to humiliate the honor and dignity of prisoners.

A significant number of victims had incomplete secondary (45%) or secondary (37%) education. A low level of education, as a rule, correlates with underdevelopment of human intelligence, which causes non-acceptance of the point of view of another convict, inability to analyze and use common sense, and rudeness in dealing with community members. Hence, the lower the educational level, the poorer the life experience, the more likely it is that a person will find himself in the situation that provokes conflict with subsequent harm to life and health.

For the most part, the convicted victims were not employed and did not engage in

socially useful work in penitentiary institutions (73%). The main part of these persons had various penalties from the administration of the institution (68%). The use of alcoholic beverages, narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues is one of malicious violations of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment. During the commission of illegal acts, 14% of citizens whose health was harmed were in a state of alcoholic intoxication or under the influence of narcotic drugs.

It is worth noting that 55% of the victims had one criminal record, 45% – two or more. Of these, 40% were convicted of crimes against life and health, 26% – against property, 19% – against public health and public morality, 8% – against sexual inviolability and sexual freedom of the individual, 4% – against public safety, 3% – other criminally punishable acts.

In the mechanism of intentional infliction of harm to life and health, carried out in conditions of places of deprivation of liberty, a special role is devoted to the victim's behavior before the crime commission and directly at the time of unlawful encroachment. First of all, victimhood of the convicted person's behavior is significant, in which negative, immoral, and sometimes insignificant, but socially dangerous signs prevail [10; 11]. Provocativeness in this regard is dangerous, as it leads to the position of a victim. Victim behavior is an independent constituent of the conditions for committing an illegal act. Often convicted persons, whose life or health is harmed, themselves create the ground for committing illegal actions against them, provoking this with their defiant, immoral, and sometimes illegal behavior.

On the basis of empirical data obtained in the course of studying the practice of investigating crimes related to intentional harm to life and health in correctional institutions, we have grouped all the victims from among those convicted of the analyzed criminal acts into three main groups, depending on their behavior during the period of serving their sentence, in particular: those with 1) negative, 2) positive and 3) neutral behavior.

Representatives of the first group (42.3%) spread negative information, humiliated, insulted, caused physical suffering, abused

other convicts, which served as a motive for causing intentional harm to their life or health. So, in one of the correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Bashkortostan, convicted H. R. R. periodically ridiculed the convicted H. S. Ya. in the presence of other persons serving sentences. One day H. R. R. decided to make fun of his companion: when he was sleeping, he poured detergent into his mouth, explaining that he allegedly snored and did not let others sleep. Experiencing personal hostility to H. R. R., the convicted H. S. Ya. grabbed a stool and struck his abuser several blows on the head, thereby causing serious harm to health (Archive of the Salavatskii city court of the Republic of Bashkortostan. Criminal Case No. 1-68/2015 of April 23, 2015).

The second group includes convicts with positive behavior (35.4%). They defended themselves and others from verbal attacks and actions of offenders by making demands to stop illegal behavior and unlawful use of physical force, as well as apologize for rashness of their statements and actions. For example, during a meal in the canteen in one of the correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Murmansk Oblast, the convict K. E. V. tried to pass out of turn to the food distribution window. Convicted B. R. A. stopped him and asked him to get in line. The convicted K. E. V. responded rudely. After the meal, while being on the platz of the residential area of the correctional facility, the above persons continued to argue, as a result of which K. E. V. stabbed the convict B. R. with the sharpened aluminum spoon, thereby causing bodily injuries (Archive of the Lovozerskii district court of the Murmansk Oblast. Criminal case No. 1-11/2017 of July 24, 2017).

The third group consists of convicts with neutral behavior (22.3%), that is, those who did not contribute to or hinder perpetrators' actions. The reasons for such behavior are very different, often it is associated with negative personality traits (cowardice, indecision, the habit of pleasing, being humiliated and not resisting). For instance, the convicted Shch. A. S., being in the sleeping quarters of one of the detachments of the correctional institution of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk

Oblast, demonstrating his physical strength, deliberately struck several blows on the head and neck of the convicted O. N. N., thereby causing moderate harm to the latter's health. When striking, the convicted O. N. N. did not offer any resistance to the attacker, as he was frightened (Archive of the magistrate court of judicial sector No. 2 of the Pinezhskii district of the Archangesk Oblast. Criminal case No. 1-29/2013 of June 11, 2013).

The probability of becoming a victim in places of deprivation of liberty depends on the term for serving punishment by the person to whom the bodily injuries were inflicted, number of convictions, the time spent in a particular correctional institution. For convicts who are in penal institutions for the first time, the beginning of the sentence is particularly painful due to their adaptation to a new environment. Most crimes against life and health of a person are committed in relation to this group of convicts, as a new person provokes interest of others. They try to get information about him/her in various ways, check the newcomer and thereby determine the place he/she will occupy in the community of those deprived of freedom. Sometimes such checks are provocative and aimed at reducing the unofficial status of newcomer, which in some cases leads to a protracted interpersonal conflict that causes harm to life and health. However, in such a situation, it is not possible to identify the victim at an early stage.

The data characterizing victims' personal (internal) properties, as well as their connections, relationships with the environment are an integral part of the criminalistic characteristics of the designated group of crimes. When investigating specific cases, they give an opportunity to determine a subject of communication, identify persons with whom there were friendly and hostile relations, thereby delineating the circle of convicts involved in the commission of an illegal act. With their help, it is possible to identify persons who were eyewitnesses of the crime, have any information about it. The information that characterizes the victim and his/her relationships with close and distant surroundings allows investigators to put forward targeted versions about motives of the crime. The data on the victim of an illegal act, situation, circumstances, and

means used to cause harm to life and health can be very useful for conducting a thorough investigation of the situation at the scene of the incident and developing tactical interrogation techniques for both the victim himself and the suspect, the accused, as well as witnesses. Based on the data about the victim, inquiry officers and investigators can easily establish false information in his/her testimony, which is very common in the investigation of crimes committed by convicts serving sentences in penal institutions, assume presence of abnormalities in the psyche of the interrogated, make a decision on expediency and timeliness of a forensic psychological or forensic psychiatric examination.

The identification and study of criminalistically significant features in the personality of the victim and his/her behavior (before, at the time and after commission of the crime) helps to deeper understand many circumstances of the illegal act and characterize the originality, orientation and motives of the criminal's behavior. When committing crimes related to intentional harm to life and health, the criminal does not accidentally choose an individual as the object of his encroachment. Therefore, it is not surprising that in the analyzed criminal acts, as a rule, the identification of the criminal largely follows the "victim – offender" chain. It is especially important to determine and study this connection at the beginning of the investigation, at the preliminary stage [13].

At the same time, special attention should be paid to correlations that reveal the relationship of the criminalistic characteristics data: method – situation of the crime commission; victim – perpetrator; properties of the victim's personality – means of harming life and health; means of crime – properties of the offender's personality. We emphasize that correlations are particularly evident, when a serious, thoughtful analysis of the circumstances of intentional harm to life and health in penitentiary institutions is conducted.

Conclusion

The data obtained in the conducted empirical research allows us to draw up a brief portrait of the victim, whose life and health were intentionally harmed in the conditions of places of deprivation of liberty. This is a man

(93%), convicted (serving a sentence of imprisonment) (96.4%), aged from 18 to 39 years (77%), with incomplete secondary or secondary education (82%), not employed and not engaged in socially useful work (73%), inclined to various violations of the regime of serving a sentence (68%), having appropriate penalties. The victims of the crimes in question in some cases (42.3%) themselves provoke illegal actions of the subject of the crime, and in others (35.4%) act as defenders of the honor and dignity of other convicts and their own.

According to the data provided, intentional infliction of harm to life and health by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty is often associated with victimhood of the victim's behavior. Being realized through the orientation of the individual through a typical line of his behavior, victimhood acts as a significant factor in the analysis of the offender-victim interaction, evaluation of the testimony of participants in pre-trial proceedings and, first of all, of the victim himself. Testimony of the latter should be carefully checked, given that in some cases, at the first interrogation, the state of extreme mental stress, uncertainty of the behavior reproducing a stressful event, limits possibilities. The second interrogation is characterized by a more complete reproduction of the event (this should not be interpreted as deliberate concealment of information during the first interrogation), and correction of testimony due to understanding of their future serving a sentence of imprisonment, influence of other convicts, including the environment of the suspect, the accused.

The study of the victim's personality traits, psychological and physical characteristics, behavior (including victimhood), level of culture, value orientations, clarification of the presence of connections and relationships with others who have been deprived of liberty helps establish motives for committing a crime and more precisely outline the circle of persons – possible perpetrators of the il-

legal act [6]. In addition, it helps reveal crime scenarios, search for traces and instruments of crime, plan the investigation process, as well as choose certain techniques and their combinations in the production of individual investigative actions, operational search and other measures.

Successful investigation of intentional harm to life and health committed by convicts held in penitentiary institutions depends on various factors. It seems to us that effective interaction with correctional institution officials, skillful use of information characterizing the specifics of the personality of victims from among convicts serving a sentence of imprisonment are crucial.

It is not possible to investigate such crimes without interaction with authorized persons of correctional institutions in a timely, high-quality manner and clarification of the causes and conditions that contributed to its commission, since there are a lot of nuances present both in organization of activities and personality traits of convicts, official and unofficial norms of behavior, stratification of persons held in the institution that the subject of the investigation may not know about. Inquirers and investigators should cooperate not only with the operational staff, representatives of the security service, but also with the heads of detachments. A head of the detachment is an official who has the maximum information about each convict under his control. If he has appropriate experience, he already at the first acquaintance with the convict (when conducting a conversation, filling out documents outlining individual educational work) makes certain conclusions, including about the degree of victimhood, prospects of getting along in a team, ability to defuse conflict situations. Such information is important for investigation of the crime and establishment of other circumstances of intentional harm to life and health by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Penitentsiarnye prestupleniya: ponyatie, kriminalno-sticheseskaya kharakteristika, spetsifika rassledovaniya* [Penitentiary crimes: concept, criminalistic characteristics, specifics of investigation]. Ryazan: Konyakhin A.V., 2020. 332 p. ISBN 978-5-6044961-1-4.

2. Monthly collection on the state of crime in Russia. 2021. *Portal pravovoi statistiki General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii: sait* [Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: website]. Available at: <http://crimestat.ru/analytics> (In Russ.). (Accessed April 21, 2022).
3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2021. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> c (Accessed April 21, 2022).
4. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2016 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation (January–December 2016): information and analytical collection]. Tver: NIIIT FSIN Rossii, 2017. 385 p.
5. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2021 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation (January–December 2021): information and analytical collection]. Tver: NIIIT FSIN Rossii, 2022. 436 p.
6. Sakharova E.G. The value of the identity of the victim as an object of forensic investigation in the investigation of personal injury. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2017, no. 4 (30), pp. 83–88. (In Russ.).
7. Sinenko S.A. *Uchastie poterpevshego v rassledovanii prestupleniya* [Participation of the victim in the investigation of the crime]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2007. 140 p. ISBN 978-5-7444-2014-7.
8. Sukhov A.N. *Sotsial'no-psikhologicheskie yavleniya v srede osuzhdennykh: uchebnoe posobie* [Socio-psychological phenomena among convicts: textbook]. Ryazan: RVSh MVD SSSR, 1987. 64 p.
9. Sychev Yu.V. *Mikrosreda i lichnost': filosofskie i sotsiologicheskie aspekty* [Microenvironment and personality: philosophical and sociological aspects]. Moscow: Mysl', 1974. 190 p.
10. Frank L.V. *Viktimologiya i viktimnost' (Ob odnom novom napravlenii v teorii i praktike bor'by s prestupnost'yu): uchebnoe posobie dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta* [Victimology and victimhood (On one new direction in the theory and practice of combating crime): teaching tool for students of the Faculty of Law]. Dushanbe: [b. i.], 1972. 114 z.
11. Frank L.V. Concept of criminal victimology and victimhood and some of its aspects in crimes against life and health. *Voprosy kriminalistiki, kriminologii i sudebnoi ekspertizy=Issues of criminalistics, criminology and forensic examination*, 1972, no. 15, pp. 247–256. (In Russ.).
12. Tsentrov E.E. *Kriminalisticheskoe uchenie o poterpevshe* [Criminalistic teaching about the victim]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1988. 160 p. ISBN 5-211-00065-X.
13. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
14. Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Grounds for criminalistic classification of crimes against human life and health committed by convicts serving imprisonment sentences in places of deprivation of liberty. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 778–790. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Group for Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Office of the Academic Secretary of Post Graduate Military Course, Doctoral Studies at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

OLEG M. DECHKIN – Lecturer of the Department for Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, olegd4105@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-8655>

April 21, 2022

Probation in the Russian Federation: Some Problems of the Content and Legal Regulation

PAVEL V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Abstract

Introduction: the article discusses some issues of regulatory support for creating a probation system in the Russian Federation, aimed at resocialization, social adaptation and rehabilitation of convicts and persons released from places of deprivation of liberty. *Purpose:* based on the analysis of the content of the draft law on probation submitted for public discussion, to identify current legal problems in this direction and propose measures to solve them. *Methods:* formal-logical, system-structural and comparative-legal methods are used in the course of the study. *Results:* the following legal problems are identified: the framework nature of the draft law, abstractness of the content of its individual norms, inconsistency of the legal content of probation and its individual types (directions), insufficiency of specific legal mechanisms to assist convicts and persons released from places of deprivation of liberty in social adaptation and rehabilitation. To further improve the legal framework of probation in the Russian Federation the author developed the following proposals: specifying powers and mechanisms of interaction of probation subjects, content of probation procedures and measures; strengthening legal regulation of the preventive direction of probation; introducing reconciliation (mediation) procedures with the victim (pre-trial probation); determining the place of public control in the field of probation; creating a single body in the system of state and municipal structures to which probation functions would be assigned; ensuring proper parity of social rights of convicts and persons released from prison with those of other categories of citizens who find themselves in a difficult life situation. *Conclusions:* elaboration of the draft law on probation has become an important stage in the development and humanization of domestic legislation; its adoption and subsequent implementation will form a fundamentally new system of work with convicts and persons released from prison, providing for widespread application of social rehabilitation and preventive measures to them, which, in turn, will have a positive impact on the level of their socialization and the state of recessive crime in the country.

Keywords: criminal policy; probation; alternative punishments; resocialization of convicts; social adaptation; social rehabilitation; crime prevention.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor’s activities, human rights and law enforcement activities.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

For citation: Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: some problems of the content and legal regulation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58). pp. 194–203. doi 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.

Introduction

The issue of the need to organize a probation system in the Russian Federation has been actively discussed at the state level and in the scientific community over the past few years. Creation of a nationwide system of post-penitentiary assistance to persons released from places of deprivation of liberty was discussed in 2009 in Vologda at the meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation. The probation service establishment was stipulated by provisions of the Concept for long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 and the Concept for development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2020. The probation service was to provide post-penitentiary adaptation and socio-psychological support for persons released from places of deprivation of liberty. The Decree of the President of the Russian Federation No. 761 of June 1, 2012 "On the national strategy of actions in the interests of children for 2012–2017" provided for creation of the probation service for juvenile offenders [14]. In 2011–2012, an attempt was made to create a full-fledged probation service in Russia, which failed [13]: the draft federal law "On probation in the Russian Federation and the system of bodies and organizations implementing it" was not implemented, and in 2015 work on formation of a probation institute in Russia was suspended [18, p. 7].

The Concept for development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030 again stipulates creation and development of the probation system. However, this planning document does not set a task of establishing an independent probation service, but forming a single integral system for interaction of state authorities, local self-government, public organizations, institutions and organizations (enterprises) of social services when addressing issues of providing targeted social assistance to convicts and persons released from places of deprivation of liberty. As noted in the Concept, serving a criminal sentence in isolation from society entails weakening and often complete rupture of social ties, loss of life skills in society, which leads to formation of a maladaptive orientation in behavior and, as a consequence, commission of repeated

crimes. Punishments without isolation from society and suspended sentences in practice are also far from always accompanied by effective individual preventive and social rehabilitation work with convicts. This is largely due to insufficient capabilities of the penal enforcement system to use the entire scope of means of influencing the offender: for example, personnel, financial, technological difficulties. These circumstances triggered creation of an effective system for resocialization and social adaptation of convicts and persons released from places of deprivation of liberty (probation system).

Legislative consolidation of this institution is a priority measure for the creation and development of an effective probation system in the Russian Federation. For this purpose, the Ministry of Justice of the Russian Federation has prepared and submitted for public discussion a draft Federal law "On probation in the Russian Federation" (Project ID 01/05/04-22/00126333). Public relations arising in the field of organization and functioning of probation in the Russian Federation is the subject of regulation of this federal law. In order to scientifically comprehend the proposed law and search for opportunities for its further improvement, we conducted a scientific and theoretical study, the results of which are presented in this article.

Results of the analysis of the law content

The draft Federal law "On probation in the Russian Federation" (hereinafter referred to as the draft law on probation) normatively defines basic concepts used in the regulated sphere; establishes goals and objectives of probation; sets powers, principles and organizational foundations of the activities of probation subjects, and a legal status of persons engaged in probation. Probation is aimed at correction of social behavior, resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons, and prevention of their commission of new crimes.

The legal structure of the draft law is based on the approach positioning probation as a set of measures of a social rehabilitation, supervisory and preventive nature, implemented both at the stage of execution of criminal punishment (sentencing (executive) probation, penitentiary probation) and at the post-penitentiary stage (post-penitentiary probation), as well as aimed at legal institutionalization of a uni-

fied system of probation subjects, regulation of their rights, duties, responsibilities and professional relationships. The chosen approach makes it possible to take into account the social value of probation as a whole, maximize its significant social rehabilitation and preventive potential in working with convicts and persons who have served their sentences, and ensure uniform principles and integrity in the work of probation subjects. A similar approach is used in the legislative regulation of probation in certain foreign countries. For example, the Law of the Republic of Kazakhstan of December 30, 2016 No. 38-VI "On probation" establishes the following types of probation: pre-trial, sentencing, penitentiary, and post-penitentiary.

It should be noted that a significant amount of the normative material presented in the draft law on probation duplicates the content of the norms of penal legislation and some by-laws in this area (it includes separate powers of correctional institutions, correctional centers and penal enforcement inspectorates (PEI), the rights, duties and responsibilities of convicts, tasks and the procedure for carrying out educational, psychological and social work with convicts). In addition, the authors of the draft law use a large number of blank norms referring to the rules defined by the penal legislation, legislation on education, legislation in the fields of social services and public health protection, personal data protection, etc. Thus, the draft law on probation, defining the basics of the probation system in the Russian Federation, legal status and activities of its subjects, in fact, is a framework intersectoral regulatory legal act of the legislative level, structured by analogy with the Federal law No. 182-FZ of June 23, 2016 "On the basics of the system for preventing offenses in the Russian Federation" (hereinafter – the law on the system for preventing offenses). The subject of legal regulation of the latter also includes implementation of forms of preventive influence, such as resocialization, social adaptation and social rehabilitation, including in relation to persons serving sentences without isolation from society, who have served a sentence of imprisonment and (or) subjected to other measures of a criminal nature.

In this regard, it seems that due to a great number of legal norms that duplicate regulatory provisions of other federal laws in the draft law on probation, there are risks of unjustified

intrusion into the regulation subject of these laws, including regulation of penal relations. On the one hand, in this situation the legislator may adopt a federal law on introduction of appropriate amendments and additions to the special legislative acts already in force regulating issues of social adaptation and rehabilitation of persons in difficult situations (including the law "On the system for crime prevention" as a basic one), while focusing on convicted persons and persons released from places of deprivation of liberty, along with other categories of citizens. At the same time, taking into account special importance of the issues of crime prevention on the part of this category of persons, as well as the fact that a significant amount of regulation in this area falls on regional and local levels, adoption of the law on probation at the federal level is still seen as an urgent need.

Special attention should be paid to the legal definition of probation, enshrined in the draft law on probation. Clarification of the content of a particular definition predetermines successful implementation of those measures that follow from its content [6]. Yu.A. Golovastova rightly notes that the "distorted use of basic legal categories (and probation is such) leads to spontaneous rule-making, the manifestations of which change the essence of legal regulation" [2, p. 5].

As we have already indicated, the authors of the draft law understand probation as a set of measures of a social rehabilitation and preventive nature. At the same time, understanding of this term, which has developed in the domestic scientific doctrine and legislative practice of some foreign countries, differs quite significantly from the one proposed in the draft law, which, in turn, significantly affects the content of its regulation subject.

The term "probation" (from Lat. *probatio* – trial) is used most often as an institution accompanying conditional imprisonment or postponement of a sentence [8, p. 67], as well as in connection with activities for the execution of punishments alternative to imprisonment [4]. The essence of probation consists in compulsory supervision of convicts' behavior and performance of duties assigned to them by the court, correction of their behavior, assistance in social adaptation and prevention of commission of repeated crimes [9, p. 121]. Probation is usually provided for

minor and medium-gravity crimes, only in case the defendant expresses his/her willingness to comply with all the requirements and restrictions established by the court [10, p. 114]. At the same time, the nature and features of the forms of expression of probation institutions are directly dependent on the legal system of the relevant state. Thus, in some states, probation is a punishment (Sweden, Finland, Latvia), in others – measure of a criminal nature (England, Denmark) or the one connected with release from punishment (Austria, Estonia). Finally, in some countries it does not constitute an institution at all (USA) [19, pp. 13–14]. In the penitentiary systems of many world countries, the probation service is the most important institution in the field of criminal justice and crime prevention, which provides an opportunity to apply alternative types of punishment for committing a crime, instead of real imprisonment [13].

According to the Recommendation CM/Rec (2010) of the Committee of Ministers to member states on the Council of Europe Probation Rules of January 20, 2010, probation relates to the execution in the community of sanctions and measures, defined by law and imposed on an offender, that is, it is a reaction of the state to the committed offense. At the same time R.V. Novikov notes that in a combination of measures to support an offender and ensure compliance with the imposed restrictions, it is important to strike a balance, since the emphasis solely on rehabilitation measures or a formal approach to establishment of restrictions can lead to a crisis of the probation system [14]. Thus, the “probation system provides for the application of support measures and ensuring that a person complies with the obligations and restrictions imposed on him/her by criminal law in connection with the committed crime” [14].

In general, probation is a complex criminal legal measure (regime), aimed at influencing the person who has committed the crime, testing the offender by imposing legally stipulated duties, restrictions and prohibitions on him/her, in control (supervision), combined with the application of measures to correct his/her social behavior and providing him/her with assistance (psychological, medical, household and labor arrangements) in social adaptation [1]. The purpose of such a test is to determine the possibility of correcting the

convicted person, stopping his/her antisocial behavior without applying stricter measures – criminal punishment. The test is based on trust and assistance to the convict, his/her active and socially responsible position in the process of correction (socialization).

S.A. Luzgin adheres to a similar position, defining probation as an institution of criminal justice, crime prevention, resocialization and social adaptation of released convicts, which includes a system of activities and individual measures of a socio-legal, educational, psychological, control and rehabilitation nature aimed at correcting behavior of certain defined by law categories of offenders with a purpose of their correction, resocialization, re-adaptation into society and crime commission prevention [11].

However, there are different points of view. According to I.V. Dvoryanskov, probation is not a punishment or other measure of a criminal nature, there is no criminal liability; it is an alternative to criminal prosecution, non-punitive form of neutralizing causes and consequences of committing a crime, special form of social responsibility, alternative to criminal [7]. The key difference between probation and criminal law measures is that it is applied outside of criminal prosecution and criminal enforcement activities [7].

It seems that the combination of diverse measures in the concept of the institute of probation, ranging from measures of social adaptation to the one of criminal punishment and correction of convicts, control (supervision) and prevention of offenses, makes its content unnecessarily abstract and pointless. It is important to determine, whether probation should be endowed with a specific criminal-legal content (positioned as an independent type of criminal punishment or another measure of a criminal-legal nature), represent a preventive legal measure (by analogy with administrative supervision or a criminal-procedural prohibition on certain actions) or just a complex of criminal-executive and social rehabilitation measures, as well as the relevant activities of probation subjects? The initial solution of this fundamental issue would contribute to improving the quality of normative material, determine specific directions of its further development. For example, probation could be positioned as a criminal-legal measure combining punishment in the form of restriction of liberty, condi-

tional conviction and postponement of serving a sentence, as well as release on parole. In the proposed draft law on probation this term covers the entire complex of educational, social rehabilitation and preventive measures implemented in relation to persons who have committed criminally punishable acts, both at the stage of execution of punishment and at the post-penitentiary stage.

Ambiguity in the solution of this issue is already inherent in the formulation of the purpose and principles of probation (Article 4 of the draft law on probation). Probation goals do not involve implementation of criminal liability, only correction of social behavior, resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons engaged in probation, prevention of their commission of new crimes. In this case, a natural question arises: what about sentencing (executive) probation, which provides for the execution of criminal penalties not related to isolation of the convicted person from society and the use of other measures of a criminal nature? The analysis of the rights and obligations of the penal enforcement system in the field of sentencing (executive) probation (Article 19) allows us to conclude that the difference between this legal institution and the institutions of penal law regulating execution of punishments without isolation from society consists only in giving the penal system powers in the field of social work. Article 17 establishes that this type of probation is applied on the basis of a court verdict. At the same time, according to Article 3 of the draft law on probation, the voluntary nature of its application is fixed as one of the principles of probation. Probation areas, such as execution of criminal penalties (other measures of a criminal legal nature), control (supervision) of convicted persons and persons who have served their sentences, use of special measures to prevent offenses (part 2 of Article 18), as well as educational work (articles 19, 21, 22 and 25) do not correlate with this principle. In addition, attention is drawn to the fact that among the subjects applying sentencing (executive) probation, only the penal enforcement system is indicated, while other subjects of crime prevention remain on the sidelines.

Thus, despite the fact that the approach to the meaningful definition of probation in the form of a complex of diverse measures has already found its support in the scientific community and implementation in the legislation

of some foreign countries, it still seems more reasonable to position probation with regard to its criminal legal content, and all other measures (for example, providing former convicts assistance in social adaptation and rehabilitation) should be attributed to other functions of the probation service (system).

Provision of control and supervision of persons is one of the tasks of probation. In this case, it is not entirely clear what kind of supervision we are talking about: applied as part of the execution of a sentence in the form of restriction of liberty or administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty. In the latter case, there is competition with the norms of the Federal law No. 64-FZ of April 6, 2011 "On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty" implemented by the police. Probation involves convicts, as well as persons released from institutions executing punishments in the form of forced labor or imprisonment, who find themselves in a difficult life situation. Consequently, it can be assumed that supervision is carried out in relation to those sentenced to restriction of liberty and, possibly, in relation to that part of the released convicts subject to administrative supervision who find themselves in a difficult life situation.

The draft law on probation proposes a concept of penitentiary probation, which includes, among other things, a set of measures aimed at correcting the convicted person. At the same time, correction of convicts and prevention of crimes on their part are the goals of criminal punishment and are implemented in the process of its execution. It turns out that the goals of penitentiary probation and the goals of punishment largely coincide. Moreover, according to Article 21 of the draft law on probation, penitentiary probation is carried out, *inter alia*, by conducting educational work with persons sentenced to imprisonment or forced labor (in accordance with the procedure established by the penal legislation).

The above indicates that the authors of the draft law actually attempted to bring together, within the framework of a special law, all measures of educational influence implemented in relation to persons sentenced to imprisonment and forced labor at the penitentiary and post-penitentiary stages. At the same time, the use in the framework of probation, along

with educational work, of other basic means to correct convicts (socially useful work, general education, vocational training, social impact and regime) is not regulated by the draft law in any way.

In our opinion, it would be advisable to more clearly distinguish the norms of the draft law on probation from the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation. However, their complete differentiation does not seem to be entirely correct in terms of ensuring the complexity and continuity of social rehabilitation and preventive work with convicts. In this case, only the norms regulating relations arising at the post-penitentiary stage would be a subject of the draft law on probation. It is worth noting that until recently, in legal science and practice, the issue of adopting a federal law on social assistance to persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment has been worked out. For example, the draft federal law No. 97802711-2 “On social assistance to persons who have served their sentences and control over their behavior” was discussed even in 1997–2000 [14]. In addition, there is experience in adopting such laws at the regional level (for example, the regional law of the Arkhangelsk Oblast No. 402-27-OZ of December 16, 2011 “On social adaptation of persons released from institutions of the penal system”, the law of the Tyumen Oblast No. 98 of May 12, 2011 “On resocialization of persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment and (or) those who have been subjected to other measures of a criminal-legal nature”, etc.). This practice looks very logical, since most of the issues related to social adaptation of former convicts are solved at the regional and local levels.

As we have already noted, the draft law on probation is largely of a framework nature, contains a large number of general provisions and references to the current legislation, requires subsequent adoption of concretizing amendments and additions to other regulatory legal acts. For example, Article 37 of the draft law on probation is devoted to the issues of assistance in finding employment to persons in respect of whom post-penitentiary probation is carried out, but it does not contain specific mechanisms for such assistance.

According to Article 10 of the draft law on probation, the Ministry of Labor of the Russian

Federation coordinates activities of post-penitentiary probation carried out by the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the provision of public services in the field of employment and social protection (service) of the population, including issues of job quotas. At the same time, with regard to the issues of job quotas, the draft law only provides for the preparation of appropriate methodological recommendations. Unfortunately, there are no clear guidelines for solving this issue at the legislative level.

Article 14 of the draft law on probation, which establishes the powers of the Commission on Juvenile Affairs and protection of their rights in the field of probation, also contains only vague formulations concerning assistance in the labor and household arrangement of minors, and only within the framework of post-penitentiary probation.

Article 13 of the draft law on probation establishes the rights of state authorities of the RF subjects in the field of probation, and the powers and obligations of other subjects of probation (in fact, the list of rights represents the powers).

In this regard, the adoption of a federal law on social adaptation of persons who have served a sentence of imprisonment would be preferable. At the same time, the use of the term “probation” as a basis, relying on the complexity and continuity in its implementation on a many-subject basis, is certainly justified by the need to focus law enforcement activities on solving social rehabilitation and preventive tasks and increase the level of responsibility of state, municipal bodies, and civil institutions in this direction.

Some research teams have proposed conceptual draft laws containing very specific measures for social adaptation of former convicts, including mechanisms for solving their most significant social problems (employment, housing, etc.). For example, the research team of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia worked out a draft federal law “On state support for persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment”, providing targeted assistance to persons released from places of deprivation of liberty, in need of labor and household arrangements, housing and pension provision, health protection [15]. In contrast to a

rather abstract draft law on probation, one of the main ideas of the proposed draft law was to determine sources and mechanisms of financial support for activities of subjects providing state support to those who have served their sentences, as well as to fix specific measures of such state support (the unconditional right of persons released from prison to work and household arrangements, receiving other forms of social assistance; provision of state guarantees for investment loans received for the purpose of providing state support to those who have served their sentences, etc.).

Z. Sh. Makhmudov believes that the content of the federal law regulating issues of social rehabilitation of persons released from prison should contain specific measures, such as recognition that able-bodied persons released from places of deprivation of liberty require one-year social protection; determination of special enterprises and dormitories in the system of the Ministry of Justice of Russia for labor and domestic placement of the released; creation of social adaptation (rehabilitation) centers; determination by the local administration of the list of organizations that employ persons released from prison and provision tax benefits to them, etc. Also, in his opinion, it is important to clearly regulate issues of legal responsibility of subjects of social rehabilitation of persons released from places of deprivation of liberty and establish specific deadlines for implementation of their functions [12].

We believe that when dealing with probation issues of convicts and persons who have served their sentences, it is crucial to maintain a balance with the rights to social protection, support and assistance of other (law-abiding) categories of citizens who find themselves in a difficult life situation. Positioning of social problems of convicts (ex-convicts) at the legislative level as a special difficult life situation requiring priority resolution, it should not contradict the principles of social justice and equality of all citizens before the law (of course, recognizing the particular severity of this social problem).

Z. Sh. Makhmudov also points out that the system of state and municipal structures lacks a body or official who would be charged with the duty to provide the released person with very specific assistance in his/her work arrangement [12].

In accordance with the provisions of the draft law on probation, the powers to coordinate interaction of probation subjects are assigned to the Ministry of Justice of the Russian Federation, the functions to organize (provide) interaction – to other federal executive authorities. At the same time, the solution of organizational issues of providing targeted assistance to a specific convict is assigned to several subjects at once, depending on the type of probation used: penal enforcement inspectorates – for sentencing (executive) and post-penitentiary probation, correctional facilities and correctional centers – for penitentiary probation.

Without raising the issue of creating an independent probation service, the authors of the draft law provide for the possibility of creating specific bodies – probation centers (Article 40 of the draft law on probation), which are not classified as subjects of probation, but are specialized organizations created to assist persons engaged in probation, including provision of temporary place of stay. Probation centers can be established by socially oriented non-profit organizations, including religious organizations and public associations.

Providing that most of the functions implemented by penal enforcement inspectorates are probation ones (with the exception of monitoring suspected and accused persons, in respect of whom preventive measures in the form of house arrest, prohibition of certain actions and bail are applied), it would be more logical to create probation centers (probation services) on the basis of these state bodies. This approach would be more correct, since only state and municipal bodies and organizations (enterprises) are defined as subjects of probation in the draft law on probation (Article 6). This position is supported by I.V. Dvoryanskov, arguing that probation should be implemented through activities of the probation system in the Russian Federation, which includes a number of authorized state bodies, institutions and organizations, and therefore it is planned to create specialized probation departments in the structure of penal enforcement inspectorates [7].

Nowadays, penal enforcement inspectorates' functions are expanding. All this creates opportunities for their further development and formation of a full-fledged probation service on their basis [16, p. 29]. According to

the data of our research conducted in 2020 on the prospects for further development of the system of penal enforcement inspectorates, 34.1% of its employees surveyed considered it possible to expand probation functions of the agency while maintaining it as part of the Federal Penitentiary Service of Russia, 14.4% – widen probation functions of the agency with its subsequent transfer to an independent federal service – the Federal Probation Service of the Russian Federation. About half of the respondents (47.6%) believe that functionality of penal enforcement inspectorates is currently optimal and its expansion by analogy with functionality of foreign probation services is not advisable [3].

We believe that the issues of organizing interaction of probation subjects, as well as other subjects of crime prevention and re-socialization (social adaptation, rehabilitation) of convicts and persons who have served sentences deserve more thorough regulation. The draft law on probation mainly fixes lists of interacting parties and their general powers, procedural aspects of such interaction are regulated to a lesser extent, the solution of these issues is transferred to the level of agreements on interaction (cooperation), the list of which, in our opinion, is not complete. According to Article 10 of the draft law, the Ministry of Labor of the Russian Federation is to approve a model agreement on interaction of institutions executing sentences in the form of forced labor and deprivation of liberty, and penal enforcement inspectorates with employment service bodies in the implementation of activities in the field of post-penitentiary probation, while similar agreements in relation to other types of probation and other bodies (organizations) of social protection and social services of the population are not provided.

A.Ya. Grishko rightly points out the existence of the above-mentioned problem in foreign legislation, noting that “legislative and other regulatory legal acts regulating activities of the relevant entities involved in the process of re-socialization do not establish duties of the latter. They, at best, determine competencies and nothing more” [6].

It should be noted that Article 9 of the draft law on probation stipulates interaction of internal affairs bodies with penal enforcement inspectorates only within the framework of the application of post-penitentiary proba-

tion; interaction within the framework of sentencing (executive) probation is not provided, which does not seem fully justified from the standpoint of solving preventive tasks. Moreover, prevention of offenses is not mentioned among the main activities in the field of post-penitentiary probation (Part 2 of Article 27 of the draft law on probation).

Regulation of the legal status and activities of municipal bodies in the process of applying probation (primarily post-penitentiary probation) is also minimized. Perhaps, this is due to the need to take into account regional and local specifics of law enforcement activities, as well as the intersectoral nature of legal regulation in the field of probation.

The legislative introduction into the practice of work with former convicts of such tools as an individual program of re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, unified register of persons for whom post-penitentiary probation is carried out, as well as criteria and methods for assessing individual need for social adaptation and rehabilitation deserves a positive assessment. However, it would be advisable to leave regulation of procedural issues related to preparation of individual programs within the framework of penitentiary and post-penitentiary probation at the subordinate regulatory level. As for a unified register, it seems that the register, as a registration legal tool, is most often formed and maintained for certain constitutive or restrictive purposes. In the context of solving probation tasks, it would be more accurate, in our opinion, to have a state information system, which is a single interdepartmental electronic information resource. This also raises the question of social support for other categories of citizens who find themselves in a difficult life situation, since working with them also requires creation of an appropriate state information system.

The analysis of the content of the draft law on probation reveals a number of other shortcomings of a technical and legal nature. We do not find it reasonable to include the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Presidential Commissioner for Children's Rights in institutions of civil society (Article 43). Articles 19 and 20 of the draft law stipulate bringing persons in respect of whom sentencing (executive) probation is carried out to liability established by criminal and penal legislation, while nothing is said about ad-

ministrative liability. It would be more logical to combine the normative material included in chapters 5–7 of the draft law on probation within one chapter. The heading of Article 38 “Assistance in obtaining general education” does not fully correspond to its content, since it refers to assistance in obtaining, including secondary vocational education, vocational training and advanced training. Article 27 provides for the application of post-penitentiary probation measures also in relation to persons to whom sentencing (executive) probation is applied. However, given that the latter type of probation is applied only on the basis of a court decision, the implementation of post-penitentiary probation measures, in our opinion, is still carried out within the framework of an independent type of probation.

Directions for improving the content of the draft law

In order to further improve the content of the draft law on probation, we believe it is possible to propose the following:

- ensuring proper differentiation of the norms of the law on probation and the norms of the Penal Code of the Russian Federation, including by replacing the norms of penal law contained in the law on probation with relevant reference norms;
- specifying the powers of probation subjects and the content of probation procedures and measures;
- conducting a more complete and detailed study of regulation of organization of interaction between probation subjects, as well as

other subjects of crime prevention and re-socialization (social adaptation, rehabilitation) of convicts and persons who have served sentences;

- strengthening legal regulation of the preventive direction of probation;
- making amendments to the legislation regarding introducing procedures for reconciliation (mediation) with the victim (pre-trial probation) [17];
- determination of the place of public control over the probation system [5];
- further development of legislation on probation in the direction of creating a single body in the system of state and municipal structures, which would be assigned probation functions;
- ensuring proper parity of the social rights of convicts and persons released from places of deprivation of liberty with the social rights of other categories of citizens who find themselves in a difficult life situation.

Conclusion

Thus, we believe that working out the draft law on probation has become an important stage in the development and humanization of domestic legislation; its adoption and subsequent implementation will allow us to form a fundamentally new system of work with convicts and persons released from places of deprivation of liberty, providing for the widespread application of social rehabilitation and preventive measures to them, which, in turn, will have a positive impact on the level of their socialization and the recidivism rates in the country.

REFERENCES

1. Antonyan E.A. Enforcement measures of educational influence: problems of imposition and application. *Lexrussica=Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 112–118. (In Russ.).
2. Golovastova Yu.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava: predmet, metod, istochnik, sistema: avtoref. ... dis. d-ra yurid. nauk* [Penal enforcement law as a branch of Russian law: subject, method, source, system: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2019. 56 p.
3. Golodov P.V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 373–381. (In Russ.).
4. Golodov P.V. Actual problems of activity of penal enforcement inspections: results of empirical research. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2011, no. 14, pp. 81–88. (In Russ.).
5. Grishko A.Ya. Place of public control in the probation system. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk=Theory and Practice of Socio-Humanitarian Studies*, 2021, no. 4 (16), pp. 70–76. (In Russ.).
6. Grishko A.Ya. Probation and probation legislation. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 1* [5 International Penitentiary Forum “Crime, punishment,

- correction”: collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 1]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 104–109. (In Russ.).
7. Dvoryanskov I.V. Prospects for the introduction of the probation system in Russia. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”*: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 1 [5 International Penitentiary Forum “Crime, punishment, correction”: collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 1]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 114–120. (In Russ.). (In Russ.)
8. Karoli B. Alternative measures of criminal punishment. In: *Al'ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v Respublike Kazakhstan: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Alternatives to imprisonment in the Republic of Kazakhstan: proceedings of international conference]. Moscow: PRI, 2000. Pp. 67–68. (In Russ.)
9. Kubantsev S.P. Application of probation and early release from serving a sentence of imprisonment in the USA. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law*, 2006, no. 1, pp. 121–132. (In Russ.).
10. *Kurs ugolovnogo prava. V 5 tomakh. Tom 2: Obshchaya chast'. Uchenie o nakazanii* [The course of criminal law. In 5 volumes. Volume 2: general part. Doctrine of punishment]. Edited by N. F. Kuznetsova I.M. Tyazhkova. Moscow: IKD “Zertsalo-M”, 2002. 454 p. ISBN 5-94373-035-4.
11. Luzgin S.A. Probation Service of the Federal Penitentiary Service: scientific and practical approaches to the formation and organization of activities. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”*: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 5. Chast' 2 [5 International Penitentiary Forum “Crime, punishment, correction”: collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 5. Part 2]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 344–347. (In Russ.).
12. Makhmudov Z.Sh. On the legal regulation of social adaptation of persons released from prison. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2010, no. 4 (71), pp. 61–65. (In Russ.).
13. Mel'nikova O.V. Probation service – a priority direction for the development of the penal enforcement system of the Russian state. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika=Law and State: The Theory and Practice*, 2021, no. 11 (203), pp. 220–222. (In Russ.)
14. Novikov R.V. On the issue of legislative regulation of the probation system in Russia. In: *5 Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie”*: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov. V 9 tomakh. Tom 2. Chast' 2 [5 International Penitentiary Forum “Crime, punishment, correction”: collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 2. Part 2]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2021. Pp. 304–309. (In Russ.)
15. Pervozvanskii V.B., Golik N.M. On the concept of the draft federal law “On state support for persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment”. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 3 (28), pp. 66–74. (In Russ.)
16. Rakhmaev E.S. There will be a probation service. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2009, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.)
17. Uvarov O.N. Probation service in the Russian Federation and mediation. *Ugolovnaya yustitsiya=Russian Journal of Criminal Law*, 2021, no. 18, pp. 91–94. (In Russ.)
18. Utkin V.A. On Probation Prospects in Russia. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2016, no. 4, pp. 5–8. (In Russ.)
19. Shatankova E.N. *Uslovnnoe osuzhdenie i probatsiya za rubezhom (sravnitel'no-pravovoi analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Conditional sentence and probation abroad (comparative legal analysis): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 22 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PAVEL V. GOLODOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>

Received April, 7, 2022

Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects

SERGEI A. STAROSTIN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of issues related to the formation of the state probation service in the Russian Federation and legislative regulation of its activities. *Purpose:* to study organization and activities of the probation service of Russia with regard to the specifics of functioning of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Methods:* our research is based on the dialectical method of scientific cognition. The article uses general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.), private scientific and special methods of cognition (comparative legal, formal legal, statistical). *Results:* general characteristics are given and specific features of the use of the probation institute are identified within the framework of the state penitentiary policy. It seems possible to determine key features of the probation service in Russia, such as comprehensive solution to the issue of social adaptation and resocialization of convicts by establishing three types of probation – sentencing (executive), penitentiary and post-penitentiary; identification of a wide list of probation subjects endowed with an appropriate amount of powers with regard to the specifics of the activity; organization of work with convicts according to specially formed individual programs; maintaining a register of convicts involved in the probation program. The draft Federal law “On probation in the Russian Federation” (Project ID01/05/04-22/00126333) is analyzed. It is determined that this draft law is largely of a framework nature. In particular, the procedure for interaction and coordination of probation subjects’ activities is not described; there are no provisions on the exercise of control and supervision over the probation service; principles of the probation service functioning are not disclosed; the procedure for filling out and maintaining a personal file of the convicted person engaged in probation is not presented; and probation terms in relation to persons under administrative supervision are not considered. *Conclusions:* taking into account the study of foreign experience, the authors outline possible prospects for the probation service development in Russia, give certain proposals to improve the system of non-custodial sentences execution. In order to effectively organize activities of the service being created in Russia, it is necessary to develop a high-quality legal framework regulating the institute of probation, ensure interdepartmental interaction of probation subjects, establish a system of qualification requirements for probation service positions, proper material, resource and scientific support, use progressive international experience of similar services, and take into account the specifics of Russian conditions.

Key words: penal enforcement system; probation; Federal Penitentiary Service of Russia; penal enforcement inspectorates; individual program of resocialization; social adaptation and social rehabilitation.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

For citation: Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation service in Russia: policy choice and development prospects. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.

Introduction

With the penal enforcement system of the Russian Federation being reformed, the legislator is concerned about developing a set of measures aimed at reducing recidivism of crime among persons both serving criminal sentences and those released from places of deprivation of liberty. To a large extent, this interest is due to the need to maintain public order and public safety at the proper level, including the general level of security and legality in the field of execution of criminal penalties.

The issues to prevent recidivism due to the functioning of the probation service became particularly relevant during the spread of the COVID-19 coronavirus infection in the world [10], since the years of 2020–2021 witnessed a widespread decline in people's income levels around the world, which undoubtedly triggered commission of new crimes and administrative offenses.

In Russia, the main functions for preventing convicts from committing new crimes and offenses are assigned to correctional institutions and penal enforcement inspectorates. In foreign countries, this function is fulfilled by to a special entity, the probation service, whose activities are aimed at preventing crimes committed by convicts. The word “probation” comes from the Latin verb “probare” – “to investigate, to test, to take care of” [6].

The institute of probation is actively used in most foreign countries, where work with persons sentenced to punishments, not related to isolation from society or released from prison, is organized by specially created services. At the same time, it should be emphasized that the probation service in foreign countries, in addition to performing the main functions aimed at preventing and reduc-

ing the recurrence of crime among convicts, implements social rehabilitation activities in relation to a wider range of persons who have violated the law.

Research methods

Our research is based on the dialectical method of scientific cognition. When preparing the article, general scientific methods of cognition, special methods of legal science and individual methods of social sciences were used.

The general scientific methods applied in the work include the following: induction and deduction, comparison and analogy, synthesis and generalization, statistics and system analysis. Private scientific methods, such as comparative-legal, normative-logical, helped solve the research tasks. Some problems were considered as intersectoral due to the stated tasks to conduct a comprehensive analysis of described relations.

The methodology is based on the scientific analysis of statistical data of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, and the Prosecutor General's Office of Russia, as well as the foreign legislation regulating activities of the probation service.

Discussion

Having considered foreign experience in organizing activities of the probation service, we concluded that this type of activity has quite deep historical roots. As a rule, probation services carries out work with the following categories of convicts: persons received suspended sentence; deferred sentence; convicts whose term of serving a sentence in penal institutions goes to an end; conditionally released; persons to whom alternative punishments to deprivation of liberty are applied; persons who have served their sentences in

places of deprivation of liberty and who need post-penitentiary adaptation and resocialization.

As A. Sh. Gabaraev and A.V. Novikov note, there are significant differences in the nature, functions and organizational structure of the probation service in foreign countries [2]. In particular, in England and Finland, a convicted person is supervised by a special official (agent or assistant, probation commissioner) for a certain period of time or undergoes a correctional course based on an individual program [11, 13]. The experience of Sweden is also interesting, where volunteers and social workers are widely involved in activities of probation services [12].

In Sweden, the probation service and the prison administration form a single agency, the so-called national administration. In India, probation officers serve directly in the prison department. In Japan, Kenya and the Republic of Armenia, the probation service is subordinate to the Ministry of Justice. Moreover, in the Republic of Armenia, it is an independent type of the state civil service, probation officers fill the appropriate positions in the probation service according to the approved nomenclature of civil service positions.

Organizationally, the probation service can also function as an independent agency in close contact with institutions of the penitentiary system. For example, in England, the probation service is subordinate to an independent local committee, which includes magistrates and civilians who enjoy authority in society. In the USA the probation service is subordinate to courts and local governments. In a number of European countries, for example, in Hungary and Estonia, the probation service is integrated into the judicial system [5].

As you can see, probation services can be not only of state, but also non-police, non-penitentiary origin; often functions in the field of probation are assigned to civil departments and volunteers.

Regardless of the specifics of organization of activities and the structure of the probation service in foreign countries, inspectors of the probation service are engaged in supervision of the execution of the sentence imposed by the court alternative to imprisonment; provi-

sion of advice and assistance in the performance of the duties assigned by the court; assistance in convicts' social adaptation (assistance in finding a job, study, place of residence).

In Russia, at the legislative level the need to create conditions for preparing released persons for further post-penitentiary adaptation through the probation service was reflected back in 2008 in the Concept for long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. Then it was specified in the Concept for development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2020 and the Concept for development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030.

Although practitioners and scientists showed considerable interest in the probation service from 2010 to 2020, it was not integrated in the structure of the penal enforcement system; thus, this direction for the penal system development should be prolonged in a new Concept. During this period, only individual attempts were made to introduce elements of the probation service in the field of execution of criminal penalties. So, for example, in the Vologda Oblast, employees of the penal enforcement inspectorate, when working with conditionally convicted juvenile offenders, implemented the project "Real". It was aimed at social adaptation, formation of socially approved behavior and recidivism prevention among minors. A specialized service was also created for this category of convicts, in particular, the service of socio-psychological support for minors in the detention center, preparing for release from the educational correctional facility or returning from a special educational institution of a closed type (for example, the Decree of the Government of the Vologda Oblast No. 1052 of September 7, 2012 "On approval of the strategy of actions in the interests of children in the Vologda Oblast for 2012–2017").

So, the probation service formation had been discussed in Russia for a long time; however, it was only at the beginning of 2022 that the Minister of Justice of the Russian Federation, K.A. Chuichenko, during a personal meeting with Russian President V.V.

Putin, substantiated the idea of the need to create a position of Deputy Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, who will deal with probation issues and begin work on creating an independent specialized service within the framework of the structure of the Federal Penitentiary Service of Russia [9]. It is assumed that the probation service in Russia will be established by the middle of 2023; the number of staff of the Federal Penitentiary Service of Russia will amount to about 50 thousand people.

Moreover, on April 4, 2022, the Ministry of Justice of the Russian Federation submitted a draft Federal law "On probation in the Russian Federation" (Project ID01/05/04-22/00126333), which includes legal and organizational foundations of the probation service in the Russian Federation. Currently, the procedure of public discussions regarding the text of the draft regulatory legal act has already been completed and an independent anti-corruption examination – conducted; the final version of the draft law is being worked out.

According to K.A. Chuichenko, the draft law is aimed primarily at resocialization of convicts. This service will help solve one of the main problems of the Russian penal system, namely, preparation of prisoners for life in freedom. According to the authors of the draft law, the new probation service will deal with social adaptation and rehabilitation of prisoners not only during their stay in penal institutions, but also after their release from prison.

It is assumed that probation will be created on the basis of existing criminal enforcement inspectorates. According to official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, as of April 1, 2022, there were 81 of them with 1,348 of their branches; 489,825 people were registered with them [4]. After the entry into force of the law on probation in the Russian Federation, in addition to the general duties of monitoring execution of criminal penalties in the form of compulsory and correctional labor, restriction of freedom, monitoring of probation prisoners and persons released from serving sentences on parole, penal enforcement inspectorates will assist former prisoners in their life arrangement outside the walls of correctional institutions [3].

In international practice, the institute of probation is used as a rule when it comes to the execution of sentences alternative to imprisonment. At the same time, the draft law "On probation in the Russian Federation" provides for the implementation of 3 types of probation: sentencing (executive), penitentiary and post-penitentiary. We believe that this circumstance indicates a more comprehensive approach of the legislator to solving the issue of preventing commission of new crimes and offenses among convicts and other persons who have violated the law.

According to the Ministry of Justice of the Russian Federation, sentencing probation will include measures applied by penal enforcement inspectorates in the execution of punishments not related to convicts' isolation from society.

Penitentiary probation is introduced in institutions that carry out punishments in the form of forced labor or imprisonment, and focused on correcting convicts, as well as preparing them for release.

Post-penitentiary probation provides for resocialization, social adaptation, as well as social rehabilitation of persons who are released from institutions executing criminal punishments in the form of imprisonment or forced labor and find themselves in a difficult life situation.

In the field of post-penitentiary probation, almost all probation subjects will be involved in one way or another. It is required to organize its work in cooperation with bodies, institutions and organizations that are subjects of probation, medical, educational and other organizations. At this stage, the authorized entities will provide universal assistance in employment, obtaining general (secondary vocational) education, vocational training and advanced training, social services, and choosing a medical organization.

In our opinion, post-penitentiary probation should not be considered as a measure of a criminal-legal nature, since the system of relations with a person released from places of deprivation of liberty, to a greater extent, is of administrative and legal regulation, and the subjects of probation involved at this stage of building relationships with the person engaged in probation pursue completely differ-

ent goals and objectives. In this case, we are also talking about the need to build correct relationships with civil society institutions, state authorities and local self-government bodies when assisting in the preparation of basic documents that a person may need to settle outside the walls of a correctional institution, in particular, a passport of a RF citizen, personal insurance policy number, personal tax reference number, medical policy number, which naturally implies the need to apply to relevant state authorities for their registration (for example, the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the relevant municipality, tax inspectorate, insurance organization, etc.). Probation service employees should provide all possible assistance in registering a person at place of residence or temporary stay, and finding employment.

Thus, probation in modern interpretation acts "as a set of measures applied to convicts and persons released from institutions executing sentences in the form of forced labor or imprisonment who find themselves in a difficult life situation, including their resocialization, social adaptation and social rehabilitation, protection of the rights and legitimate interests of these persons, control and supervision of their behavior, prevention of their committing crimes and offenses" (Article 5 of the draft law on probation). Hence, the main task of creating the probation service in Russia is to assist a person in returning to a normal life in society.

Work with convicts will be provided on the basis of individually formed programs to restore and form socially useful ties, get employed after release, get education, unemployment benefits, medical care, counseling on social and legal issues, including psychological assistance. Every convict involved in the program will be registered and it will take them a year to complete it. At the same time, the relevant ministry emphasizes that the probation program for the convicted person will be carried out exclusively on a voluntary basis.

According to Article 6 of the analyzed draft law, the probation subjects include commissions for minors' affairs and protection of their rights, thus a separate direction to work

with juvenile offenders is singled out in the probation service activities. We believe that this area of activity should be based on the juvenile justice principles.

The probation service is not focused on providing financial or material assistance to probation facilities. At the same time, it should act as an intermediary and assist in establishing relationships between convicts and other federal executive authorities, executive authorities of constituent entities of the Russian Federation, local self-government bodies, public associations and organizations.

A detailed study of the powers of employees of the penal enforcement inspectorates shows that the goals and objectives they implement coincide with the basics of the functioning of the probation service. At the same time, the probation service formation on the basis of the penal enforcement inspectorates provides for a significant expansion of the powers of the latter in the sphere of public relations under consideration. So, at present, inspectorates are not assigned functions related to social adaptation and rehabilitation of convicts. They do not assist in registration at place of stay (residence), preparation of necessary documents (passport, medical policy) and social payments (benefits), establishment of new social ties and restoration of old ones, do not provide psychological support. Hence, employees of the penal enforcement system, who will work in this field, should be competent in legal support, communication and social services, as well as psychology.

The organizational and managerial component of building a new probation service should be based on the formation of the staff of specially trained employees. A.I. Abaturov and A.A. Korovin note that probation service employees should be selected and appointed to the appropriate position, in case they meet qualification requirements for replacement of such positions to cope with the tasks assigned to them [1].

Thus, in most European countries (for example, Austria, Denmark, the United Kingdom, the Netherlands, Italy, Spain and Luxembourg), probation officers are subject to qualification requirements for the level of education. Preference is given to persons with a bachelor's degree in law, psychology, theol-

ogy, pedagogy or social work. In a number of countries, in particular, France, Germany and Ireland, in addition to similar requirements for the level of education, additional requirements for work experience are imposed.

In Denmark, probation service inspectors are required to be trained in specialized social work schools or a training center. In addition, in Denmark and France, various optional courses are regularly organized for probation service inspectors, during which employees take part in various trainings that form skills of working with special categories of convicts (drug addicts, alcoholics, persons with various kinds of mental disabilities). Organization of professional education and advanced training of probation officers, as a rule, is entrusted to the agency in charge of them [7].

Despite the importance of staffing the probation service with employees with necessary professional competencies, there are no provisions in the draft law on probation that establish basic requirements for persons applying for the relevant positions of the probation service. At the same time, we believe that it is not possible to talk about effective institutional development of a specialized service on the basis of penal institutions, in particular, inspectorates, without the availability of high-quality personnel that meets qualification requirements and has necessary professional competencies.

In addition to institutions of the penal enforcement system, the subjects of probation are federal executive authorities, state authorities of RF subjects, commissions for juvenile affairs and protection of their rights, state institutions of the employment service, social service organizations. To achieve crucial goals of probation for resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons, various commercial and non-profit organizations, as well as public associations can be involved (Article 6 of the draft law on probation).

The draft law on probation is largely of a framework nature. On the one hand, the draft law makes it possible to establish multiplicity of probation subjects and a list of their powers in the sphere of public relations under consideration, on the other hand, it leaves open the question of interaction of probation subjects and coordination of their activities. The draft law does not specify how the proba-

tion service will be managed, controlled and supervised; the probation service functioning principles are not disclosed; the procedure for filling out and maintaining a personal file of the person engaged in probation is not described; and the issues of probation to persons under administrative supervision are not considered. As we can see, many issues remained unresolved, which indicates the need to finalize the draft law.

We believe that to solve most of the issues we have identified, a new position of Deputy Director for the Probation Service will be assigned to the new position being introduced in the structure of the Federal Penitentiary Service of Russia. The adoption of the Federal law "On probation in the Russian Federation" will be the starting point for making changes to certain norms of criminal, penal, administrative and other branches of legislation.

Moreover, the Ministry of Justice of the Russian Federation empowers subjects of the Russian Federation to adopt regional state programs in this area, as well as measures to economically stimulate the organizations employing convicts. It seems that effective functioning of the probation service is achievable through close cooperation between probation officers and those who implement programs formed at the regional level that take into account territorial specifics and have a social and rehabilitation orientation. Public organizations and enterprises, including commercial ones, should be involved in work with persons engaged in probation.

We propose a fundamentally new approach to forming the probation service staff. Among other things, it is necessary to introduce new ways and methods to finance the service being created. In addition, it seems extremely important to introduce social ordering technology into the work of the department when solving probation issues, where the probation service will act as the customer, and a specialized service of another department, a public or commercial organization – the contractor.

Regions should work out special programs to employ persons engaged in probation. Employment centers should act as one of the active subjects of the probation service, they will be entrusted with the main function of organizing the search for work for former

convicts. We believe that public-private partnership will be one of the key forms of interaction between the state and civil society institutions to address the issues of employment of persons released from places of deprivation of liberty. Participation of the state and business in creation and organization of enterprises on mutually beneficial terms will not only solve the problem of employment of former convicts, but also a number of socially significant tasks. These enterprises should have psychologists and other social specialists who will assist in social adaptation and resocialization of persons released from prison. The solution of the issue of employment of persons released from their places of imprisonment will ultimately reduce tension in society and overall rates of crime and administrative offenses committed.

Despite positive experience of the probation service functioning in foreign countries, probation subjects may face the following problems in the process of implementing functions of social adaptation and resocialization of convicts. First, organization of the probation service will lead to a significant increase in the burden on the staff of panel enforcement inspectorates. So, in the period from 2008 to 2021 the number of persons registered with inspectorates remained at a consistently high level with a slight reduction in their total number, in particular, in 2008 their number was 558,346, in 2021 – 489,825. At the same time, the number of inspectorates during this period almost halved from 2,440 in 2008 to 1,429 in 2021. At the same time, the number of persons deregistered from inspectorates in connection with conviction for a new crime increased by 66.39% (in 2008 – 10,845, in 2021 – 16,335) [8]. The solution to this problem is seen in a certain increase in the staff of panel enforcement inspectorates, competent to work in new conditions.

In the penal enforcement system of the Russian Federation, the legislator assigned probation functions to employees of correctional centers. Correctional centers execute punishments not related to deprivation of liberty in the form of forced labor. Nowadays there are about 200 correctional centers and isolated areas functioning as such. Indeed, the presence of an extensive system of cor-

rectional centers on the territory of Russia can encourage courts to impose alternative types of punishments, the execution of which will allow convicts be part of the society. As K.A. Chuichenko noted, “according to the current law, 180 thousand convicts are entitled to it” [9].

Based on the above, we can conclude that the probation service needs sufficient personnel in terms of the number and level of professional training. The workload of each probation service employee should be comprehensively assessed, taking into account the specifics of the amount of work performed, since a general lack of human resources can limit possibilities of organizing activities of the probation service.

In addition, for the purpose of high-quality professional training of probation subjects, it will be necessary to develop specialized training, retraining and advanced training programs for probation service employees. They should be based on positive foreign experience in organizing the work of probation service subjects and involve scientific capacities of the Research Institute and institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia.

We believe that reduction in recidivism of crimes and administrative offenses committed by convicted persons will be one of the key indicators to assess effectiveness of probation in Russia. Currently, recidivism accounts for about 44% of cases of crimes committed. According to the report of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for the eight months of 2021, more than half (59.4%) of the crimes investigated by the department were committed by persons who had previously committed crimes. According to the Prosecutor General’s Office, in 2021, 58.2% of those who committed crimes did it again.

Results

A comprehensive analysis of the scientific literature on the issue under consideration and foreign legislation has made it possible to establish that around the world the tasks assigned to probation services differ. At the same time, the differences are not only in the functions they implement, but also in organizational structure. In the Russian Federation, the probation service formation is provided

for in the organizational and legal framework of the penal enforcement system of the Russian Federation on the basis of institutions that perform criminal penalties in the form of imprisonment and forced labor, as well as penal enforcement inspectorates.

We believe that one of the key indicators to assess probation effectiveness in Russia is the reduction in recidivism of crimes and administrative offenses committed by convicted persons.

Prospects to create and organize functioning of the probation service in the Russian Federation are largely determined by a number of circumstances, such as:

- it is necessary to develop a high-quality legislative framework that acts as the legal basis for activities of bodies (institutions) and organizations entrusted with the functions of probation;
- creation of the probation service based on interdepartmental cooperation will serve as an impetus for organizational and managerial transformations;

- effective functioning of the probation service is not possible without proper human, material, resource and scientific support;

- formation of the probation service in the Russian Federation should be carried out with regard to progressive international experience of similar services and the specifics of Russian conditions.

Thus, the probation service formation in Russia is a natural stage in the penitentiary system development. The application of foreign countries' experience help realize this project in the shortest possible time.

The focus of the Ministry of Justice of the Russian Federation on setting up an independent specialized probation service within the framework of the structure of the Federal Penitentiary Service of Russia, whose activities will be aimed at forming socially useful connections, professional and work skills among convicts, through the implementation of individual adaptation programs, will lead to reduced rates of recidivism among convicts.

REFERENCES

1. Abaturov A.I., Korovin A.A. *Sluzhba probatsii: zarubezhnyi opyt: monografiya* [Probation service: foreign experience: monograph]. Kirov: Spektr-Print, 2013. Pp. 52–53. ISBN 978-5-4298-0010-3.
2. Gabaraev A.Sh., Novikov A.V. Prospects for the implementation of the Institute of probation in the modern penitentiary policy of the Russian Federation. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2-2, p. 882. (In Russ.).
3. Kulikov V. The prison department will create a new service to help former prisoners. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2021, no. 53 (8404). Available at: <https://rg.ru/2021/03/14/tiuremnoe-vedomstvo-sozdast-novuiu-sluzhbu-dlia-pomoshchi-byvshim-zakliuchennym.html> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
4. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed April 20, 2022).
5. *Obzor zakonodatel'stva Skandinavskikh i Baltiiskikh stran po sluzhbe probatsii (ugolovnomu nadzoru)* [Review of the legislation of the Scandinavian and Baltic countries on probation service (criminal supervision)]. Saint Petersburg: Grazhdanskii kontrol', 2005. 220 p.
6. Probation. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big legal dictionary]. Available at: <https://jurisprudence.academic.ru/5224> (Accessed April 15, 2022).
7. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Humanization of criminal legislation. Foreign experience in the functioning of probation services. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 3-1, pp. 106–114. (In Russ.).

8. Characteristics of persons registered in the penal institutions. *Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of the Russian Federation: official website]. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20Yil/Kharakteristika%20lits,%20sostoyashchikh%20na%20uchete%20v%20ugolovno-ispolnitel'nykh%20inspektsiyakh.pdf> (In Russ.). (Accessed April 28, 2022).
9. Tsareva M. Draft law on probation may be submitted to the State Duma in 2022. *Vedomosti=Bulletin*, 2022, January 31. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/01/31/907187-zakonoproekt-probatsii> (In Russ.). (Accessed April 15, 2022).
10. Cohen T.H., Starr V.L. Survey of U.S. Probation and Pretrial Services Agencies' adaptations to COVID-19. *Federal Probation Journal*, 2021, vol. 85, no. 1, pp. 14–23. Available at: <https://www.uscourts.gov/federal-probation-journal/2021/06/survey-us-probation-and-pretrial-services-agencies-adaptations> (accessed April 11, 2022).
11. Linderborg H., Tolvanen M.J., Andersson P. *Probation in Europe. Finland*. Utrecht, 2013. 49 p. ISBN/EAN: 978-90-820804-0-7. Available at: <https://www.cep-probation.org/wp-content/uploads/2018/10/Probation-in-Europe-chapter-Finland-2020.pdf> (accessed April 29, 2022).
12. RFS – the Swedish Association of Voluntary Community Workers. *RFS: website*. Available at: <https://rfs.se/wp-content/uploads/2018/06/Faktablad-RFS-eng-2016.pdf> (accessed April 11, 2022).
13. Probation Services in the United Kingdom. *The National Probation Service: website*. Available at: <https://www.nationalprobationservice.co.uk/> (accessed April 11, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI A. STAROSTIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, SASTAROSTIN@msal.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0108-7916>

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

Received April 28, 2022

Research article

UDC 159.9:343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011

Life Plans of Convicts Serving Sentences in the General Regime Correctional Facility

IRINA S. GANISHINA

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

SERGEI V. RUSAKOV

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

Abstract

Introduction: the research is relevant due to the importance of studying life plans of convicts serving sentences in correctional facilities of general regime. The article considers results of this study. Near, medium-term, and long-term life plans of convicts are analyzed. Stages of serving sentences (initial, middle, final) are highlighted. The theoretical and empirical research is based on the classification of V.G. Deev as upgraded by A.V. Napris. The empirical study was conducted at the correctional facility of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 6 in the Ryazan Oblast. The sample size is 70 men. *Purpose:* to study life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility and identify their correlation with stages of serving sentences. *Methods:* observation, survey, testing ("Self-assessment of life plans" by A.V. Napris (a modified version of the test "Self-assessment of orientation" by V.G. Deev). *Practical significance of the research:* the study of life plans of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, conducted with the purpose of further elaboration of a program for forming life plans of convicts and its use in the work of penitentiary psychologists. *Results:* the empirical study shows that convicts can be conditionally divided into three groups: those with near life plans (24.3%); with medium-term life plans (28.6%); with long-term life plans (47.1%). The majority of convicts with near life plans (24.3%) are at the initial stage of serving sentences (0–1 years) and have low self-esteem. They are characterized by stubbornness, passivity, lack of initiative, inclination to conflict, distrust, closeness in communication and loss of the meaning of their own lives. Getting into a correctional institution, they fall into the rigid framework of internal regulations, withdraw into themselves, and therefore hardly adapt to the new environment, having only near life plans. Most convicts with mid-term life plans (28.6%) are at the middle stage of serving

sentences (1–3 years) and have adequate self-esteem. They have traits of character, such as impulsivity, demonstrativeness, conflict, unpredictability, sensitivity to criticism and remarks. Convicted groups admit their mistakes and are not afraid to make them, they strive to realize mid-term life plans, but at the same time they are frivolous about the future. The vast majority of convicts with long-term life plans are at the final stage of serving sentences (3–9 years) and have inflated self-esteem. They are characterized by optimism, sociability, demonstrativeness. *Conclusions:* the empirical research analysis demonstrates that life plans (near, medium-term, and long-term) of convicts depend on the stages of serving sentences (initial, middle, final). In this regard, there is a need for prison psychologists to study and consider convicts' life plans.

Key words: convicts; life plans; self-assessment of life plans; empirical research; places of deprivation of liberty; correctional facility.

5.3.9. Legal psychology and psychological security.

For citation: Ganishina I.S., Rusakov S.V. Life plans of convicts serving sentences in the general regime correctional facility. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 213–219. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.011.

Introduction

Problems related to identifying the content, structure, and features of convicts' life plans have recently become relevant for penitentiary science, since they give the convicted the opportunity to successfully adapt to society. To study life plans of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, it is necessary to consider a concept of "life plan" in more detail.

I.S. Kon considers the life plan of an individual as a priority "activity plan necessary for realization of life goals" [3]. Life plans are defined by I.T. Levykin as "goals expressing critical needs and interests, encouraging people to concentrate their aspirations and actions to achieve them" [4]. According to A.I. Ushatkov, a "life plan is a set of desired and probable concrete ways and means of realizing people's life goals" [10]. I.N. Astaf'eva defines the life plan of convicts as a "set of people's decisions to organize their life activity" [1]. Analysis of domestic scientists' research in convicts' life plans in places of deprivation of liberty (A.V. Napris [6], A.I. Ushatkov, B.B. Kazak [10], I.N. Astaf'eva [1], E.F. Stefan [12]) allowed us to identify kinds, types, structure of life plans, and groups of convicts by presence / absence of their life plans.

A.I. Ushatkov, having conducted a study of life plans of persons convicted of violent and mercenary crimes, found that "66.7% and

61% of these convicts have antisocial goals and life plans, manifested in their behavior: regime systematic violation and crime commission" [10]. V.G. Deev in his work came to the conclusion that "life plans are the highest level of personality orientation" [6].

Convicts' life is a segment of the life path limited by the framework of legislation, characterized by a temporary lack of life benefits necessary for an adequate world perception and aspirations to achieve goals. The convicts' life plans are a set of interests that prevail precisely in the environment in which the individual is located. To make plans for future life, a convict [8] has to adapt to a new environment, taking into account the lack of certain means and opportunities. After adapting to new conditions, a person can make plans for a longer period, depending on the entire sentence.

Based on the theoretical analysis conducted, we can define the concept of life plans as a set of life goals, prospects, programs, attitudes, and aspirations in achieving the tasks set, determined by setting deadlines and developing life strategies. We believe that life plans can be divided into 2 types: positive and negative.

Positive life plans [7] include those characterized by presence of positive factors, people's aspirations to achieve goals in the future. Positivity of the life plan depends on

indicators of subjective confidence in it and emotional experiences in connection with the planned future. In our opinion, convicts' positive life plans in relation to the future make the present valuable, without devaluing it and encouraging expectations and ideas about the future [2].

Negative life plans are a set of negative circumstances formed by segments of the life path from the past and present. They can both be aggravated by negative factors arising in the near future, and tend to improve when positive moments arise.

Methods

We conducted an empirical study of convicts' life plans at the correctional facility of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 6 in the Ryazan Oblast. The surveyed group consisted of 70 male respondents serving sentences in the general regime correctional facility.

The research is aimed at identifying life plans of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. During the study, the following psychodiagnostic methods and techniques are used: observation, survey, testing "Self-assessment of life plans" by A.V. Napris (a modified version of the test "Self-

assessment of orientation" by V.G. Deev) [6].

The research tasks are to conduct an empirical study of life plans of convicts serving sentences in the correctional facility of general regime and identify their correlation with the stages of serving sentences.

Results

In accordance with the purpose and tasks of the study, we considered life plans of convicts [11] serving sentences in the correctional colony of general regime. Analysis of its results allowed us to single out 3 groups of convicts: with near life plans (24.3%); medium-term life plans (28.6%); long-term life plans (47.1%) (Fig. 1). We will consider each of the selected groups in more detail.

Convicts' near life plans are characterized by permanence, immutability in time and narrowness of manifestation in various spheres of life. They are aimed at solving everyday life tasks, as well as satisfying drives and desires in a way familiar to them. This indicates that convicts focus on near life plans only at the initial stage of serving sentences, since it does not take convicts a lot of time to adapt to the penitentiary environment. Then there is a change in priorities and near life plans are replaced by mid-term life plans.

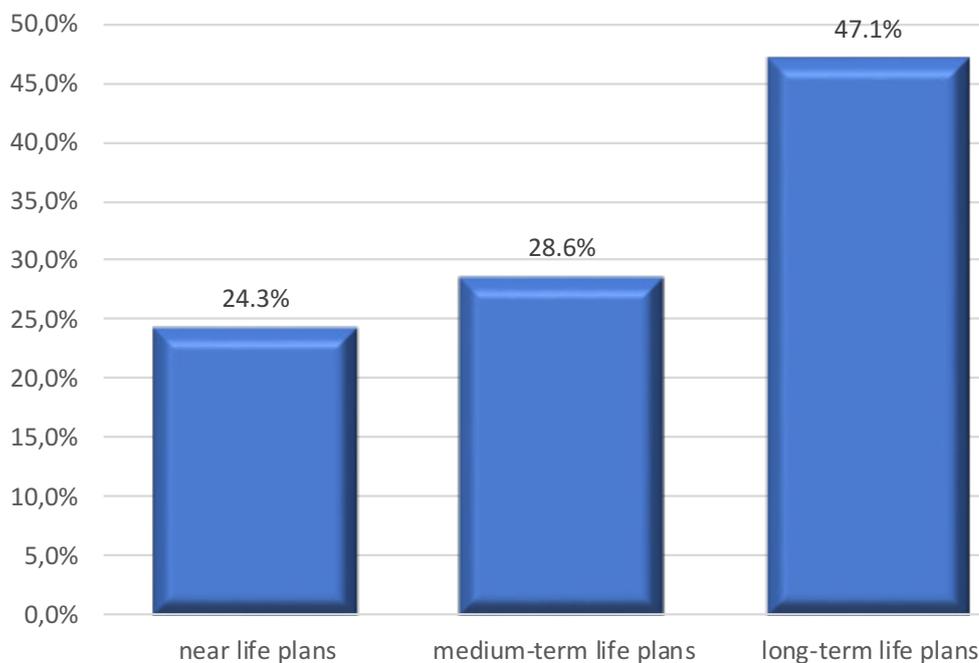

Fig. 1. Share of the identified groups of convicts serving sentences in the general regime correctional facility, according to the method of "Self-assessment of life plans" by A.V. Napris (a modified version of the test "Self-assessment of orientation" by V.G. Deev)

Using the method “Self-assessment of life plans” by A.V. Napris (a modified version of the test “Self-assessment of orientation” by V.G. Deev) [6], we found that the index of overall positive self-assessment of life plans of convicts with near life plans amounts to 0.2 : 0.46; negative – 0.1 : 0.13, indicating low self-esteem of this group of convicts and their weak motivation for the future and overcoming possible life difficulties.

Analysis of the group of convicts with near life plans (24.3%) shows their low self-esteem. They are characterized by stubbornness, passivity, lack of initiative, inclination to conflict, distrust, closeness in communication and loss of the meaning of their own lives. Getting into a correctional institution, they fall into the rigid framework of internal regulations, withdraw into themselves, and therefore hardly adapt to the new environment, having only near life plans.

Convicts with medium-term life plans, unlike those with near life plans, try to change themselves and their relationships with the surrounding reality, and also often show dissatisfaction with their lives due to the lack of life goals.

According to the conducted testing, the index of the overall positive self-assessment of life plans of convicts with medium-term

life plans is 0.36 : 0.63; negative – 0.2 : 0.33, revealing adequate self-esteem of convicts. Life plans of this group convicts are more definite.

The study of convicts [9] with medium-term life plans demonstrated that convicts’ self-esteem is adequate. The results of the observation and survey showed that convicts with average life plans have such personality traits as impulsivity, demonstrativeness, conflict, unpredictability, sensitivity to criticism and remarks. Convicted groups admit their mistakes and are not afraid to make them, they strive to realize mid-term life plans, but at the same time they are frivolous about the future.

Convicts with long-term life plans, unlike convicts with near and medium-term life plans, tend to repeat features of life plans of the previous two groups, but only at a higher level of development. The results of the observation and survey showed that this group of convicts [5] builds clearer life goals, considering imprisonment only as a stage on the way to implementing life strategies. At this stage, convicts with long-term life plans have more stable beliefs and ideals.

Analysis of the results obtained with the help of the method “Self-assessment of life plans of convicts” by A.V. Napris (modified by

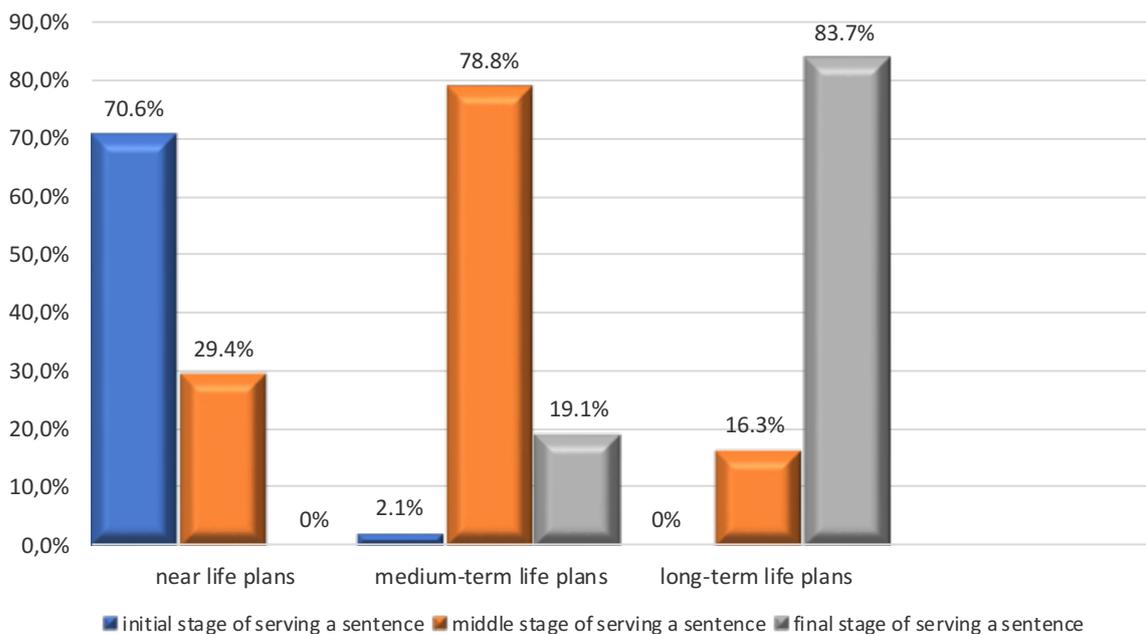

Fig. 2. Distribution of convicts’ life plans at various stages of serving sentences

V.G. Deev) showed that the index of overall positive self-assessment of life plans of convicts belonging to this group is 0.53 : 0.77; negative – 0.2 : 0.43, indicating convicts' inflated self-esteem. They try to achieve their plans and realize their life goals.

A group of convicts with long-term life plans is characterized by inflated self-esteem, optimism, sociability, and ostentation. The results of the observation and survey reveal that convicts get used to different social roles easily and strive to realize long-term life plans, thus showing their stable life position.

In the course of the study, we classified stages of serving sentences: initial (0–1 year); middle (1–3 years); final (3–9 years).

Having studied each group of convicts, we found that the majority (70.6%) of the convicts in the group with near life plans are at the initial stage of serving sentences, 29.4% – at the middle stage of serving sentences, 78.8% of the convicts of the group with medium-term life plans are at the middle stage of serving sentences, 19.1% – at the final stage of serving sentences, 2.1% – at the initial stage of serving sentences; 83.7% of convicts of the group with long-term life plans are at the final stage of serving sentences, and 16.3% – at the middle stage of serving sentences (Fig. 2).

It is established that there is certain correlation between between stages of serving sentences and life plans of convicts. Thus, convicts who are mainly at the initial stage of serving sentences have near life plans; convicts who are at the middle stage of serving sentences – medium-term life plans; and convicts who are at the final stage of serving sentences – long-term life plans.

Conclusion

Based on the empirical study results, we came to the following conclusions:

1. Convicts with near life plans (24.3%)

have low self-esteem and traits of character, such as stubbornness, passivity, lack of initiative, conflict, distrust, closeness in communication and loss of the meaning of their own lives. When they get into conditions of a correctional institution, they become introverted, fall into the rigid framework of internal regulations, and therefore hardly adapt to new environment, having only near life plans.

2. Convicts with medium-term life plans (28.6%) have adequate self-esteem. The results of observation and survey demonstrate that convicts with medium-term life plans have personality traits, such as impulsivity, ostentation, conflict, unpredictability, and sensitivity to criticism and remarks. They admit their mistakes and are not afraid to make them, they strive to realize medium-term life plans, but at the same time they are frivolous about the future.

3. Convicts with long-term life plans (47.1%) are characterized by inflated self-esteem, optimism, sociability, and ostentation. They build clearer and more definite life goals, considering serving a sentence in the form of imprisonment only as a stage on the way to implementing life strategies. At this stage, convicts with long-term life plans have more stable beliefs and ideals.

4. It is established that there is correlation between stages of serving sentences (initial, middle, final) and life plans of convicts (near, medium-term, and long-term). Thus, convicts who are mainly at the initial stage of serving sentences are characterized by near life plans; convicts who are at the middle stage of serving sentences – by medium-term life plans; convicts who are at the final stage of serving sentences are characterized by long-term life plans. In this regard, there is a need for prison psychologists to study and take into account life plans of convicts.

REFERENCES

1. Astaf'eva I.N. Criteria of typologies of life plans. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik=North Caucasian Psychological Bulletin*, 2009, no. 4, pp. 73–76. (In Russ.).
2. Ganishina I.S., Rusakov S.V. On psychological and pedagogical support of positive life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Komarova E.P. (ed.). *Antropotsentricheskie nauki: innovatsionnyi vzglyad na obrazovanie i razvitie lichnosti: materialy 15 mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Voronezh – Biisk, 15–16 oktyabrya 2021 goda)* [Anthropocentric sciences: innovative view of education and personal development: materials of the 15th international scientific and practical conference (Voronezh – Biysk, October 15–16, 2021)]. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2021. Pp. 98–100. (In Russ.).
3. Kon I.S. *V poiskakh sebya. Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of himself. Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat, 1984. 335 p.
4. Levykin I.T. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Theoretical and methodological problems of social psychology]. Moscow Mysl', 1975. 356 p.
5. Makukh N.O., Ganishina I.S., Sochivko D.V. Optimizing the system of family relations of convicted women in places of imprisonment through psychological intervention. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 198–213. (In Russ.).
6. Napris A.V. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ikh vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialakh ispravitel'nykh kolonii strogogo rezhima: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of youth convicts: on the materials of correctional colonies of strict regime: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Ryazan, 1997. 220 p.
7. Rusakov S.V. On the question of studying the transformation of the life plans of convicts in places of deprivation of liberty. In: Rusanov E.M. (Ed.). *Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii: perspektivy razvitiya nauki i tekhnologii: sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Perm Military Institute of the National Guard Troops: prospects for the development of science and technology: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference]. Perm: Permskii voennyi institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2021. Pp. 322–325. (In Russ.).
8. Sochivko D.V., Ganishina I.S., Mar'in M.I. et al. Psychological make-up of corrupt officials serving their sentences in confinement institutions. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 5–19. (In Russ.).
9. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. The personality of a drug-addicted convict and its peculiarities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment*, 2015, no. 3 (90), pp. 194–197. (In Russ.).
10. Ushatikov A.I., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya: uchebnik* [Penitentiary psychology: textbook]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2003. 758 p.
11. Ushatikov A.I., Ganishina I.S. Psychological typology and classification of convicts held in correctional institutions of the penitentiary system of Russia: history and current state. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 4 (4), pp. 76–81. (In Russ.).
12. Stefan E.F. Features of life plans for the period after release of convicted women who have served long imprisonment. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 69–77. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IRINA S. GANISHINA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, Head of the Department for Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, irinaganishina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>

SERGEI V. RUSAKOV – Associate of the 1st year of full-time study at the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, daygrey@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6741-2144>

Received February 26, 2022

Research article

UDC 378

doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.012

Prevention of Cadets' Moral Alienation under the Personality-Developing Approach in Professional Education (Case Study of Professional Education of Future Specialists of the Penal System)

ELENA I. MESHCHERYAKOVA

Military Training and Research Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Abstract

The article studies a topical problem of moral alienation of modern youth in terms of preventing professional moral alienation of cadets of departmental universities (on the example of professional education of future specialists of the penal system). *Purpose:* on the basis of analysis and generalization of the results of domestic and foreign studies, to concretize the concept of professional moral alienation in terms of the personality-developing approach in professional education, substantiate possibilities of preventing the emergence (development) of this personal phenomenon. *Methods:* theoretical research (axiomatic, hypothetical, analytical, abstraction, formalization, etc.) in combination with empirical methods (observation, comparison, interpretation, etc.). *Results:* the conducted research made it possible to identify contradictions, reflected in the problem of professional moral alienation; determine professional moral alienation of employees of the penal enforcement system as one of its types, emergence and developed under predominant influence of professional environment factors; show that its formation is inextricably linked with development of intrapersonal disharmony, preventing the perception and acceptance of spiritual rules, norms and traditions significant for the professional community, as well as its value-semantic dominants, accompanied by an increase in professional marginalism, and manifested in evasion of professional duties, deviant behavior, professional burnout and other adverse consequences. *Conclusions:* the objectives to prevent professional moral alienation are most consistent with the development and implementation of a comprehensive pedagogical program in the context of the personality-developing approach to educating students. Regular activities,

based on traditional and innovative methods and means, help cadets to achieve a sufficiently high level of formation of personal and professional qualities, significant for the prevention of emergence and development of professional moral alienation, stimulate formation of value-semantic dominants and professional identity as the antipode of professional marginalism of employees of the penal system.

Keywords: prevention; moral alienation; cadet; future specialist; personality-developing approach; professional education; penal enforcement system.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Meshcheryakova E.I., Kovtunenکو L.V. Prevention of cadets' moral alienation under the personality-developing approach in professional education (case study of professional education of future specialists of the penal system). *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 220–228. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.012.

Introduction

Modern youth's denial of spiritual and moral values that had developed in our country for decades (patriotism and citizenship, justice and humanism, collectivism and willingness to help those in need, faith in goodness and justice, etc.) and were largely lost during the radical transformations that began in the 1990s and are still present is acquiring increasingly dangerous features, creating real threats not only to the individual, but also society and the state. The situation is aggravated by the fact that, according to V.V. Putin, today humanity "faces the loss, erosion of moral values, loss of landmarks and a sense of the meaning of existence, if you like, of the human mission on Earth" [13]. At the same time, it is young people who are the most vulnerable in the current situation, because "at turning points of the society existence", they "turn out to be the most unprotected category of the population, which is in a kind of the value and spiritual vacuum [7, p. 4].

At the same time, young people who choose to serve in law enforcement agencies for their professional activities cannot be an exception. In this regard, it is appropriate to recall the following statement of V.I. Lenin, which has been not criticized and now remains relevant: "It is impossible to live in society and be free from society" [9, p.104]. Employees of penitentiary institutions, getting professional training and developing their moral and personal features in departmental universities, are not "free" from society, from influence of

those processes that occur in political, social, economic, ideological and other spheres of its life. In this regard, it is relevant to study issues associated with modern youth's moral alienation, as well as possibilities of preventing the emergence and subsequent development of this dangerous and destructive personal phenomenon in future specialists of the penal enforcement system in the process of their professional education.

Methods

To study the problem of professional moral alienation of modern youth in this aspect, it is necessary to use methods of theoretical research (axiomatic, hypothetical, analytical, abstraction, formalization, etc.) in combination with empirical methods (observation, comparison, interpretation, etc.). They help identify, substantiate and test those actions that are of the greatest importance and are as effective as possible for preventing professional moral alienation of employees of the penal system.

Results and discussion

The attitude of young people to modern Russian reality is reflected in the following statement: "Our country is in the deepest spiritual crisis; the usual guidelines and meanings have been lost. After collapse of the old system of values, no common ethical ideals capable of uniting society in new historical conditions have been restored" [16, p.179].

We believe that the situation is not as gloomy and "deeply spiritual-crisis" as it

seems to some representatives of modern youth. However, we cannot but notice that dangerous development of moral alienation of modern youth is manifested not only in alcoholism, drug addiction, aggression, illegal acts, etc., but also in person's moral instability, accompanied by isolation and apathy, unwillingness to follow moral norms and principles, loneliness, withdrawal into virtual space and other negative processes.

Crime commission is an extreme manifestation of the indicated deviations. According to the Head of the Federal Penitentiary Service A.P. Kalashnikov, in 2020, 99 criminal cases were initiated against 56 employees of the penitentiary system and 170 employees were dismissed [15]. Those committed crimes are brought to criminal liability mainly under Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of official powers), Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation (exceeding of official powers), Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation (receiving a bribe), as reported on the official website of the Public Committee for the Control of Corruption Cases and the Implementation of the Program of the President of the Russian Federation [6].

We would not exaggerate to say that criminal activity of employees of the penal system comes from professional moral alienation, originated and progressed under the influence of environmental and intrapersonal factors; for many people this process began in the period of obtaining professional education in departmental universities.

Problems of person's moral alienation have a centuries-old history, since alienation "appears already in Plato's philosophical system and appears in the image of the Demiurge – the world immortal soul" [7, p.779]. This phenomenon was actively studied by American sociologists in the 1950s–1960s, which was reflected in the publications of Peter Berger, Kenneth Keniston, John P. Clark, Stanley Pulberg, Gerald Sykes, Lewis Feuer, and others. Summarizing results of sociological research, it can be concluded that there was no general idea of the phenomenon of moral alienation at that time: if for G. Sykes it was "obscure but real suffering of anyone who does not respond to beauty, horror, wisdom, pathos, on

passion" [20, p.67], then for P. Berger and S. Pulberg – "this is a process as a result of which a person forgets that the world in which he/she lives was created by him/herself" [19, p. 200]. However, the theoretical foundations of foreign sociologists of that period served as the basis for research by Russian scientists.

At the turn of the 20th-21st centuries Russian scientists understood that the problem of moral alienation needed a comprehensive study, the contradictions underlying escalated and required their immediate resolution. These findings were reflected in philosophical (D.V. Ivanov, I.I. Kal'noi, N.I. Lapin, A.I. Titarenko, etc.), sociological (P.N. Afanas'ev, D.V. Kanataev, A.I. Kravchenko, E.O. Smolova, V.Yu. Tyulin, etc.), psychological (V.V. Abramenkova, K.A. Abul'khanova-Slavskaya, V. S. Mukhina, A. V. Petrovskii, etc.) and other works. However, to date, this relevant, significant, requiring comprehensive development problem remains insufficiently studied, especially in pedagogy, where little attention is paid to the issue of moral alienation in the aspect of preventing its emergence and development. The educational process of departmental universities neglects prevention of professional moral alienation of future specialists of law enforcement agencies.

At the same time, it should be noted that these contradictions do not only persist, but also escalate. They are the following:

- the contradiction between the need to substantiate prevention of young people's denial of the most important universal values and the lack of comprehensive psychological and pedagogical research identifying and characterizing the influence of external and internal factors on people's moral alienation in modern society;

- the contradiction between the need of higher education institutions for pedagogical technologies that contribute to the formation of significant personal and professional qualities of students and the lack of scientifically sound, tested, effective methods for preventing professional moral alienation of cadets in vocational education, etc.

Let us also identify another contradiction, inextricably linked with the specifics of training specialists for the penal enforcement sys-

tem, namely, the contradiction between the need of the modern penitentiary system for employees who have necessary moral and psychological resistance to the influence of destructive factors and the insufficient readiness of the teaching staff of departmental universities to carry out educational activities to prevent professional moral alienation of cadets.

Studying this problem in the aspect of preventing this dangerous personal phenomenon in the educational process of departmental universities, it is important to clarify the key concept of professional moral alienation with regard to the specifics of professional activity.

The analysis of results of domestic humanitarian studies shows absence of a single idea of alienation as a personal phenomenon in modern Russian science. The objectives of our research are most consistent with I.K. Dzherelievskaya's point of view: alienation is "discovery of an internal "inconsistency" of the individual (as a substance) and society, in which relationships and tendencies that hinder personal self-realization develop" [10, p. 117]. In the context of this definition, moral alienation represents not only established intrapersonal disharmony (inconsistency, diverseness, etc.), which prevents perception and acceptance of socially significant spiritual rules and norms regulating human behavior, accompanied by deformations of person's attitude to the outside world, other people and him/herself, but also the process that results in such intrapersonal disharmony.

The emergence and development of moral alienation of a person occurs under influence of many factors (in case a factor is understood as "the cause, the driving force of a process, a phenomenon that determines its character or its individual features" [18, p. 82]. When conducting research, it is possible to single out relatively isolated groups combining economic, social, political, informational, spiritual factors, etc. A certain place in the system will be occupied by professional factors, that is, those causes of person's moral alienation that are directly related to professional activity, interests, traditions, and norms of the professional community. In this case, professional moral alienation of employees of the penal

system can be considered as one of the types of alienation of the individual, originated and developed under predominant influence of the professional environment. The formation of this personal phenomenon is associated with development of intrapersonal disharmony, hindering perception and acceptance of spiritual rules, norms and traditions, as well as value-semantic dominants of the community, accompanied by an increase in professional marginalism, manifested in evasion of professional duties, deviant behavior, professional burnout and other unfavorable consequences. Penitentiary subculture, considered earlier in [11, p. 82], may be a specific factor that has a significant impact on emergence and development of professional moral alienation of penitentiary system employees.

Studying causes, conditions and factors that generate professional moral alienation of employees of law enforcement agencies, we came to the conclusion that the concept of prevention most corresponds to the goals and content of pedagogical activity that prevents its emergence and subsequent development. Prevention is traditionally understood as an activity for anticipating, averting and warding off dangerous and undesirable phenomena" [10, p. 118], such that it can significantly reduce the likelihood of their occurrence.

Professional education can play a crucial role in preventing emergence and development of professional moral alienation in the educational process of departmental universities. According to I.F. Isaev, "professional education is a purposeful process that promotes successful socialization, flexible adaptation of students and correlation of person's own capabilities with requirements of modern society and professional community, formation of students' readiness for ... identification with future occupation, its activity forms, values, traditions, social and personal meanings"[5, p. 68]. The above definition reflects not only directions of this purposeful process, but also its significant results, such as familiarization with professional values, meanings and traditions, self-identification with profession and professional community.

Another characteristic of the definition given by I.F. Isaev is interesting for our research: upbringing is a process that contrib-

utes to achieving goals and obtaining results, that is, a process that presupposes interacting students instead of influencing them. At the same time, there are other approaches to the definition of professional education. For example, V.I. Belov believes that it “is a complex process of influencing a person, his/her skills and moral character, interests” and “promotes mental development, covers the whole set of elements of education, upbringing and labor training” [12, p. 166]. Leaving out of the scope of this article comments on this obviously untenable definition, we still note a characteristic of professional education, which should be taken into account in the study and organization of the education process in departmental universities: professional education should not be carried out exclusively through “influence on the individual”, it is the process of interaction that stimulates formation of personally and professionally significant features of future specialists, preventing the emergence and development of intrapersonal disharmony associated with the influence of professional environment factors.

According to the study results, the goals of preventing professional moral alienation of future specialists of the penal system are most consistent with the development and implementation of a comprehensive pedagogical program in the process of professional education of cadets in the educational process of departmental universities. Its complex nature is determined by the fact that it includes a “set of various activities (actions) interrelated in terms of deadlines, performers, and resources, aimed at achieving a single, common goal” [8, p. 128]. Such a common program goal implies that cadets achieve such a level of formation of personal and professional qualities, value-semantic dominants, moral and psychological stability that minimizes the likelihood (excludes the possibility) of emergence and in the event of a phenomenon constrains the development of professional moral alienation.

The program for prevention of professional moral alienation of cadets, implemented by teachers, commanding officers and educators at lessons and in extracurricular educational activities, should include:

- an explanatory note, containing general information about the program, opportunities that open up with its implementation in the educational process of a departmental university, providing definitions of the basic concepts related to the prevention of professional moral alienation of cadets (moral alienation of the individual, professional moral alienation of employees of the penal system, destructive external and internal factors that cause professional moral alienation of employees, etc.);

- section 1, setting a purpose for developing and implementing the program and tasks concretizing its achievement, as well as results to achieve (cadets should have a sufficiently high level of formation of personal and professional qualities, value-semantic dominants, moral and psychological stability, significant for the prevention and development of professional moral alienation);

- section 2, presenting and briefly describing key activity areas for purposeful prevention of professional moral alienation of cadets (academic work and academic and educational work, moral and psychological, service, cultural and leisure); at the same time, identifying cadets’ independent activity in each area;

- section 3, including certain measures for each activity area related to prevention of professional moral alienation of cadets in the educational process of a departmental university (in academic work: the topics determined by thematic plans for the study of humanities and specialized disciplines should include individual issues that guide the perception of educational material to prevent moral alienation, form professional identity, etc.; in academic and educational work: conducting extracurricular activities aimed at fostering conviction in the importance and social significance of the chosen profession, focusing cadets’ attention on educational aspects that contribute to the formation of professional identity, prevention of professional marginalism, etc.; in moral and psychological work: conducting psychodiagnostics of cadets to identify individual tendencies to moral alienation and violations that require psychological correction; psychological counseling, etc.; in service: provision of legal and official infor-

mation with an emphasis on the importance, necessity and expediency of compliance with disciplinary requirements, events of questions and answers related to the penitentiary service, etc.; cultural and leisure work: conducting mass cultural and sports events that contribute to strengthening community spirit in cadet teams, developing communication skills, strengthening moral and psychological state of cadets, meetings with veterans of the penal system, figures of culture and art, etc.

- section 4, describing forms and methods of carrying out planned measures, which ensure their maximum efficiency and effectiveness (traditional, innovative, their combinations), as well as possible means (logistical, electronic, illustrative, etc.), contributing to successful conduct of events, solution of problems and achievement of the program goal;

- section 5, identifying individual stages to prevent possible emergence and subsequent development of professional moral alienation of cadets; the first stage includes mainly team work, the second stage – individual work:

- section 6, containing methodological materials; they are elaborated in 2 directions: 1) provision of methodological support for pedagogical activities of teachers, commanders, educators (methodological recommendations) and 2) ensuring cadets' readiness to participate in conducted events (methodological guidelines).

Distinctive features of the program under consideration are the following:

1) focus of conducted measures on forming personal and professional qualities of future specialists that ensure an extremely low probability (or even impossibility) of emergence and development of this destructive personal phenomenon under the influence of destructive external and internal factors;

2) application of forms and methods contributing to overcoming professional moral alienation of cadets who feel loneliness and internal disharmony, do not accept socially and professionally significant spiritual rules and norms; forms and methods are the most appropriate for a certain cadet, whose personal characteristics are taken into account and with whom individual work is carried out;

3) consistency of actions of all subject-subject interaction participants in the established

activity areas (academic work and academic and educational work, moral and psychological, service, cultural and leisure), seeking to help each cadet – subject of collective or individual work, while avoiding formalism, mentoring, excessive moralizing and edification in the preparation process and events;

4) application of general measures, aimed at strengthening universal values, moral norms and rules, promoting a humanistic worldview, forming general and professional culture of an employee of the penal system, as well as personality-focused measures, forming stable value-semantic orientations of each cadet on accepting and reproducing crucial socially significant values, established traditions, behavioral norms of employees of the penal system (such events can be both of team and individual nature).

A detailed description of the program for prevention of moral alienation in professional education of cadets requires specifying presentation of the content of its individual sections, detailing the activities included in the plan for each of the established areas, as well as demonstrating the possibilities associated with the use of traditional and innovative methods of team and individual work with cadets that go beyond the scope of this article. It should also be noted here that achieving the goal of effective prevention of professional moral alienation with the help of the presented program will depend on how scientifically justified the actions of those who develop the program and organize its implementation in professional education of cadets are and how much the specifics of the influence of external (social, professional, informational, educational) and internal (individual-personal) factors are taken into account.

Scientific validity of such actions is largely determined by the methodological approaches underlying them. After all, a "concrete scientific methodology of any science and, accordingly, the practice it serves" is revealed through methodological approaches [14, p. 100]. In order to develop and implement a program for prevention of professional moral alienation in the process of educating cadets of departmental universities, the personality-developing approach should become dominant, used in conjunction with systemic, cul-

tural, activity, axiological and competence approaches in line with the humanistic paradigm of modern education.

The dominant personality-developing approach will make it possible to realize the advantages inherent in it, which are important for preventing professional moral alienation of cadets, in particular:

- to focus on “developing value aspects of the personality’s consciousness, its thoughts and meanings and using internal factors that ensure its movement towards enhancement of its capabilities” [12, p. 4];

- to stimulate formation of value-semantic dominants of the professional community by spreading the idea of importance of the chosen profession for society and the state, as it provides legality, law and order, justice, and humanity;

- to develop professional identity, thereby restraining the formation of its antipode – professional marginalism, actively using for this purpose personality-developing situations that help “get the proposed experience in the context of future professional activity, as well as develop personal experience” [1, p. 22].

The personality-developing approach to educating cadets makes it possible to successfully carry out individual work with cadets at the second stage of the program implementation to continue team work conducted at the first stage. However, such work will be successful in case of competent and effective pedagogical diagnostics of students before the program implementation and at the end of its first stage. After all, the content, forms and methods of individual work with cadets significantly depend on the degree of their moral alienation and personal characteristics.

Russian pedagogical science has a wide experience of conducting pedagogical diagnostics, a special type of “activity of identifying and studying features characterizing the state and results of the process ... and on this basis predicting, determining possible deviation and ways to prevent them, as well as correcting the process” [4, p. 18]. It is very difficult to diagnose the presence of professional moral alienation as an intrapersonal state and determine the level of formation of this personal phenomenon in students. Therefore, to

carry out pedagogical diagnostics, it is necessary to use tools that include well-known methods, questionnaires, and surveys (“Self-assessment of severity of motivation for professional activity” (A.A. Verbitskii, N.A. Bakshaeva), “Self-assessment of the formation of types of students’ professional interest” (N.P. Kostyushkina), “Assessment of emotional and activity adaptivity” (N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov), “Assessment of satisfaction with the profession” (V.A. Yadov’s methodology – modified by N.V. Kuzmina, A.A. Rean), etc.), and specially developed methods aimed at identifying intrapersonal disharmony caused by professional environment factors and establishing its presence in cadets’ behavior, their attitude to themselves, their fellows, performance of official duties, etc. Use of the expert assessment method also provides great assistance in conducting pedagogical diagnostics, if experts are correctly selected and sufficiently prepared to assess the state and behavior of cadets.

Conclusion. Based on the study of the problem of moral alienation in the aspect of preventing emergence and development of this personal phenomenon among cadets of departmental universities under the influence of professional environment factors, the following conclusions can be drawn:

- 1) in the conditions of modern Russia, contradictions not only persist, but also worsen, which are reflected in the pedagogical problem of preventing professional moral alienation in the process of professional training of future specialists, which determines the relevance, significance and timeliness of the study of this complex problem and its individual aspects;

- 2) professional moral alienation of employees of the penal system is one of the types of personality alienation, emerged and developed under the predominant influence of professional environment factors; the development of intrapersonal disharmony is inextricably linked with its formation, hindering the perception and acceptance of spiritual rules, norms and traditions, as well as the value-semantic dominants of the community, accompanied by an increase in professional marginalism and manifested in evasion from performing professional duties, deviant be-

havior, professional burnout and other adverse consequences.;

3) professional education should play a crucial role in preventing the emergence and development of professional moral alienation of cadets, future specialists of the penal system, in the educational process of departmental universities. Its objectives are most consistent with elaboration and implementation of the comprehensive pedagogical program, including activities that are carried out in established forms, using traditional and innovative methods and means to ensure that cadets achieve a sufficiently high level of formation of personal professional qualities significant for preventing the emergence and development of professional moral alienation, as well as value-semantic dominants and moral and psychological stability;

4) in the system of methodological approaches underlying elaboration and implementation of the comprehensive pedagogical program under consideration (systemic, culturological, activity, axiological, person-

ality-developing and competence-based), the personality-developing approach should become dominant, as it promotes formation of value-semantic dominants of the professional community in the process of educating cadets of departmental universities, development of professional identity, prevents development of professional marginalism, successfully carry out team work at the first stage of the program implementation and mainly individual work with cadets at the second;

5) the results of subject-subject interaction of teachers, commanding officers, educators with cadets significantly depend on the methodological support for the developed program implementation (methodological recommendations, methodological guidelines, etc.), accuracy of pedagogical diagnostics, methods used to identify professional moral alienation, establish the level of formation of this personal phenomenon, and determine effective forms, methods and means of organizing and conducting educational work with cadets on the basis of diagnostics results.

REFERENCES

1. Batchaeva N.A. Personality-developing approach of teaching in the context of the future professional activity of a teacher. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii=Scientific Research in Education*, 2010, no. 5, pp. 20–23. (In Russ.).
2. Belov V.I. Professional education in the system of modern educational concepts. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena=Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2006, vol. 6, no. 14, pp. 163–177. (In Russ.).
3. Dzherelievskaya I.K. Social order and alienation of an individual. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya=Socio-Humanitarian Knowledge*, 2009, no. 4, pp. 116–124. (In Russ.).
4. Dudina M.M., Khamatnurov F.T. *Osnovy psikhologo-pedagogicheskoi diagnostiki: uchebnoe posobie* [Fundamentals of psychological and pedagogical diagnostics: textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2016. 190 p. ISBN 978-5-8050-0611-2.
5. Isaev I.F. Integrative model of vocational education in educational organizations implementing secondary vocational education programs. In: *Novye gorizonty professional'nogo obrazovaniya: 12 Mezhdunarodnyi kongress-vystavka "Globoaleducation – obrazovanie bez granits" (Moskva, 18–19 dekabrya 2018 g.)* [New horizons of vocational education: 12th International Congress-Exhibition "Globoaleducation – education without borders" (Moscow, December 18–19, 2018)]. Moscow: Minobrnauki Rossii, 2018. Pp. 67–84. (In Russ.).
6. Corruption in the Federal Penitentiary Service of Russia. *Obshchestvennyi komitet po kontrolyu za delami korrupsionnoi napravlenosti i realizatsii programmy Prezidenta RF: sait* [Public Committee for the Control of corruption cases and the implementation of the program of the President of the Russian Federation: website]. Available at: http://corrypcii.net/corruptcia_v_fsin_rossii_database (In Russ.). (Accessed September 15, 2021).
7. Kubyakin E.O. *Osobennosti formirovaniya i proyavleniya ekstremizma v molodezhnoi srede: monografiya* [Features of the formation and manifestation of extremism among young people: monograph]. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2011. 181 p. ISBN 978-5-9266-0415-0.

8. Kurakov L.P., Kurakov A.L., Kurakov V.L. *Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik* [Economics and law: dictionary-reference]. Moscow: Vuz i shkola, 2004. 1072 p. ISBN 5-94378-062-9.
9. Lenin V.I. *Partiinaya organizatsiya i partiinaya literatura*. [Party organization and party literature]. Moscow: Kniga, 1980. 238 p.
10. Meshcheryakova E.I. Conceptual and semantic field of prevention of deviant behavior of students in departmental universities. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal=Russian Journal of Deviant Behavior*, 2021, no. 1, pp. 116–126. (In Russ.). DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-116-126.
11. Meshcheryakova E.I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 425–431. (In Russ.). DOI: 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.
12. Peshkova N.V. *Lichnostno-razvivayushchii podkhod v fizicheskom vospitanii studentov vuzov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Personality-developing approach in physical education of university students: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 2003. 22 p.
13. Putin considered it necessary for humanity to revise moral values. *Interfaks: sait* [Interfax: website]. Available at: <https://interfax.ru/russia/733741> (In Russ.). (Accessed September 1, 2021).
14. Slastenin V.A. Isaev I.F., Shiyarov E.N. *Pedagogika: uchebnoe posobie dlya pedagogicheskikh vuzov* [Pedagogy: textbook for pedagogical universities]. Moscow: Akademiya, 2004. 566 p. ISBN 978-5-7695-4762-1.
15. Investigators initiated 99 criminal cases against 56 employees of the Federal Penitentiary Service in 2020. *TASS: sait* [TASS: website]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/10121205> (In Russ.). (Accessed September 5, 2021).
16. Talanova K.S. Core of values spiritual and moral crisis: definitions, typologies, values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2014, no. 3, pp. 179–200. (In Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-7-34
17. Titov V.F. Alienation as a fundamental prerequisite for the development of society. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Vestnik of MSTU*, 2014, no. 4 (17), pp. 778–782. (In Russ.).
18. Shashenkova E.A. *Issledovatel'skaya deyatel'nost'* [Research activity]. Moscow: Perspektiva, 2010. 88 p. ISBN 978-5-98594-242-2.
19. Berger P., Pullberg S. Reification and sociological criticism of consciousness. *History and Theory*, 1965, vol. 4, no. 2, pp. 196–211.
20. Sykes G. *Alienation: the cultural climate of our time*. New York: G. Braziller, 1964. 984 p.
21. Sergeeva M.G., Vilkova A.V., Litvishkov V.M. et al. Technology and innovation in the development of cognitive activity. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no. 12, pp. 1050–1055.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor of the Department for Humanities and Socio-Economic Disciplines the Military Training and Research Center of the Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia, elenamsol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department for Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

June 30, 2022

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)

DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)

RSCI: yes

Core of the RSCI: no

HACLlist: yes

CrossRef: yes

East View Information Services: yes

GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no

Web of Science: no

Scopus: no

EBSCO: yes

WorldCat: yes

CyberLeninka: yes

DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>